

Ю. М. Неткачев

СУДЬБА

Ю.М. Неткачев

СУДЬБА

**г. Москва
2023 г.**

ББК 84 (2Рос-Рус)5 Н28

Неткачев Ю. М. Судьба. – Новороссийск, 2023. – 480 с.

Эта книга – о жизненном пути человека, посвятившему всю свою жизнь служению России в рядах Вооруженных сил Советского Союза и России.

Автор не «генетический» генерал, получавший должности и звания путем взяток и кумовства, а тяжелым воинским трудом прошел большой путь от рядового до генерала, от солдата до заместителя командующего объединением.

Ю.М. Неткачев правдиво и с большой любовью рассказывает о воинской службе солдат и офицеров, о повседневной жизни и быте военнослужащих и их семей, в то не простое время.

Автор просто, ясно и откровенно показывает свое отношение к событиям конца прошлого и начала XXI века, коренным образом изменившим путь развития нашей страны.

В книге приведено много малоизвестных исторических фактов, которые будут интересны читателю.

Отношение к мнению автора может быть различным, но одно несомненно, что книга вызывает большой интерес и заставляет задуматься о прошлом и будущем нашей Родины.

© Ю. М. Неткачев

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Мне давно минуло 70 лет. Более чем сорокапятилетнее служение Родины завершилось несколько лет назад. Сегодня появилась потребность поделиться с другими людьми мыслями, переживаниями, воспоминаниями о событиях и фактах, оставивших глубокий след в моей памяти.

В этих воспоминаниях хочется описать весь жизненный путь до назначения на должность командующего 14 армии Одесского военного округа. Несмотря на то, что путь был долгим и пришёлся в конце на очень непростые времена, тем не менее будет интересен многим. А кто считает иначе, то это дело каждого. Одно могу сказать определённо: когда пришло время оставить службу, я испытывал не сожаление, а глубокое удовлетворение от чувства исполненного долга перед нашим народом, Нашей Родиной. Я до конца выполнил требование единственно раз принятой военной присяги – служение народу и Отечеству. Да, я, сын безграмотной крестьянки, которую потерял в раннем возрасте, не видевший отца, погибшего в Западной Украине борясь с «бандеровцами», прошёл путь от рядового солдата до заместителя командующего округом, закончив военное училище и две академии. Всё было на этом пути. В конце службы пришлось столкнуться с предательством, даже в офицерской среде. Хотелось бы на своём жизненном примере, показать современной молодёжи, путь простого человека, чего может достичь человек при желании и упорном труде.

Одной из важнейших задач современного российского общества является, на мой взгляд, формирование у молодёжи уважительного отношения к прошлому нашего современного государства, бережного сохранения памяти о тех, кто творил отечественную историю своими делами. Этому благородному делу и служит моё воспоминание.

Я родился, как и многие мои сверстники, в одной стране название которой было – СССР. Мы заканчивали разные училища и разные академии, выбрав профессию – быть защитником Отечества. Многие из нас, молодых лейтенантов ещё не были обстреляны, но нас хорошо учили в военных

училищах после окончания Великой Отечественной войны. Не считаясь со временем, мы осваивали эту профессию и полученные знания передавали подчинённым. У нас у каждого была своя военная судьба – стезя военной службы. Но желание у всех было одно – добиться своего. Мы учились сами и учили своих подчинённых защищать Родину – Советский Союз. Это было не наше желание ликвидировать (развалить) СССР.

На протяжении всей своей военной службы, я неуклонно соблюдал высокие жизненные принципы: верность долгу, скромность, моральная чистоплотность. Я научился и сумел держать удары судьбы, был требовательным к себе и подчинённым, очень ценил традиции и стремился к новому, всегда заботился о подчинённых, уважал и ценил их труд. Убежден, что многие моменты истории от нас скрывались и преподносились в интересах отдельных политических деятелей, которые своими преступными действиями способствовали развалу страны Советов – СССР.

Надеюсь, что мои воспоминания напомнят ветеранам Вооруженных Сил о тех незабываемых годах службы, а молодому поколению покажут, как проходило наше становление в той стране, название которой было СССР. Лично я, времена, как и многие мои сослуживцы не выбирал.

ОТ АВТОРА.

*«Истина только одна.
Я люблю свой народ.
Служил ему верно и
предано всю свою
сознательную жизнь».*

Приступая и размышляя о своей уже прожитой жизни, анализируя её отдельные эпизоды, невольно пришёл к выводу для себя. То, что мир вступил в эпоху перемен, не сомневается уже никто. Весь вопрос, куда заведут эти перемены человечество? Ответ на этот вопрос требует не только естественное человеческое любопытство, но и национальная безопасность России. Их нужно изложить на бумаге. И получится, что оставить для своих родных о своих пройденных вёрстах жизни, которые пришлось мне пройти. В памяти остались уже отдельные эпизоды по происшествии стольких лет, но то, что сохранилось, постараюсь изложить.

Так случилось, что мне довелось стать живым свидетелем «горбачёвской перестройки» в годы её зарождения и до последних дней существования нашего Отечества – СССР. Много уже написано об этом времени. О тех, кто совершил его крушение. Если господь дарует мне возможность написать эту книгу, если моё здоровье позволит написать эту книгу до конца, обо всех этих событиях, сыгравших ключевую роль ушедшего XX века, то постараюсь, чтобы книга была по возможности предельно объективной, хотя, конечно, не без эмоций, особенно к ряду персонажей тех дней, сыгравших ключевую роль в «окайнных днях» ушедшего XX века.

Беру перо и лист бумаги и начинаю жизнь свою я вспоминать, а вместе с ней и боевых товарищей своих, с которыми пришлось мне эти вёрсты солдатской и офицерской жизни пройти. Нашлись все мои записи. И снова они оказались в моих руках. Нужно было разобраться во всём этом ворохе документов и частных записей, сличить один материал с другим, чтобы выбрать зерно правды и отбросить всякую шелуху и выдумки. Кроме того, я мобилизовал себе на помощь своих боевых товарищей. С одними я вёл переписку, с другими не-

однократно беседовал лично по телефону, вспоминая давно минувшие переживания и обсуждая каждую мелочь со всех сторон. Работая над текстами этих воспоминаний, я задавал себе вопрос, что заставило меня написать их? Эти правдивые рассказы о прожитом уже мной времени. Это воспоминания о судьбе моей Родины – всех самых трагических лет моей уже несуществующей страны – СССР в XX веке, – когда стали выходить союзные республики из её состава.

В памяти остались именно бурные события того последнего десятилетия, до распада Советского Союза. Получилось так, что наше поколение оказалось живым свидетелем последней «горбачёвской перестройки» в нашей великой стране – СССР. Лично мне в это время доведётся хорошо знать и лично общаться с некоторыми знакомыми фигурами тех трагических событий, в том числе с Д.Т. Язовым, Е.И. Шапошниковым, П.С. Грачёвым, А.И. Лебедем, А.В. Руцким, М.А. Моисеевым, Б.В. Громовым и многими другими. С кем-то это общение носило «шапочный» характер, но со многими из них мне довелось общаться многие годы, вплоть до последних дней...

И, конечно, написать воспоминания побудила меня просьба товарищей, сослуживцев, пожелавших оставить то время на память своим потомкам. Не простое время для народа России!

Я подумал, что просто не имею права не рассказать о том, как мы жили, служили, что прошли и видели за свою жизнь. Ведь сейчас историю, как правило, искажают, формы и приёмы введения в заблуждения нашей молодёжи применяются самые разнообразные, от умалчивания правды до прямой лжи.

Особенно меня тревожит искажение нашей истории в годы Великой Отечественной войны. Мне как сыну фронтовика, хорошо помнящего послевоенные годы, очень тревожно слышать слова, когда идёт преувеличение результатов боевых действий войск союзников в годы Великой Отечественной Войны и умаление побед наших отцов и старших братьев, идёт отказ от изучения лучших художественных произведений о войне.

Молодёжь многое не знает, но не потому, что не хочет знать, а потому, что эти знания до неё не доводятся или доводятся в фальсифицированном виде. На пути молодёжи в её стремлении к объективным знаниям встали «бойцы нового фронта – фальсификаторы».

Будем надеяться, что усилия фальсификаторов и других очернителей истории и защитников Отечества, окажутся тщетными, и правда о войне найдёт дорогу к сердцам и душам молодых, они будут помнить их мужество, доблесть, боевое мастерство в годы минувшей войны, передадут это своим детям и внукам. А внуки передадут следующему поколению. И пока существует Россия, это не будет забыто.

Спасибо всем ветеранам, рассказывающим правду о войне, массовом героизме наших людей и тех потерях, которые были. Их никто не отрицает. Дороги войны... Разве забыть их фронтовикам, прошагавшим множество огненных вёрст? Им это никогда не забыть! Они оставили на старых командирских картах красные и синие стрелы, они прочертили в нашем сознании молодого поколения неизгладимый след. Мы как губка впитывали в себя передаваемый ими опыт.

Нам не понять слова тех, которые сегодня договорились до того, что призывают к пересмотру деятельности всех советских полководцев периода Великой Отечественной войны. И это ещё крепче тревожит душу. Все ветераны низко склоняют свои седые головы перед вечной памятью однополчан, воевавших с ними, но не вернувшихся с поля боя. Они очень сейчас сожалеют, что до сих пор не раскрыты судьбы воинов, значившихся как без вести пропавшие. Фронтовики надеются, что правительство вспомнит наконец-то заповедь Александра Васильевича Суворова: «война не может считаться законченной, пока не будет захоронены останки последнего солдата».

Мы же будем вспоминать именно то время, которое прожили сами, что видели, через что прошли. Получилось так, уважаемый читатель, что мы это время испытали, как говорить на «собственной шкуре», как наши отцы, деды и старшие братья. Пропустив его через себя, от начала до конца. Воспоминания уносят нас туда, где состоялось первое

свидание с прекрасной и всеильной военной романтикой. И невольно заставляют задуматься, спрашивать себя: с чего же всё это началось? И будто вдруг откликается эхо в ответ: «С мечты...»

Беру перо, беру бумагу,
И начинаю что-то вспоминать.
И даже сердце переполнено
отвагой,
Её у «юного седого» не отнять.
Я вспоминаю годы молодые,
Отрывками, и чаще чередой.
Вокруг меня все были молодые,
И я... – такой же молодой...

Эти воспоминания будут излагаться не только мной, одним человеком, но и сослуживцами – однополчанами. Что из этого получится, решать тебе, читатель. Поэтому не суди нас сурово, ведь в них будет излагаться правда, о том, что было пережито и оценка прожитого времени именно нами, для нас, которое уже не вернётся для нас никогда!

Волнение и теперь, когда пишу эти строки, овладевает мною, заранее прошу прощение у читателей, если что-то получится не совсем складным.

Очень надеюсь, что новое поколение, прочитав написанное мною, учтут наши ошибки и не позволит развалить нашу Россию на части!

Получилось так, уважаемый читатель, что в истории нашего государства почти все поколения проходят через какие-то испытания – смену режимов, революции, войны или «бескровной» сменой государственного строя. Именно, пока такова, история нашего государства.

Время, конечно, стирает из нашей памяти многие эпизоды нашей жизни, но то, что вспомнится, будет излагаться в правдивых формах, мы вспомним и однополчан, ушедших от нас безвременно. Может кто-то из читателей увидит в них свою, прожитую им жизнь. И вспомнит о своём, уже прожитом времени, не зависимо от продолжительности этого времени.

Ведь чем дальше в историю уходит то время, тем сильнее ощущается значимость прошедших за этот период событий. Хочется дать им оценку. Высказать своё, наболевшее за столько лет. Так сказать, поделится лично своим мнением. Ведь оно у нас у каждого было и есть, именно своё мнение, на те события, которые происходили в нашей стране на протяжении именно нашей жизни.

Мы прекрасно знаем, что время идёт, периоды его меняются. На мой взгляд, бурные события именно начала XXI века несколько стирают из памяти трагические события, которые пережила наша страна в XX веке и особенно в его последнее десятилетие.

В нашей новой России почему-то перестали уважать старость, заботиться о детях и внуках. Так переориентировались после этой «последней», так называемой 1991-1992 гг. «бескровной революции», что все наши мысли направляются только на вопросы, связанные с деньгами. Перестали слушать знакомых об их просьбах и бедах, и т.д. Наверное, скоро забудем такое слово – «товарищ». Не хотелось бы, чтобы это произошло.

Не все из нас будут «господами». Такую установку навязывают нам сейчас многие СМИ. Не спрашивая нас, хотим мы этого или не хотим быть «господами»? Это уже, к сожалению, во многом уже не зависит от нас!

В начале августа 1963 года, когда я писал обращение к Министру Обороны своей Родины СССР о досрочном призыве в армию, после смерти мамы посоветовавшись с единственным, родным, в то время – братом. Даже не мог себе представить, что через несколько десятилетий в этой стране, где-то в Беловежской пуше, на территории БССР, три должностных лица от трех республик одной единой страны СССР, забудут о народе всей страны и его решении. Выпьют водки, застрелят местного зубра по блудодействию и решат, что утром их республики выходят из состава СССР. Потому, как власти у каждого у них будет больше, а работы – меньше, они же эту работу на троих поделят. Они, по всей видимости, хорошо в партийных школах изучали – только одно, это принцип: разделяй и властвуй. После этого решения в скором времени

на поле пропаганды и СМИ начнут трудиться демократы во главе с мэром Анатолием Собчаком. Они переименуют под видом народного голосования Ленинград в Санкт-Петербург. Это послужит примером для других в то время переименовывать населённые пункты, улицы и города.

Они будут снова вместо себя сажать губернаторов, как в царской России. Родная беспечная моя страна СССР, тихой сапой, без войны и шума, согласится с тем, что всё вернут они нам на круги своя... со временем полицию... Госдуму. И всё у них получится, как век тому назад!

Что будет страшнее для народа СССР, именно эти события, или катастрофа Чернобыля, в ликвидации которой я буду принимать участие, или начавшиеся вооружённые противостояния в республиках? Где гибнуть будут мирные люди моего Отечества, без объявленной войны уничтожая друг друга, не зная, за что они отдают свои жизни, ведь вчера они были друзьями, а сегодня стали врагами и сколько их погибнет? Это никто не будет считать!

Более 17-ти миллионная КПСС рассыплется, как спичечный коробок. Почти в каждой деревне в скором времени появятся свои президенты, со своим уставами и своими вооружёнными силами, когда будет заявлено после слов Бориса Ельцина : «Берите власти сколько хотите, сколько унесёте». И начнутся вооружённые противостояния, даже иногда и на религиозной подоплёке.

Многие из них («демократов») попытаются уйти в политику, так как это станет более доходным делом, чем вооружённый грабёж.

Это всё будет происходить на нашей Родине – СССР, которой служу верой и правдой, отдали мы свои лучшие годы жизни, потеряли здоровье, принимали участие в боевых действиях за пределами СССР и прошли не одну «горячую точку» на территории своего Отечества – СССР.

В середине 80-х годов американцами были разработаны, так называемые, Гарвардский и Хьюстонский проекты по развалу моей Родины. Они предусматривали свою реализацию в течении пяти лет. И развал шёл. Но в СССР мы об этом не знали.

А с чего это начиналось. Если вспомнить, то именно с правления Михаила Горбачёва, надеюсь с этим, вы со мной согласитесь и с тем, что он выполнил поставленные перед ним задачи, то есть он объявил:

– Первое. «Перестройка», не дав народу на это вразумительного пояснения, т.е. в чём ему перестраиваться: – в экономике, в отношении к работе и т.д. Этот лозунг был уже в нашей стране, когда началась Великая Отечественная война. Тогда была действительно перестройка. Был лозунг – «Всё для фронта, всё для победы!» И вся промышленность страны перешла на военные рельсы. Народ был в большом порыве уничтожить фашизм, делая всё для победы. Тогда страна в лице народа понимала, что нужно делать для этого. А сейчас было только слово, в виде лозунга и больше ничего. Что нужно было перестраивать? Строй? Переходить от социалистического строя в капитализм? Именно, что под этим лозунгом он подразумевал перестройку? Об этом он не сказал народу страны!

– Второе, борьба за гласность. Но в чем именно в чём она заключалась? Народу не было это тоже понятно. Нам и так никто в то время не запрещал говорить, всё что думал и что хотел сказать. С экрана телевизора нам говорили одно, а народ думал, возможно, совершенно о другом. Как и тогда, так и сейчас, это никого не интересует. Так, что же изменилось?

В итоге получилось, что, те, кто имеет доступ к денежным средствам грабит, т.е. ворует у народа и страны. Если простой труженик берёт на рубль, то чиновник на миллиард, а в большинстве случаев – больше.

– Третье, борьба за социализм «с человеческим лицом». А именно, как это надо было понимать. Этого вообще никто не понимал. Получалось так по Михаилу Горбачёву, что мы живём все без «человеческого лица».

Он не объявил открыто ничего народу страны, который верил ему в то время, но под видом различных реформ, выдвинутым им, будет проводить подготовку перехода «от социализма к капитализму». Скроет от народа, что предстоит сменить существующий строй. Хотя сам, находясь в США, уже для себя, примет такое решение.

До августовских событий 1991 года пришедший на смену ему Борис Ельцин не особенно отличался от своих коллег коммунистов, но в те знаменательные дни для истории нашего государства, его популярность мгновенно возросла именно в этот период, а в скором времени он стал президентом России. Российские граждане наивно поверят его обещаниям, но он, как и его предшественник, окажется наёмником запада, что выяснится впоследствии.

При нём прошла ликвидация мировой социалистической системы, ликвидация Варшавского договора, ликвидация КПСС. Он лично сам на глазах участников XXVIII съезда КПСС, отдал свой партийный билет, благодаря которому он достигал эти вершины «власти» в государстве. Но он в то время захочет большего! Будет одним из участников, которые примут решение о ликвидации СССР. Ельцин непосредственно занимался ликвидацией патриотического социалистического сознания. К этим отдельным вопросам по их выполнению, он приступит уже с 1992 года.

При Б.Н. Ельцине, который в начале предложил назначить президентов республик, а потом, когда последние стали требовать независимости, в ПРЕЗИДЕНТЕ несуществующего СССР у него отпала в этом необходимость.

Б.Н. Ельцину принадлежала идея о введении закона «о свободе выбора вероисповедования» или что-то в этом роде. В результате единый народ был разделён на множество мелких религиозных сообществ. Это был очень тонкий манёвр. Если бы Б. Н. Ельцин пренебрёг им, то все россияне рано или поздно обратились бы к Православной Церкви. Однако в этом случае наш народ стало бы невозможно победить, потому что наша православная вера всегда способствовала росту патриотических настроений в массах, что спланивало нас во времена опасности для нашей Родины.

Б.Н. Ельцин исчез с политической арены так же быстро, как и появился. Хоть и было его правление не долгим, но он напринимал и узаконил столько реформ, что все невозможно будет описать в данном рассказе.

Когда я, будучи молодым специалистом после окончания техникума, обращался к Министру обороны СССР, в то вре-

мя руководил страной Секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв, при котором и будут созданы первые предпосылки к развалу СССР. Который пришёл к этой должности в результате государственного переворота.

Есть, уважаемый читатель, в стране много разных профессий, но есть среди них и такая – Родину защищать! Офицер – профессия героическая. Она требует от офицера необходимости, как можно настойчивее и в самой различной форме изучать, и познавать науку побеждать. Ведь случись беда, а на войне нянек не бывает, со всей полнотой ответственности капитанам и лейтенантам нужно будет вести свои подразделения в бой, решать сложные тактические задачи, в которых чаще всего, по всей видимости, будет только два исхода: победить или погибнуть.

Поэтому хочется в первую очередь начать свои воспоминания именно со времени, связанного с этой профессией, т.к. ему отданы самые лучшие годы моей жизни. Да они были не простые, но до какого-то времени и интересные. Ведь было всё за эти годы, и горе, и радость. Нас никогда не учили воевать с народом своей Родины – СССР, а, наоборот, чтобы народ наш мог спать спокойно, мы не считались со временем, отдавали его службе, учились сами и учили своих подчинённых. В этих повседневных буднях порой забывали о своих семьях. И первую очередь о своих детях, которые ждали нас всегда дома. Мы перекладывали порой своё участие в их воспитании на плечи своих боевых подруг – супруг. Это было конечно неправильно, но мы считали, что наши подчинённые тоже дети, только взрослее наших, они находились вдали от своих родных и близких, и о них тоже нужно кому-то позаботиться. Видя это, наши подчинённые нам платили своим отношением к службе. И их успехи, были нашими.

А с чего началась именно моя служба? Задам себе такой вопрос и сам отвечу на него в своих воспоминаниях.

Лично у меня она, как и у всех началась, кто посвятил себя этой профессии, с повестки из райвоенкомата.

На моё обращение на имя Министра Обороны СССР с просьбой призвать досрочно в Вооружённые Силы, был получен ответ. Я об этом говорил читатель выше, так как по

возрасту мне ещё нужно было ждать целый год. Призывали тогда ещё в 19 лет.

И так приступаем, читатель, вместе вспоминать уже прожитую нами с вами жизнь, для каждого из нас она будет своя. Моя была такая, связанная с этой профессией, быть защитником границ СССР. Ваша может быть другой, но она несколько не ниже этой. Так как в нашей стране есть и было много других значимых профессий, без которых не может существовать любое общество и государство.

Глава I: Отдать солдатский долг Родине.

В моей памяти осталось, как сейчас помню, что в один из холодных дней осени принесли мне небольшой листочек бумаги из райвоенкомата и за его получение потребовали мою личную подпись. На этом листочке был изложен первый в моей жизни приказ. В нём был указан срок, когда я должен прибыть для убытия. Я давно уже прошёл медицинскую комиссию и был годен для службы в ВС.

С получением именно этой повестки все дела мои и поступки были подчинены интересам государства. Интерес этот был предельно ясен и прост: все будут работать, учиться, отдыхать, а я должен буду охранять этот труд и отдых, пришла и моя очередь, сам того хотел, да ещё досрочно.

Я получил повестку в середине ноября. Ждал её. Знал, придёт со дня на день. И всё же, когда получил, как-то заволновался. Охватила непонятная растерянность. Уж очень круто поворачивалась, как мне показалось моя жизнь.

Ведь эта повестка, забирала меня из круга коллектива, к которому привык после окончания техникума, от единственного мне в то время родного человека – брата, с которым делил и горе, и радость после смерти нашей мамы.

Я сын раскулаченных родителей, не видевший своего отца, старших сестёр и братьев, рано потерявший самого дорогого для меня человека – маму. Очень любил свою Родину, готов был за неё и её народ, если потребуется, отдать свою жизнь не задумываясь. После смерти мамы, мы остались

вдвоём с братом, в это время очень захотелось как-то пережить эту потерю. И я решил написать обращение на имя МО.

Полученная эта повестка из райвоенкомата, определяла для меня ненадолго моё будущее, что мне можно и чего нельзя будет делать. Я знал, что многое придётся мне оставить на три года службы. Но я ошибся тогда, т.к. они продлятся не три года, а целых сорок пять! За годы службы я пройду путь на всех должностях, от рядового до заместителя командующего округом и т.д.

Ведь так любил своего брата, свою работу, свой дружный коллектив после окончания техникума, где занимал должность главного механика колхоза им. М. И. Калинина, находившемся в селе Николаевка Волжского района Куйбышевской области. И от всего этого, родного, любимого и так близкого, мне предстояло отказаться, именно отказаться.

Понимая прекрасно, что уже не будет моих продолжительных зимних пробежек на лыжах с моими друзьями, которые я любил с детства. Не будет моей любимой работы, к которой сумел привыкнуть и всего того, чем занимался. Самое главное, не будет рядом единственного родного человека – брата, на которого можно было положиться в трудную минуту, наконец, посоветоваться о чём-то.

Хотя прекрасно понимал, что сам обратился с ходатайством о досрочном призыве в армию, не достигнув призывного возраста. Моя просьба была удовлетворена. И вот строгая, неумолимая повестка из военкомата приказывает мне: я должен оставить всё это... Забыть на какое-то время всё это.

Вспоминая это время, помню, что за окном шёл дождь. Ветер срывал с мокрых деревьев последние жёлтые листья. Казалось, всё было серо: небо, дома и люди. Мутные лужи после прошедшего дождя, уже не пузырились, так, как летом.

Вот туда, в эту промозглую сырость, нужно было мне уходить. А в доме, в котором жил на квартире было так тепло и уютно! Хотелось погладить и запомнить на прощание каждую вещь.

В повестке было указано, куда я должен прибыть и когда. Оставалось ещё двое суток до указанного времени. Рас-

считался на работе, попрощавшись с коллективом, поехал к брату, он еще не знал, что пришёл ответ на моё обращение.

Приехал к брату, поделился своей радостью, что иду служить. Вечером пошёл в клуб, там были танцы. Друзьям детства, которые были там, сказал, что призывают в армию, что через день должен убыть.

Собрав необходимое в дорогу, в небольшой чемоданчик брата, утром дня прибытия, указанном в повестке, вместе с братом убыли в город.

Вспоминается, что на призывном пункте города было скопление каких-то старых головных уборов, телогреек, курток. Ведь каждый надел то, что не жалко будет бросить потом, когда дадут военную форму.

Нас бесконечно строили. На улице шел морозящий дождь. Я всегда вставал рядом с парнем, у которого были спокойные и умные глаза. Мы с ним не были знакомы. Парень, был неразговорчив, но почему-то при каждом построении я искал именно его и встал в строй возле него.

Призывников пересчитывали и выкликивали по фамилиям. Долго искали отсутствующих. В промежутках между построениями, мы разбредались, как правило, большинство направлялись к забору, за ним у некоторых находились родственники. У кого не было близких, при начале дождя прятались в коридорах военкомата.

Я не раз читал в журналах и видел в кино, как ребята уходили в армию. Улыбающиеся бодрячки, грудь колесом, брали чемоданчики и весело говорили провожающим: «Наконец-то я дождался этой радостной минуты!». Играл духовой оркестр, все с завистью смотрели на счастливых. Может быть, у других это и так. Но я в эти минуты энтузиазма почему-то не испытывал. Я понимал, служить необходимо – нас окружают враги. Ведь недавно прошла война на которой погибло – 27 миллионов человек моей страны СССР, в их числе были наши отцы, старшие братья, сёстры, матери, бабушки и деды. Но всё же было бы лучше, если бы этих врагов не было и три года моей службы превратились, может быть, например, в три года учёбы в институте или ещё где-то...

Наконец нас построили в последний раз и объявили, что будем выдвигаться на городской пересыльный пункт. Разбили на группы и вывели из военкомата. Городской пересыльный пункт находился недалеко от райвоенкомата. Провожачие, кто бегом, кто быстрым шагом, спешили за строем. Мы все старались идти в ногу. На пересыльном пункте нас задержали ненадолго, ведь на станции нас уже ждал эшелон, цельнометаллические пассажирские вагоны. А совсем недавно, я сам видел, призывников возили в красных теплушках, когда провожал старшего брата в армию.

Нас подвели к эшелону. Кто-то весело выкрикнул из идущего строя:

– Вагоны то люкс! Жить можно!

Общий строй наш распался на части, каждую старшие повели к своему вагону. Наскоро заняли места и, побросав каждый свои вещи, высыпали наружу. В это время наш перрон был похож на толкучку. Все отъезжающие и провожающие перемешались, стоял сплошной гул. Слышны были пение, смех, топот пляшущих. Было много гармошек, которые перекликались весёлыми переборами вдоль эшелона. Коегде тренькали гитары, но их жидкие голоса тонули в общем шуме.

Вдруг, перекрыв гомон толпы, грянул духовой оркестр. В нашем городе Куйбышеве были воинские части, мне было непонятно, почему на проводы прислали музыкантов ремесленного училища. Мальчишки в чёрной форме, в высоких фуражках, больше нас похожие на военных. Они старательно надували щёки, играли громко и торжественно.

К оркестру потянулись со всех сторон. У вагонов стало просторнее. Тут я увидел своего одноклассника Мамуняк Николая. Он стоял около своих родителей. Я захотел к ним подойти, но что-то остановило меня. Мне показалось, что он сделал жест, который меня остановил. Он ехал в другом вагоне и числился в другой команде.

В это время ко мне подошёл брат, мы с ним говорили о предстоящей дороге и службе, о том, чтобы я ему писал письма, вспомнили маму. Зычный сигнал трубы с этой минуты разделил толпу надвое, отъезжающие потянулись к

вагонам, провожающие остались на платформе. Брат обнял меня на прощание, и по тому, как порывисто он это сделал, как крепко прижал к себе, я понял, что ему очень тяжело расставаться со мной.

Почти два года назад Ю. Гагарин перед взлётом в неведомый космос на старте воскликнул: «Поехали!» Вот и я мысленно произнёс это слово. Впереди было неведомое. И оно немножко пугало. Я ещё не знал, что это слово: «Поехали!», за свою жизнь буду повторять не раз.

Поезд выбежал со станции. Перед глазами в окне вагона всюду просматривались маленькие дождевые лужи и строения знакомого рубероидного завода. В вагоне было не жарко. В крайнем купе орали песни. Именно орали, а не пели. Появились пьяные. Пили тайком от офицеров и сержантов, назначенных к нам сопровождающими.

Ко мне придвинулся незнакомый мне сосед. Он тоже был навеселе. От него попахивало водкой. Я его заметил ещё во время построения в военкомате. Он был одет в дешёвый шерстяной костюм. На козырьке его кепки было какое-то тёмное масляное пятно. Пахло от него машинной смазкой, наверное, ремонтник какой-нибудь или на железной дороге работал, подумал я.

Парень протянул мне руку:

– Давай знакомиться – Иван! А тебя, как зовут?

– Меня зовут Юрий, – отвечаю ему.

– А почему ты трезвый? – спрашивает меня Иван.

– Не хочется что-то, – отвечаю я. – Я вообще не пью.

Иван весело, с пьяной снисходительностью посмотрел на меня:

– Чудак. Я тоже не увлекаюсь. Но ведь в армии не дадут. Понимаешь: не дадут.

– И не надо, – отвечаю ему.

– От коллектива откальываешься? «Не хорошо!», – с упрёком сказал мне новый знакомый.

– А где этот коллектив? – вызывающе задаю ему вопрос. – В крайнем купе, что ли? Напились и орут...

Я ждал, что Иван обидится, даже обругает спяна.

Но Иван неожиданно согласился:

– Правильно говоришь! Какой это коллектив – шарага!

Помолчав, он снова спросил:

– Может, всё же выпьешь?

Я отказался.

– Ну ладно, не хочешь – не надо. Ты сознательно не пьёшь?

В то время, как мы с Иваном решали вопрос, пить водку или не пить, наш вагон завоевала компания первого купе. И завоевала довольно успешно. Изрядно подвыпив, компания покинула своё купе и начала шествие по вагону. Они шли по вагону, оскорбляя других, бросая многим окурки в стаканы с чаем. Все молча переносили оскорбления. Никто не хотел связываться с людьми, потерявшими над собой контроль.

Ночь. В вагоне свет притушен. Горит только ночной свет. Ребята наши – малость устали за день, все легли спать. Наш эшелон подходил к городу Сызрань. Утром, высадив всех из вагонов, повели в место размещения областного пересыльного пункта.

Пересыльный был переполнен. Здесь формировались новые прибывшие из городов и райвоенкоматов Куйбышевской области команды для отправки в различные части. Из них формировали общий эшелон. По мере их готовности эшелон отправлялся по направлениям, т.е. кто на Запад, кто на Восток, кто на Юг, а кто-то на Север. Формировали команды и отправляли во все виды и рода войск. Отбирали и отправляли служить на все Флота. Некоторым, как мы считали, повезло, они отправлялись служить в Группы Войск, которые находились за границей СССР.

Начали формировать наш эшелон. Прошли ещё раз медицинскую комиссию. Через несколько дней была готова и наша команда. По мере готовности команд, был сформирован и наш эшелон. На вагон в котором ехала наша команда, был назначен один офицер и два сержанта, которые находились, один в первом, а второй в последнем купе, с нами находился и офицер, капитан Белоусов. И вот мы все в вагоне. В нашу первоначальную команду, отчислив некоторых, в их число попал и мой новый знакомый Иван, добавили несколько местных призывников из г. Сызрани. Среди них был мой однокурсник по Усольскому сельскохозяйственному техни-

куму, Витя Карпов. Мы учились с ним в одной группе на механиков сельхозмашин и жили в одной комнате общежития. С ним совершили два прыжка с парашютом с 600 метровой высоты. Он был старше меня на один год. Это было первое близкое лицо. Мне казалось, что это здорово. Иметь друга в новом для меня испытании. Наконец поезд тронулся и все как-то сразу оживилось. Наверное, каждый думал, что ждёт его впереди? Какое будет оно? Этого не знал никто. Не знал этого и я.

Мелькали за окнами вагона рощи и маленькие станции. Куда нас везут – не знаем. А очень всем хотелось узнать военную тайну.

– Скажите, куда нас везут? – спросил я сержанта.

– Приедем – узнаете.

– А почему нельзя сейчас знать?

– Секрет хранить вы ещё не научены.

– А если я отстану от поезда?

Не советую сказал он...

– Ну а если...

– Номер нашего эшелона 42 – 15. В случае чего обратитесь к военному коменданту, он отправит по назначению. Так мы и не узнали от сержанта военной тайны. Слухи по вагону ходили разные, одни говорили едем на Дальний Восток, другие – на Кавказ, третьи – в Среднюю Азию.

Однако по мере продвижения эшелона военная тайна стала проясняться. Отвернула и ушла влево дорога на Новосибирск, а с ней отпала версия о Дальнем Востоке. Эшелон устремился на юг, в Среднюю Азию. Через двое суток поезд ворвался как будто в лето. Новый регион встретил нас солнцем и жарой. На станциях местные жители торговали дынями, арбузами, виноградом и ещё неизвестными нам плодами. Когда их спросили, что это за край? Рассмеялись и сказали: Узбекистан!

Мы с Карповым принесли в вагон огромную дыню и виноград. Дыня была в сетке. Огромная, похожая на лошадиную голову.

Соседи по купе засмеялись:

– Ну и выбрали!

Некоторые в вагоне советовали:

– Жёлтую нужно было брать.

– Сейчас увидим, – не сдавался Виктор.

Дыня под ножом в руках Карпова развалилась на два продолговатых корытца. Внутри открылось белое мясо в ладонь толщиной, вдоль корки его оттеняли светло-зелёная каёмочка.

Виктор нарезал длинные, как сабля, ломтики. Всё наше купе ело и хвалило: – Вот это да! – Какой мёд!

– Пальцы слипаются.

Съели одну половину, а уже дышать нечем. Виноград тоже оказался очень сладким. Приобретённым угостили соседей в соседнем купе. Сидим, улыбаемся. Разговорились:

– Вот тебе и военная тайна. – А служить можно! Заговорили ребята соседнего, купе попробовав наше угощение.

А поезд мчал и мчал нас на юг. Уже поменялись железнодорожные бригады и локомотив. Становилось всё жарче в вагоне. Стали появляться песчаные пролысины. Начали редеть сады. В вагоне – как в парной. Все сидим в одних трусах, не успеваем отирать пот. Где-то здесь был Каспий.

На одной из станций, за окном не видно было ни одного деревца. Эшелон остановился на станции, ночь подходила к концу и наступал рассвет.

– Казанджик, – объявил нам сержант.

Офицер сказал громким голосом: – Приехали, готовиться.

Сержанты звучно сказали:

– Выгружаемся.

Все находящиеся в вагоне призывники как-то неумело зашевелились. Пошли к выходу и начали выпрыгивать из вагона. После нашей высадки эшелон с молодым пополнением продолжил путь, к пунктам назначения, постепенно высаживая в указанных местах свои команды.

А перед нами в нескольких десятках метров стояли земляные домики с плоскими крышами. Стали нас всех строить в одну колонну по трое. Строем бредём по выжженной добела улице, показались какие-то ручейки, по которым бежала вода, как потом оказалось, это были арыки для полива растений на полях и садов. Городок выглядел покинутым. Каза-

лось, люди бросили всё и ушли от этой смертной жары. Как потом снова увижу эту же картину в районе Чернобыля. За всю дорогу от места нашей высадки, так называемого вокзала, до полковых ворот нам встретился лишь один старик. Он ехал на ишаке и был одет в тёплый, на вате, халат, на голове огромная шапка из шкуры, наверное, целого барана. Как ему не жарко?! Подумал я в это время он в такой одежде!

Это был маленький городок Казанджик (что по-туркменски означало котёл ветров) с населением не более полутора – двух тысяч человек, на железнодорожной ветке Ашхабад – Кисловодск. Единственным объектом была железнодорожная станция, где тепловозы и паровозы заправлялись водой. Городок имел единственную улицу, застроенную одноэтажными домиками из самана (из глины, перемешанной с навозом и сухой травой).

Мы подошли к железным воротам, выкрашенным в мрачный тёмно-зелёный цвет. Её половинки раскрылись. И вдруг бодрая военная музыка. Так встретил нас ставшим с этой минуты родным нам военный городок.

В центре городка на асфальтированной площадке, к которой приближался строй, стояли в ротных колонах солдаты. Они, как нам казалось, смотрели в нашу сторону, весело улыбаясь. Мы запрыгали и стали подбирать ногу. Подравнялись. Выпрямились.

Нас остановили напротив солдатского строя. Солдат было много. Показалось, что весь городок находится здесь на этой площадке. Перед строем прохаживался широкоплечий приземистый офицер. Виски его белели сединой, кожа на лице была тёмная, будто дублёная. Всем в строю показался человеком, выдавшим виды. Наш строй остановился. Приземистый офицер нам сказал:

– Товарищи, вы прибыли в расположение вновь формируемого мотострелкового полка. Я ваш командир – подполковник Оскаровский Иван Сергеевич. Полк после формирования и проведения мероприятий боевого слаживания всех подразделений, боевой сколоченности самого полка, должен будет стоять на страже южного рубежа нашей Родины. Всем нам будет нелегко, но я надеюсь, что мы достойно преодоле-

ем эти стоящие перед нами трудности. Нам отпущено всего один год, чтобы выполнить эту задачу. Прибывшее молодое пополнение должно овладеть военными знаниями и заменить тех, кто отслужит к осени в новом году, чтобы они смогли вернуться домой. В начале весны следующего года, полку предстоит отчитаться на проверке. Я надеюсь, что вы не пожалеете сил, чтобы умножить славные традиции полка.

А традиции в нашем полку были замечательные. Четыре Героя Советского Союза выросли в годы войны. Сотни были награждены орденами и медалями. Очень надеюсь, что у нас появятся отличники боевой учёбы и в мирные дни в нашем полку. Не пугайтесь суровой природы куда вы прибыли.

Кое-кто из вас уже загрустил! Это поначалу бывает. Пройдёт. Привыкните к армейской службе и условиям, с которыми вам предстоит столкнуться. Гарантирую, что будете скучать по этим местам после увольнения. А сейчас познакомьтесь со старшими товарищами, расспросите их о нашей интересной боевой и трудовой армейской жизни.

Такие первые слова, тогда я услышал от своего первого командира полка!

Прозвучала команда – полк разойдись! Наш строй распался. Солдаты двинулись нам навстречу. Все они были в выгоревших добела гимнастерках и выглядели не очень бравыми. К нам с Карповым подошёл худощавый высокий солдат с чёрным от загара лицом.

– Здравствуйте, ребята! – подал он нам руку. – Я, ефрейтор Пименов, зовут меня – Александр. Служу третий год, два года служил в другом полку дивизии, в г. Небит-Даге. Так, что вы моя замена.

Зычный голос командир прервал нашу беседу: – Становись! Все кинулись на свои места – и старослужащие, и молодые вновь прибывшие. Колонны солдат тщательно выровнялись.

Прозвучала – команда: – К торжественному маршу! Офицеры и оркестр вышли вперёд.

– По-ротно. Первая рота – прямо, остальные – направо!

Строй качнулся, щёлкнул единым каблуком, повернулся лицом в сторону движения. – Равнение направо. Шагом

Так проходил тогда перед нами наш полк, впереди его командование и наше знамя полка.

марш! Рота за ротой проходили мимо нас. Солдаты гордо выпячивали грудь, вздёргивали подбородки. Сапоги звонко печатали шаг на асфальте.

Я никогда не видел так близко солдатский строй, идущий торжественным маршем. Незнакомой, непонятной мне мощью веяло от этих людей. Захотелось вдруг зашагать с ними. Идти не рядом, а вместе с ними – в строю. Идти вот также смело, уверенно, красиво. Я оглянулся на других прибывших со мной в эшелоне и увидел, что и остальные, как и я смотрели на это с волнением.

После этого нам предстояло переодевание. Оказалось в полку нет своей бани, солдаты моются в городской в специально отведённое время, как правило, рано утром. Нас распределили по ротам. Пришёл старшина роты, уточнил у каждого вновь прибывшего рост и размер обуви. Объявил, что через 10 минут быть в готовности проследовать в баню уже в составе роты. Уточнив при этом нам, что время помывки роты будет, как он выразился, не более 35 минут. В указанное старшиной время всё молодое пополнение роты

привели к бане. Привёл нас сержант Тарасов. Объяснил порядок получения обмундирования, куда складывать своё гражданское обмундирование, оно нам больше не понадобится. При этом пояснил, что каждый имеет право его отправить домой, отложив в мешок и написав адрес на нём. Где получить мыло для помывки и стал нас запускать в баню. Баня была просторная, с мраморными столами на которых находились тазики для помывки.

Начали мыться. Если бы кто-нибудь посторонний заглянул в это время в зал для помывки. Стоял страшный шум. Раздавались разные выкрики. Баня дрожала от хохота. Все орали и кричали, смеялись. После помывки ребята стали натягивать военную форму. Новенькое хлопчатобумажное обмундирование, сокращённо его звали х.б., плохо прилегало ещё к телу. Никто не умел закручивать портянки.

В военной форме все стали сразу одинаковы. Старшина высказался:

— Ну вот, на людей стали похожи!

После бани нас всех повели в столовую, время подходило к приёму завтрака. На наших столах стояли огромные кастрюли с мясной кашей, сияющие миски, уложенные в центре столов пирамидой. Графины, наполненные квасом. Тарелки нарезанного хлеба. Ложки, кружки, вилки, соль, перец, горчица. По залу не торопясь ходили трое: капитан с красной повязкой «Дежурный по части», врач и заведующий столовой. Прозвучала команда «Садись!», все принялись за еду. Мгновенно был распит квас. Зачем-то принялись делить хлеб. — Не надо делить, — сказал заведующий столовой. — Не хватит — добавим.

После приёма повели в казарму. Перед казармой нас ожидала группа офицеров. Стоящий перед строем майор, представлялся помощником начальника штаба полка. Он объявил приказ о зачислении нас в подразделение молодых солдат: — Пока будете обучаться отдельно от старослужащих. Освойте основы воинского порядка и службы, научитесь стрелять, примете присягу. И только после этого встанете в строй на штатные должности.

Казарма, в которой началась моя служба.

Нас распределили по отделениям и завели в казарму. В казарме было чисто. Стояли ровными рядами кровати, тумбочки, табуретки, Одеяла, подушки, края простыней – все абсолютно одинаковые, выравненные по полоскам с помощью длинной лески до миллиметра. На окнах – белые занавески, на стенах несколько портретов разных должностных лиц страны и Вооружённых сил, термометр, внизу, под ним, график температуры по дням текущего месяца.

Эту казарму, постели и вообще всё для нас приготовили старослужащие. Нужно было присмотреться к порядку внимательно, в дальнейшем такой порядок будем поддерживать сами. Согласно распорядку дня части, был завтрак, обед, ужин и, наконец, отбой.

Этот день мне показался самым длинным. Сегодня мы проехали в эшелоне почти половину Туркмении, были на торжественной встрече, мылись в бане, надели военную форму, вошли в казарму. В военной форме мы выглядели одинаково, стали похожи, как почтовые марки. Показали, как подшивать воротнички гимнастёрок правильно. Как наматывать портянки.

С утра подъём, утренний туалет, построение на завтрак и приём пищи. Прозвучала команда: приготовится к занятиям!

Началась учёба. После сигнала трубы, известившего о начале занятий, к нам подошёл подполковник Самсонов Игорь Петрович, заместитель командира полка по вооружению.

– Ну как, орлы, осваиваетесь?

– Сейчас вы познакомитесь с техникой и вооружением, которую вам предстоит изучить и освоить. Всё это создано на средства народа и произведено вашими родными: отцами, матерями, братьями и сёстрами, поэтому относитесь к этому бережливо.

Полковой городок был превращён в огромную выставку. На строевом плацу, вдоль наших щитовых казарм и на всех свободных местах городка, стояли ровными рядами специальные автомобили, бронетранспортёры разных модификаций, пушки, танки, пулемёты и другая техника, находящаяся на вооружении полка.

Нас, прибывшее молодое пополнение, разбили на группы и развели в разные концы городка. Стали показывать технику и вооружение. Пояснение нам давали не офицеры, а солдаты и сержанты. Это показалось удивительным. Начищенные, в отутюженном обмундировании, свежевыбритые экскурсоводы походили на специальных инструкторов, но позже мы узнали и ещё больше поразились: это были самые обыкновенные солдаты полка!

Обычно мы видим солдат, шагающих в строю, слышим команду и поэтому думаем, вся служба в этом и заключается: шагай, пой песни, ну, пострелял и сходи в караул, вот и всё.

И я тоже так думал, представляя военную службу, да тем более в пехоте! Но то, что я увидел, меня обескуражило: неужели всё это можно изучить за три года?

Нам показали сложнейшую технику, причём образцов было так много, что, когда я с группой обошли половину, ноги у всех подламывались от усталости! Самодвижущиеся пушки, ночные прицелы с инфракрасными приборами, радиостанции, приборы для обнаружения радиоактивного и химического заражения, всевозможные дозиметры, рентгенометры, дегазационные индивидуальные средства, минные тралы и бульдозеры, заграждения, плавающие броне-

транспортёры, средства защиты от отравляющих веществ: противогазы, чулки, накидки, резиновые костюмы, похожие на скафандры космонавтов, оберегающие от невидимой и неслышимой смерти, мощные танки приплюснутой формы с бронёй такой толщины, что от них отлетают снаряды, противотанковые реактивные установки, которые в момент полёта ракеты направляют её в танк, автомобили и бронетранспортёры различных моделей: те, что идут в бой, и те, что ремонтируют их в минуты и часы на поле боя, кухни и водовозки, бензовозы и продуктово­зы, клубы и лавки на колёсах.

Всё это состоит на вооружении нашего, теперь уже родного, полка.

Во второй половине дня нас вывезли в поле, и те же солдаты показывали технику в действии. Они стреляли из автоматов, пулемётов и гранатомётов, причём мишени не успевали подняться, как тут же падали поражёнными.

Особенно меня потрясло единоборство солдата с танком. Солдат вышел против танка один на один. Он притаился за небольшим холмиком, покрытым местными колючками, в небольшом окопчике. Бронированное чудовище с рёвом помчалось в его сторону, он решительно поднялся на встречу. Мне хотелось крикнуть: «Не надо, остановите! Мы верим в его смелость!» Когда до рычащей стальной махины осталось несколько метров, солдат вскинулся и вlepил в лоб танку гранату! На поле боя танк, возможно, встал бы от взрыва. Но здесь граната была учебной, танк с ходу налетел на солдата. Я закрыл глаза... Задавил! Но, разжав веки, увидел, что солдат поднялся из окопа после того, как танк проехал над ним гусеницами, снова взмахнул рукой и вlepил ещё одну гранату, теперь уже в корму танка. Командир, заметил наш испуг, успокоил:

– Ничего, скоро и вы также будете щёлкать танки.

Так прошёл мой первый день занятий в полку. День знакомства с техникой полка, которую я должен буду изучить. Практически освоить и уметь применять на поле боя. Мне на освоение её даётся всего один год. Через год я должен буду сменить своих товарищей, т.е. старослужащих, которые к этому времени отслужат положенный по закону срок. Как

я понял сегодня, они были мастерами своего дела. Мне же предстояло им стать. Задача мне показалась, была непростая. Но я её должен выполнить. Таков будет приказ. Утром меня вызвали в штаб к командиру полка. Все удивились этому. Стали задавать вопросы, по какому вопросу меня могут вызывать. Что я мог натворить на гражданке. Я ещё не знал, что меня вызывают по вопросу моего обращения к МО. Со мной в штаб пошёл и старшина роты. Пришли в штаб полка. Дежурный сказал, чтобы зашли в кабинет командира полка. В кабинете находилось несколько офицеров. Старшина доложил командиру полка о нашем прибытии. Командир указал на свободно стоящие стулья у стены. Началась беседа с командиром, он внимательно выслушал меня, уточнив мою биографию. В конце беседы был задан вопрос мне, кем бы я хотел быть? Я встал, пожал плечами и сказал, что хочу стать настоящим солдатом. Командир одному из офицеров, находящихся в кабинете, что-то сказал. Беседа закончилась. Пожелав мне успехов, сказал старшине, что мы можем идти в казарму. Мы встали и вышли из кабинета. По дороге в казарму старшина предупредил меня никому не рассказывать о вопросах, по которым проходила беседа.

... Месяц мы пробыли в карантине. Я понял, что такого слова нет в уставах, не упоминают его и официальных бумагах. Мы проходили специальную программу подготовки молодого солдата. Изучали азы. И нас тоже изучали. В карантин, как нас называли, приходили офицеры всех подразделений полка. Беседовали практически с каждым и всем задавали один и тот же вопрос – кем желаешь стать? Отвечали все по-разному. Я, всем на этот вопрос отвечал, как и командиру полка, хочу быть настоящим солдатом и есть большое желание стать морским офицером! Нас почему-то все называли пехотой несчастной! Царицей полей! Именно полей, а не небес!

Настал день принятия военной присяги. Даже самые легкомысленные, в этот день, мне кажется, были серьёзными. Присягу должны давать первогодки, но прихорашивался по праздничному и начищался весь полк.

На строевом плацу по всему асфальтированному квадрату были расставлены столы, покрывались красными скатер-

тями. Перед каждым столом выстраивалось подразделение – рота, батарея. В центре плаца Боевое Красное Знамя. Около него замерли знаменосцы и ассистенты, через их грудь наискосок лежат широкие алые полосы, отороченные золотым галуном. Возле Знамени командование полка и офицеры штаба. Все при орденах и медалях, мне кажется, солнце вспыхивает золотыми огоньками на начищенных медалях.

Вот здесь, перед Боевым Знаменем, с оружием в руках, глядя в лицо своим однополчанам, с которыми, может быть, придётся идти в бой, я должен дать клятву.

Кажется, ничего особенного: шелковое полотнище, расшитое золотыми нитками, обыкновенная красная ткань. Но если эта реликвия будет потеряна из-за нашего малодушия, командир и весь офицерский состав предстанут перед судом военного трибунала, а полк расформируют. Однако не страх перед карой вызывал у меня трепет. Я не сомневаюсь, что Знамя враги не захватят, пока жив хоть один солдат. Разглядывая поблекший шёлк и потемневшее золото букв, я думаю о многих людях, которые раньше, до меня, произносили клятву перед этим Знаменем и несли его с боями болотами Смоленщины, плыли с ним через Днепр и Вислу, врывались в горящий Берлин.

Мне было восемнадцать, в отличие от остальных солдат прибывшего пополнения, но я старался, чтобы это не было заметно остальным. Всё делал с особым рвением, упорством и настойчивостью. Пока всё получалось, чему учили и было легко освоить.

Я стараюсь представить себе наших предшественников, однополчан. Бои почти не прекращались, убитые и раненые выбывали из строя. Но прибывало пополнение и, дав клятву у полкового Знамени, вступало в бой. У солдат были, наверное, суровые лица, когда они произносили те же самые слова, что и мы. И им было, как и нам, по семнадцать – девятнадцать лет. Многие из них погибли, много уже состарилось, а подписи, которые они сделали под словами присяги, будут храниться вечно. И вот сейчас я тоже произнесу клятву, подпишусь, и фамилия моя рядом с другими останется для истории...

Когда настал мой час, моя минута, вышел я из строя, стараясь ступать четко и твердо. Взял лист, где напечатана присяга, а другой рукой сжимал автомат, который был у меня на груди. Я взглянул на строй и не увидел ни одного знакомого лица. Передо мной были лишь фронтовики, только что бившиеся насмерть с врагом. Я глядел им в глаза и произносил клятву, не читая, наизусть. Голос у меня был какой-то необычный, будто я слышал его со стороны, будто я Неткачев Юрий Максимович стоял не на плацу, а там, у передовой, среди фронтовиков. Сейчас, доскажу слова присяги – и в бой...

Весь оставшийся день меня не покидало чувство торжественности. Хотелось думать только о значительном. Ведь эти листки, под которыми мы оставили свои подписи, дороже золота и их нужно хранить в тех же кладовых, что и золото. Это государственный клад дороже золота...

Итак, утром следующего дня построение полка. Был зачитан приказ по полку о нашем назначении, на первую для меня должность, как военнослужащего. Я был назначен в 1-ую роту в 1-ый мотострелковый взвод на должность гранатомётчика.

Я стал истребителем танков. Очень быстро освоил эту специальность. Не знаю почему, но буквально через месяц меня отобрали в полковую школу, которая была при нашей части. Она состояла из роты, которая готовила младших командиров для полка. Меня определили во взвод, который готовил командиров мотострелковых отделений. По окончанию школы, после успешной сдачи экзаменов присваивалось звание младшего сержанта. И мы должны были вернуться в свои роты.

Рядовой Неткачев.

Отправляя меня в полковую школу, командир роты и комбат сказали мне слова, которые я помню всё свою жизнь: «Мы в тебя верим солдат и надеемся, что ты освоишь программу успешно и будешь достойным командиром. Научись простым азам управления своими подчинёнными. Всегда будешь думать, как выполнить приказ и сохранить их жизнь».

Нашей учебной ротой командовал майор Шерстнёв Павел Николаевич, замполитом был капитан Филипсов Николай Павлович. Оба они были участниками Великой Отечественной Войны. Им было что рассказать нам о той войне. Мы молодые солдаты всегда с особым вниманием слушали их воспоминания о боях, в которых они участвовали. Они нам рассказывали о своих командирах того времени. Что они были у них разные, но все мы обратили внимание, когда речь у них заходила о тех, которые выполняли приказы и старались, как можно больше сохранить жизни своих подчинённых, при этом выполнить поставленную задачу в срок. И ещё одно очень важное в роте было лицо. Старшина. Гроза и главный дирижёр, и блюститель порядка! Фамилия у него была необычная – Занудов Сидор Иванович. Да и сам он не такой, каким я представлял себе старшину. Он был сверхсрочником, но не традиционный, если так можно сказать. В нём не было ничего фельдфебельского. Высокий, гибкий, но мускулистый, чувствовалось, что он обладал огромной силой. Он нам рассказал, что в войну был разведчиком. Что много раз ходил в тыл и не раз с группой приводили немцев, разных званий. Один раз даже вернулись с ценным генералом. Мы все слушали его воспоминания очень волнительно. Для нас он был человеком необычайной храбрости.

Ну, а теперь читатель остаётся представить самих близких, с кем мне придётся общаться не только каждый день, но и каждый час: на занятиях, в столовой, в кино, в бане, всюду, всегда рядом. Это наше первое отделение.

Командир его – старший сержант Филиппов Сергей Иванович. Он был старослужащий – худощавый, прямой и поджарый, будто его прогладили огромным утюгом со спины и вдоль живота, тёмные волосы разделены аккуратным пробором. Глаза сверлящие. Он всегда официален, на «Вы» – так

требует устав. Мне казалось, что его ничего кроме службы в жизни не занимает. Равнение, чистота, заправка, исполнительность – вот ежедневный, ежечасный круг его интересов. Когда поучал, по лицу я видел: убеждён в своей правоте безгранично, не свернуть и не переубедить его, он своего добьётся, заставить сделать как положено. Он с отличием окончил полковую школу полтора года назад и его оставили в нашем учебном взводе командиром отделения. Филиппов носил нашивки с достоинством, словно они приравнивают его, по меньшей мере, к полковнику.

Как и положено, по уставу, Филиппов побеседовал с нами. На физической, строевой подготовке требовал выполнять всё указанное им по методике подготовки тех или иных элементов. Его любимая поговорка: «Делай, как я! Лучше можно, хуже нежелательно». Часто подводил нас к своей кровати: его кровать была ровная, как бильярдный стол, даже ворс на одеяле лежал как правило, в одну сторону.

– Теперь посмотрите ваши. По ним можно изучить топографию – бугры, седловины, впадины. И заставлял всех перезаправить кровати! Только успеем поправить, а он опять:

– Пойдёмте к оружию. Подходим.

– Вот мой автомат. Вот ваши. Оружие у него какое-то особенное, чистое, не сухое и не влажное – глянцевое. А наше плачет – масло на нём не держится, стекает каплями. Пушинки-волоски, ниточки словно сговорились прилипнуть только к нашим автоматам.

Иногда Филиппов подводил нас к зеркалу по одному. Стоим рядом. Он аккуратный, затянутый, а я весь в складках, будто меня из вещмешка вынули.

– Вот видите. Необходимо подтянуть ремешок. Уберите живот. Одёрните гимнастёрку. Расправьте грудь. Поднимите подбородочек.

Я выполнял все его рекомендации. Моё изображение в зеркале становилось стройным. Но оказывается, я не дышу. А когда начинаю дышать, изображение опять менялось, грудь опадала.

– Ничего, выправка – дело наживное, говорит он мне. Гимнастика, строевая, марш-бросочки поставят фигуру. Слыша-

ли, певцы голос ставят? Вот и вам фигурку поставим к выпуску. Нужно только стараться. В этот момент, от его слов становилось, очень неловко.

Почти то же старший сержант проделывал с каждым. Мы все удивлялись, как ему не надоедает! А он, как будто читал наши мысли, говорил – со временем поймёте и сами, когда будете командирами, будете делать, то же самое.

Я, как губка всё впитывал, чему учили, помня наказ своих командиров. Очень старался всё выполнять с особым прилежанием. Стало всё получаться хорошо. Занятия наши продолжались. Мне очень нравились занятия по тактике, огневой и топографии. Которые проводил командир роты. Все практические занятия он, как правило, начинал с воспоминаний о войне и приводил пример из своего военного опыта. Мы разбирали, каждый раз занятия, которые, он проводил с нами, он нам указывал на наши ошибки, которые мы допускали все. Создавал новую обстановку, и мы выполняли поставленную задачу. Потом был снова разбор с каждым.

В полковую школу прибыл новый офицер, как окажется впоследствии он будет нашим командиром взвода. Это старший лейтенант Усик Николай Иванович. Он учился в Московском суворовском училище, там же в Москве окончил Общевоинское училище им. Верховного Совета. Служил в ГДР (Германская Демократическая Республика) и по замене прибыл к нам в полк. Прослужил несколько дней в полку, был временно назначен на вакантную должность в полковую школу на наш взвод. Это был грамотный, знающий военное дело офицер. Он стал с нами заниматься огневой подготовкой. Все были поражены его методикой преподавания своего предмета. Старались уловить каждое его слово и делать всё, что было сказано им.

Так прошли девять месяцев учёбы в школе. Приближались экзамены. Мы все готовились к ним с усердием. Повторяли пройденный теоретический материал, который был записан в виде конспектов в тетрадях.

Наступил день сдачи экзаменов. После успешной сдачи получил первое сержантское звание «младший сержант», прибыл в батальон. Доложил комбату об окончании шко-

лы. Выслушав, он уточнил: – как закончил школу? Посмотрев мой лист об итогах сдачи экзаменов. Сказал «молодец, оправдал доверие». Эти слова были для меня самой высшей наградой. Комбат, приказал прибыть в роту, доложить командиру роты о прибытии и приступить к выполнению поставленной им задачи.

В стране произошли события, которые нельзя было не заметить.

Так 14 октября 1964 года был избран секретарём ЦК КПСС и председателем совета обороны СССР – Леонид Ильич Брежнев.

Выполнив все действия согласно Устава, я прибыл в свою родную уже для меня роту. Выслушав меня, командир роты приказал мне принимать 2 отделение первого взвода. Командир отделения сержант Смирнов Василий Николаевич выслужил установленный срок, уже убыл домой на Брянщину. Попросив у командира роты разрешение, отбыл в свой взвод. Прибыв во взвод, для доклада о прибытии и был очень рад. Нашим взводом командовал наш командир учебного взвода старший лейтенант Усик. Он, как и я был рад, что я прибыл именно к нему во взвод. Не знаю, это было именно так или нет, но он мне по крайней мере высказал и внешним видом продемонстрировал именно это.

Итак, я командир отделения! В этот миг не представлял для себя, что буду когда-то командовать: – танковым взводом; Общевоинской армией. А сегодня, этот маленький коллектив, состоящий из десяти человек, теперь моя семья, разных национальностей. Но мне отвечать за каждого, не взирая на национальность и срок службы. Обязанности мои заключались: – сделать его дружным коллективом, так сказать, единой семьёй, чтобы каждый был мастером своего дела, чтобы отделение, выполняя любую поставленную командирами задачу, работало, как часовой механизм. Это была не лёгкая задача!

Построив своё отделение, рассказав свою биографию, стал знакомиться с каждым и попросил, чтобы каждый рассказывал свою. Теперь, все знали о каждом всё. Нам в дальнейшем это помогало. Так началась моя служба на долж-

ности командира. Первой командной должности. Я, теперь отвечал не только за себя, но и своё отделение: – то есть не только за свою личную подготовку, но и подготовку своих подчинённых. Если посмотреть, то от подготовки в целом отделения, зависит очень многое при выполнении боевой задачи. С подъёма до отбоя всё рассчитано по минутам. День загружен так, что, кроме службы, подумать о чём-то другом нет возможности.

Офицеры думают, только они нас изучают и воспитывают. Но каждый из них знает, наверное, что мы к ним тоже присматриваемся, даём оценку поступкам, определяем, насколько хорошо знают они своё дело, и, наконец, приглядываемся, что они собой представляют без погон, звёздочек и званий, просто как люди.

Второй год службы начался, как-то для меня особенно. Я понимал, что совсем скоро предо мной должна открыться новая дорога жизни и путь по этой дороге должен избрать сам без помощи. И этой дорогой идти самому, какой бы она не была, совета и помощи как её пройти не будет. Понимая это прекрасно, принял для себя решение поступать в военное морское училище.

Прошла «зима» и наступило лето в разгаре. Вот это жара! Меньше сорока днём здесь не было. Иногда доходит и до пятидесяти градусов. Воздух становится каким-то зримым и приобретает особый, именно белесый оттенок. Босиком по песку ходить невозможно, да что босиком – через подошвы солдатских сапог и ботинок жжёт огнём. Помню, мы с Витей Карповым купили сырые яйца и положили их на солнце, и они через несколько минут сварились.

Очень трудно учиться и работать в этом пекле. К вечеру гимнастёрка на спине и под мышками серебрится от выступающей соли. Трудно дышать и не хочется говорить, но занятия идут согласно расписания.

– Зной и жара для нас – естественные условия, – говорит наш командир взвода. – Мы должны жить и учиться без скидок на климат, а если придётся выполнять реальную боевую задачу, т.е. воевать в таких условиях, они не будут для нас помехой – сейчас мы к тому и готовимся.

И для того, чтобы мы действительно привыкли, закалились и перестали обращать внимание на огненный жар пустыни, нас почаще выводят в поле. Ведь все мы всё понимали и знали. Хочешь стать хорошим пловцом – дольше находишься в воде. Решил быть силачом – поднимай тяжесть. При обращении с солнцем тоже нужна тренировка. И немалая.

И вот мы мотаемся по горячим барханам, покрытым мелкой волнистой рябью, какой бывает шифер. А у нас идут учение за учением: ротные, батальонные, полковые. Марши, атаки, окапывание, защита от атомных ударов. И опять марши и марши... Всё время в движении. Пешком сейчас не маршируют – все мы продвигаемся на машинах. Едешь в сплошном облаке пыли. Всё затягивает тебя жёлтым маревом. Дышать нечем. Солдаты одинаковые, как снежные бабы, только не из снега – из пыли. На лице три тёмных пятна: глаза и рот.

Когда бронетранспортёр сворачивает с дороги на целину, начинается «морская» качка. Внутренности подбрасывает к самому горлу. Качка в пехоте всё-таки дело временное.

В самый невыносимый момент, когда от жары мышцы, кажется, вот-вот отвалятся от костей, когда песок хрустит не только на зубах, но и в глазах, когда свет не мил от тряски, – в этот момент обязательно прилетит сигнал об атомной опасности. Нужно натягивать противогаз и защитную одежду по нормативу. Готов держать пари на что угодно – любой гражданский в таком состоянии откажется от противогаза, бросится на дно бронетранспортёра и завопит: «Пусть лучше меня убьют!» А солдаты молча выполняли нормативы и продолжали марш. И готовы идти в атаку, для них нужен только приказ. Так проходили наши армейские будни практически изо дня в день.

Но больше всего донимали нас местные природные условия. Кроме ужасающей жары и постоянно дуящего «афганца» – со скоростью порой свыше 20 метров в секунду – угнетало ещё и обилие всяких пресмыкающихся, ползающих и летающих паразитов. В песках на занятиях, а зачастую и по территории полка, можно было повстречаться с гюрзой, коброй и другими змеями. В казарме на воду – частенько приползали «стрелки», очень ядовитые змеи. Много води-

лось пауков-фаланг, скорпионов и даже каракуртов. Особое внимание было не допустить укусов москитов – пиндинга. Они почти невидимые человеческому глазу москиты питались кровью умерших в пустыне сусликов и тушканчиков и, садясь на человека, заражали его трупным ядом. Через некоторое время – в зависимости от типа москита укушенное место у человека начинало гнить. А поскольку укусов, бывало, много, то тело человека превращалось в постоянно гниющую массу. Способов лечения от этого от этого в то время на существовало. Как правило места укусов обкалывали в медпункте полка – пенициллином. Процесс заживления длился долго – не менее полугода. Он заканчивался появлением лимонного цвета пятен диаметром с пятикопеечную монету. Поэтому нам давали – москитные сетки. Они нас защищали, когда мы отдыхали ночью.

Приближалась, как нас и предупреждал в первый день прибытия командир полка – контрольная проверка. Самое беспокойное и хлопотное время в армейской службе – это канун контрольной проверки. Белим, красим, стреляем, чистим, подметаем, опять стреляем, украшаем, разрисовываем и снова стреляем. А в паузах между занятиями драим оружие, технику, чиним обмундирование, погоняем эмблемы, звёздочки, подрезаем полы шинелей – все должны быть миллиметр в миллиметр!

К вечеру едва стоим на ногах. Отдохнуть бы!.. Но не тут-то было! Начинается полоса собраний: взводные, ротные, батальонные, полковое. В это время думаешь, скорее бы полк вышел на проверку. Началась бы, эта проверка!

И вот наконец дождалась! Приехала комиссия. Первый день проверки: строевой смотр полка и инспекторский опрос.

Полк выстроился на плацу. Наглаженный. Начищенный от сапог до звёздочек на фуражках так, что глаза режет от блеска.

Офицеры при орденах, красивые, праздничные. Ритуал строевого смотра очень торжествен и строг. Особенно поражает тишина перед торжественным маршем. Много сотен людей на плацу – и ни единого звука, только команды, тихий шелест одежды и короткий удар каблуков при повороте.

Ну, а когда оркестр грянул марш, и рота за ротой пошли стремительным парадным шагом, тут просто дух захватило. Мимо трибуны я пошёл и даже не посмотрел на генерала, председателя комиссии. А ведь хотел специально его рассмотреть! Это первый генерал, которого я вижу за свою непродолжительную службу. Но моё желание сохранить равнение, дать твёрдый шаг и удержать в нужном положении своё оружие оказалось сильнее любопытства. Так я и не посмотрел на генерала вблизи! Позже имел возможность даже поздороваться за руку и даже поговорить с ним. Впрочем, «поговорить» – это слишком громко сказано.

А произошло это так. После торжественного марша все подразделения возвратились на прежние места и выстроились в том же порядке.

Перед нами предстоял инспекторский опрос. Есть что-то, я бы сказал, священное в этом опросе. Какая-то высшая форма братства, уважения, заботы старших о младших. В эти минуты проясняются и глубже понимаются все высокие материи, о которых нам говорили на политических занятиях и лекциях.

Вот тут я на деле видел, что все мы делаем одно общее дело и не зря называем друг друга «товарищ», все – и рядовые, и генералы.

Прозвучала длинная и своеобразная команда, которая не записана в Строевом уставе и подаётся она один раз в год, а то и в несколько лет, только на инспекторских смотрах. Приведу эту команду дословно и полностью.

Генерал что-то сказал нашему командиру полка, и тот скомандовал:

— Командиры батальонов – сорок шагов, их заместители – тридцать, командиры рот – двадцать шагов, взводов – пятнадцать, сержантский состав – десять шагов вперёд, шагом марш!

Все отшагали под барабанный бой сколько было приказано и оказались разведёнными так, что никто из старших не стеснял своим присутствием младших по званию и давал возможность с глазу на глаз высказать проверяющему любую жалобу или претензию.

Это для меня выглядело здорово! Проверяющие обошли сначала всех офицеров и сержантов, а потом подошли к солдатам, и никто из наших командиров не имел права ни оглянуться, ни подслушать. У одного из проверяющих офицеров была наготове специальная тетрадь, в которую полагалось записывать все просьбы и жалобы.

– Товарищи сержанты, у кого есть жалобы или заявления? – негромко спросил генерал. Вот тут я его хорошо рассмотрел: пожилой, лет пятидесяти, виски седые, немного дряблая кожа на лице. Но вся его внутренняя собранность и прочность были хорошо видны в глазах. Смотрел он прямо, внимательно и строго. И я почувствовал: этот человек, если ему высказать какую-то жалобу, разберет её до тонкости и ради справедливости ни поступится ни на волосок, кого бы эта жалоба ни коснулась – ротного, батальонного или даже самого командира полка. У меня никаких жалоб не было. Да и других сержантов тоже. На что нам жаловаться? В нашем полку жизнь идёт строго по уставу. Никто никогда не допускал никаких придинок, оскорблений или, как говорили, солдафонства. Только сейчас вот здесь, при опросе, я, да и другие, наверное, оценили, как это хорошо, когда жизнь и служба идут нормально, без каких-либо искривлений и перегибов.

После опроса генерал сказал всему полку:

– Мне очень приятно, товарищи, что от личного состава полка не поступило ни одной жалобы. Это свидетельствует о высокой организованности и делает честь всем вам – и офицерам, и сержантам, и солдатам. Нас эти слова окрылили на сдачу экзаменов, которые начинались через несколько часов, а в каких-то подразделениях сразу после смотра.

Самое большое волнение на инспекторской проверке – стрельба. Тут каждый выходит, как на бой. Впереди поле, ничего нет – ни мишеней, никаких указок, – настоящая нейтральная зона, как на войне. Где именно выскочит или появится мишень стреляющий не знает. Так сделано специально, чтоб было как на реальном поле боя. Стреляющий должен обнаружить появившуюся мишень и за несколько секунд определить до неё расстояние и поразить её. Это была

своеобразная дуэль – кто кого. На фронте смерть, а в мирное время двойка и позор.

Если стреляющий поражал мишень, то стрельба продолжалась дальше, если нет, то она прекращалась. Так как считалось, что противник стреляющего поразил. Это был настоящий для меня экзамен. Ведь отвечал не только за себя, но и за своё отделение. От результатов каждого военнослужащего зависела судьба всего отделения по оценке огневой подготовки отделения, а от него – оценка взвода, от него – оценка роты и т.д.

К концу дня наша рота в целом немного не дотянула до отличной оценки. Получалось, как в том анекдоте: не хватило несколько процентов. Ещё бы один человек стрельнул, и был бы порядок.

Но отстрелялись уже все: и офицеры, и сержанты, и старшина роты. И вдруг у меня мелькнула идея. Я подбежал к замполиту роты.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться?

– Слушаю вас товарищ младший сержант Неткачев.

– В списки нашей роты навечно зачислен Герой Советского Союза. Он же не только для того, чтоб на вечерней проверке выкликали. Может быть, и в боевых стрельбах примет участие!

– Раз он в нашей роте, значит, и в бою он участвует. Разрешите моему отделению за него отстрелять. Мне кажется, что это как поощрение, как особое доверие, отделение справиться с этой задачей.

Замполит чуть рот не раскрыл: – ну и придумал вы, Неткачев! Вообще-то вроде бы здорово! Но такое, по-моему, ещё в практике не применялось. А мысль хорошая. Отделению как поощрение – это хорошо! И в списке роты он, тоже верно. Пойду доложу проверяющему. Неизвестно ещё, как он к этому отнесётся. Замполит роты ушёл к столу инспекторов – там было и командование нашего полка. Офицеры довольно долго разговаривали, потом в нашу роту пришли все сразу – и проверяющие, и командование.

– Кто подал идею? – спросил командир полка.

– Младший сержант Неткачев, – сказал замполит роты и указал на меня.

– Молодец, Неткачев, хорошо придумал! Не только чтоб роте процент выполнения повысить, а вообще очень правильно вы рассудили. Надо ввести это в жизнь роты, как традицию. Ну что же, ваше предложение, вам первому и представляется честь осуществить его. Я опешил. Вот не ожидал. Думал за отделение, а здесь лично за всё отделение – здесь, тихо, кто-то шепнул.

– Лопух, забыл закон: не проявляй инициативы, ибо тебе же придётся осуществлять предложенное!

Я очень волновался. Моё волнение заметили в отделении и все почему-то дружно почти в один голос: – «Командир, ты нас не подведёшь!» Это дало мне какую-то силу, и я вышел на огневой рубеж. Не знаю, но мне в то время казалось, что мне помогает кто-то, кого я не вижу. Может герой, который погиб, чтоб я жил или мои погибшие родные, но на глазах всей роты поражал мишени, одну за другой в каком-то порыве. Все мишени были поражены, также, когда я выполнял упражнение за себя.

Стрельба закончилась, рота получила твёрдую хорошую оценку. Моё отделение – при подведении итогов стрельбы, было отмечено, в лучшую сторону. Подошёл замполит роты и сказал, что после проверки у него со мной будет разговор.

Когда проверка закончилась и настало время подвести итог, как говорят на военном языке, сделать разбор, к нам в гарнизон прибыл командир корпуса. Мы часто слышали его фамилию, но видеть его не приходилось. И вот он появился. Первое, что поразило всех нас – его рост. Окружающие генерала офицеры едва ему были до плеч. Он смотрел на всех сверху, и поэтому нам казалось, что он видит абсолютно все недостатки. После подведения итогов, он стоял возле машины у штаба полка и о чём-то беседовал с командиром полка. В это время к нам подошёл замполит роты. И мы все дружно попросили его, чтобы к нам в роту пригласили, если это возможно командира корпуса. Он понял наше намерение. Приказал старшине роты построить роту у входа в казарму. Сам пошёл в сторону, где стоял командир корпуса. Рота тихо построилась. Все стали ждать прихода командира корпуса. Наша затея удалась. Мы наблюдали все за его реакцией. Ко-

мандир корпуса достал записную книжку и что-то сказал замполиту.

И вот мы сидим в клубе части почти весь рядовой и сержантский состав полка. Заходит командир корпуса и с ним всё командование полка. Он добро улыбался, смотрел на нас весело. Вблизи он был совсем великаном. На груди у него много орденских планочек. И задаёт нам вопрос. «О чём вам рассказать?» – спросил он просто. Нам было очень приятно от таких простых слов. В это время кто-то несмело предложил:

– Про себя. Про жизнь. Все почему-то засмеялись и командир корпуса тоже. Ну что же давайте поговорим про жизнь. Она проходит быстро. Совсем недавно я ходил по этим барханам. Такой же молодой, как вы. Я был в те годы курсантом Ташкентского военного училища имени Ленина. Глядя на него, я подумал. Думал ли он тогда, что будет командиром корпуса? Нет, конечно. Вот и мы сидящие здесь вот тоже не знаем, кто из нас кем станет. Командир корпуса много рассказывал о войне, где был, и что пришлось им испытать, где и как погибали его подчинённые.

Но особенно меня поразили его слова, о том, что кем бы мы не были дальше по жизни, с чем бы не столкнулись, всегда помнили о жизни окружающих. Она, как и у нас, была одна. Все были рады этой беседе. Она закончилась, но мы ещё очень долго были под её впечатлением.

Замполит роты меня вызвал и беседуя со мной, предложил мне поступать в военное политическое училище во Львове на Украине. Я на его предложение среагировал сразу. Желание, давно было, только я желал, быть морским офицером. Штурманом корабля. Очень хотел учиться именно на него, но не знаю, где на них учатся. В каком училище. А он мне говорит, в Бакинском. Пообещал мне разобраться по этому вопросу и сообщить. Но мне посоветовал подумать над его предложением.

Продолжались будни нашей армейской жизни. Ночью на стрельбище – как в морском порту. Застеклённые домики пультов управления похожи на капитанские рубки кораблей: в них мигают разноцветные огоньки, шипят радиостанции,

звонят телефоны. Как линкор с сигнальными огоньками, вышашается центральная вышка. Оттуда несутся в ночь сигналы трубы. А на мишенном поле тоже огоньки – это всевозможные мишени. Иногда они движутся, словно катера и лодки в ночном море. Сегодня идёт стрельба с ночными прицелами. Инфракрасная техника позволяет видеть во мраке как днём. Первым начинает выполнять упражнение моё отделение. В начале стреляют гранатомётчики отделения, за ними пулемётчики и затем стрелки. Я как командир отделения должен пропустить через себя каждого военнослужащего своего отделения. Что я делаю каждый раз на стрельбе. Команды подчинённым уже подаю автоматически. Для меня нет проблем, и это знают наши командиры до командира батальона включительно. На стрельбе меня никто никогда не подменяет. Я соблюдаю курс стрельб и меня очень радует, что мне доверяют и понимая это, стремлюсь не подвести своих командиров.

После практической стрельбы переходим по команде центральной вышки на учебное место. Их обычно было от трёх и более. В зависимости от времени практической стрельбы и плана занятий. Занятия, как правило, проводит командир роты. Командиры взводов на учебных местах руководят, как правило, всеми отделениями роты. Иногда помощниками руководителей назначают и нас командиров отделений. Мы должны написать план проведения занятия и утвердить его у командира взвода, который накануне занятий проводит с нами на учебных местах инструктаж. Это называлось инструкторско-методическое занятие. Я очень любил учебное место, где определялась меткость.

Лежишь около приборов, определяющих меткость стреляющих. Чего только не придумывали наши командиры! Например, отоскоп, через который сержант или командир взвода видит, как целится стреляющий. Система зеркал позволяла нам заметить любую ошибку. Стреляющий, не торопясь совмещает прицел, мушку, цель, даёт сигнал, чтоб делали отметку, и вся эта система точно покажет, куда попала бы пуля и какие допущены отклонения. Зная ошибки стреляющего – делаешь разбор, так добиваешься устранения недостатков.

После этого учебного места, стреляющие допускаются к практической стрельбе. Кроме этого, учебного места есть место по отработке норматива по защите от оружия массового уничтожения – одевание противогаза и индивидуальных средств защиты. Итак, проходят все занятия по предметам программы подготовки военнослужащих. Как в школе, там изучают одни предметы, мы здесь изучаем другие. Если в школе, мы изучали общую подготовку, то здесь мы изучаем военную подготовку. Как и в школе должны сдавать экзамены в виде контрольных занятий или контрольных проверок.

Наступил июнь второго года моей службы. Замполит роты рассказал мне весь порядок поступления в военное училище. Я принял для себя решение – поступать. Сажу в Ленинской комнате, положил перед собой чистый лист бумаги, и необыкновенное волнение охватило меня.

Вот сейчас я напишу самые главные строчки в своей дальнейшей жизни. Кем я должен стать? Путь не лёгкий! Но по этому пути я пойду, и чтобы со мной не случилось, я должен выполнить поставленную перед собой цель. Добиться достижения её, с какими бы трудностями не пришлось бы встретиться.

Рапорт написан, он должен пройти все инстанции вплоть до округа. И получив резолюцию Командующего округом, он пойдёт снова в полк. Соберу все необходимые документы и после этого их отправят в штаб ВМФ, а оттуда будет направлены в училище. Пройдёт ещё какое-то время и будет издан приказ о моём зачислении кандидатом для поступления в училище. В этом приказе будет всё указано: когда мне прибыть для сдачи экзаменов. А сейчас всё свободное время, я стараюсь использовать на повторение школьных предметов и общеобразовательных техникума. Это математика, физика, история, литература и химия. Физическую подготовку готовить и повторять не надо. Мы её повторяем каждый день на утренней физзарядке и плановых занятий по физподготовке. За этот предмет я спокоен. Рапорт написан мной с ходатайством о разрешении поступления в училище. Отдаю его командиру взвода, и он пошёл дальше по инстанции.

На следующий день вызывает меня командир батальона подполковник Вакуленко Дмитрий Иванович. Он фронтовик. Докладываю ему о своём прибытии. У него в руках мой рапорт рядом с ним замполит батальона и они вдвоём начинают со мной беседу. Беседа будет долгой. Комбат мне скажет, что недавно было сокращено большое количество офицеров, что некоторых уволили за несколько месяцев до достижения срока ухода на пенсию, и они вынуждены были, увольняться без пенсии. Их просто сократили. Он предложил мне другой вариант моего дальнейшего жизненного пути. Что он мне разрешит ходить на подготовительные курсы для поступления в институт. По окончании срока службы напишет ходатайство в институт о моём зачислении. Я ему объяснил, что этот путь для меня не приемлем, так как я хочу быть офицером ВМФ и почему, он со мной согласился. Комбат сказал хорошо, ходатайство о моём направлении в училище будет подписано. Я, спросив разрешение у него, вышел из кабинета.

Моя служба продолжалась в повседневной армейской жизни. Наступила последняя декада июля месяц пришёл на меня вызов из училища. Получив напутствие моих командиров и необходимые документы, убыл в г. Баку для сдачи экзаменов. Добирался я до г. Баку двумя видами транспорта. Вначале до города Красноводска вёз тепловоз, а затем на паромную переправу паромом через Каспий до г. Баку. Город встретил меня, неприветливо, сильным дождём. Был полдень. Нестерпимо стало палить июльское солнце, почти достигшее зенита. Так встречал меня город, где я должен был осуществить свою детскую мечту.

Наконец добрался до училища. В училище, был зачислен в группу военнослужащих абитуриентов, так как нам военнослужащим по приказу Министра Обороны, предоставлялся месяц на подготовку к экзаменам, в училище. Занятия с нами по подготовительной программе проводили преподаватели училища. Распорядок дня чем-то был похож на тот, который был в полку. Не вся группа занималась усердно, кто-то прибыл провести время. Но кто хотел поступить, те занимались усердно. Мы прошли медкомиссию, несколько

человек после её были отчислены и убыли в свои части. Наступил день сдачи экзаменов. Группа сдала четыре экзамена, остался один. И нас всех снова на медкомиссию. Прошли и эту. Завтра последний экзамен и наша мечта исполнится, мы станем курсантами. Нашу группу собирают в клубе училища. Мы ещё не знаем по какому вопросу.

Заходит адмирал и с ним три капитана первого ранга. Началась беседа, которая свелась к мысли, что нам всем предлагают готовиться в подводники на дизельные лодки. В один миг все мечты твои рухнули, хотел быть штурманом, а тут в подводники. Смотрю ребята начали колебаться, что будем делать, я встаю и задаю вопрос, а как с теми, кто не захочет. Получаю ответ – другого пути пока нет. Нам дают сутки на принятие решения. Сдаём последний экзамен. Решение принято, еду в полк. Практически вся наша группа возвращается в части.

Разочарованный, возвращаюсь в полк. Докладываю о своём возвращении командиру полка. Он, выслушав меня, говорит мне: это плохо, что рухнула мечта, но это не смертельно впереди целая жизнь. Приказывает о своём прибытии доложить командиру батальона, а службу продолжать также, как и до убытия в училище. Прощаясь со мной за руку, пожелал мне успехов в боевой и политической подготовке.

Прибыв в батальон, доложил командиру батальона. Мне показалось, что он был рад моему возвращению. Выслушав меня, подробно расспросив всё, командир батальона скажет, что он от своих слов и решений не отказывается. Иди готовься поступать в институт, а всё что от них зависит, он сделает.

На душе стало как-то легче от его этих слов. Доложив своим командирам, прибыл во взвод. Ребята отделения обрадовались. Рассказали все новости, которые были во взводе за время моего отсутствия. И началась повседневная армейская жизнь. Время приближало старослужащих к увольнению. Ждём приказа Министра Обороны. Считаем дни. Мы же становимся после его издания – старослужащими.

Тревога всегда налетает неожиданно. А эта была какая-то особенная. Сначала происходило всё, как обычно: боевой клич мгновенно сдёрнул роту с постелей. Через несколько

минут мы уже погрузили боеприпасы в свои «бронники». Тут я увидел, что поднялся весь полк. Значит, не очередная тренировка, когда поднимают поротно или побатальонно. Увидел около штаба приезжих генералов, полковников и ещё больше убедился: предстоит дело серьёзное, большие учения или проверка московской комиссии. А может быть... война? Может быть, там, далеко на западе или на востоке, уже началось? Если это случится, нас поднимут точно так же. Ведь тревога для солдата всегда одинакова: хоть в бой, хоть на учения. Вот сейчас в моём отделение всё необходимое, я с отделением готов немедленно вступить в бой. Пока личный состав грузил боеприпасы в машины, офицеры получали задачу. Только мы закончили, запыхавшиеся офицеры уже прибежали к своим взводам, ротам. Я не в первый раз любовался чёткостью и продуманностью действий по тревоге. Всё расписано: каждый солдат знает, что ему полагается взять, куда погрузить и в какой последовательности. Пока тяжёлое ложилось на дно бронетранспортёра – это ящики боеприпасов, занимали своё место прибежавший последний солдат отделения согласно боевому расчёту – и всё готово! И офицеры уже тут как тут! Батальоны, роты, батареи, специальные подразделения, немедля ни секунды, трогаются к исходному пункту.

Каждое подразделение пройдёт этот пункт точно в установленное время, и на ходу сформируется колонна полка в несколько километров длиной, с необходимыми в условиях возможных ядерных ударов дистанциями и интервалами. И сегодня, я был уверен, во мраке ночи, все подразделения проделают это быстро и чётко – мы не раз тренировались уже за эти почти два года только моей службы. Я хорошо представляю, что происходит сейчас в темноте на огромном пространстве городка и прилегающей к нему территории.

Учения в Туркмении сами по себе тяжёлое испытание для людей, и для техники и вооружения. Тут и страшная жара, от которой перегреваются двигатели автомашин, БТР, танков, тут и запылённость, и постоянно дующий «афганец», тут и безводье. Зачастую на таких учениях, проводимые в летнее месяцы, многие не выдерживают, получают солнеч-

ные удары. Но еще тяжелее переносить всё это, если учения проводятся не только в пустынной местности Каракумов, но и в горах Копетдага. Жара, разрежённость воздуха (недостаток кислорода), тяжёлые подъёмы и спуски – всё это дополнительными трудностями ложится на нас, личный состав и технику.

На этот раз вывели наш полк не в пустыню, а в горы. Машины, напряжённо рыча, долго продвигались вверх к перевалу. Дорога виляла по склону горы. Неосторожное движение водителя – и от нашего «бронника», останется только груда искорёженных узлов!

К утру мы были уже на южных склонах хребта. Пока ехали, командир взвода объяснил обстановку:

«Южные» стремятся преодолеть хребет Копетдаг и перерезать железную дорогу. Наш полк получил задачу – совершить марш, перейти к обороне на южных скатах и не допустить выхода «противника» к перевалам. Конкретную задачу получим на месте. Командир роты наш заболел, находясь в отпуске и пока не прибыл. Я буду командовать ротой. Вместо себя командиром взвода назначаю младшего сержанта Неткачева. Я думаю, что он с поставленной задачей справится, командир он хоть и молодой, но уже поступал в училище. Меня от таких слов бросило в жар: шутка ли командовать взводом! Всё это получилось, как на войне, когда младший после гибели старшего командира принимал на себя командование.

После прибытия к месту назначения колонна распалась, роты быстро расползлись по укрытиям. Стояли горы как горы, покачивались на ветру кусты шиповника и колючки татарника; просто не верилось, что здесь, где-то между камнями в лощинах и впадинах, сотни бронетранспортёров, танков, автомобилей, пушек, миномётов и множество людей. Никто не обнаружил себя. Самолёты «противника» с гулом проносились над нами – они вели разведку.

Командир полка, а за ним и комбаты, командиры рот, взводов, отделений отдали боевые приказы, произошло быстрое перемещение подразделений из укрытий к местам обороны. Вот где всем пригодилась кроссовая подготовка и физиче-

ская закалка. Солдаты бежали по крутым склонам к назначенным для обороны участком, перебежали быстро, пока не было самолётов «противника».

Через несколько минут в горах опять не стало видно ни души – стояли горы как горы, такие, какими они были многие века, подумал я. Но разбирающийся в военном деле человек хорошо представляет, что здесь высятся уже не те горы. Тут создан прочный узел обороны!

Я немного путался, отдавая приказы взводу. В обычных условиях, я чувствовал бы себя более уверенно, а тут вдруг особенности горной войны, да ещё поручили взводом командовать! Это была особая ответственность, ответственность за выполнение взводом «учебно-боевой» задачи.

И тогда я впервые ощутил её. Ведь учения не только трудная боевая школа для солдат. Их и описать очень сложно. Особенно в моём положении исполняющего обязанности командира взвода. Я думаю об этом, монотонно ударяя лопатой в землю. Долблю её упорно и настойчиво. Ведь мой окоп должен быть лучшим. По нему будут равняться все отделения взвода. Поэтому не хотелось как говориться – ударить лицом в грязь. Может для некоторых – это звучит солидно и веско: инженерные работы! Практически для отделения это означает – копать лопатами землю и окопы, чем глубже, тем лучше для спасения во время наступления «противника» пока в учебном бою. Вот настала ночь, стало холодно в горах, позади, уже ведь трое суток без отдыха и сна. После обороны мы совершали обходный манёвр по ущелью и руслу горной реки.

Наверное, никому и в голову не пришло бы пробираться на автомобилях и бронетранспортёрах по этой расщелине между хребтами гор, заросших бояркой и шиповником. Только, наверное, дикие козы да кабаны сюда забираются.

А мы прошли, да ещё артиллерию протащили. Тут уж не наши бронетранспортёры нас везли, а мы их на себе волокли! Но мы всё же прошли полком этот маршрут. Дорогой читатель здесь я в первые ощутил волю командного состава полка, батальона и роты по выполнению поставленной задачи не взирая ни на какие трудности.

И вот опять мы у подножия гор, на северных склонах. За спиной у нас отрезанный «противник», его в реальном бою будут добивать другие части, а мы должны не допустить резерва, который выдвигается. Мы должны будем его упредить и с выгодного для нас рубежа уничтожить «противника» во встречном бою.

И снова марш, наша рота головная походная застава (ГПЗ) мой взвод – боевой разведывательный дозор (БРД). Впереди выдвигается дозор – моё отделение. Я выдвигаюсь с отделением. Согласно боевому уставу, это неправильно, но я так решил. Два других отделения выдвигаются на зрительную видимость. За взводом выдвигается рота.

На рассвете мы встретили «противника», его обозначала мишенная обстановка, раскинутыми несколькими комплектами РТК (ротный тактический комплект), грянул бой. Ночь уже стала пропадать. Вот в этот час и «ринулись» на наши позиции танки «противника» мы лишь едва успели окопаться. Я думал, нас обнаружат лишь утром, потом начнут вести разведку наших позиций, готовиться к наступлению. В общем, пока всё это «противник» проделывает, мы успеем немного поспать, позавтракать.

Однако у руководителей учений был другой план. Ничего не скажешь – толково придумали, удачно выбрали момент для наступления. Знали, что наши силы на пределе после невероятного трудного нашего выдвижения на этот рубеж. Мы станем зарываться. Отдадим инженерному оборудованию все отставшие силы. И когда устанем до изнеможения, тут-то он и ударит!

Именно так и получится. Прозвучал доклад боевого охранения, высланного вперёд: «противник» – приближается и атакует»

«Танки» приближались быстро. Они почти сливались с землёй, только лишь контуры можно было разглядеть. Да, нелегко было брать их на прицел артиллеристам! В таких условиях они действительно дойдут до наших позиций, траншей. Вот и стал бы для нас сегодняшний день дубо-сековским испытанием, как был в сорок первом для панфиловцев.

– Гранатомётчикам, по танкам огонь! – скомандовал я взводу в громкоговоритель. – Пулемётчикам и автоматчикам – отсекать пехоту – снайперам уничтожать офицеров и пулемётные расчёты. Затрещали выстрелы. Вспышки в утреннем рассвете были видны ярко. Их было много. Патронами нас наделили очень щедро. Мы вели огонь, чтобы видели посредники: отражение атаки.

«Танки» продолжали скользить в рассвете утренней зари, всё ближе и ближе к нашим окопам и неглубокой траншее.

– Всем приготовить противотанковые гранаты, – крикнул я.

И командиры отделений, как эхо, повторили мою команду. Я отметил: что уверенно, коротко, без суеты командуют. Но танки были уже совсем близко. Вот сейчас бы началось самое главное. Та самая проверка на прочность, к которой нас готовили. Я быстро глянул на ребят нашего взвода. Выложив гранаты на бруствер, они ждали танки. Лица у них были какие-то необычные. Может быть, от усталости или утренней синевы. А может, от внутренней собранности и напряжения.

Глядя на приближающиеся «танки», обозначенные мишенями, я вспомнил на мгновение, недавно прочитанный мною роман фронтовика Александра Бека «Волоколамское шоссе» в «Роман-газете», реально представляю ребят взвода в это бою. Вот ползут тёмные глыбы танков, они сточат из пулемётов, с грохотом бьют снарядами по нашей траншее. Танки мчатся на нас. Ещё мгновение – и они навалятся на траншею. Застопорив одну гусеницу, механики-водители крутнут тяжёлые машины на месте и, обрушив края траншей, похоронят нас заживо. Они уничтожат наш взвод и поведут свою пехоту дальше, вглубь страны. Но этого не случится. Мы не пропустим «врага». Много лет спустя, выйдет кинофильм под таким названием, но тогда я ещё не знал об этом.

Наконец посредники «остановили» танки «противника». Теперь будет взвешено всё «за» и «против», оценят наши инженерные труды и эффект внезапности атаки. Победа будет присуждена объективно: посредники – народ беспристрастный. И всё же, что бы они ни решили, я убеждён: победу в этом бою одержали именно мы! Мне-то виднее – я знаю, что

за люди здесь оборонялись... Ведь в этом бою мы доказали сами себе, что означает лозунг: ни шагу назад!

Тогда, именно тогда, я сделал для себя вывод, что оказывается, чтобы понять всё это, уверовать окончательно в своих командиров, товарищей и в себя, мало одних занятий в классах, в полковых учебных городках: надо обязательно выйти в поле, увидеть мощь оружия и силу людей на огромном пространстве, почувствовать и понять, что мы в состоянии уберечь, отстоять, от врагов это огромное пространство, имя которому наша Родина!

Мы продолжали выполнять дальнейшие задачи по вводным этого «учебного» боя. Отходили от рубежа к рубежу, контратакуя и устраивая засады на горной дороге. Наконец пришёл сигнал отбой, а это означало – конец учений, предстоял последний этап этих учений – это совершить марш в район дислокации полка. Когда мы сидели возле своих бронетранспортёров, ожидая сигнал для посадки.

Мы увидели в стороне вышку. Получалось, что она была не далеко от рубежа, где мы оборонялись. На вышке было много генералов и офицеров. Они стали спускаться к подходящим машинам. И все мы увидели, невысокого стройного маршала. С вышки стал спускаться наш командир корпуса, мы его все узнали. И первые мысли, наверное, у всех – как он оценивает наши действия, не подвели ли мы его, в присутствии маршала. Я про себя подумал надо-же, за свою службу увижу маршала.

Мы ещё не знали, что этот маршал и есть Министр Обороны СССР Р.Я. Малиновский, к которому я обращался, о призыве в армию. Он отдавал какие-то распоряжения окружающим. Наконец их колонна тронулась. А с её движением прозвучала команда по «машинам», и наша колонна начала движение в район сбора полка.

Прибыли в район сбора полка, батальон занял указанное место. Наша рота была во главе колонны полка. Прозвучала команда «к машине». Построились в готовности идти на приём пищи. И увидели своего старшину роты идущего, а за ним медленно шла машина. Старшина роты доложил почему-то о своём прибытии командиру батальона.

Все удивились этому. Отдельные стали подшучивать над этим. Что, старшина уже перешёл в управление батальона. После приёма пищи был построен батальон, и командир объявил: завтра подведение итогов нашего учения. Впервые на его подведение должны прибыть все офицеры батальона и командиры отделений по списку. Было указано время построения для проверки внешнего вида участникам этого подведения учения. Вдали на возвышенности мы увидели несколько больших палаток.

Рядом со строящимся палаточным городком несколько в стороне стоял вертолёт и несколько радиостанций на базе разного вида машин. Какое-то время спустя, была построена рота. На этом построении командир роты объявил список участников, которые должны прибыть на разбор учений. В этом списке оказался и я.

После объявления списка участников разбора учений, старшина роты сказал, что командирам отделений участникам разбора получить у него форму. Всем командирам отделений выдали новую полевую форму. Погоны все были уже пришиты, на них у всех были сержантские знаки отличия. Получалось, что мы все стали в один день сержантами.

Пошли в полевую баню. Одев все новенькую подгонную на каждого форму и в новых сапогах, мы выглядели очень здорово, мне казалось, что мы выглядели, как только что по явившие на свет одинаковые цыплята. Все радовались, у всех было радостное настроение, казалось, что сегодня для нас будет необычный день. Снова построение и проверка нашей формы: командирами всех уровней.

Наконец мы в машине, которая нас доставит на разбор. Прибыв в район разбора, построились в одну шеренгу, подошёл командир батальона и предупредил, что скоро придёт Министр обороны.

Объяснил, как ему представляться. Приказал командирам рот нас потренировать. И так мы готовы к встрече.

Подошла колонна машин, всё вокруг замерло, было слышно только пение в небе птиц. Из ЗИЛа вышел Маршал Советского Союза – Министр обороны Р.Я. Малиновский и боль-

шая прибывшая с ним на других разных машинах группа генералов, двинулась по направлению в нашу сторону.

Строй замер, рядом со мной с левой стороны стоял командир моего взвода, а с правой два командира отделения нашего взвода. Правее их от меня стоял командир второй роты с командирами взводов и отделений. Всего нас с нашего батальона было — пятнадцать-шестнадцать человек вместе со всеми офицерами. Всего же на разбор с полка прибыло не более сорока-сорока пяти человек, включая офицеров.

Подошёл Министр Обороны и стал с каждым знакомиться. Я слышал, как ему представлялись: командир и заместители командира полка, офицеры управления. Маршал подошёл к нашему батальону. У меня в голове промелькнула мысль, что вот я простой сержант сегодня, сейчас представлю перед Министром Обороны Советского Союза. И было какое-то чувство гордости за себя, своих командирах всех рангов и уровней, за своих подчинённых солдат.

Представление Маршалу продолжалось. Я увидел среди сопровождающих лиц Командира корпуса. Настала моя очередь представляться. Подошёл Маршал, я представился согласно уставу, как тренировал командир роты. Маршал протянул мне руку. Его ладонь была, как две моих, но это была очень тёплая рука. После моего представления и каких-то слов, сказанных ему одним из сопровождающих генералов. Маршал остановился передо мной, задержался и задал мне вопрос — это Вы командовали во время отражения атаки на левом фланге? Я ответил — так точно! Стал уточнять у меня, как проходит моя служба, не рано ли я попросился служить, не жалею

**Министр Обороны
СССР Маршал
Р.Я. Малиновский.**

ли о своём обращении. Последние сказанные им слова, меня очень разволновали. Я покраснел, наверное, как сваренный рак. В это время подумал: «Оказывается, он даже помнит о моём обращении, не подвёл ли я его? По принятию решения в отношении меня». После моего ответа МО и уточнение интересующих его вопросов он всем присутствующим громко сказал – вот такие офицеры нам нужны.

Сзади его стоял наш командир полка. Он и высказал ему, что я поступал в Бакинское Военно-морское училище. Уточнив у меня все детали моего поступления. Задал мне вопрос – не пропало ли у меня желание быть офицером? Я ответил нет. И тогда он снял с руки свои часы и вручил их мне. Я ответил: – Служу Советскому Союзу! Одному из генералов, как оказалось, это был его заместитель по кадрам – генерал армии Шкадов, приказал найти мне училище и зачислить. Так познакомившись со всеми участниками разбора, Министр Обороны пригласил нас в палатку.

Зашли, в ней было тепло и уютно, на всю длину стоял стол, накрытый белой скатертью. Пригласил всех сесть и начался разговор. Говорили о многом. Очень запомнились его слова, что нужно учиться воевать, но при проведении занятий и учений не должно быть шаблона. Учить солдат мастерски владеть своим оружием. А командирам всегда думать, как выполнять в реальном бою поставленную задачу с минимальными потерями личного состава. Всегда при проведении занятий создавать сложную обстановку для обучающихся всех уровней. В заключении он сказал: – «понимаю, что в реальном бою будет всё по-другому, но обученный командир, солдат всегда из него выйдет победителем». В конце беседы был зачитан приказ о досрочном присвоении званий и назначении офицеров на высшие должности участников учений. В нашем батальоне практически все получили те или иные виды поощрения.

Итак, получен приказ вернуться в пункт постоянной дислокации, т.е. в свой, родной, ставшим за эти годы гарнизон.

По прибытию на следующий день, командир полка объявил: какое отделение обслужит лучше своё закреплённое оружие и технику, то получит отпуск домой полностью всем составом отделения.

Построил отделение и спросил, кто не хочет ехать – два шага вперёд. Таких в моём отделении не нашлось. Мы трудились все без лишних напоминаний, контролируя сами друг друга.

Через неделю с небольшим начала работать полковая комиссия. Она и должна выявить лучшее отделение.

Шла последняя неделя августа. В субботу на построении замполит полка объявил результаты работы комиссии. Как не странно, но моё отделение оказалось лучшим.

Значит мы трудились не зря, доставая и требуя от своих командиров необходимые материалы. Труд наш был оценен! Командир полка приказал выйти из строя моему отделению. Комбат, командир роты и взвода продублировали эту команду. Я скомандовал отделению. Вышли на указанное количество шагов. К нам подошёл командир полка, комбат и ротный. Мне было приказано прибыть в строевую часть полка. Бегом, выполняя этот приказ, я ещё не знал, что бегу к новой странице своей жизни.

По прибытию в строевую часть и доложив начальнику о своём прибытии, получил новый приказ, переодеться в парадную форму, забрать все свои вещи у старшины в каптёрке, сдать ему постель и снова прибыть. Быстро выполнил все указания начальника строевой части, через минут сорок я был у него. Он вручил мне предписание, в котором было указано к какому сроку я должен прибыть в Ульяновское гвардейское командное танковое училище. После получения всех необходимых для убытия документов получил распоряжение зайти к командиру полка. Командир поблагодарил меня за службу. И приказал мне по прибытию из кабинета начальника училища доложить командиру корпуса о своём прибытии. Получив разрешение попрощаться с друзьями и своим отделением, пошёл в казарму, которая стала для меня родным домом.

Шёл и думал вот ещё несколько минут и прощай навсегда всё, что стало родным и близким за эти почти два года службы. Этот мне знакомый гарнизон, мои боевые друзья, мои командиры – наставники и учителя, которые здесь заменили мне брата, наверное, и отца ещё раз вспомнив, которого ни-

когда не видел. Подошёл к своему отделению, объявил всем, что убываю в училище в Ульяновск. Все были рады, что исполнилась моя мечта стать офицером. Обнялись с каждым на прощанье. Все пожелали мне счастливой дороги. В канцелярии роты офицеры, включая командира роты, поздравили меня с большим событием в моей жизни и пожелали дальнейших успехов. Мне каждый пожал руку. Командир роты направил меня к командиру батальона.

В кабинете комбата, как обычно было накурено. Он, выслушав мой доклад, пригласил сесть. Много говорил и рассказывал о своей жизни офицера, как им стал в годы войны. Приводил очень много примеров из семейной жизни. Я тогда ещё не знал, что это будет для него последний такой разговор по душам. Он умрёт в скором времени от болезни, которую получил за годы службы. Он нам об этом никогда не рассказывал. Оказывается, он был на испытательных учениях, впервые проходивших в нашей стране с применением ядерного оружия.

И вот я на вокзале. Купив билет в военной кассе, впервые в своей жизни еду к своему новому, не обычному. Согласно приказу и предписания, имеющегося у меня на руках, я через несколько дней буду уже курсантом военного училища и буду учиться, чтобы стать достойным офицером, моей Родины, в лице её Вооружённых Сил.

«Любой приказ должен быть выполнен точно и в срок, даже если его выполнение связано с риском для жизни. Много приходится выполнять солдату приказов за время службы». Такие слова нам сказал в конце беседы Министр Обороны, которые я запомнил на всю свою жизнь!

Я ехал учиться отдавать эти приказы, уже будучи офицером Вооружённых Сил моей Родины – СССР. Сидя в вагоне поезда, прокручивая в памяти последнее, увиденное. Идя к вокзалу, вспомнил о службе, как она начиналась, а навстречу мне шли люди. Мужчины посматривали на меня и мою военную форму приветливо и весело. Они будто все были мои старые, хорошие знакомые. Теперь я знал: эти люди в гражданских костюмах не только инженеры, продавцы, парикмахеры или педагоги. Все они, кроме того, рядовые, сер-

жанты, офицеры запаса: пулемётчики, танкисты, связисты, сапёры, разведчики, моряки или ракетчики. Все они мои теперь, товарищи по оружию. А пока я шёл к вокзалу, чтобы ехать учиться военной науке – побеждать!

Как я остановился, повернулся назад, чтобы в последний раз посмотреть ставшим таким родным для меня наш военный городок, который изменился очень, за это время.

У нас, у мальчишек, выросших после тяжёлых годов Великой Отечественной войны, была заветная мечта послужить в Советской Армии, а ещё лучше – стать командиром. Не учась ещё в школе в первые годы после войны, сколько нами было проведено военных игр по наступлению весны каждого года на высотах, высохших после таяния снега, на этих полянках и в лесу вокруг пригородного села «Рубежное» Куйбышевского района г. Куйбышева, где я родился и вырос. Мы стремились подражать фронтовикам, пришедшим с войны, защищавшим нашу Родину от фашизма.

В середине марта – начале апреля выпадал дождь. Снега у нас в то время были глубокие, они весной быстро от дождей садились, а ночью, как правило, подмерзало. В результате этого по уплотнённому и подмёрзшему снегу следующего дня иногда можно было ходить и даже бегать бегом по таким полям целый день, и он выдерживал нашу тяжесть. Это ка-

Таким стал городок.

чество природы мы и использовали для проведения военных игр на высотах в лесу вокруг нашего села, он выращивал овощи для города. Он был небольшое – полевых бригад пять – шесть, но детей было много.

Кто-то из нас, кто был по старше, брал на себя инициативу быть командиром, строил всех в две шеренги, одни обозначали красных, другие фашистов, которыми, как правило, никто не хотел быть, и проводилась игра. Одни окапывались в твёрдом снегу, другие их атаковали и наоборот. Всякое бывало, но очень часто такие игры заканчивались потасовками, «стенка на стенку». Мы серчали друг на друга, расходились, а на следующий день снова мирились и игры продолжались. Это для нас было немалой базой воспитания характера, что в дальнейшем сыграло положительную роль.

После досрочного призыва в армию, мне пришлось почти два года отслужить. Там я окончательно убедился, что надо поступать в военное училище. Моя детская мечта, быть командиром корабля, на данный момент была уже для меня не осуществима. Желание же быть офицером, ещё оставалось.

Нам на политзанятиях, наш командир взвода доводил, что широкое внедрение в Советских Вооружённых Силах ракетно-ядерного оружия и других средств массового поражения вызвало революцию в военном деле. Что создаётся совершенно новый вид Вооружённых Сил – ракетные войска стратегического назначения. Уже качественно изменились войска ПВО страны. Значительно вырастает роль бронетанковых и механизированных войск, как главной ударной силы сухопутных войск. Танкисты получают на вооружение новую машину Т-54, которая по своим тактико-техническим данным намного превосходила лучший танк периода второй мировой войны всем известную – «тридцатьчетвёрку».

Новый танк, как выяснится мною в дальнейшем, когда буду учиться, в училище, был более манёвренней, обладал лучшей проходимостью, имел большую дальность и точность стрельбы, за счёт установленной на нём 100-мм пушки, и стабилизатора вооружения. Уменьшение габаритов танка по высоте, улучшение броневой защиты более чем в 2 раза,

изменением наклона броневых листов, всё это в комплексе и позволило увеличить его живучесть.

Новым важным шагом в моей жизни и большой для меня радостью было зачисление в Ульяновское гвардейское командное дважды Краснознамённое ордена Красной Звезды танковое училище имени В. И. Ленина. Я в него был зачислен приказом Министра Обороны СССР Маршалом Советского Союза Р. Я. Малиновским. Это для меня была большая честь! И огромная ответственность перед теми, кто ходатайствовал о моём зачислении и, кто зачислил. Я всё это понимал! Эту огромную ответственность перед ними!!! Моя детская мечта осуществлялась! Может – быть не так, как хотелось с детства! Но я буду – офицером, командиром!

Итак я еду в Ульяновск в военное училище, которое закончу с отличием.

Об учёбе в нём, уважаемый читатель, я расскажу в другой главе.

Глава II: Сбывшаяся мечта. Освоение азов военной науки.

*«Счастье и наивеличайшая честь
носить русский мундир офицера»*

М. И. Кутузов.

В октябрь 1964 года генеральным секретарём ЦК КПСС и председателем совета обороны СССР стал Леонид Ильич Брежнев. Прошёл почти уже год после его избрания. Народ страны, жил в большом патриотическом порыве, выполняя пятилетние планы. Прошло двадцать лет после окончания Великой Отечественной войны. Мир уже начал меняться и менялась расстановка сил на мировой арене. Осенью 1965 года, в связи с обострившимися отношениями между США и Кубой, было временно задержано увольнение солдат и сержантов, выслуживших срок службы. В нашем корпусе доукомплектовывали дивизию и родной полк, развёртывались другие части и соединения Туркестанского военного округа.

Не хватало младших офицеров, в первую очередь – командиров взводов.

По решению Министерства Обороны в полках и дивизиях были развернуты 3-месячные курсы по подготовке младших лейтенантов. На курсы принимались все желающие молодые люди, добровольно пожелавшие, связать свою судьбу с Вооружёнными Силами страны. Отбирали преимущественно из сержантского состава, отслуживших срок службы и являющимися отличниками боевой и политической подготовки. Об этом я узнал, когда получил письмо от Виктора Карпова, участь в училище.

Но это было потом. А пока вспоминаю 1965 год, когда я ехал в поезде из родного полка в Туркмении в город Ульяновск, и в открытые окна вагона вривался осенний воздух, пахший землёй. Вдали от полотна железной дороги уютно светились чьи-то окна какой-то небольшой станции. А в чёрном небе качалась бледная россыпь звёзд. Я ехал в город, в котором должен буду познакомиться с азами военной науки и освоить их. В пассажирском вагоне соседями моими были в основном мирные, гражданские, люди. Вот эти люди, чтобы они могли спокойно спать, мне, после окончания училища, они и доверят своих учить детей. Именно полученные мной знания, должны позволить мне учить своих подчинённых солдат, сержантов, которых дома будут ждать родители. Я, должен буду научить их воевать в мирное время и довести до их сознания, чтобы они были готовы, отдать жизнь, защищая Отечество. И я должен буду довести до своих подчинённых, для чего им это надо. Они будут разные, разных национальностей и веры. Но их нужно объединить в одну дружную семью. Они должны поверить в меня своего командира. В мои слова: – Тот, кто учится, кто стремится к победе, всегда победит. В этом и будет заключаться моя главная задача. Тогда мы будем непобедимы: – те, кто борется за дело, в правоту которого верит. Такие мысли были в моей голове.

За окном мелькали полустанки, посёлки, поля и леса, реки и озёра, и это была моя Родина, в которой жили мирные люди – родители моих будущих подчинённых. Вот именно это, я должен буду научить защищать, а если потребуется, то

и отдать за это свои жизни. Поезд, как правило, останавливался на вокзалах городов и крупных райцентров. Он приближался с каждым часом к городу Ульяновску. Оставалось всего одни сутки и несколько минут, и он прибудет в место моего указанного в предписание, т.е. пункта прибытия. Да именно здесь судьба приготовила мне – стать офицером. Я волновался и очень переживал, думал, как встретят в училище, где ещё никого не знаю? Как вольюсь в коллектив, с которым буду целых три года? Само собой, пришли воспоминания: о поступлении в Военно-морское училище и г. Баку с его улицами и красивой набережной, и с его легендой, которая передавалась из поколения в поколение, город, в котором не исполнилась мечта детства. И последние учения закончившиеся встречей с Министром Обороны, и его подарок, и зачисление в танковое командное училище им. В.И. Ленина. Вспоминалось торжественное построение полка на 9 Мая, и вынос его боевого знамени, зачитка приказа МО в соответствии с постановлением Верховного Совета СССР о награждении Юбилейной медалью – «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне» и вручение её мне – первой в моей жизни медали.

С началом войны Германии против СССР все враги коммунизма, сделали ставку на Гитлера, верили, что он станет могильщиком государства коммунистов. Французский фашист Дорио писал: «Надо признать, мы были непростительно наивны, когда, уничтожая одного коммуниста, думали, что мы подрываем коммунизм. Гитлер и его могущественная Германия – вот кто взял на себя историческую, сколь тяжёлую, столь и благодарную миссию покончить с коммунизмом. Будучи вождём, мыслителем и полководцем, он понял, что начало и конец коммунизма находятся в Москве».

Именно под Москвой гитлеровская армии потерпела своё первое поражение. Но до конца было ещё далеко. Так невообразимо далеко, что верить в него мог не всякий даже мечтавший о нём. В конечном итоге СССР победил, но на горизонте появлялись новые его могильщики.

Вспомнился рассказ моей первой учительницы – Ольги Михайловны Никитиной.

До начала войны она жила в городе Ленинграде работала в школьной библиотеке. Произошло какое-то горькое недоразумение с эвакуацией её библиотекой в начале этой страшной войны, и она со своими книгами осталась. А гитлеровцы, рвались тогда к Ленинграду. Но спасти библиотеку всё равно не удалось, она сгорела. А учительница в результате событий, о которых долго и незачем рассказывать, оказалась в маленьком волжском городке, где её приютила семья, состоявшая из двух сестёр, женщин примерно её возраста, и глухонемого паренька, приходившегося им племянником. Обе сестры ещё до революции получили в Петрограде высшее педагогическое образование, но преподавательской работой не занимались. У них был домик, и они зарабатывали тем, что держали летом отдыхающих. Только после Октябрьской социалистической революции, когда была установлена советская власть, они получили возможность учительствовать в местной школе, и были очень счастливы. Но пришла новая беда – война!

Она требовала новых жертв – человеческих жизней. Их вчерашние школьники добровольцами ушли на фронт – им было по семнадцать лет. Некоторые попали в училища, а некоторые сразу на фронт. И что с ними, они не знали. Задавая себе вопросы – может многие уже погибли? А может в лучшем случае ранены? Где они их ученики? Ответа на эти вопросы у них не было! А они все мечтали о том, как закончат школу и будут строить свою новую жизнь. Будут учиться и работать, добиваясь новых успехов своих и любимой страны. Они мечтали об этом, эти юноши и девушки. Сбудутся ли их мечты? Об этом не знал никто! Ни преподаватели, ни ученики, ушедшие на фронт. Многие из них могли стать: учёными; конструкторами; инженерами; врачами; лётчиками; рабочими разных профессий, но их мечта не сбылась! Шла война... Стали приходиться похоронки, их было много, очень много. И каждый раз, когда моя учительница возвращалась к этим воспоминаниям, у нее всегда появлялись на глазах слёзы, глядя на нас. Может быть она в это время видела их, тех, которые не вернулись с этой войны. Она, идя между парт, нежно гладила нас по голове, говоря слова – будьте достой-

ны их! Станьте теми, кем не стали они, те, кто не вернулся с этой страшной войны. Любите свою родину, как они!

Сейчас по-всякому можно оценивать те события, но именно эти события и рассказы, определили мой дальнейший жизненный путь, если хотите мою судьбу. Именно это всё вместе, дало мне путёвку в дальнейшую жизнь. Этот путь будет длинной в 45-ть лет. Разное я встречу на этом пути: друзей, и предательство, измену и порядочность, даже интриги в офицерской среде, некоторые из которых в сложный период истории государства, забудут: о чести, о своём долге, о совести. Возможно, их учила не такая учительница? Всё это будет ещё пока впереди. А пока я ехал, чтобы начать этот путь, и он должен начаться с учёбы в военном училище. И в то время, естественно, не думая ни о чём, каким он будет этот путь? В то время мне казалось, что будет так всегда хорошо! Поезд неудержимо приближался к станции города, где начнётся для меня выбранный мной путь – стать офицером. С его невзгодами и переживаниями. Но этот путь будет нелёгким. Мысль оборвалась, поезд прибыл на железнодорожный вокзал г. Ульяновска.

Уточнив на вокзале у дежурного милиционера, как проехать в училище, вышел на привокзальную площадь. Сел в указанный постовым транспорт, добрался до училища. На КПП дежурили курсанты второго курса. Уточнил у них, как пройти к дежурному по училищу. Дежурный по КПП, доложив дежурному по училищу по телефону, о том, что я прибыл, приказал одному из курсантов наряда сопроводить меня к дежурному по училищу, который находился рядом в здании.

Я обратился к дежурному, подал своё предписание и доложил ему, что мне о своём прибытии нужно доложить командиру корпуса. Дежурный, доложив о моём прибытии заместителю начальника училища – начальнику учебного отдела и получив от него распоряжение, поставил задачу своему помощнику, проводить меня к нему с моим предписанием. Прошли к заместителю начальника училища – начальнику учебного отдела. Гвардии полковник Самодуров (при выпуске его сменит гв. полковник Калашников) был в курсе о моём прибытии, выслушав меня и забрав все выданные в части мне

Здание управления училища.

документы, пошёл на доклад к начальнику училища. Через несколько минут он возвратился и сказал мне, что сейчас подойдёт командир 1-го учебного батальона и командир будущей моей учебной роты, и все вместе пойдём к начальнику училища. Подошли вызываемые должностные лица. Я, отдал им честь и ждал дальнейшей команды, изучая прибывших по внешнему виду, под началом которых буду учиться три года. Заместитель начальника училища – начальник учебного отдела пригласил всех пройти к начальнику училища. В приёмной начальника училища сидел немолодой старшина-сверхсрочник. Он зашёл в кабинет начальника училища и доложил о нашем прибытии. Выйдя из кабинета, пригласил нас пройти. В кабинет зашли все и стали докладывать о своём прибытии. На столе заметил лежащие мои документы.

Когда заместитель начальника училища – начальник учебного отдела уходил к начальнику училища, он мне дал несколько листов печатного текста в своём кабинете и сказал: «Прочтите, ознакомьтесь с историей училища». Я стал читать текст и выяснил: «в 1872 году симбирское дворянство и земство через губернатора Еремеева и предводителя дворянства Теренина ходатайствовали об открытии в Симбирске военной гимназии. 11 декабря 1872 года специально созданная для изучения этого вопроса комиссия, в которую входил и поэт-лирик, друг А. С. Пушкина, Н. М. Языков, представила доклад. В нем говорилось: «Содействие земства к открытию военной гимназии было весьма желательно» и далее: «По нормативному штату весь расход на содержание Симбирской военной гимназии должен был простирается при 300 учениках до 40 000 (37 000) руб. с включением сюда и «земской субсидии в 12 000 руб.»».

10 июня 1873 г. в приказе по военному ведомству было объявлено о создании Симбирской военной гимназии. 8 августа 1873 г. директором гимназии был назначен ранее служивший в Константиновском военном училище полковник (впоследствии генерал-майор) Фёдор Константинович Альбельдиль.

По инициативе Симбирского губернского земства был учреждён пансион на 70 учеников в виде опыта на три года. Он

разместился в частном доме на Спасской улице, но вскоре было признано полезным оставить пансион навсегда.

26 июня 1875 г. было принято решение о строительстве специального здания для гимназии. В сентябре того же года для решения всех вопросов строительства в Симбирск приехал военный министр генерал-адъютант Д. А. Милютин. Он утвердил отведённое место и проект. Для строительства городом было отведено место, где до пожара 1864 г. размещалась почтовая контора. Производителем работ был назначен военный инженер капитан Залесский, наблюдающим за строительством – полковник Покатилов. Подряд на производство работ был отдан купцу 1-й гильдии из Петербурга Фридленду.

9 октября 1877 г. здание гимназии вступило в строй, оно полностью отвечало требованиям того времени и было оборудовано калориферным отоплением.

По состоянию учебно-материальной базы, качеству обучения и воспитания Симбирский кадетский корпус отмечался в лучшую сторону. Хорошо оборудованный класс физики неоднократно посещал инспектор народных училищ губернии Илья Николаевич Ульянов.

На протяжении всего времени своей истории кадеты были тесно связаны с населением губернии и города. Так, в 1887 году, они принимали активное участие в ликвидации последствий пожара в городе. В 1891 г., во время голода в Поволжье, кадетский корпус 2% денежного содержания отчислял для приобретения продовольствия учащимся сельских школ губернии. Традиционными были тесные взаимообогащающие связи с другими учебными заведениями и учреждениями культуры (театром, Карамзинской библиотекой и т. д.).

После Октябрьской революции на базе кадетского корпуса в декабре 1918 года была создана школа взводных инструкторов (красные командиры тогда назывались инструкторами), предшественница Ульяновского гвардейского танкового командного дважды Краснознамённого ордена Красной Звезды училища им. В. И. Ленина.

Это то, что я успел прочитать, тогда в кабинете начальника учебной части училища.

Начальником училища был – гвардии генерал-майор танковых войск Герой Советского Союза Мельников Пётр Андреевич. Представившись ему и доложив о своём прибытии, сказал о том, что я получил приказ доложить о своём прибытии командиру корпуса. Выслушав меня, Пётр Андреевич мне сказал: «Вот телефон звоните» и указал на телефон, стоящий на его столе. Я, подошёл к столу поднял трубку. Голос телефонистки послышался звонкий. Она назвала по имени и отчеству начальника училища, но услышав мой голос задала вопрос: «Кто Вы?». Засмеявшись, начальник училища спросил: «Знаю ли я позывной, куда мне нужно позвонить?». Получив от меня утвердительный ответ. Взяв у меня трубку телефона и спросив у меня позывной, назвав телефонистку по имени, попросил соединить с командиром корпуса. Все присутствующие в кабинете, мне казалось, в это время замерли, стали ждать с каким-то напряжением. Раздался звонок, Пётр Андреевич поднял трубку и услышав знакомый голос рассмеялся, и сразу у всех присутствующих в кабинете пропало чувство оцепенения. Он, разговаривая с абонентом, сказал ему: «Прибыл курсант училища Неткачев и требует своего доклада ему». Они несколько минут разговаривали между собой и когда начальник училища назвал своего абонента по имени, и отчеству начальник учебной части сказал присутствующим тихо: «Что это его фронтовой друг». После разговора с командиром корпуса Пётр Андреевич сказал моим уже новым настоящим начальникам, представив мне их, сказал, что я буду учиться во 2-ой роте, 1-го курсантского батальона. Забирайте курсанта и расскажите ему традиции училища, процесс обучения, и доведите распорядок дня. Сказав мне, что я свободен и могу идти. Отдав честь, я вышел в приёмную начальника училища, а все остальные остались. Через некоторое время вышел мой командир роты гвардии майор В. Я. Ладонкин. Мы с ним вышли из здания.

Мне был показан учебный корпус. Командир роты рассказал мне о количестве взводов в роте и наличии курсантов в каждом взводе, и во всей роте. Знакомясь с территорией училища. Выяснил для себя, что территория училища была, как бы поделена на две части. В одной – новой располага-

лась трёхэтажная казарма для трёх рот 1-го курсантского батальона и здание учебной части. В другой, через дорогу было старое кадетское здание, в котором находились казарма для курсантов, тоже как окажется потом для трёх рот 2-го батальона. Там также были столовая, санчасть, и учебный корпус, в котором располагались – классы теоретической подготовки курсантов, кроме этого, здесь была и баня для помывки курсантов, которая работала по расписанию, т. е. согласно графику, каждой роте отводился день и время помывки. Мне было показано место приёма пищи курсантами, спортивный городок, огневой городок, расположение классов материальной части и эксплуатации.

Тогда очень удивила столовая. Она отличалась от солдатской и напоминала что-то из расположения ресторана, столы на четверых, застеленные белыми скатертями. На каждом столе стоял графин наполненный или квасом в летнее время или каким-то соком в остальное время года. Каждый стул был накрыт белыми чехлами.

Главный вход в учебный корпус.

Посмотрели клуб, где проводились вечера, танцы и даже балы для курсантов, куда приглашались студенты учебных заведений г. Ульяновска. В клубе также показывались кинофильмы. Выходя из здания через главный его вход, обратил внимание, что при входе оборудовано место для боевого знамени училища, которое охранялось курсантами, несшими службу в карауле это, был – пост № 1. А на стенах фойе были списки курсантов выпуска различных годов, которые закончили училище с отличием.

Я всем увиденным был несколько удивлен. Особенно тем, что училище казалось безлюдным. Гвардии майор Василий Яковлевич Ладонкин после этого сказал мне, что рота находится ещё в летнем лагере в Поливно. Довёл распорядок дня. Он, оказалось, ничем ни отличался от распорядка полка, где служил.

С командиром роты проследовали в летний лагерь, курсанты роты уже пришли с занятий, но они ещё не были переодеты в курсантскую форму. На линейке расположения роты: стояли командиры взводов, и была построена вся рота. Один из командиров взводов – это был, как выясниться потом, командир моего курсантского взвода капитан Долгов С. Е. доложил командиру роты о прибытии её с занятий. Ротный объявил о моём прибытии и зачисление в список второго взвода. Приказал им вести взвода на обед. Строем вся рота повзводно пошла на обед.

Познакомился с курсантами взвода, они были, конечно, некоторые, моложе, т. к. в основном поступали в училище, сразу после школы, окончив десять классов. Некоторые курсанты, как оказалось в роте, тоже уже работали, как и я. Заканчивали вечернюю школу, работая, в различных отраслях народного хозяйства. Все, кто поступил в училище, мечтали стать офицерами – танкистами. В роте было и несколько человек пришедших из армии, таких же, как я, изъявивших желание быть офицерами. Все они были назначены на должности – командиров отделений, заместителей командиров взводов.

После обеда, рота снова была построена, и командир роты майор В. Я. Ладонкин объявил личному составу, что я со-

гласно приказу начальника училища назначаюсь старшиной роты.

Приказал мне вести роту на самоподготовку в летние оборудованные классы для занятий. И так, я стал старшиной курсантской роты, на которого кроме учёбы ложилась дополнительно и хозяйственная деятельность. Она, конечно, была не такой, как в армии, но тем не менее, потребовала дополнительного времени, которое я мог бы потратить на самоподготовку, т. е. более глубокого изучение тех или иных предметов. Но я понимал, что должен быть примером во всём для всего личного состава нашей курсантской роты.

Рота, находясь в полевом лагере, жила в палатках, в которых, как и следует, поддерживался настоящий армейский порядок. Все курсанты, успешно сдавшие вступительные экзамены, были уже зачислены в училище. Начали проходить «карантин» – «курс молодого бойца», и готовились принять присягу.

Так началась моя курсантская жизнь. Она для меня оказалась очень интересной.

Через несколько дней рота, после полевого лагеря жила уже в казарме, вернувшись из Поливно. По прибытию в ка-

зарму и расположение роты, майор В. Я. Ладонкин вызвал «каптёра» солдата срочной службы и ему поставит задачу – уточнить размеры обмундирования у командиров взводов на каждого курсанта, уточнить время, помывки роты в бане, порядок получения формы на складе. В отведённое время, я повёл роту в баню, Помывшись, все на себя одели курсантское обмундирование. Поняли, что стали курсантами этого училища. Придя в казарму роты, ротный показал мне моё ме-

сто в спальном помещении, оно оказалось в самом начале, т. е. моя кровать стояла первой.

Всем курсантам роты, командиры взводов и их заместители, командиры отделений указали их кровати. В расположении нашей роты поддерживался армейский порядок до самого окончания училища. Курсанты сами его поддерживали. Каждую субботу – день уборки казармы – вытряхивали свои постельные принадлежности, протирали свои кровати от пыли, скоблили полы удаляя старую мастику, красили их марганцовкой, натирали полы специальной мастикой, с последующим натиранием его до блеска. Любая, прибывающая комиссия, или проверка, всегда отмечали этот порядок.

Командир роты приказал «каптёру», получить на вещевом складе училища лычки (галуны), для оформления погон на командиров отделений, зам командиров взводов и меня. Указанная категория после получения, пришила их каждый самостоятельно на свои погоны. Лычки несколько отличались от армейских, как погоны и курсантская пилотка (она была шерстяной). Я обратил на это внимание, когда их получил. После прибытия из лагеря, курсанты роты приняли присягу. Начался процесс освоения программы нашей подготовки – офицеров-танкистов.

В часы, отведенные на личные дела, находясь в расположении роты, зашёл в Ленинскую комнату, чтобы написать письмо брату. На столе, за который сел, лежала небольшая брошюрка, начал с ней знакомиться, в ней была изложена история училища. Начал читать. С первой строчки она захватила меня. В ней излагалась история создания училища. Читая, узнавал для себя всё новые страницы истории училища. Она была изложена в брошюре так:

С первых дней победы Великого Октября нашему народу пришлось не только строить новое, социалистическое общество, но и защищать его с оружием в руках от натиска контрреволюции и международного империализма. Величайшей заслугой В. И. Ленина явилось обоснование им необходимости создания постоянной регулярной армии пролетарского государства в целях защиты революционных завоеваний трудящихся. «Мы шли от опыта к опыту, – под-

чёркивал Ленин, – ... пробуя каким путём при данной обстановке может быть решена задача. А задача стояла ясно. Без вооружённой защиты социалистической республики мы существовать не могли».

В. И. Ленин, партия, организуя строительство новой армии, первостепенное значение придавали подготовке военных кадров, вышедших из народа, преданных делу революции. «Только красные офицеры, – указывал В. И. Ленин, – будут иметь среди солдат авторитет и сумеют упрочить в нашей армии социализм. Такая армия будет непобедима».

Одним из основных направлений в решении проблемы военных кадров в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции явилась подготовка их через систему краткосрочных курсов и школ, которые создавались на базе военных училищ старой армии.

В целях ускоренной подготовки кадров из рабочих и крестьян, Коммунистическая партия и Советское правительство, вскоре после декрета о создании Красной Армии, развернули краткосрочные командирские курсы и школы по подготовке красных командиров.

В феврале 1918 года приказом народного комиссариата по военным делам № 130 в Москве, Петрограде, Твери, Казани и в других городах были открыты тринадцать ускоренных курсов по подготовке командиров для пехотных, кавалерийских и артиллерийских частей Красной Армии.

По личному указанию В. И. Ленина эта работа развернулась и в Симбирске.

В объявленном 29 апреля 1918 года приказе № 32 по Симбирскому губернскому военкомату «Положение о школе подготовки кадров взводных инструкторов Красной Армии» говорилось, что школа формируется для подготовки сознательных и опытных руководителей по обучению красноармейцев. В неё принимаются солдаты, находящиеся в Красной Армии, грамотные сознательно относящиеся к делу защиты интересов трудового народа и власти Советов.

В короткие сроки школа укомплектовывается добровольцами из числа передовой молодёжи – рабочих и крестьян. Командный и преподавательский состав был подобран из

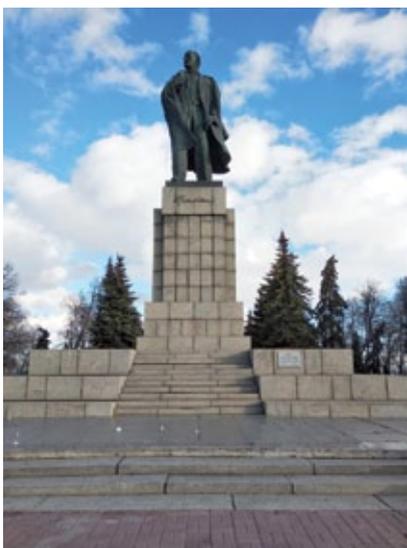
командиров коммунистов, педагогов Симбирской гимназии и прогрессивно настроенных офицеров бывшего кадетского корпуса.

Программа учёбы была сложной, а сроки подготовки командного состава строго ограничены. Но, несмотря на это, курсанты успешно изучали военное дело, с утра до поздней ночи упорно и настойчиво занимались тактикой, строевой подготовкой, осваивали материальную часть оружия, учили полевой и гарнизонный уставы, топографию, фортификацию, учились командовать отделением, взводом, ротой.

Всё это предстояло освоить, и научиться и мне, кое-что я уже освоил, но здесь был другой вид войск. Здесь были танковые войска. Предстояло познать и изучить: как управлять экипажем танка, затем танковым взводом и танковой ротой. Научится взаимодействовать с другими родами войск, танком преодолевать минно-взрывные заграждения и водные преграды, наконец самому научиться управлять: своим экипажем и экипажами взвода, водить танк, стрелять из его орудия и пулемётов. Изучить материальную часть, как самого танка, так и его вооружение. Наконец познать, освоить применение танка в различных видах современного боя. Я должен уметь организовывать с экипажем, взводом, ротой взаимодействие: как между собой, членами экипажа, но также во взводе и роте и приданными подразделениями. Изучить уставы, которые ещё не знал. И всему этому нужно было научиться именно в училище, чтобы потом учить своих подчинённых, которые в критических ситуациях доверяют свои жизни. Ведь они мне доверят их – своему командиру. И от того, какое решение я приму, исходя из моих знаний, полученных здесь, и будет завесить их жизнь. Такие мысли пришли в голову тогда в те минуты.

Личное время подходило к концу, нужно было ещё успеть дописать письмо брату и сообщить ему, что я стал курсантом тонконового училища в г. Ульяновске и что домой приеду в феврале на каникулы...

По прибытию в первые часы в распоряжение роты обратил внимание, что в спальном помещении, стоит аккуратно заправленная с любовью кровать, у изголовья которой нахо-

дится бюст героя и выписка из приказа Министра обороны.

Вечерняя прогулка пово­дилась по городским улицам от казармы до площади им. Ленина, где стоял его памятник и пройдя площадь рота каждый раз отдавала ему честь, поворотом головы направо, как сейчас помню. Да, это было торжественно, перехватывало дух. Дойдя до окончания площади, рота возвращалась мимо обкома партии. Прогулка на протя-

жении трёх лет заканчивалась, как правило, песней в любую погоду, находящиеся люди на улице, как правило, останавливались, смотрели и хлопали в ладоши, отдавая дань своей армии в лице курсантских рот. Мы гордились этим, и это придавало нам силы в освоении программы училища.

После вечерней прогулки проводилась вечерняя проверка по списку. В книге вечерней проверке значились 126 человек. В строгом равнении замирал курсантский строй. «Слушай вечернюю проверку!», – объявлял я. За три года потом я изучил эти фамилии наизусть без книги, но тогда первый раз называя по списку, особенно задержался на фамилии – Старший лейтенант Космодемьянский! Он был зачислен навечно в список роты. «Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Космодемьянский Александр Анатольевич пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей родины!» – отвечает заместитель командира первого взвода младший сержант Владимир Сузык, стоящий на правом фланге.

Так для меня началась в сентябрь 1965 г. вечерняя проверка во второй роте Ульяновского Гвардейского танкового командного училища имени В. И. Ленина.

С этого дня при построении роты на всех проверках рот-

ных, батальона, училища всегда будет называться первой его фамилия, именно так до окончания училища, в списке будет 126, а в строю будет на лицо 125 человек. А уже ставшим старшим сержантом Владимир Сузык будет отвечать за него.

В наградном листе, как прочитаю потом, все графы заполнены с обычной точностью и лаконичностью значилось следующее:

«Космодемьянский Александр Анатольевич родился 27 июля 1925 года в с. Осино-Гай Гавриловского района Тамбовской области, в семье служащего. В 1930 году семья переехала в Москву. Окончил 10 классов. В Советской Армии с 1942 года. В 1943 году окончил Ульяновское гвардейское танковое училище. На фронте с октября 1943 года. Командир танкового экипажа, командир тяжёлой установки, затем командир батареи 350-го гвардейского тяжёлого самоходно-артиллерийского полка. Старший лейтенант Космодемьянский А. А. участвовал в освобождении г. Орша Восточной Пруссии.

Награждён орденами Отечественной войны 1 и 11 степени. Отличился в боях под Кенисбергом (ныне г. Калининград). Пал геройской смертью 13 апреля 1945 года.»

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29. 06. 1945 г. гвардии старшему лейтенанту Космодемьянскому присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Навечно зачислен в списки 2-ой курсантской роты Ульяновского гвардейского танкового училища, в которой учился.

Он был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве рядом с могилой его сестры Зои.

Когда я стал интересоваться более подробной историей создания училища, то многое для себя узнал нового не известного мне до этого времени.

За годы войны 74 воспитанник училища будет удостоен звания Героя Советского Союза, а Бойко Иван Никифорович этого звания будет удостоен дважды.

Бойко Иван Никифорович родился 24. 11. 1910 года в с. Жорнице ныне Ильинецкого района Винницкой области. В Советской Армии с 1930 года. Окончил Ульяновскую бронетанковую школу в 1936 году. Участник боёв на р. Халхин-Гол в 1939 году.

В годы Великой Отечественной войны за умелое руководство действиями 69-го гв. танкового полка (1-й Украинский фронт) в боях за г. Казатин и личное мужество 10. 11. 44 подполковнику Бойко было присвоено звание Героя Советского Союза. 26. 04. 44 года за успешное и умелое командование 64-й гв. танковой бригадой (1-й Украинский фронт) при форсировании рек Днестр и Прут и овладение г. Черновцы полковник Бойко был награждён второй медалью «Золотая Звезда».

Выяснил для себя, откуда это пошло, этот героизм, преданность стране и любовь к народу.

Узнал, что почти с первых дней, ещё не успев взглянуть в учебники, красные курсанты школы вынуждены были браться за винтовки и пулемёты, чтобы вести борьбу против врагов Советской власти. Первым боевым крещением для курсантов стал бой с контрреволюционной бандой анархистов, именовавших себя «отрядом черноморских матросов», численностью в 93 человека.

По призыву губкома курсанты Симбирской школы инструкторов РККА взяли за оружие и вместе с отрядом коммунистов, верными советской власти латышскими стрелками, активно участвовали в ликвидации лево-эсерского мятежа, возглавляемого бывшим главнокомандующим Восточного фронта Муравьевым. Преступная авантюра Муравьева, активизация белогвардейцев и интервентов, осложнила военную и политическую обстановку на Восточном фронте. 21 июля 1918 года на подступах к Симбирску начались ожесточённые бои. Курсанты школы в составе 1-го Симбирского отряда приняли активное участие в обороне Симбирска. В этих боях бессмертный подвиг совершил курсант 2-й роты школы инструкторов Григорий Иванов.

Один из жителей с. Поливно, рассказывал в то время, что стал невольным свидетелем расправы белогвардейцев над курсантом.

Утром 22 июля 1918 года в Симбирске шла сильная стрельба. Беженцы сообщили, что город захватили белогвардейцы и идёт расправа над активистами и сторонниками советской власти. Под напором превосходящих сил противника немногочисленные части Красной Армии были вынуждены

оставить город и отходить на север двумя эшелонами. Часть курсантов из состава 1-го Симбирского отряда охраняла переправу через р. Волга в районе Поливно, располагаясь в бывшем кадетском лагере.

Днём 22 июля у деревни Поливно разгорелся ожесточённый бой с наступающими белогвардейцами. Верные воинскому долгу, красные курсанты стойко сражались.

Враг был задержан. Время для отдыха частей Красной Армии выиграно. В последний момент, когда курсанты уже покидали линию обороны, Иванов разрывом снаряда был контужен и потерял сознание. Очнулся Григорий в конюшне, куда белогвардейцы согнали жителей и пленных. Его вызвали на допрос. Враги пытались выведать у него сведения о численности красноармейских войск, отходящих на север. Белогвардейцы били его прикладами, шомполами, зверски истязали. Но никакие пытки не могли сломить волю молодого коммуниста-курсанта. Он свято помнил свой воинский долг перед Родиной и не выдал врагу военной тайны. Не получив никаких сведений, белогвардейцы повели красноармейца на расстрел.

В одном километре южнее Поливно (здесь был район лагеря нашего танкового училища) белобандиты подвели курсанта Иванова к крутому волжскому обрыву.

И стали задавать вопросы: – говори, сколько курсантов было в школе и в каком направлении они отошли? – допытывались белогвардейцы.

Но и здесь перед лицом смерти, курсант Иванов был верен воинскому долгу. Еле стоя на ногах, весь избитый и окровавленный, собрав последние силы, он бросил врагам в лицо: «Большевики своих не выдают!»

Так погиб геройской смертью славный воин Красной Армии Григорий Иванов. У обрыва великой русской реки Волги, там, где врагами был расстрелян курсант Иванов, тогда в то время будет установлен памятный знак.

Весной 1965 года, был изготовлен новый памятник воинской славы, посвященный Иванову. Летом у подножья памятника всегда лежали цветы. Здесь проводились пионерские сборы, торжественные митинги гвардейцев.

Я узнал, что 1 ноября 1918 года состоялся первый выпуск красных командиров, прошедших боевую закалку в борьбе с белочехами и белогвардейцами.

14 ноября 1918 г. приказом Всероссийского Главного штаба были созданы Симбирские пехотные курсы на 500 человек по подготовке командиров взводов. Первым заведующим курсами (так он тогда назывался) был назначен Пётр Павлович Осокин, бывший офицер старой армии, затем красный командир.

Официальное торжественное открытие курсов состоялось 25 декабря 1918 года.

23 февраля 1919 года, в день первой годовщины Красной Армии, курсанты первого набора принимали присягу на верность Советской власти.

После принятия присяги состоялось торжественное вручение знамени. Председатель губ исполкома М. А. Гимов вручил командным курсам первое Боевое Красное Знамя. Под этим знаменем курсанты поклялись героически защищать Советскую власть в борьбе с врагами Родины на фронтах гражданской войны. Не прошло и месяца после принятия присяги, как курсантам пришлось подтвердить свою верность Родине в боевых делах.

4 мая 1919 года на командных курсах состоялся первый выпуск красных командиров в количестве 26 человек.

Рождённые в 1918 году, в самый разгар гражданской войны, Симбирские командирские курсы внесли большой вклад в подготовку командных кадров для молодой Красной Армии. Будет сделан не один выпуск. Только в 1920 году курсы производят шесть выпусков подготовленных красных командиров, большинство из которых направляются на фронты против панской Польши и Врангеля.

С ликвидацией фронтов срочность подготовки командных кадров миновала, и все военно-учебные заведения получили возможность перейти к планомерной работе. В связи с этим 3 мая 1921 года приказом Главного Управления учебных заведений Красной Армии Симбирские пехотные командные курсы переименовываются в 12-ю Симбирскую школу командного состава с нормальным трехлетним сроком обучения.

В связи с сокращением Красной Армии проводилась и реорганизация военно-учебных заведений. Часть военных школ упразднялась.

В январе 1923 года в школу вливаются Самарские пехотные командные курсы. Дружба между этими учебными заведениями была скреплена кровью в годы гражданской войны. В 1919 году они вместе две школы участвовали в боях на Южном фронте, брали станцию Лиски и вместе получили боевые награды

Приказом Реввоенсовета СССР 28 января 1924 года Симбирской пехотной школе – самой достойной, одной из первых школ советских красных командиров было присвоено наименование «12-я Краснознамённая школа командного состава имени В. И. Ленина».

30 августа 1924 года состоялся второй нормальный послевоенный выпуск командиров в количестве 95 человек.

Весной 1929 года Реввоенсовет СССР своим приказом от 17 апреля установил день празднования юбилея Ульяновской Краснознамённой пехотной школы имени В. И. Ленина – 10 июня. В этот день Симбирские командные курсы были награждены в 1919 году орденом Красного Знамени за боевые заслуги на Южном фронте.

С тех пор день 10 июня станет традиционным праздником учебного заведения – Ульяновского гвардейского, дважды Краснознамённого, ордена Красной Звезды командного танкового училища им. В. И. Ленина.

Летом 1920 года во время конфликта на КВЖД отличились многие курсанты школы и были награждены орденом Красного Знамени.

Успешное выполнение плана индустриализации страны обеспечило повышение военно-промышленного потенциала и оборонной мощи нашего государства, позволило приступить к техническому перевооружению Красной Армии, созданию новых видов вооружённых сил: военно-воздушных, бронетанковых и др. Были созданы лёгкие танки Т-26, БТ, средние – Т-28, тяжёлые – Т-35 и поступили в войска. В этих условиях большое внимание уделялось подготовке кадров для автобронетанковых войск.

Весной 1932 года одна из старейших Краснознамённая (с осени 1931 г. стрелково-артиллерийская) школа была переформирована в бронетанковую с полной заменой профиля подготовки. С 1 июня школа приняла первые спец наборы курсантов-коммунистов и приступила к подготовке командиров танков и танковых взводов. Школа была укреплена командными кадрами: помощниками командиров рот по технической части из Московской школы, преподавателями-техниками с Ленинградских бронетанковых курсов. Командиры батальонов, рот, лучшие командиры взводов, оставленные в школе, часть преподавателей в течение лета 1932 г. прошли переподготовку при Ленинградских бронетанковых курсах. В окрестностях с. Поливно были созданы танкодром, автодром и танковый полигон.

К весне 1933 года школа была перевооружена на танки БТ и имела вполне удовлетворительную учебно-материальную базу. В ноябре 1933 г. был произведён первый выпуск командиров-танкистов (191 чел.).

В целях повышения качества учёбы в школе отменяются групповые зачёты, в конце учебного года устанавливаются переводные экзамены, а по окончании школы – выпускные экзамены. Для усиления военно-технической и общеобразовательной подготовки курсантов в феврале 1934 г. издаётся приказ Реввоенсовета СССР об увеличении с 3-х до 3,5 лет срока обучения в бронетанковых и других технических школах.

В апреле 1936 года. Приказом Народного комиссара обороны СССР школа преобразуется в Ульяновское Краснознамённое танковое училище имени В. И. Ленина.

К концу 1937 года Ульяновское Краснознамённое танковое училище имени В. И. Ленина вышло на первое место среди танковых училищ в Красной Армии.

В начале второй половины 30-х годов международная обстановка значительно осложнилась. В мире всё явственнее обнаруживались зловещие признаки надвигающейся второй мировой войны.

На собраниях и митингах курсанты училища клеймили разбойничье нападение Италии и Германии на республикан-

скую Испанию. Многие курсанты выразили желание поехать добровольцами в Испанию и с оружием в руках защищать республику от фашистских захватчиков.

Среди них был и молодой лейтенант выпускник училища Семён Осадчий. Он будет первый среди танкистов, выпускников училища, которым было присвоено звание Героя Советского Союза, который погиб на поле боя в Испании.

Если читатель, когда-нибудь, поедите в Испанию, то посетите кладбище в окрестностях Мадрида Фуэкто-Кэрол, то обнаружите его фамилию на стеле, установленную в честь его подвига.

Летом 1938 года японские захватчики предприняли вооружённое нападение на советскую территорию в районе озера Хасан, но получили сокрушительный отпор.

Потерпев поражение у озера Хасан в июле-августе 1938 г., японские милитаристы не успокоились. В мае 1936 года они вторглись на территорию Монгольской Народной Республики у реки Халхин-Гол, поставив перед собой далеко идущие цели: захватить Монголию, а затем отрезать Дальний Восток, намереваясь в дальнейшем захватить Сибирь и другие районы СССР.

В районе реки Халхин-Гол на горе Баин-Цаган развернулись кровопролитные бои с японскими захватчиками. В августе 1939 г. произошло решающее сражение, в котором основную роль сыграли танковые части и соединения Красной Армии.

В этом сражении принимали участие и выпускники-танкисты Ульяновского танкового училища имени В. И. Ленина.

Исход событий Халхин-Гола во многом определил внешнюю политику Японии по отношению к СССР и МНР на последующие годы. Халхингольский разгром во многом способствовал тому, что во время Великой Отечественной войны Япония воздержалась от нападения на Советский Союз.

В 1939-1940 годах училище делает новые шаги в своём развитии и совершенствовании. В практику обучения курсантов внедрялся боевой опыт танковых войск, приобретённый в сражениях с японскими захватчиками. К этому време-

ни в училище были созданы все необходимые условия для успешного воспитания и обучения высококвалифицированных командиров-танкистов, в совершенстве владеющими грозной боевой техникой и тактикой современного танкового боя.

В основу перестройки боевой и политической подготовки курсантов училища, как и во всей армии, был положен принцип: привитие будущим командирам тех качеств навыков, которые им потребуются в бою.

Ведущим предметом обучения стала тактическая (тактико-специальная) подготовка. Огневая, техническая подготовка, топография, инженерное дело и другие предметы обучения тесно связывались с тактикой, занятия по ним проводились, как правило, в поле, на танкодроме, в учебном городке и в обязательном порядке на тактическом фоне.

В 1940 году училище произвело два досрочных выпуска. Среди выпускников значительную часть составляли командиры, уже имеющие боевой опыт.

С началом Великой Отечественной войны начался новый период истории училища. Война потребовала коренным образом перестроить работу училища. Потребность в командных кадрах возросла. В связи с этим возрос набор курсантов, общая численность курсантов достигла почти три с половиной тысячи человек. Срок обучения сократился до шести-девяти месяцев. При училище были созданы трёхмесячные курсы по подготовке авто техников, переподготовки общевойсковых командиров и политработников на командиров танковых взводов.

Во второй половине 1941 года училище произвело пять ускоренных выпусков, дав бронетанковым и механизированным войскам 536 командиров-танкистов, 138 военных техников и 32 автотехника. Всего с 22 июня 1941 года по 1 января 1942 года было выпущено 767 человек, среди которых были представители 17 национальностей нашей Родины.

С февраля 1942 года училище переходит на новый профиль подготовки командиров тяжёлых танков КВ.

В июне 1943 года училище отмечало своё 25-летие. В ознаменовании 25-й годовщины училища за выдающиеся успе-

хи в деле подготовки командных кадров для танковых войск и боевые заслуги перед Родиной 28 июня 1943 года приказом Народного комиссара Союза ССР № 252 училище было преобразовано в Гвардейское и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1943 г. награждено орденом Красной Звезды.

Сорок пять выпусков, подготовив для фронта 8924 офицера-танкиста, сделало училище за время Великой Отечественной войны.

Всей стране были известны имена танковых асов – Дмитрия Лавриненко, уничтожившего за полгода со своим экипажем 52 вражеских танка, Владимира Хазова, уничтожившего 20 танков врага, участника двух войн, легендарного комбата Анатолия Рафтопулло, разведчика Роберта Клейма, Михаила Солнцева, заживо сожжённого при пленении фашистами и многих других.

Война закончилась. Вооружённые Силы страны, выпускники училища вместе с воинами других родов войск, стали решать задачи по охране мирного труда советского народа.

Я же с этим материалом, ознакомился тогда в первые дни моей учёбы в училище и такого материала в дальнейшем найдётся не мало, его невозможно будет весь изложить в этом рассказе. Для этого потребуется целая книга, ёмкостью, наверное, более 700 – 1000 страниц, но и её, мне кажется, будет мало, чтобы описать всю историю училища. Назвать всех преподавателей, командиров учебных взводов, рот и батальонов. Инструкторов вождения танков, автомобилей, весь персонал, обеспечивающий курсантам, освоение учебной программы подготовки. Назвать работников тыла и учебной части, медпункта и т. д. И всем им хочется просто сказать, от всех выпускников родного училища – спасибо за их труд. Мы их помним, и будем помнить всегда – тех, кто дал нам путёвку в офицерскую жизнь.

После службы моей в мотострелковом полку, для меня начались курсантские дни учёбы.

В этом прославленном училище, они будут и напряжёнными, и интересными. Ведь напряжённый труд коллектива училища был высоко оценён Министерством обороны. В

конце августа 1965 года Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский в приказе по итогам учебного года отметил, что Ульяновское гвардейское танковое училище имени В. И. Ленина является одним из лучших танковых училищ Советской Армии.

Помню, как сейчас день, названный в расписании занятий роты: – «Показ боевой техники» в конце сентября. Всей ротой прибыли на учебный центр в Поливно. Всех нас построили вдоль опушки рощи за исходным рубежом для стрельбы из танков. На исходном рубеже стояли три красивых тяжёлых танка Т-10М, а за ними экипажи, которые демонстрировали искусство стрельбы из орудий грозных машин.

На этих занятиях нашей роты последней, которая и будет изучать, этот тяжёлый танк, показали стрельбу, вождение боевых машин и много другой техники и оружия. Была продемонстрирована скоростная прицельная по мишеням стрельба из танка Т-10М штатным артвыстрелом, с темпом 6 выстрелов в минуту! Громовые раскаты выстрелов следовали один за другим, клубы пламени и дыма вырывались из

Танк – Т-10М.

пушки, столб пыли поднимался в небо, а у мишеней вздымались султаны вздыбленной земли. Стрельба из крупнокалиберного пулемёта, спаренного с пушкой по движущей цели и из пулемёта по воздушной цели. Этой стрельбой руководил начальник цикла гвардии полковник Сабитов Зайни Ахметвалиевич.

Этот офицер очень многое сделает для цикла (кафедры) в вопросах методики преподавания огневой подготовки курсантам – материальной части вооружения и правил стрельбы. Мне кажется, что не было ни одной танковой части в Вооружённых Силах, в которых бы не слышали его фамилию.

Позже мы узнали, что технический режим темпа стрельбы из пушки танка Т-10М всего лишь 3-4 выстрелов в минуту, а нам показали выучку экипажа, способного сделать 6 выстрелов за минуту при раздельном зарядании пушки.

Оказывается, в те годы в училище было организовано соревнование по формированию слаженных экипажей, сокращающих нормативы времени по переводу вооружения танка из походного положения в боевое и обратно. Соревнования были по посадке и высадке экипажа из танка, по заряданию пушки, по темпу ведения прицельного огня электроукалывателем на танкострелковых тренировках и других нормативах. Все курсанты роты по-доброму позавидовали экипажам, которые показали отличную выучку и сделали для себя вывод к чему надо стремиться.

Мы в процессе обучения стремились к достижению этих нормативов. Сержанты Пушников и Кузнецов, к примеру, достигли их первыми, за ними стремились другие курсанты роты, были достигнуты неплохие результаты. На государственных экзаменах это было продемонстрировано председателю комиссии. Он достойно оценит это, а мы все выразили благодарность гвардии полковнику Сабитову Зайни Ахметвалиевич и преподавателям цикла (кафедры) огневой подготовки, за их труд в подготовке нас как специалистов-танкистов.

Пользуясь случаем, я хочу привести тактико-технические характеристики тяжёлого танка Т-10 М, который мы осваивали в училище.

экипаж — 4 человека
длина -10560 мм с пушкой вперёд
ширина корпуса – 3380 мм
высота – 2585 мм
боевая масса – 50 тонн
клиренс – 460 мм
колея – 2660 мм

Броня

лобовая – 120 мм
бортовая – 80 мм
кормовая – 60-50 мм
крыши – днища – 20-16 мм

Двигатель танка:

Тип В-12-6
мощность л.с.: 750

Скорость движения, км час:

по шоссе – 50
по местности – 25
запас хода по шоссе – 350 км
по пересечённой местности – 200 км

Преодолеваемые препятствия:

Угол подъёма – 32 градуса
Высота стенки – 0,9 м
Ширина рва – 3 м
Глубина брода – 1,5 м

Танк был принят на вооружение 26 сентября 1957года. Модифицирован в 1960-х годах из всё ещё стоящих на вооружении ранних модификаций Т-10.

На модификации Т-10М была установлена 122мм пушка. М-62– Т2 (2 А-17). Пушка оборудовалась двух камерным дульным тормозом и горизонтальным автоматическим клиновым затвором. Также орудие оборудовалось электромеханическим досылателем снаряда и гильзы, позволяющим повысить скорострельность до 3-4 выстрелов в минуту. Выстрел производился посредством электромеханического или ручного спуска.

Высоко баллистический и двухплоскостной стабилизатором 2Э12 «Ливень» позволял вести точный прицельный огонь из пушки и спаренного пулемёта в движении.

Боекомплект составлял – 30 снарядов. Бронебойных и осколочно-фугасных выстрелов раздельно-гильзового заряжания, размещённых в хомутиковых и лотковых укладках на полу боевого отделения. Бронебойный снаряд Д-25Т пробивал на дистанции 1000 м около 150 мм брони при угле встречи 90 градусов.

Начальная скорость бронебойного снаряда составляла – 960 метров в секунду. Кроме бронебойного снаряда в боекомплект входили бронебойно-кумулятивные и бронебойно-подкалиберные снаряды.

Два – 14,5 мм пулемёты КПВТ. Один был спарен с пушкой, а другой, зенитный, размещался на турели на крыше башни. Боекомплект пулемётов составлял 1000 патронов в лентах по 50 штук, хранящихся в специальных коробках и ящиках.

Была установлена простая и надёжная гидравлическая, шестиступенчатая коробка передач. В 1963 году танк получил систему подводного вождения, позволяющую преодолевать водные преграды глубиной до 5 метров. С 1964 года танк уже оборудовался автоматической системой пожаротушения. Комплектом приборов ночного видения для всех членов экипажа, кроме заряжающего. Противоатомной защитой. Танковой дымовой аппаратурой – ТДА.

Танк на вооружении Советской Армии стоял в течении 39 лет, последний Т-10М был снят с вооружения уже в Российской Армии только в 1993 году. Годы его эксплуатации получились такими – с 1954 по 1993 годы. Впечатляет...

Но вспомним училище. Как оказалось, в дальнейшем это была последняя стрельба штатным снарядом на этом учебном центре в Поливно. Меры безопасности полигона, в дальнейшем не позволяли проводить стрельбу из орудий танка. Она же (стрельба), стала проводится на Тоцком учебном центре Приволжского Военного округа. А на полигоне Поливно мы выполняли учебные упражнения по стрельбе только из вкладного ствола для пушки и стрельбы из штатных пулемётов.

Учебные будни продолжались. Все мы с необычайным желанием и упорством взялись за учёбу.

На всех циклах (в последующим – кафедры) опытные офицеры умело передавали нам, молодым курсантам, знание и опыт, накопленный в боях с фашизмом. Высокая требовательность наших командиров курсантских взводов и командира 2-й курсантской роты майора В. Я. Ладонкина, их отеческая забота о нас позволили воспитать у нас курсантов высокие качества офицеров-танкистов, закалить нас физически, за что мы были безмерно им благодарны в дальнейшем, проходя службу в войсках на различных командных и штабных должностях. Их личный пример во всём сопровождал меня на протяжении всей моей службы в войсках, особенно на первой должности командира взвода.

Училище обладало прекрасной учебно-материальной базой, позволяющей осваивать сложнейшие программы военного обучения.

Технические классы, классы огневой подготовки, связи и другие учебные помещения имели макеты агрегатов и механизмов боевой техники. Многие из них были действующими, что позволяло нам курсантам наглядно наблюдать и лучше усваивать как они работают.

Учебно-материальная база училища также давала возможность проводить танкострелковые тренировки непосредственно в парке, в тире и на специальных площадках.

Одной из важнейших дисциплин в учебном процессе была огневая подготовка. Изучение целого комплекса материальной части вооружения танка, а также всего стрелкового оружия было интересным и привлекало нас. Было много групповых занятий, на которых глубоко изучали баллистику, основы и правила стрельбы. Это создавало у нас уверенность при проведении танкострелковых и стрелковых тренировок и практических стрельб вкладным снарядом (а на полигоне в Тоцком штатным) и патроном. Мы получили хорошую подготовку по выверке и приведению оружия к нормальному бою, что очень пригодилось лично для меня в войсках. Записи, сделанные мной в 96 листовой тетради, служили мне ещё долго источником знаний, вплоть до поступления в Академию бронетанковых войск им. Р. Я. Малиновского.

Находясь на первичных командных должностях, командира взвода, роты, мне не раз приходилось вспоминать преподавателя огневой подготовки – гвардии майора Монахова и благодарить его за те знания, который он передал.

Я, уже знал, что в начале 60-х годов в техническом оснащении Советских Вооружённых Сил произошли невиданные качественные изменения. Это увидел лично, когда начинал службу солдатом. Находясь в училище, понял, что эти изменения затронули в первую очередь именно танковые войска. Среди всех боевых машин танк оказался лучше приспособленным к действиям в условиях применения ядерного оружия. Мощная броня делала его наиболее устойчивым от воздействия ударной волны, резко снижала степень поражения экипажа проникающей радиацией. Благодаря этим качествам, а также высокой маневренности, большой огневой ударной силе танковые войска способны были проникать на большую глубину в расположение противника и в короткий срок завершать его разгром во взаимодействии с другими родами войск.

Наше училище стало уже многопрофильным, т. е. нам приходилось осваивать не только вооружение тяжёлого танка, для нас основного, т. к. рота была набрана курсантами для подготовки командиров взводов тяжёлых танков. Но нам предстояло освоить и вооружение всех остальных танков, стоявших на вооружении в Советской Армии в то время. Это требовало от нас знаний и умений, чтобы мы могли уметь действовать на любой техники. Именно это закладывали нам преподаватели (циклов) кафедр.

В 1965 году в училище было набрано сразу четыре роты курсантов. Всего стало учиться восемь рот, а до этого года училище набирало и выпускало ежегодно по две роты лейтенантов – командиров танковых взводов. Иногда при выпуске кроме нас курсантов, сдавали госэкзамены и младшие лейтенанты, которые прибывали из войск, пройдя там шести месячные курсы и получив первые офицерские звания. В училище они сдавали экзамены за полный курс обучения экстерном и получали, как и мы дипломы об окончании училища и офицерское звание – лейтенанта. Командиров танко-

вых взводов порой не хватало в войсках. Вот таким образом их некомплект и устранялся. К такому методу пополнения командиров взводов, государство в лице Министерства обороны будет приходить не раз за свою историю.

Казарма наша была трёхэтажная, на каждом этаже размещалась одна курсантская рота. Спальное помещение позволяло размещать кровати в один ярус. Теперь с набором дополнительно двух рот, третий и второй этажи были поделены пополам. В них и разместили набранные роты курсантов. На первом этаже располагался третий курс. Ещё три роты были расположены в основном корпусе, одна тоже была выпускная. Две – были второго курса. В связи с таким количеством набранных курсантов и уплотнением спальных помещений, кровати пришлось ставить в два яруса. Так мы и закончили училище. Наше спальное помещение было всегда чистое, порядок в нём поддерживали мы сами. Курсанты не обращали никакого внимания на то, что на первом этаже, где третий размещался курс, было больше пространства в казарме, чем у нас. Всем курсантам нравилось именно наше, ставшим родным помещением.

Но где-то в середине октября 1965 года, 8-я рота была полностью со всем личным составом курсантов и офицерами переведена в г. Новосибирск, там создавалось новое военно-политическое училище.

В Ульяновском Гвардейском командном танковом училище осталось 7 рот. В 1968 г. был последний выпуск офицеров по трёхгодичной подготовке, т.е. наш выпуск оказался последним, который получал среднее военное образование.

Жизнь продолжалась, учёба набирала обороты. Мы шли в обучении от простого к сложному. Этот принцип был заложен в самой программе училища.

Чтобы приблизить обучение курсантов к требованиям современной войны, подразделения выезжали в зимние и летние лагеря в Поливно, где мы жили и учились. Выйдя в поле на тактические занятия, мы решали задачи огневой, технической, военно-инженерной подготовки, защиты от оружия массового поражения, топографии и их тесного взаимодействия с партийно-политической работой.

В училище мы постоянно совершенствовали физическую подготовку. Каждое утро после подъёма я с ротой, проводил утреннюю физическую зарядку и, как правило, она заканчивалась трёхкилометровым кроссом. Бежали повзводно в одном строю. Отставших никогда не было. Темп бега выбирался мной исходя из возможностей каждого из курсантов. Если кто-то мог бежать быстрее, то своё достижение он мог показывать на занятиях по физической подготовке. Так незаметно спорт стал любимым занятием всего личного состава роты. В замечательный смотр физической закали курсантов, превратились состязания по лыжам, конькам, многоборью, хоккею, гимнастике, тяжёлой и лёгкой атлетике, плаванию. Прочно вошли в училище соревнования по стрельбе, волейболу и боксу.

Здесь наша рота принимала самое активное участие с первых месяцев учёбы в этих соревнованиях, и многие курсанты роты, участвуя в них, показывали неплохие результаты. Рота на протяжении трёх лет, лидировала, занимая первое место в общем зачёте, обходя все другие подразделения и курсы училища.

Вспоминается курсант Кузнецова Игоря Леонидович. Он до поступления в училище был чемпионом среди юниоров Московской области. В училище он стал дважды чемпионом Приволжского военного округа по боксу и завоевал титул кандидата в мастера спорта СССР. Закончил он училище с отличием. А когда учился, стал первым среди курсантов, которые поступили в училище после школы, сержантом, командиром отделения. Он активно принимал участие в общественной жизни роты и училища. Когда шёл чемпионат училища по боксу, практически вся рота была на этих соревнованиях и болела за него. Он, проводя бой, защищал роту и батальон получая большое количество очков для роты в общих соревнованиях училища. Мы им гордились. Ведь его успех, был успехом коллектива роты, батальона и училища. Личным примером он показывал личному составу роты – свою любовь и преданность данному виду спорта, как надо бороться и побеждать своего «противника». Это оставляло след в воспитании будущих офицеров, с него брали пример,

**Слева направо сержант Кузнецов И.
и старшина Неткачев Ю.**

как нужно преодолевать трудности в жизни. Именно идти вперёд, не пасовать и не сдаваться, перед ними!

Помню командира отделения первого взвода младшего сержанта Шепелева Виктора Константиновича до поступления в училище, он, как и я служил срочную службу, только в ЮГВ – (южная группа войск) г. Дербенец. Был неплохим командиром, очень любил спорт, сам занимался многоборьем и добивался неплохих результатов. Очень старался втянуть, привлечь в этот вид спорта, как можно больше курсантов и за ним тянулись многие.

Вспоминаю, как среди курсантов появился дух состязательности и стремление попасть в сборную команду роты по волейболу и баскетболу. Был даже организован жребий. После него не было ни у одного обидного курсанта за то, что не попал в команду. Мы болели за наших спортсменов при проведении соревнований и всегда следили за тем, как они тренировались. Хочется отметить курсантов, вошедших в эти команды. Это курсанты – Буциков Иван Александрович; Гончаров Михаил Алексеевич; Жуков Геннадий Николаевич; Касьяненко Виктор Алексеевич; Кобута Александр Игнатье-

вич; Крылов Борис Леонидович; Мильхин Александр Александрович; Петухов Виктор Фёдорович; Резниченко Дмитрий Дмитриевич; Трошин Владимир Алексеевич; Хомутов Владимир Петрович; Хлебалин Николай Иванович; Пелихов Николай Трофимович. Конечно, были и ещё курсанты, которые входили в сборную роты по этим видам спорта, но память уже иногда подводит и многие фамилия стали забываться, но многих ещё помню. Отвечать у нас в роте за их подготовку было поручено заместителю командира первого взвода старшему сержанту Владимиру Сузик. Он по характеру был так если можно выразиться – заводилой и курсанты шли за ним.

Был у нас и совет ленинской комнаты роты, в него входили курсанты: Цурканов Виктор Николаевич, Уразаев Евгений Зайнуллович, Ершов Пётр Арсентьевич, Дроботенко Виктор Сергеевич, Добрянский Константин Иванович, Евсиков Николай Васильевич, Шмигерин Александр Григорьевич. А руководил советом вначале заместитель командира пятого взвода – старший сержант Лебедь Марьян Мичиславович, а на втором курсе его возглавил курсант Цурканов Виктор Николаевич.

В роте очень многие курсанты с хорошей завистью смотрели на тройку представителей Астраханской области, это были курсанты – М. Сухов, В. Феклистов и М. Гончаров. Тройка земляков учась в общеобразовательной школе, ходила ещё и в спортивную. Они занимались гимнастикой, все трое имели спортивные разряды по гимнастике. М. Сухов занимал второе место среди юниоров в области в соревнованиях выполняя упражнение на брусьях.

Был ещё и один представитель этой области курсант М. Леликов. Ему не было равных в училище, по прыжкам на батуте.

Совет ленинской комнаты также занимался организацией досуга курсантов в личное время. Здесь отличался курсант Цурканов В. Н. четвёртого взвода. Он вместе с заместителем командира пятого взвода, старшим сержантом Лебедем М. М. организовывал художественную самодеятельность взводов и роты в целом. Были, так сказать, заводилами. По-

могал им также курсант этого взвода – Таций Александр Фёдорович, хорошо игравший на аккордеоне и баяне. У нас в роте было много курсантов, владевших тем или иным музыкальным инструментом. Песни, музыка сглаживали нашу курсантскую жизнь, помогали создать хорошее настроение. Курсантская самодеятельность спланировала коллектив роты, тем самым давала понять будущим офицерам – танкистам, что коллектив – это сила, которую трудно победить, когда они верят в свою правоту и победу. Этот опыт организации досуга помог мне потом в дальнейшей службе на различных командных и штабных должностях.

В роте с первого курса, с первого дня зачисления в училище, практически все курсанты были привлечены и занимались различными видами спорта, каждый добивался определённых результатов в выбранном виде спорта. База училища позволяла этим заниматься.

Все курсанты роты на первом курсе осваивали хождение на лыжах. Многие наши курсанты защищали честь роты на лыжных соревнованиях, проводимых ежегодно в училище. На первом курсе дистанция была – 5-10 километров, на втором – 10-15. Соревнования были массовыми, ограничения в количестве участников не было. Результат, как правило, подводился за каждого участника. Чем больше было участников, тем больше рота получала очков в общем зачёте по всем видам спорта. Очень многие курсанты роты получали спортивные разряды по этому виду спорта.

И всем нам был примером наш командир роты гв. майор (в дальнейшем подполковник) Ладонкин Василий Яковлевич. Он очень любил спорт. В любую погоду, в любое время года бегал по утрам на Волгу, там плавал, а зимой, если река замерзала, всё равно купался в проруби ежедневно. Он входил в клуб «моржей»,

На первом курсе наряду с образовательными дисциплинами, мы должны были освоить материальную часть вооружения танка, знать устройство танка, т. е. изучить устройство основных его узлов и агрегатов, средств связи, как внутренних(ТПУ), так и радиостанций для управления танковыми подразделениями в различных видах боя. Надо было

изучить основы и правила стрельбы, действия танка в различных видах боя. Понять обязанности каждого члена экипажа при совершении марша и ведении различных боевых действий, при переводе орудия в походное и боевое положение, при загрузке боеприпасов и ведении огня и т. д. Ознакомится, с историей военного искусства. Всё это предстояло изучить за год и отчитаться за пройденный материал – сдать экзамены. Программа предусматривала и промежуточные экзамены, которые были в третьей декаде февраля каждого года обучения. Итог обучения в училище заканчивался – выпускными государственными экзаменами.

В нашей подготовке не было деления предметов обучения на основные и не основные. Все они для нас были основными, и требовалось немало времени, чтобы их изучить. Распорядком дня это было предусмотрено от подъёма до отбоя, что обеспечивало усвоение пройденного материала в полном объёме.

Вспоминается приём пищи в столовой курсантами роты. Особенно, как это делал мой земляк курсант В. Смоляков. Он очень любил по утрам пить чай вприкуску с сахаром. И пока он не выпивал 7-10 стаканов чая, рота не выходила из столовой и ждала его. Лишь потом тогда я давал команду – «встать, выходи строиться». На него никто не обижался. Он всегда говорил, вставая в строй – теперь можно и на занятие! В строю раздавался смех, и курсанты с таким настроением шли на занятия. Каждый раз получалось, что вроде он давал разрешение идти или не идти на занятие. Эти слова в какой-то степени снижали напряжение в курсантской жизни. Превращались в курсантские – «байки», «анекдоты».

Все предметы программы обучения были привязаны к тактике ведения боя.

Например – изучение предмета «Связь» строилась таким образом, чтобы научить курсантов управлять подразделениями в различной обстановке, в условиях мирного и военного времени. Курс, в первую очередь, включал в себя теоретическую часть подготовки. Во вторую часть входило приобретение навыков практической работы на средствах связи. При всё этом, именно большое значение уделялось радио трени-

ровкам в целях приобретения практического опыта работы курсантов на всех средствах связи. Общая задача предмета и его курс, заключался в подготовке нас к практической деятельности, как будущих командиров.

Нами в теории изучались вопросы роли и места связи в бою, способы организации связи в различных видах боевой деятельности войск, при действии войск на равнинной, пустынной, горной местности, в лесу. Кроме того, изучались наставления по связи, правило радиообмена, документы скрытого управления войсками, характеристика и возможности средств связи ротного, батальонного и частично полкового звена, состоящих на вооружении сухопутных войск, особенно мотострелковых и танковых частей. Знакомились со средствами связи командно-штабных машин, проводными средствами связи и порядком их применение.

На практических занятиях все отрабатывали вопросы практической работы на радиостанциях и радиоприёмниках коротковолнового и ультракоротковолнового диапазонов, носимого и возимого вариантов, установленных на танках, БТР, БМП, КШМ, проводные средства связи батальонного звена. Занимались, развёртыванием различных типов применяемых антенн, настройкой радиостанций на основную и запасную частоту, вхождение и ведение связи, и обязательно выполнение нормативов по связи.

При их отработке не было равных курсантам – Сытникову В.; Мединцеву Г.; Семёнову И.; Фатхулину Д.; Ионченко А.; Трошину В. Практически соревноваться с ними по выполнению этих нормативов было бесполезно.

В процессе проведения радио тренировок с нами отрабатывались вопросы по управлению подразделениями в бою. Для этих целей разрабатывались задания на топографических картах с нанесением различной тактической обстановки для первого, второго, третьего курсов (отделение-танк; взвод-рота; рота-батальон) с применением документов скрытого управления войсками.

Перед каждым занятием в поле, полевым выходом нас на первом, втором, третьем курсах в обязательном порядке, как правило, проводились радио тренировки на средствах связи

по управлению: — экипажем; взводом; ротой, а в конце курса батальоном, согласно тактическим заданиям и изучаемыми темами по тактике, огневой подготовке и цикле (кафедре) вождения боевых машин.

Тесное взаимодействие с кафедрами тактики, огневой подготовки, вождения боевых машин и других предметов курса подготовки, прививало нам навыки к практическому управлению подразделениями в различных видах боя, в полевых условиях. Для этого использовались также классы предмета «Связь».

В одном из классов были смонтированы средства связи, состоящие на вооружении сухопутных войск в мотострелковых и танковых частях: это радиостанции и радиоприёмники ультракоротковолнового диапазона, танко-переговорного устройства (ТПУ), проводные средства связи, переносные радиостанции, макет местности.

Этот класс был предназначен для практического обучения курсантов работе на средствах связи, настройке радиостанций, устранение простейших неисправностей, правильному вхождению и установлению устойчивой связи между абонентами, тренировке отработки нормативов по дисциплине «Связь», ведению радиообмена с применением документов скрытого управления войсками, проведению радио тренировок с использованием тактических действий подразделений на картах и на макете местности, сбор информации о действиях своих подразделений и подразделений противника.

Здесь отличались всегда курсанты Краюшкин А.; Кочетков Н.; Трофимчук В.; Чепенко Н.; Шмигерин А. и мл. сержант Дымов Ю.

В другом классе находились средства связи командирских танков, новые образцы радиостанций, поступавшие на вооружение сухопутных войск.

Классы давали возможность изучить нам и практически работать на средствах связи, которые были по штату в ротном и батальонном звене. Также в классах были радиостанции коротковолнового и ультракоротковолнового диапазонов, маломощные радиорелейные станции, аппаратура скрытого управления войсками и антенное хозяйство.

Связь нам преподавали: гвардии подполковники Гречко В. Н., Петраков В. Н. и Киткин П. П.

Кроме них хочется отметить гвардии майора Сеницына П. И., который с нами был всегда на всех занятиях, когда мы изучали и использовали практически средства связи. Он передал нам немалый свой опыт в работе на них. И это нам пригодилось в войсках. Всегда вспоминаю его добрыми словами.

Наша повседневная курсантская жизнь требовали от нас внимания и усидчивости, так как количество военных дисциплин со временем возрастало.

Помню первую лекцию по тактической подготовке, которую читал заместитель начальника кафедры тактики гвардии подполковник Троицкий А. Д. Это был офицер, как и многие преподаватели, прошедший войну. Начал он свою лекцию словами, что тактическая подготовка – это обучение личного состава взводов, рот, батальонов к ведению боя, а нас курсантов обучению организации боя и управлению этими подразделениями в ходе его ведения. Что тактика и творчество – понятие неразрывные, что первой всегда будет сражаться мысль. Поэтому творческий подход к делу должен проявляться уже на стадии планирования боя, организации взаимодействия внутри своего подразделения, так и с приданными или поддерживающими подразделениями других родов войск, с соседями – справа и слева.

Также было сказано, что наше тактическое мышление будет зреть в ходе полевых занятий, когда будет возникать необходимость быстро принимать решение в конкретной ситуации. Когда потребуется смоделировать картину боя, предугадать его развитие и ход, проявить упорство в достижении намеченной цели, сопряжённые с этим смелость, решительность, и разумный риск.

Поэтому занятия проводились порой на местности в сложных условиях (т. е., речь шла о состоянии погоды, времени года и суток). Отработка тактических вопросов, как правило, проводилась в комплексе с огневой, технической, инженерной подготовкой и защиты войск от оружия массового поражения и другими предметами обучения. В течение первого

года учебы мы изучили действия экипажа танка – отделения, в различных видах боя. На втором курсе – действия в составе взвода. На третьем курсе – ознакомились с действиями роты и тактикой ведения боя батальоном и работой его штаба. Как выражался заместитель начальника кафедры тактики: «мы с вами пойдём в обучении по пути от простого к сложному».

Слушая ту первую лекцию, для себя отметил, что уже с определёнными темами и тактическими проблемами я уже столкнулся, служа в войсках. Хотелось бы больше понять и ответить на те вопросы, которые возникли тогда, когда служил в полку. Каждую лекцию, слушая и записывая, я отвечал на свои вопросы, особенно, когда стали проводить семинары и групповые упражнения. Всё это способствовало усвоению пройденного материала. Эти занятия проводил с нами гвардии майор Некрасов В. Н. или кто-то другой из преподавателей тактики. Все они при проведении занятий, всегда или практически всегда, приводили примеры из своего опыта, приобретённого в годы войны. Рассказывали, как они действовали, тогда и какие могли допускать ошибки, в том или ином бою. И как нужно бы действовать, чтобы выполнить задачу с минимальными потерями личного состава.

...Незаметно прошёл первый семестр, нужно было готовиться к зачётам и экзаменам. Впереди был первый зимний отпуск. Успешно сдав первый семестр, я, как и все курсанты получил отпускной билет и поехал к брату в г. Куйбышев. Дорога заняла не больше суток с пересадкой в г. Сызрани. Этот первый курсантский отпуск, оставил в памяти большое впечатление. Ведь не был в родных местах больше двух лет...

С братом, хотя и было ещё много снега, сходили на могилу мамы и двух наших сестёр. Одна из них умерла в самом начале 30-х годов (когда были раскулачены наши родители за то, что жили с родителями отца – дедушкой и бабушкой, которые имели, свой дом с металлической крышей, корову и лошадь). Вторая сестра умерла во время войны, когда отец ушел воевать с фашистами. Его на фронте взяли в военную контрразведку – «Смерш». Борясь с диверсантами и бандитами, он погиб от рук «зелёных братьев».

Раскрывши письмо треугольник
Невольно срывается крик
Лишившись обоих уже дочек
Как горестно плакала мать

Коротенькие пальтишки
Детские быстрые сны
Военные ребятишки
Друзья вы мои

От ягод сводило нам губы
Из лужи попив лопушком
По одичавшему лугу
Бегали мы босиком

Скворцов переимчивых звуки
И нет мне дороже, родней
Чем заскорузлые руки
Мамы моей

Как быстро мы враз повзрослели
Нас детство лишила война
У многих отцы не вернулись
Считай половину села.

Побыв несколько дней у брата, я решил съездить в техникум, он был по дороге в Ульяновск, недалеко от Сызрани, в одном из его районов. По приезду в техникум, в село Усолье Шигонского района, меня там тепло встретили преподаватели и дирекция. Ведь в техникуме я был секретарём комитета комсомола, выбранный комсомольцами на втором курсе. Приняли – как родного человека! Расспрашивая о моей уже самостоятельной жизни, попросили по старой памяти выступить перед студентами. Выступая, поделился с ними, как работал, как служил, как учусь в училище. И о своих успехах рассказал – показал подаренные мне часы министром обороны маршалом Советского Союза Р. Я. Малиновским. Это было в клубе техникума.

Встреча очень тронула мою душу, особенно впечатлили орации аудитории.

Техникум напомнил мне то время, когда после его окончания, мне предложили быть инструктором в райкоме комсомола. Было предложение через некоторое время окончить высшую партийную школу. Но я отказался тогда от такой карьеры... Тогда в своем первом курсантском отпуске я вспомнил это, и у меня возник не объяснимый новый порыв что-то творить в жизни хорошее!

С таким настроением возвращался в родное военное училище... Там начался второй семестр учёбы.

С началом семестра изучали боевой устав: отделение(танк)-взвод. Если в полковой школе, нам только рассказывали и объясняли азы требований этого устава, теперь нам требовалось изучить все его статьи, в которых излагались действие экипажа танка в различных видах боя. От нас требовалось изучить требование этих статей, чтобы знать обязанности командира в бою – по принятию решения; отдачи боевого приказа экипажу и т.п. Надо было понять вопросы взаимодействия с соседями; что указывается в карточке огня; как составляется схема обороны взвода и т.д.

Мне эти вопросы давались легко, так как я с ними уже встречался на практике, но их нужно было ещё лучше закрепить. Статьи боевого устава старался все изучить наизусть. Понимая, что, зная их, всегда будешь правильно действовать в любой обстановки. Ведь они написаны кровью солдат и офицеров, прошедших войну. Опираясь на требование боевого устава, можно было понять, как организовать тот или иной вид боевых действий. Не растеряться и правильно принять решение по складывающейся обстановке. Организовать взаимодействие при выполнении поставленной задачи. Это должно позволить выполнить её с минимальными потерями.

Преподаватели, которые нам читали лекции по темам «Танк в обороне» или «Танк в наступлении», всегда старались подробно объяснить требование Боевого устава. При этом они почти всегда опирались на опыт боев в Великой Отечественной войне, написанный в учебниках по тактической подготовке, а также и на свой боевой опыт...

Появился новый предмет – военная топография. Она, как учебная дисциплина, находилась в тесной связи с тактической подготовкой. Преподаватель по военной топографии знакомил нас с работой над боевыми документами и навигационной аппаратурой, установленной на танке.

Это был знаменитый на все Вооружённые силы страны, гвардии подполковник Шабловский М. И. Большое значение он уделял, разъясняя нам значение топографических знаков, говоря почти каждый раз проводя занятие: «Тот, кто знает топографические знаки, всегда по карте может ориентироваться на местности!». Часто устраивал небольшие по времени – летучки, тем самым добивался от курсантов изучать и лучше усваивать пройденный материал. Учил изучать местность по карте и её оценивать. Разъяснял, что производство различных измерений по карте, позволит при подготовке к ведению боевых действий. Всё это в комплексе, позволит правильно принять решение. При выезде на полевые занятия в тот или иной район, вначале проводил опрос каждого во взводе, что из себя представляет местность, на которую едем. Такие практические занятия позволяли каждому курсанту, проверить себя – правильно ли оценил местность. И потом всё это пригодилось в дальнейшем и в учёбе, и особенно при прохождении службы.

Особенно нравились его занятия ночью, когда учились совершать марши с использованием навигационных приборов, установленных на танке, БТРе.

Здесь отличались: сержанты Кузнецов; Дымов; курсанты Ломков; Уразаев; Хлебалин, Касьяненко, Трошин, Ершов и др.

Занятия по предмету «Оружие массового поражения (ОМП) вероятного противника и защита от него (ЗОМП)», вёл вначале начальник химической службы училища гвардии майор Щербак Я. Г. впоследствии подполковник. Вопросы ЗОМП были включены в темы по тактической, огневой, инженерной, технической, медицинской подготовке, а также в разделы общеобразовательных дисциплин. Предмет являлся основным. Он был необходим для привития нам практических навыков по вопросам защиты от ОМП и химического

обеспечения подразделений, оценке радиационной, химической и бактериологической обстановки.

На практических занятиях по ЗОМП мы тренировались, добиваясь быстрого и умелого использования индивидуальных средств защиты, приборов РХ-разведки, средств специальной обработки, оказания первой помощи при поражении от ОМП. Эти занятия проводились на химическом городке, где были оборудованы специальные площадки с макетами средств применения химического оружия вероятным противником. Все они были в натуральную величину: тактические ракеты, химические авиабомбы, выливные авиационные приборы. А для изучения химического зажигательного оружия, была выделена отдельная площадка, на которой стояли: огнемётный танк, самоходный огнемёт, химические миномёты снаряды и мины.

В отработке нормативов по ЗОМП всегда отличались: – сержант Кныш В. и курсанты – Иванов В.; Свиняков В.; Кислицын В.; Трошин В.

Я, как сейчас помню, что все эти занятия, как правило, проводились на фоне сложной тактической подготовки.

Для отработки действий экипажей в условиях применения противником зажигательного оружия и привития нам морально-психологических качеств каждый курсант должен был погасить напалм, попавший ему на обмундирование или помочь товарищу, закрыв очаг горения подручным материалом или накидкой. Экипаж танка должен был выйти из горящего танка и ликвидировать очаг горения. Эти же вопросы в комплексе отрабатывались в ходе тактических занятий и учений.

Здесь отличались своей выдержкой курсанты: – Евсиков В.; Феклистов В.; Смоляков В.; Шмигерин А.; ст. сержанты Сузик В; Лебедь М. Они показывали своё умение в ликвидации очага горения. Глядя на них и, другие курсанты действовали так же.

Вопросы специальной обработки (дегазация, дезактивация и дезинфекция), как правило, отрабатывались в полевых условиях: частичной обработки – с использованием табельных средств танка ТДП (танковый дегазационный прибор);

полной обработки – с использованием техники химических войск: АРС-12д и ДКВ – «дегационный комплект войсковой».

На этих занятиях всегда отличались: – курсанты – Ломков; Хлебалин; Ионченко; Касьяненко; Ершов. Преподаватели всегда ставили их в пример.

Для подготовки нас к преодолению водных преград танками под водой с нами отрабатывались вопросы лёгкой водолазной подготовки (ЛВП) в бассейне училища на специальном тренажёре с использованием изолирующего противогаса ИП-46м и реальном преодолении водной преграды под водой на танкодроме при отработке тем вождения. На таких занятиях присутствовали медицинские работники училища с врачом Ивановой Е. Ф., она же нам преподавала военно-медицинскую подготовку.

Как сейчас помню, что первыми выполнили это упражнение – курсанты – Стрюков А.; Тихов И.; Лобашов В.; Дроботенко В.; Хлебалин Н.

Возможность применения противником ОМП в то время была реальной. Поэтому нас всегда учили оценивать РХ-обстановку при отработке всех тем тактической подготовки. Мы изучали также приборы РХР и дозиметрического контроля. Эти приборы нами были изучены в специальном классе ОМП и на тактико-специальном тренажёре этого же класса.

На техническом цикле изучалась материальная часть танков и автомобилей. Мы учились их ремонтировать, усваивали теоретические знания. Изучали ТТХ всей техники, состоящей на вооружение Вооружённых Сил. В подготовке курсантов как водителей автомобилей, главное место занимали вопросы теоретической подготовки, знание правил дорожного движения (ПДД). Мы учились вождению автомобилей, как на машинодроме, так и в городе. Оборудованные классы материальной части автотехники и особенно класса по ПДД, позволяли хорошо усвоить материал для сдачи экзамена.

По всем этим вопросам в лучшую сторону отличались – курсанты – Панфилов Б.; Уразаев Е. Дроботенко В.; Богданов А. и Резниченко А.

Коллектив преподавателей имел большой войсковой опыт в организации эксплуатации и хранения БТ техники. Часто, командуя взводом, вспоминал дни, проведённые в парке (ТБО – «танковый батальон обеспечения», автороты, рем роты). В эти дни в парке развёртывались учебные места с полным комплектом необходимого оборудования, инструментария и материалов по обслуживанию наиболее ответственных агрегатов, узлов и систем бронетанковой техники. Как правило, инструкторами на этих точках выступали хорошо подготовленные наиболее опытные механики-водители. Такие парко-хозяйственные дни учили нас, как подготавливать технику на кратковременное хранение или перевод на очередной период эксплуатации.

Хорошим подспорьем для запоминания нами, последовательности и всего объёма подготовки техники, служила тщательно продуманная техническая документация: общий план мероприятий, планы-графики работ по дням и часам, операционные карты на каждый объект, инструкции на каждом рабочем месте, карточки учёта и устранения недостатков на каждую машину, глубоко продуманные инструкции по соблюдению мер безопасности. Все эти полученные знания и увиденное практическое выполнение, очень пригодились в войсках...

Заканчивался первый год обучения в училище, время не прошло, а пролетело. Впереди были экзамены, которые нужно было сдавать. Сама методика подготовки, готовила нас к этим испытаниям, которые мы курсанты выполняли с честью. В период подготовки к экзаменам я обратился к командиру роты за рекомендацией для поступления в кандидаты – члена КПСС. Командир роты был очень рад, что я обратился именно к нему и командиру своего взвода, так как он несколько дней назад получил письмо от секретаря партийной организации техникума, где я учился. В нём была характеристика на меня и его рекомендация по принятию меня кандидатом в члены КПСС. Я об этом письме не знал. Когда услышал об этом, был удивлён и несколько взволнован. Написав заявление на приём кандидатом в члены КПСС, стал ждать собрания ротной партийной организации. На собрании был принят кандидатом в члены КПСС.

После экзаменов у нас был месячный отпуск. Я снова поехал к себе в г. Куйбышев. Уже имея в кармане кандидатский билет члена КПСС. Побыв в родном, пригородном совхозе «Рубежном» некоторое время в семье у брата, решил поехать в с. Николаевку, где начал трудовую деятельность в должности главного механика. Брат не очень возражал этой поездке, но хотел, как можно больше побыть вместе. Я ехал и представлял: вот снова увижу родные места, с которыми попрощался почти три года, где ходил на лыжах с ребятами, ловили рыбу, где была любимая работа. Очень хотело пройтись по этим местам. И от этого желания, какое-то непонятное чувство появилось во всём теле. Душа, как говорится, пела и ликовала. Было очень хорошее настроение. Наконец появилось село, со знакомыми и незнакомыми постройками. Да это была Николаевка. Маршрутный автобус остановился. На остановке было несколько человек, которые ждали попутный транспорт, чтобы доехать до города. Среди них были разных возрастов люди, незнакомые мне. Поздоровавшись со всеми, пошёл в сторону села. Остановка находилась на окраине. Подходя к домам, увидел в стороне знакомую личность. Это была агроном колхоза – Валентина Семёнова, как и я приехавшая в село после окончания сельхозтехникума. Приехавший с ней муж Олег, работал фельдшером в местном медицинском пункте. Подошёл к знакомому человеку, мы поздоровались. Валентина стала ко мне присматриваться. Я понял, что она меня не узнала. Решил пошутить и стал расспрашивать о селе. Она настроено стала отвечать на мои вопросы, глядя на мою курсантскую форму, тогда решил закончить начатую мной, так называемую «комедию». Назвал её по имени и фамилии. Женщина ещё больше насторожилась, пришлось назвать себя. То, что дальше произошло, нельзя описать просто – у человека была радость. Она стала меня расспрашивать, её интересовало всё: где служил, как жилось, что сейчас делаю. Она не поняла мою курсантскую форму. Почему я в такой одежде? Пришлось коротко рассказать, свой жизненный путь, за время отсутствия. Так разговаривая, подошли к конторе колхоза.

Остановились, из здания вышло несколько человек, некоторые узнав меня, кинулись обнимать и расспрашивать. Через некоторое время подъехал на велосипеде к конторе мужчина – хозяин дома, где я снимал жильё, когда работал. Обнялись, в памяти тут же возникло мгновенно, всё то время, когда начинал здесь трудиться, как написал обращение на имя министра обороны СССР, как уходил в армию. Эти воспоминания заставили меня, вспомнить все подробности, именно той жизни. И какое-то чувство, заставило задуматься о том времени, сделать для себя выводы. Эта встреча ещё раз подтвердила, что мной был правильно выбран, дальнейший жизненный путь.

На наш громкий разговор и крики присутствующих, из здания конторы вышел председатель колхоза – Вдовин Иван Александрович. Увидев меня, он тоже сперва не узнал меня и стал интересоваться: – по какому вопросу митинг? Поняв свой ляп, был очень удивлён моему появлению. Стал прямо на улице задавать вопросы: – где сейчас? что делаю? когда вернусь в колхоз? Пришлось коротко дать ответы на все вопросы. Услышав от меня, что учусь в военном училище, пригласил всех в свой кабинет. Все пошли за ним. В кабинете начались его воспоминания о войне, что прошёл и увидел там. Мне очень надолго запомнились те его воспоминания о войне.

Пишу, что осталось в памяти на сегодняшний день из его воспоминаний.

При освобождении Белоруссии ему рассказали в одной из деревень в доме, где ночевал, хозяйка и её дети: «Это было в первый год войны, осенью, в ясный, погожий день, когда было так хорошо выбежать на улицу, всю в золоте от опавших липовых листьев. Но дети хозяйки дома вынуждены были сидеть в своей хате. В соседние деревни Канавку, Паровику, Тёплые – приехали немецкие карательные отряды, состоящие из полицаев. У них, в Хворостянах, карателей ещё не было, но и здесь с тревогой и страхом ожидали их. Стрельба слышалась со всех сторон. Ходили слухи, что каратели расстреливают каждого, кого застанут за околицей. И мать, озабоченная, бледнея с каждой минутой повторяла:

– Смотрите не выходите никуда... А то сами знаете...

Умирать мы не хотели, а потому не противились матери. Не отходили от окна, мы всё время глядели вдаль и готовы были залезть под печь или зарыться в постель, как только появятся каратели. Но дорога пока была пустынная.

Первых карателей заметили издалека, едва они показались на велосипедах из-за горки. Мы хотели уже спрятаться, но нас заинтересовали две детские фигурки, которые маячили рядом с велосипедами. Вскоре мы разглядели двух полицаев. Они ехали, низко пригнувшись, быстро, след в след, а за первым велосипедом бежали два малыша из деревни Тёплые. Лица у них были в синяках, в подтёках грязного пота. Глаза вылезали на лоб. Они без прерывно лизали языками пересохшие губы. Задний полицай постоянно подгонял их, и они не отставали от первого велосипедиста.

Полицейские свернули к лесу. Вскоре оттуда послышалось два сухих выстрела.

– Неужели тех малышей? – со слезами заломила руки мама.

Назавтра, когда полицаи куда-то исчезли, родители нашли своих детей в лесу мёртвыми. Их везли на телеге через нашу деревню. Все высыпали навстречу. Матери убитых ехали на той же телеге и голосили. Мы шли рядом, и слёзы катились у нас из глаз. Тела убитых были прикрыты белой простыней, и мы не смогли их разглядеть. Матери склонялись к сыночкам и, поливая простыню слезами, приговаривали:

– Намозолили вы глаза разбойникам... За что же они вас?.. Нет в них ничего человеческого.

Похоронили их на том месте, где нашли убитыми, и поставили два креста.

Мы сейчас часто ходим на могилки, и перед нашими глазами отчётливо встают те жуткие картины.

Они погибли смертью невинных, не дождавшись светлых дней».

Вот такой рассказ нам поведал председатель колхоза. Сам он был награждён двумя Орденами Славы, многими медалями за освобождения городов. Закончил войну в Кёнисберге (Калининграде), где был ранен в третий раз.

Пока мы вели беседу с председателем колхоза, в это время его секретарь хлопотала в его комнате для отдыха. Пригласила всех зайти туда. Стол был накрыт для обеда. На нём была обыкновенная знакомая мне пища: – борщ; котлеты; сметана; чай с мёдом и свой из колхозной пекарни – пропечённый хлеб, со своим особым ароматом и запахом.

Когда увидят всё это приглашённые, послышится предложение – добавить не достающую жидкость – (самогона). Председатель не возражал от такого предложения, и через несколько минут появилась не достающая жидкость. И разговор начался о жизни колхоза и его проблемах. Мне было очень интересно слушать всех говорящих о своих наболевших проблемах: о том, что живут ещё многие в землянках, что молочная ферма требует обновления, что выращенный хлеб и живность, порой не могут сдать и т. д. Так этот обед перешёл в другую, начатою в начале тему. Просидев за обеденным столом часа полтора – два, стали прощаться. Я предложил председателю свою помощь, он не возражал, но напомнил мне, что здесь есть, не забранная мною, заработанная пшеница, которая мне была выдана на трудодни за срок моей работы в колхозе. Мной было сказано, что я этого не знал, ведь прошло уже почти три года. На эти слова мне было сказано, что сколько ещё будет существовать колхоз, столько времени будет числиться его долг передо мной.

Утром, пошёл на прежнее рабочее место в мех. цех, в колхозе начиналась жаркая пора – уборка выращенного на полях хлеба. Урожай получили отменный, его нужно было собрать. Каждые руки были на счету, особенно на току. Как выяснилось, не хватало транспорта, чтобы отвозить намолоченное зерно от комбайнов. Две машины стояли неисправны, да и водители, закреплённые за ними, работали на других машинах, водителей в колхозе не хватало. Председатель колхоза попросил оказать в этом вопросе посильную помощь. Занялся восстановлением автотранспорта вместе со сменившим меня механиком. Устранив неисправности в течении двух-трёх дней, я сел за штурвал комбайна. Закреплённый комбайнёр заболел – увезли в город в больницу, и так нужный комбайн, стоял. Так пришлось вспомнить все

навыки, полученные в техникуме и на работе в колхозе. Я с благодарностью вспомнил преподавателей техникума, по автомобильной подготовке училища за те знания, которые получил. Так прошли быстро почти три недели моего отпуска в родном колхозе. Наступил день, когда нужно было прощаться. Теплотой с какой прощались со мной эти люди, ставшие для меня уже очень близкими, ещё долго оставалось в моей памяти долгие годы. И вот ради этих людей, которые должны были спать спокойно, я и должен был освоить военную науку. Освоив её, учить своих подчинённых именно в мирное время – воевать, чтобы всегда быть готовыми защищать этих людей. А если потребуется, то и отдать свою жизнь ради их жизни.

Вот так прошёл мой первый месячный курсантский отпуск. И он тоже, как и зимний, оставил большое впечатление. Находясь в колхозе, всего один раз перед отъездом в училище сходил в последний день своего отпуска на танцы в наш клуб. Среди девчат, заметил одну... Придя, домой рассказал об этом брату. Эта девушка была очень скромная, она не была, как остальные, мне так показалось тогда, брат пообещал мне уточнить, кто она. Я даже не знал её имени. Да, у нас в училище устраивали балы, к нам приходили разные девушки, но там не было именно такой, которую увидел тогда.

Начался второй курс обучения. У нас поменялся начальник училища. Генерал-майор Мельников П. А. был переведён на новую вышестоящую должность, а его сменил генерал-майор Владимир Львович Табакин, прибывший с должности начальника Дальневосточного танкового училища.

Напряжение в учёбе не спадало. Приказом Министра обороны от 4 октября 1966 года наше училище переходило к подготовке офицеров-танкистов с высшим образованием. Набранный в этом году первый курс, автоматически переходил на четырёхгодичную подготовку. Мы продолжали заниматься по старой программе.

Переходили на взводную тематику по тактической подготовке.

По огневой подготовке стали изучать стрельбу с закрытых огневых позиций. Она позволяла вести стрельбу из танка

до 15 км. Здесь требовалось хорошее знание топографии, т.е. знание местности по карте. Особенно её оценка. Она позволяла определить все превышения на линии стрельбы. Было много занятий по этой тематике. Каждый курсант получил практические и теоретические знания по этому вопросу. Мы были готовы к этой практической стрельбе, используя приборы танка и хорошие знания топографической карты. С нами стали проводиться больше практических занятий, и мы курсанты стали действовали уже на разных должностях – кто командиром танка, кто – членами экипажа, кто командиром взвода в процессе занятий менялись должностями. Именно эти занятия позволяли получать практические навыки в управлении экипажем, взводом. Действие в разных должностях членов экипажа, позволяла лучше понять, какое должно быть взаимодействие внутри экипажа, т.е. кто что должен делать: при переводе орудия из походного в боевое и наоборот; при загрузке боеприпасов; при совершении марша; при ведении боевых действий; при преодолении водных преград под водой и подготовки танка к этому и т.д.

Именно после таких занятий, мы готовы были реально действовать на технике, не задумываясь, как единый механизм.

Занятия в училище заставили забыть о проведённом отпуске и его впечатлениях. Все кафедры училища, требовали напряжения и сил по освоению программы. Требовательность везде была одинакова по оценке твоих знаний и не было никаких послаблений в оценке твоих знаний, при сдаче экзаменов или зачётов, это понимали и знали все курсанты. Мы стали готовиться, к сдаче экзаменов, чтобы получить права водителя. Наши инструктора по вождению автомобилей были профессионалы своего дела. Весь свой опыт они передавали всем курсантам, каждый год при подготовке к этому экзамену. Всем хотелось получить права. Именно поэтому в роте устраивали викторины по знанию правил. Как правило, они проходили бурно. Всё это помогало в подготовке к экзамену.

В скором времени прошли экзамены в ГАИ, которые успешно были даны всеми курсантами роты. Все получили

права – шофёра профессионала грузового автомобиля. Понимали, что время тратили не зря.

Нам очень нравились двухсторонние занятия, т.е. одновременное проведение занятий с различными курсами по разным темам тактической подготовке.

Например: – отработка темы по взводной тематике на втором курсе, с привлечением курсантов на этих занятиях третьего курса по ротной и батальонной тематике. Эти практические занятия позволяли нам лучше понять вопросы управления подразделениями – взводом, а для третьего курса – ротой. Включение в эти занятия – задания вопросов по указанию командира взвода, роты, именно по обеспечению боевых действий, по партийно-политической работе, по ОМП, связи, материально-техническому обеспечению. Такие занятия заставляли нас работать не за оценку, а творчески, с огоньком, с полной отдачей сил, с духом соревнования – кто победит на этих занятиях, т.е. какой курс.

На этих занятиях часто отличались курсанты первого и третьего взвода.

Командир роты всегда их приводил в пример при подведении итогов за неделю.

Хочется отметить одно обстоятельство. Объединение материальной части, выделяемой на занятия, позволяло дать нам возможность в приобретении командирских навыков практически выступая в той или иной должности. Мы должны были, уяснить полученную задачу, довести её реально, а не условно, действующих подчинённых в строго ограниченное время, отдать указания по взаимодействию и обеспечению боевых действий, реально управлять этими подразделениями, экипажами в ходе боя. На таких занятиях мы действовали не по набору команд, отданных по несуществующему «противнику», а по конкретно поставленным задачам в реальных учебно-боевых условиях. Исходная обстановка на таких занятиях доводилась не накануне занятий, на самоподготовке, не с отпечатанного листа, а с голоса преподавателя непосредственно в поле, на местности, широко используя возможности оборудованного тактического поля. Ротный тактический комплект позволял создавать такти-

ческую обстановку на оборудованном тактическом поле – оборонительные рубежи с траншеями и проволочными заграждениями, противотанковым рвом, ежами, танковыми окопами, участком разрушения и т.д.

И ещё хочется отметить один момент. Имитационные средства, выдавались на все группы, которые использовались централизованно и позволяли имитировать огневую подготовку по переднему краю противника, огневые налёты в глубине его обороны, использовать дымы для совершения манёвра и т.д. Таким образом воссоздавалась внешняя картина современного боя и приближала нас к реальным действиям в сложившейся обстановке. Холостые артиллерийские выстрелы, выдаваемые на занятия, позволяли нам реально воздействовать на появления «противника» на поле боя.

Естественно, что наличие «противника» вызывало у нас к противостоящим учебным группам стремление действовать, используя их допущенные промахи, ошибки, стремление только победить.

Мы знали, что за годы Великой Отечественной войны нашими войсками было проведено много классических операций и боёв, показавших всему миру превосходство советского военного искусства. Изучение боевых примеров давало представление о действиях офицеров, сержантов и солдат в бою, позволяла глубоко познать природу и способы организации наступления, встречного боя, обороны. Они помогали понять значение творческого решения командира, огня, манёвра и управления войсками...

Изучение боевого опыта, использование его с учётом развития современной военной техники и вооружения расширяли тактический кругозор курсантов, помогали глубже усвоить требования современных уставов и наставлений, совершенствовать свои знания не по шаблону.

Все стремились к овладению командирскими навыками. Нам курсантам очень помогало в этом изучение пособия: «Примеры ведения боевых действий танковыми подразделениями в годы Великой Отечественной войны»; «Тактика в боевых примерах». Именно эти пособия заинтересовывали нас с первых дней учёбы изложенными в них секретами

командирской деятельности. Приведённые примеры волновали нас, вооружал командирскими навыками, воспитывал в нас любовь к Родине, к героической профессии офицера, чувство командирской ответственности за безупречное выполнение воинского долга.

Изложенные в них примеры из опыта Великой Отечественной войны показывали не только мужество, решительность, стойкость советских воинов, но и раскрывали, где и когда происходил тот или иной бой, в какой тактической обстановке, применяемые ими тактические приёмы, сметку, хитрость, показывали, как побеждать врага, при каком соотношении сил, какие представлялись возможными варианты решения боевой задачи и какое из них решение было принято, как оно проводилось в жизнь и т.д.

Незаметно прошёл первый семестр учёбы на втором курсе. Сдав все зачёты и экзамены, курсанты были отправлены в зимний отпуск. Я поехал к родному брату, он уже знал, что я приеду и готовился к этой встрече. По приезду стал у него уточнять в отношении той девушки, которую видел в последний день летнего отпуска. Брат рассказал мне о ней всё, что ему стало известно. Уточнил, что она учится и в настоящее время находится на практике, и скоро заканчивает своё учебное заведение. Он не знал, где она проходит практику и как этот вопрос выяснить.

Так мы с ней и не встретились за период моего отпуска. Единственное, что узнал, так это имя. Вечером почему-то не хотелось ни куда ходить. Днём ходил с братом на зимнюю рыбалку на озёра, которые были рядом. Отпуск пролетел быстро, нужно было возвращаться в Ульяновск. Отметив отпускной билет в городской военной комендатуре, как и раньше, купив билет в военной кассе, вернулся к брату, ещё оставалось двое суток отпуска. Возвращаясь в автобусе, заметил знакомое лицо, это была она, которую искал уже полгода. Мы с ней познакомились, автобус казалось летел, т.к. очень быстро довёз нас до конечной остановки. Я уточнил у неё планы на вечер, но мне было сказано, что она приехала к родителям на несколько часов и что нужно уже сегодня возвращаться на практику. Рассказав о встрече с ней брату.

Он был очень рад, что ту которую я искал, наконец, нашёл. Разочарований было много, особенно по приезду в училище, я задавал себе вопросы, не получая на них ответы, почему не уточнил адрес, куда можно ей писать письма.

Начинался второй семестр учёбы, второго года обучения в училище, семестра – стажировки.

У нас начались курсантские будни учёбы. Мы познавали всё новое и новое для себя, выросли все понимая, что половину пути к «лейтенантским погонам» прошли. Ко всем занятиям стали относиться с особым вниманием и усердием.

В новом семестре, который начался на втором курсе мы стали изучать, помимо топографических карт, работу с аэрофотоснимками, ориентирование ночью с использованием приборов ночного видения. Особое время отводилось в учёбе – ориентирование на местности с помощью танковых навигационных приборов, прогнозированию обстановки на местности в случае применения ядерного оружия.

Вспоминается такое занятие зимой 1967 года в учебном центре Поливно по наступательной теме. Курсанты роты действовали на различных должностях. С раннего утра совершили пеший марш в район занятий, а это больше 10-15 км, оттуда снова своим ходом, но уже в тактической обстановке выдвигались к переднему краю и наступали на обороняющегося противника с ходу. В в общей сложности ещё до 8-10 км по глубокому снежному покрову в небольшую метель. Это требовало от нас большого напряжения сил. После занятий марш в училище совершали также пешком, но сделали небольшой привал на обед в курсантской столовой в Поливно. Некоторые курсанты с большим трудом выдержали это испытание. После этих занятий все курсанты убедились, что в современном общевойсковом бою требуются не только отличные знания, но и высокая профессиональная подготовка, крепкая физическая закалка. Прежде чем получить «лейтенантские» погоны, нам придётся ещё много заниматься профессиональной подготовкой, учиться проводить воспитательную работу, и повышать ещё больше, своё физическое мастерство.

При проведении этих занятий, хорошую подготовку показали курсанты второго, третьего, четвёртого взводов.

Они были отмечены преподавателями, проводившими это занятие. Им был от них наказ – «так держать и дальше».

Всё это подстёгивало курсантов, придавало им уверенности во всех их делах и поступках, стремление более качественно осваивать программу обучения.

Вспоминаю, как собирались на войсковую стажировку. До столь ответственного для нас испытания, оставались считанные дни. Стали готовиться, читать свои конспекты, предстояло реально покомандовать взводами для многих впервые в жизни, увидеть реального солдата и встретиться с реальной армейской жизнью. Проводить практические занятия, указанные в расписании роты. Участвовать в настоящей армейской жизни части... Нам было объявлено, что стажировка будет проходить в Белорусском военном округе. Да мы увидим места, где люди пережили – оккупацию немцев, но не сдались. Вели партизанскую войну и в некоторых местах сохранили Советскую власть до прихода наших войск. Нам доводили на занятиях, что в Белоруссии каждый третий житель погиб. Вот нам и предстояло познакомиться с этим многострадальным народом и увидеть места боёв. Если будет возможность, пройти по этим местам не по учебникам, а практически, реально.

Каждый курсант для себя готовил план стажировки, который должен был утвердить командир роты, после согласования его с командиром взвода. Нам был доведён общий план, на основании которого мы составляли свои планы. После проведения стажировки, курсанты должны были отчитаться в виде написания реферата и сдать, кроме этого, зачёт. Зачёт принимала комиссия. План был написан на каждый день, и мы его должны были практически выполнить, делая отметку ежедневно в плане стажировки.

Где-то за сутки или двое нам было сказано, что будем проводить стажировку в 34-ой тяжёлой танковой дивизии в городе Борисове. Как потом выясним, что она входила в состав 7 танковой армии. Мы курсанты понимали, какая ответственность лежит на нас...

Итак, настал день выезда. На вокзале города Ульяновска для посадки роты было выделено несколько плацкарт-

ных вагонов. Курсанты взводов быстро заняли указанные командиром роты вагоны. Поезд начал движение по маршруту в город Борисов. Эшелон нас был литерный, поэтому шёл без остановок до Москвы, гражданских пассажиров не было. Единственная остановка была в городе Смоленске. Мне очень хотелось посмотреть на этот город. Город воинской славы на протяжении всей истории нашего государства. Остановка была около тридцати минут. Но этого было мало, чтобы увидеть город. Практически вся рота вышла на вокзал. Стали друг с другом фотографироваться, на вокзальной площади. Время было в обрез.

Прозвучала команда по вагонам.

Вот, наконец, прибыли и в г. Борисов. Быстро освободили вагоны и вот мы уже на привокзальной площади. А эшелон наш продолжил движение дальше на Запад, там ещё было две роты курсантов училища, которые ехали тоже на стажировку, но в другие гарнизоны частей Краснознамённого Белорусского Военного округа. Мы же, в составе роты погрузившись на подошедший автотранспорт дивизии, совершали марш в районы расположения дивизии.

**На фотографии в Смоленске слева направо:
Курсант Хлебалин Н.; старшина Неткачев Ю.;
курсант Феклистов В.**

По прибытию в район дислокации (расположения) частей, всех нас разместили в офицерских общежитиях. Мы были распределены побатальонно и поротно. В каждой роте стажировку проходили три курсанта. Каждый получил по взводу, состоявшему из трёх экипажей, каждый экипаж был в составе четырёх человек – командира, наводчика, заряжающего и механика водителя. Всего во взводах было по двенадцать человек, включая командира взвода. В роте было десять экипажей.

Стажировались мы при штатных командирах взводов. Многие из них были выпускниками нашего училища. Так в роте, в которой я проходил стажировку, двое лейтенантов были выпускниками нашей роты, которые четыре года назад проходили здесь стажировку и уже ждали свои очередные воинские звания – старшего лейтенанта и получения новые должности. Они хорошо знали офицеров нашей курсантской роты и были очень рады поделиться с нами своими воспоминаниями и успехами в службе. Все выпускники благодарили офицеров роты и преподавателей, за те знания, которые получили. Как я понял, командиру роты было очень приятно слушать хорошие слова в свой адрес и в адрес командиров взводов.

Преподаватели училища, офицеры роты, воспитывали в нас творческое мышление. Началась практическая стажировка, за период её проведения планы были в основном у всех выполнены. При проведении занятий с солдатами взвода, где я проходил стажировку, всегда использовал методику отработки нормативов, по той или иной теме проводимого занятия, используя методику наших преподавателей. Убеждался каждый раз, что она даёт свои положительные результаты.

Кому-то из нас повезло больше в вопросах получения опыта командования взводом, кроме мероприятий плана, который был у каждого. Так некоторые побывали на стрельбах экипажей, некоторые на боевых стрельбах взводов, а некоторым вообще повезло – быть на ротных тактических учениях с боевой стрельбой. Впечатлений было много, и каждый стремился ими поделиться.

Стажировка подходила к завершению, но нам всем хотелось посмотреть город узнать его историю. Особенно в годы

прошедшей войны. Что и как было именно здесь на этой земле? Хотя в планах это не было предусмотрено.

Мы уговорили командование полка организовать нам поход в город. В один из дней стажировки почти перед её окончанием нам было выделено время. Приведя свою форму в порядок, собравшись все вместе, мы пошли в город. Улицы города были очень чистыми, хотя ещё лежал на них снег, что бросилось сразу в глаза. Нас сопровождал помощник по комсомольской работе полка. Прошли несколько улиц, и он нас вывел в центр города. К нам подошёл экскурсовод и провёл с нами экскурсию по центру города. Рассказал нам, о событиях, которые происходили в городе.

И нам поведали рассказ, и название его было такое: «Шестнадцать часов перед бессмертием. Подвиг советских танкистов при освобождении города Борисова в 1944 году»

В конце июня 1944 года советские войска вышли к реке Березине. 29 июня 1944 года 2-й батальон 3-й гвардейской бригады 3-го гвардейского танкового корпуса, в состав которого входил взвод гвардии лейтенанта Павла Рака, достиг старой части Борисова. Батальону поручалось захватить мосты через реки Сху и Березину, помешать фашистам взорвать их и тем самым обеспечить переправу основных сил. Взводу Павла Рака – 4-м танкам – предстояло идти первыми.

Вечером гвардии лейтенант Рак уточнил задачу экипажам. Он проводил танк гвардии старшины Кулакова, поручив ему зайти в тыл артиллерийской батарее, замаскировавшейся на Борисовском кладбище. За полтора часа до полуночи выступила головная походная застава, которую вёл командир батальона капитан Силин. За ней – мотоциклисты и 2 машины взвода Рака. Оглушающе звонкими залпами заговорила артиллерия из-за Схи. Фашисты хорошо пристреляли въезд на мост. Были подбиты все советские танки. Все, кроме одного.

Павел Рак на огромной скорости «перелетел» через Сху. Всей своей мощью, огнём и гусеницами, обрушился танк Рака на фашистскую батарею, подбившую 2 его машины. Раздавлив её, танк устремился к переправе через Березину. Когда он достиг середины реки, вздрогнула земля – рухнул

мост через Сху. Но танк гвардии лейтенанта Рака уже коснулся твёрдого грунта.

На берегу его уже поджидал притаившийся в засаде «Фердинанд». На какую-то долю секунды фашистский наводчик опоздал с выстрелом, и «тридцатчетвёрка» успев проскочить опасное место, скрылась за поворотом.

Первым же выстрелом советский танк поразил заполненный гитлеровцами бронетранспортёр. Уцелевшие фашисты, поливаемые пулемётным огнём, в ужасе разбежались в разные стороны. Горящий броневик делал их хорошей мишенью.

Ещё перед боем лейтенант Рак, досконально изучив данные разведки, знал, что где-то справа от моста – зенитная батарея противника, опасная как для самолётов, так и для тех, кто должен вскоре форсировать Березину. Тот факт, что лейтенант решил уничтожить прежде всего зенитную батарею, характеризовало его как грамотного, опытного командира.

Без единого выстрела, карающим чудовищем вывалился из темноты советский танк, раздавив все до единого орудия. После этого акта возмездия танк устремился в город.

Выехав с Магистральной на Спортивную улицу, танкисты без колебаний ринулись на встречную автоколонну, о которой через какие-то минуты напоминали лишь груды дерева, металла да трупы гитлеровцев.

Экипаж нуждался в передышке, чтобы наметить дальнейший план. Укрылись в глубине двора. Часы показывали 24.00. Всего 60 минут назад пересекли они Березину и начали схватку с врагом. За это время урон фашистам причинили немалый, вызвали панику в его стане. Можно было с чистой совестью уйти в лес, дожидаться своих. Экипаж никто бы за это не осудил.

Но судьбу смельчаков в данный момент определило веление совести: продолжать вершить суровый суд над ненавистным врагом. Комсомольцы Александр Петряев и Алексей Данилов единодушно согласились со своим командиром Павлом Раком сражаться до конца. И они совершили невозможное...

Члены экипажа действовали спокойно, дерзко, хладнокровно. Одной заправки горючего и одного боекомплекта им хватило на все 16 часов боя! К комендатуре вышли случайно.

О её значимости догадались по скоплению машин у подъезда. В грузовики экипаж Павла Рак послал осколочный снаряд, окна прошил из пулемёта. Лихорадочно гонявшиеся за «тридцатьчетвёркой» фашисты никак не ожидали её у своего штаба. Внезапность появления нашего экипажа решила исход короткого боя. Выстрел из пушки потряс здание, из окон плеснуло жёлтое пламя. С верхних этажей прямо на асфальт прыгали обезумевшие офицеры, чтобы найти смерть под пулёмётными очередями. Танк проутюжил машины у подъезда, раздавил штабной автобус и невредимым скрылся в ближайшем переулке.

В городе царил паника. Гитлеровцы не хотели верить, что всему причиной один советский танк! А их командование бросало все средства против дерзкой краснозвёздной машины.

Близился рассвет. Ещё сохранялась возможность уйти в лес – днём действовать тяжелее. Но танкисты узнали, что в Борисовском госпитале оккупанты содержат больных и раненых красноармейцев, а на окраине города оборудовали лагерь смерти.

К госпиталю отважный экипаж успел именно в тот момент, когда фашисты собирались поджечь людей, запертых в деревянных бараках. Около 200 узников, спасённых от мученической гибели, ушло в лес.

Как ни торопились отважные воины в лагерь смерти, предотвратить кровавое злодеяние им не удалось. Груды человеческих тел, прошитых очередями, звали к отмщению. И танкисты опять решили вернуться в город, хотя не сомневались, что на этот раз встреча с «тиграми», «пантерами» и «фердинандами» неизбежна.

На железнодорожной станции экипаж обнаружил готовые к отправке эшелоны, в которых оккупанты спешили вывезти заводское оборудование, сырьё, продукты. Наводчик орудия Алексей Данилов по приказу командира ударил из пушки по паровозным котлам, чтобы искорёженные локомотивы надёжно забаррикадировали путь.

Роковая схватка с «тиграми» и «пантерами» произошла в 15 часов 30 минут, когда наши танкисты пересекали Мин-

Курсанты моего взвода вместе с командиром нашего взвода.

ское шоссе, направляясь к Березине, навстречу советским войскам. Вражеские пушки ударили из засады прямой наводкой, с близкого расстояния. Героический экипаж вёл неравный бой до последнего дыхания.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу, мужество и геройство все члены экипажа были награждены – Павлу Николаевичу Раку было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Все члены героического экипажа похоронены в городе Борисове. На центральной площади города возведён монумент, посвящённый отважному экипажу, который возглавлял лейтенант Павел Николаевич Рак. На каменном пьедестале навечно водружён танк «Т-34». В историко-краеведческом музее Борисова героям-танкистам посвящён специальный раздел. Кто проявит желание, может ознакомиться более подробно с этим подвигом.

Именем Павла Рака названы школа и одна из красивейших улиц города. На его родине в селе Карпиловка установлена мемориальная доска.

Это нам тогда курсантам, рассказал этот экскурсовод. И почти это повторил начальник политотдела 34-ой тяжёлой танковой дивизии, когда проводил беседу с нами перед отъездом в училище.

От командования дивизии тогда после стажировки все получили благодарности и приглашения, после окончания училища начать службу офицером в этом гарнизоне. Некоторым позже повезло, и они действительно начали свою службу именно в этом коллективе дивизии.

В училище нам предстояло отчитаться за стажировку и сдать экзамен за очередной второй учебный год. На партийном собрании роты, я был принят в члены КПСС. И так я стал членом партии, получил билет, который имею до настоящего времени в своём кармане. Мне лишь отдали на руки

Освобождение Борисова

К вечеру 29 июня наступающие соединения 11-й гвардейской Армии, 31-й Армии и 3-го гвардейского танкового корпуса 5-й Танковой Армии вплотную приблизились к восточной окраине Борисова. В ночь с 29-го на 30-е июня 1944 года, до начала форсирования Березины, в новую часть города удалось прогнать одну стрелковую батарею. Боевая машина под командованием гвардии лейтенанта Павла Рака более 16 часов вела бой на улицах города. На счету героического экипажа разгром немецкой комендантуры, уничтожение нескольких огневых точек, 2 танков противника, освобождение около 200 советских военнопленных из лагеря, подготовленного к дивизии. При попытке возвратиться к своим танк был подбит. На предложение сдаться танкисты ответили отказом, и тогда немцы подожгли боевую машину. Танк на пьедестале у моста через Березину — это память о Павле Раке, Алексее Данилове и Александре Петряеве, погибших в горящей стрелке не воевая.

30-го июня в 17 часов после интенсивной артиллерийской подготовки и ударов авиации началось форсирование Березины. К рассвету 1-го июля 1944 года 5-я и 83-я гвардейские стрелковые дивизии 11-й Армии, совместно с 331-й стрелковой дивизией 31-й Армии штурмом овладели новой частью города. После трех лет оккупации Борисов был освобожден.

В двухдневный бой за Борисов было уничтожено 80 танков и более 100 орудий противника. Безвозвратно 30 орудий, 11 танков, 42 пулемета и ударов авиации началось форсирование Березины. Безвозвратные потери составили 8 тыс. солдат и офицеров противника. В частности, была полностью разгромлена 5-я танковая дивизия Вермахта.

В 22 часа вечера того же дня Москва 20-тью артиллерийскими залпами из 224-х орудий салютовала войскам 3-го Белорусского фронта, которые форсировали реку Березину и овладели важным стратегическим пунктом обороны врага — городом Борисовом.

карточку учёта, когда распустил партию Горбачёв. Но это другая история. Если позволит здоровье, то мы уважаемый читатель ознакомимся и с этим временем. А пока ещё учёба в училище.

После окончания второго семестра второго курса и сдав все экзамены, поехал в отпуск в Куйбышев к брату. Годы одиночества, смерть мамы – самого близкого мне человека, наложили тяжёлый отпечаток на моё жизненное одиночество. Как ни странно, но даже в армии его тоже чувствуешь. Очень хотелось иметь рядом с собой дорогого, отзывчивого и любимого человека, спутника по жизни, который бы, как и я, ничего не пожалел, отдавая себя полностью вместе со мной служению нашему дорогому Отечеству, которому в будущем нам предстоит посвятить всю жизнь. Таким человеком будет для меня Серафима Николаевна Щетинина, которую я искал, когда увидел первый раз в отпуске. Она была на два года моложе меня.

По приезду в отпуск в первый день пошли с братом на речку, мимо нас обгоняя пронёсся мотоцикл, приглядевшись в спину, понял, что им управляет девушка. Шедший рядом брат, засмеявшись, сказал мне, что это та, которую я ищу, находясь в отпусках. Поясняя мне при этом, что она работает в конторе бухгалтером. Мы подошли к речке с братом. Мотоцикл стоял на берегу, а девчата уже купались в стороне, не обращая на нас внимание. Разделся, поплыли в их сторону. Раздавался смех, когда подплыл к ним, поздоровались. Я пригласил их на танцы в клуб. Получив согласие, поговорив они стали плыть к берегу. Ко мне подплыл брат, мы с ним решили переплыть речку и немного позагорать на другом берегу. Затрещал мотоцикл, мне было видно, как Серафима Николаевна лихо управляя им, уехала.

Вечером встретились в клубе, после танцев пошёл провожать. Отпуск прошёл незаметно, но в конце показалось, что он просто пролетел! Нужно было возвращаться в училище. Отметив отпускной билет, выехал в г. Ульяновск.

Начались напряжённые учебные курсантские дни третьего курса обучения, последнего завершающего нашу учёбу. Окончание, сдача госэкзамена и выпуск – лейтенантами.

Вводились новые предметы, продолжались старые, которые выносились на выпускные экзамены.

Мы приступили к ротной тематике по всем предметам обучения. В первую очередь по тактической подготовке. Как правило, к этой теме были привязаны и остальные изучаемые предметы. Нужно было изучить, проходя все эти предметы обучения, что они помогут лучше освоить вопросы взаимодействия подразделений при организации боя. Всё это вместе, в конечном итоге, позволит выполнить реальные боевые задачи и предотвратить ненужные жертвы среди личного состава подразделений.

Большинство занятий проводилось практически и, как правило, на материальной части (техники). Мы понимали, что эти все занятия приближают нас к финалу нашей учёбы. Стали много практически стрелять и водить танк. Предстояло уже скоро сдавать на классность механика водителя и наводчика орудия после выполнения стрельб штатным снарядом, которые сейчас проводились на окружном полигоне Приволжского военного округа в п. Тоцкое. На танкодроме училища, прошли еще раз все упражнения по вождению танка, согласно курсу вождения боевых машин. Занятия по тактике проводились уже на танках батальона обеспечения училища. Если проводилась тематика по оборонительной теме, то мы практически копали лопатами, которые были в ЗИПе танка, как правило, на всех членов экипажа. Маскировали вырытые своими руками окопы под танки, выполняя при этом норматив по инженерной подготовке. (Тогда среди нас ходила «байка» – четыре курсанта из ГУТУ – заменяют БТУ–«бульдозер танковый универсальный»). Всему этому помогали знания и навыки, приобретённые за период нашего обучения знания по инженерной подготовке.

На этих занятиях всегда отличался пятый курсантский взвод, ему просто не было равных по выполнению этих нормативов.

Сдав экзамен на классность механика-водителя, мы уже могли из числа курсантов формировать полноценный экипаж танка. Это позволяло нам при проведении практических занятий на материальной части по тактической подготовке

сформировать экипажи из числа курсантов, меняясь между собой в той или иной должности.

Стрельба уже проводилась именно так и нам не нужны были уже штатные инструктора, которые передали нам свой опыт. Мы все были благодарны им за это. Теперь они только пригонять танки на танковую директрису. Уже отработывались все нормативы по огневой подготовке в составе сводных экипажей из числа курсантов. Мы очень старались, помогая друг другу, чтобы не подвести своих товарищей. Такие занятия говорили нам об многом. Понимая хорошо, что экипаж – это дружная семья, только все вместе мы становимся непобедимы. Это понимали все, что из таких коллективов и состоят наши танковые войска.

Завершающим для нас экзаменом этого периода (семестра) стали учения, которое проводило командование на-

Справо налево: – наш преподаватель тактики – гв. майор Некрасов В. Н., командир нашей курсантской роты – гв. майор Ладонкин В.Я.; командиры курсантских взводов роты – гв. капитаны Тушинский и Киселёв; курсант Смоляков; старшина Неткачев; курсант Писарев. Задачу ставит командир нашего курсантского батальона – гв. полковник Данилов А.М.

шего учебного батальона с привлечением наших офицеров учебной роты. Из числа курсантов были сформированы взвода, роты, которыми командовали сами курсанты. В роли посредников командиров сформированных рот, были наши командиры взводов. Учения прошли по оценке наших командиров успешно, все курсанты справились с возложенными на них обязанностями.

Так завершился этот период нашего обучения. Сдав несколько экзаменов, получив отпускные билеты, мы разъезжались к своим родным.

По приезду к брату, в последние зимние каникулы, было начало марта, оставив свой небольшой чемодан, пошёл к любимому человеку. По приходу меня тепло встретили её родители, как родного человека, да и она сама была очень рада моему приезду. Всё это растопило мою душу, и я, попросив руки у её родителей, женился... Свадьбы, как таковой не было. Прошло уже более 50-ти лет. Мы уже давно отметили золотую свадьбу, и я должен сказать, что в выборе не ошибся. За этот период пройдены большие дороги по нашей стране. Где мы только не жили, всё и не перечислишь. Сменили больше 10 мест обитания, и было даже такое, что квартирами не всё можно было назвать. Сима мне воспитает прекрасную дочь. Она у нас закончила институт народного хозяйства им. Плеханова. После развала СССР, закончила военный университет МО РФ и стала полковником юстиции.

Служа Отечеству, ей пришлось бороться с незаконными сделками, которые происходили в МО при министре обороны Сердюкове. Благодаря ей многое вернулось государству. Через суды, по некоторым незаконным сделкам доказывая, что они не законны, ей пришлось доходить до Верховного Суда РФ...

Многих людей мы встретили на нашем жизненном пути – и плохих, и хороших, но большинство в стране было хорошее, которой было название – СССР. В конце же своей службы, после развала страны, мне же пришлось увидеть наоборот много «негатива» в нашей офицерской среде и в целом в «новой» России. Но всё это будет позже, когда началась рушится страна. А пока, я тогда был ещё курсант, и всё было хорошо.

Мне нужно было возвращаться в училище, последний курсантский отпуск заканчивался. Меня, уже кроме брата, провожала супруга и её сёстры. Прибыв в училище, доложил командиру роты, что стал семейным человеком. Мне было указано сходить в отдел кадров и сообщить им об этом.

Начались последние месяцы нашей учёбы, все это прекрасно понимали и с особым старанием, каким-то не понятным для многих, стали относиться ко всем предметам обучения. Старались всё впитать, как губка, всё запомнить. Занятия по тактике проводились, в виде летучек и тонировок по управлению подразделениями и огнём, эти занятия преподаватели стали проводить в часы самостоятельной подготовки курсантов, используя для этого специально оборудованные классы. Делали это не реже двух раз в неделю, в течении двух-трёх часов. А иногда и более.

Нам трудно было недооценить актуальность диафильмов, дающих нам полное наглядное представление того, как надо действовать при проведении стрельб и выполнению мер безопасности в период подготовки к стрельбам штатным артвыстрелом в ТУЦ (Тоцком учебном центре), просмотр диафильмов, облегчал нам подготовку к выполнению практических стрельб.

Одним из трудноусвояемых моментов для курсантов были навыки управлять огнём, т.е. освоить правильно, быстро и чётко подавать команды на сосредоточения, разделение и перенос огня подразделения, которым командуешь. Управлению огнём танка, взвода и роты при решении различных огневых задач при выполнении: «боевых стрельб экипажа», «взводом на большие дальности», ротой на «РГУ с боевой стрельбой» и особенно с «ЗОП» (закрытой огневой позиции). Все эти навыки преподаватели огневой подготовки прививали нам на практических занятиях в специализированном «Классе управления огнём и боем», а затем и в ТОГе – «танковый огневой городок», на полигоне в реальной мишенной обстановке на местности.

Рота готовилась к выезду на окружной полигон Приволжского военного округа. Изучали и сдавали зачёты по знанию мер безопасности и курса стрельб, также при следовании железной дорогой, назначались старшие по вагонам и т.д.

Весь этот комплекс проводимых мероприятий, позволил нам практически подготовиться к выполнению предстоящих перед нами задач.

Был уже апрель месяц, на улице светило тёплое яркое солнце и душа ликовала, очень хотелось скорей закончить учёбы и быть вместе с любимым человеком – моей спутницей, и идти вместе с ней, по жизни и выбранной мной профессии – служение Родине и её народу.

Настал день убытия на полигон. Для меня это было не ново. Будучи солдатом, я уже принимал участие не раз в подобных полевых выходах. Особенно, когда был командиром мотострелкового отделения. Меня это не пугало, а наоборот нравилось. Очень хотелось проверить себя, чему научился, что нового познал в армейских буднях, и свои возможности по управлению танковым экипажем и взводом, ротой при выполнении стрельб штатным артвыстрелом, особенно проверить свои знания при стрельбе с ЗОП экипажем, взводом, ротой. Всё это предстояло проверить мне и всем курсантам.

Стали грузить технику и первая проверка нас – как погрузить правильно танк, закрепить, чтобы совершить марш уже по железной дороге. Ответственность большая – ведь это не танкодром, где мы тренировались на стоящей на нём платформе. Здесь всё было иначе. Ответственность возростала в разы. Отрабатывались нормативы по погрузке эшелона. Для себя тогда всё выяснили, что это деньги, которые заплатит МО железной дороге за каждый час использования подвижного состава, т.е. платформ. Поэтому нужно быстрее и качественно грузить технику, большое внимание уделять её креплению. Наконец пришёл военный комендант с представителем железной дороги. Эшелон был принят. Заняв свои вагоны, мы готовы были к совершению марша по железной дороге. Вот только теперь, сидя в вагонах, все курсанты поняли, какой титанический труд проделали наши преподаватели и все офицеры роты, чтобы это всё работало, как часовой механизм. Каждый сделал для себя выводы со всего этого, на будущее в своей дальнейшей службе.

Совершив марш по железной дороге, эшелон прибыл на станцию разгрузки, как оказалось, она была почти на ТУЦ.

Разгрузили эшелон, техника пошла в полевой парк учебного центра, мы пешком в район казарм. Разместились быстро. Через два-два с половиной часа, подошла колёсная техника, и мы выехали в район предстоящих всех практических стрельб. Внимательно изучили полигон, очень хотелось побыть в эпицентре ядерного взрыва, проведённого здесь несколько лет тому назад, когда проводились испытательные учения с привлечением войск. Нас заверили, что это всё ещё впереди, а сегодня нужно готовиться к стрельбе штатным артвыстрелом. Выполняли мы упражнения в составе сводных экипажей, состоящих из курсантов учебных взводов, заменяясь по должностям друг с другом. Стреляли сразу девять экипажей. И смотря на эту мощь, осознавая её силу, невольно понимали, что устоять против неё непросто. Была неопишуемая гордость за эту мощь. В течении дня взвод выполнил дневные стрельбы. Мы возвращались в казармы на отдых. На подготовку техники к ночным стрельбам нам, всему курсантскому взводу, отводился день. Ещё раз необходимо было произвести проверку всех орудий по контрольной – выверочной мишени, которые были на каждом танке. Снова в который раз с нами было проведено занятие по приведения вооружения танка к нормальному бою. Мы ещё раз поблагодарили своего преподавателя по огневой подготовке майора Монахова, за те знания, которые он доводил до нас и требовал их знания от нас. Все закреплённые танки, практически после проверки противооткатных устройств, были готовы к стрельбе. Вечером на следующий день прибыли на полигон. Из числа курсантов было назначено оцепление, и были назначены те, кто должен после практического выполнения стрельб, их поменять. Руководитель стрельбы, назначив должностных лиц, ещё раз довёл до стреляющих меры безопасности.

Вот наконец прозвучал сигнал и стреляющие экипажи выдвинулись к местам загрузки боеприпасов. И следующий сигнал – загрузить боеприпасы. Здесь тоже выполнялся норматив. Мы его отрабатывали не раз, но здесь было всё по-другому, как-то иначе.

Сигнал с центральной вышки прозвучал и первые экипажи заняли места в танках, доложив о готовности и снова вы-

полнили норматив. Все обратили внимание на то, что они работают, как единый механизм. Значит – не зря учились. Вот ещё несколько минут и будет дана оценка нашей готовности, как будущих командиров взводов. Будет дана оценка нашей готовности стать офицерами.

Мы все договорились, что будем стрелять залпами все девять экипажей и у нас всё получилось.

Руководитель стрельбы поблагодарил, подводя итоги заезда все экипажи за отличные результаты стрельбы, нам было вдвойне приятно, так как он был представителем Приволжского военного округа.

В течении нескольких дней, все курсанты нашей роты, выполнили упражнения практической стрельбы. Было радостно на душе, все мы прошли экзамен на зрелость. Осталось всем выполнить упражнение с ЗОП (закрытой огневой позиции), но и к нему мы были уже практически готовы.

Вся подготовка техники повторилась. Настал день практической стрельбы. Он тоже закончился успешно. Все мы выполнили упражнения на присвоение классности наводчика орудия.

**Фото взрыва ядерной бомбы во время учений
14.09.1954 г.**

От всего увиденного и сделано самими было много впечатлений, которые остались надолго в моей памяти.

Нам было объявлен день выезда в эпицентр взрыва – самого мощного на тот период средства вооружённой борьбы. Перед убытием на полигон нам было показано фото того взрыва.

Вот мы и на полигоне, каждый стремился представить рубежи развёртывания участвующих войск в этом учении, рубежи их развёртывания в боевой порядок и наконец рубеж атаки. Вот он эпицентр, уже заросший кустарником, правда, ещё не весь. Именно здесь проверялась наша страна – СССР, на готовность и способность к отражению новых врагов, и это испытание тогда прошли они первые неизвестные нам солдаты и офицеры нашей страны. Показав всему миру, что она готова отстоять свой строй, свою независимость – СССР и защитить её народ, своими Вооружёнными Силами, состоящими из представителей этого народа.

Оценить всего, что было невозможно. Прошло уже время, но у нас осталось впечатление гордости за страну, которую мы должны охранять, сдав государственные экзамены и по-

**Памятник на месте ядерного взрыва мощностью 40 кт.
(тактическое поле полигона Токкое)**

лучив звание, учить своих подчинённых, защищать её если потребуется, от врагов нашей Родины.

Нам назначен день погрузки эшелона, чтобы совершить марш по железной дороге в г. Ульяновск в родное училище.

Мы возвращались, мне казалось – какими-то другими, уверенными в себе. Командир нашего учебного батальона – гвардии подполковник Данилов, подводя итоги, скажет нам по возвращению : «Вы готовые офицеры! я в вас верю! что вы не подведёте никогда наше училище! если потребует Родина! вы сможете её отстоять во всех невзгодах, которые могут быть, а если потребуется, то и отдадите свои жизни не задумываясь».

По прибытию с ТУЦ стали готовиться к государственным экзаменам помня слова командира нашего курсантского батальона. Свободное время все старались проводить на спортгородке, особое внимание все отводили турнику, брусьям и танковой полосе препятствий. Почему? На перекладине, кроме подтягивания на количество раз, нужно было выполнить три упражнения. На брусьях, четыре гимнастических упражнения. Танковая полоса препятствий, требовала, только тренировки. Бег на 100 метров, тоже требовал – результат третьего разряда. Единственно, что не требовало дополнительного времени – кроссовая подготовка на 3 или 5 километров.

Все нормативы по физической подготовке при сдаче экзамена, требовали, как правило, выполнение – 2 или 3-го спортивного разряда. Поэтому все стремились к лучшим результатам. Этот предмет, как и ещё четыре выносились на государственные экзамены.

Курсанты, где самостоятельно, где с преподавателем повторяли и повторяли предметы обучения.

Наступил день экзаменов, прибыл комиссия МО с председателем Государственной квалификационной комиссии – Верещагиным.

Прошёл строевой смотр и три роты курсантов начали сдавать по расписанию предметы, выносимые на экзамен.

Мы уложились в отведённое время, сдали 10 июля 1968 года успешно все экзамены в ставшим уже Ульяновским

Гвардейском высшем танковым командном дважды Краснознаменном ордена Красной Звезды училищем имени В.И.Ленина. Начальник училища и председатель комиссии поздравили нас с успешным окончанием училища. Объявили нам, что после утверждения результатов сдачи, выйдет приказ МО о присвоении нам званий лейтенантов. Это будет один приказ, второй о назначении на вакантные или освобождающиеся должности в военные округа и Группы войск. Ждали мы эти приказы несколько дней.

Мы выполнили наказ комбата Данилова А.М. Некоторые сдали экзамены на отлично и добавили список на доске почета в фойе центрального входа в учебный корпус.

В это время стали готовить свою казарму последний раз, будучи курсантами: наводили внутренний порядок, всем хотелось оставить прибывающему на наше место пополнению (новому набору) уютную и чистую её.

Пришёл приказ 20 июля – нам вручили офицерские погоны и дипломы об окончании училища, зачитали приказ, кто и в какой округ, группу войск, назначается в распоряжение командующих, с последующим назначением на должности. А это означало и место первой новой уже офицерской лейтенантской службы! И как сложится каждого судьба, карьера, тогда не знал никто! А пока была только радость, что стал офицером и забота, получить, новое обмундирование (лейтенантскую форму)! Её было много.

22 июля 1968 года состоялся последний выпуск офицеров-танкистов по трёхгодичной программе. А мы должны ехать к новой для нас жизни, новым испытаниям, в новые для нас военные гарнизоны. И что нас ждёт впереди, какая у нас будет дальнейшая судьба, какие будут успехи в службе? И как она сложится, об этом не знал никто из нас. Встретимся ли когда-нибудь снова? Время всех нас разбрасает по военным стезям. Но с началом этого пути, нас скрестят тревоги, закалят дороги, по которым мы будем идти.

Перед расставанием с городом Ильича, перед отъездом к месту службы бывших курсантов, теперь уже лейтенантов, мы, как и в годы войны выпускники училища перед отправкой на фронт, участвовали в торжественном шествии к па-

мятнику В.И. Ленина, посещению Дома-музея В.И. Ленина, давали клятву верности служения Родине. Так заканчивалась наша беззаботная жизнь!

Теперь, мы офицеры и должны будем выполнять приказы, не задумываясь и не обсуждая, правильные они или нет.

По окончанию училища было предложено выпускникам, кто изъявит желание пройти и закончить новые одномесечные, вновь образовывающиеся курсы, по подготовке политсостава для частей Сухопутных войск, на базе училища. Некоторые согласились с этим предложением. Они закончат эти курсы и придут в войска вначале на должности секретарей комитетов комсомола, помощников по комсомольской работе. Потом станут заместители командиров частей по политической работе, некоторые в дальнейшем закончат академию имени В. И. Ленина и будут начальниками политотделов соединений и т.д.

Впереди был первый офицерский отпуск. Затем приезд в училище за предписанием к новому месту службы, где нас уже ждали наши подчинённые, которых мы должны будем обучить, всему, что познали сами.

К великому сожалению, время уходит, мы курсанты выпуска – 1968 года. Прошли свой жизненный путь. Он у нас всех был разный. На этом пути мы встречали всё. Но мы все старались пройти его достойно! Разных успехов добился каждый из нас в армейской карьере, но, чтобы не было в нашей жизни, мы никогда не жалели о той курсантской, когда учились азам военной науки.

Многие из нас продолжают службу Отечеству и теперь в лице своей смены – детей или внуков и этим мы гордимся. Значить прожили не зря! Правильно воспитывали своих детей, которые брали с нас пример, когда они приходили к нам в военный городок, или были с нами на полигоне, танкодроме, машинодроме, войсковом стрельбище. Мы порой из-за нехватки времени перекладывали воспитание детей на плечи и заботу своих боевых подруг – жён (супруг), и мы благодарим их за это. Ведь они тоже прошли с нами вместе эту жизнь. Порой не в комфорте мы жили, были за службу разные гарнизоны и условия жизни в них. Они, просто никогда не жаловались на условия жизни, которую выбрали

вместе с нами. Не роптали и делали всё, чтобы создать уют в квартире, в которой жили.

Мы это видели и благодарны им за их заботу. Вы нас всегда понимали, что наш труд нужен – Отечеству, которое мы вместе с вами защищали, туда куда оно нас посылало, ведь это место мы не выбирали.

За это вам большое, огромное наше спасибо. Спасибо, что Вы есть у нас – именно такие наши боевые подруги!

А завтра мы едем в войска!

И будет другая, надеюсь, часть вёрст, уже об офицерской жизни!

А этот рассказ о курсантских годах, хочется закончить воспоминаниями именно о своих товарищах курсантах. Очень хочется построить роту и по списку провести проверку, как в курсантские годы.

Но увы, так уж устроен мир не нами, все мы рождаемся, чтобы жить, творить и что-то оставить после себя, проходит время, и мы умираем, после нас рождаются другие, чтобы тоже жить, творить, любить и строить. Но у всех есть одно самое главное желание – это жить, как можно дольше на этом свете и приносить пользу родным, близким и обществу, в котором они живут. Стараясь после себя оставить то же след, чтобы помнили.

Очень хочется вспомнить добрыми словами наших командиров курсантских лет и увы уже рано ушедших из этого мира, это:

Командира нашей роты -- Ладонкин В.Я.;

Командиров взводов:

Долгов С.;

Шандаков В.;

Киселёв И.;

Корнилов А.;

Гузняев.

Эту же часть моей книги заканчиваю этими строками:

Бегут года. Мелькают даты.

Быстрее миг. Короче час.

Но мы бессрочные солдаты
И старость – это не для нас.
Нас помнят классы, плац, казармы:
Там голос жил, там шаг звенел.
Огнём и юностью тогда мы
Творили много всяких дел.
Мои товарищи седые,
Друзья курсантских славных лет!
Я рад: вы духом молодые.
Но многих с нами больше нет...
Когда-то встретятся лишь двое
(Но кто из нас – не знаем мы)
И скажут: «выпьем за здоровье...
Пусть спят спокойно пацаны».
Рука от боли вен свинцовых
Сожмёт наполненный стакан.
И по обветренным морщинам
Сползёт солдатская слеза.
Не стыдно плакать и мужчинам,
Когда ребят обнять нельзя...
А сердце помнит строй курсантский
И первый лейтенантский строй...
Кого-то сжёт огонь афганский.
А кто-то был убит в Чечне.
Кого-то старость не дождалась:
Внезапно встретила беда,
В больничной койке повалялась
И в ночь забрала навсегда...
Остыла молодость в погонах.
Осела тысяч залпов пыль.
Давно на помнящих кордонах
Грустят багульник и ковыль.
Но мы В СТРОЮ, хоть он короче, -
Курсанты ЛЕНИНСКОЙ СТРАНЫ.
Мы не уронили честь Советского танкиста
Пусть у врагов моей страны, шекочут нервы
ИДУТ! ИДУТ! СЕДЫЕ ПАЦАНЫ.

Большой утратой для нас на сегодняшний день, является, очень ранний уход – курсантских наших друзей. Которые могли ещё многое сделать полезного Отечеству. Я назову их пофамильно, как несколько десятков лет назад на первой вечерней проверке проводимой мной в училище, а кто-то из курсантов их взводов, как и тогда отвечал заместитель командира первого курсантского взвода старший сержант Владимир Сузик, за старшего лейтенанта Космодемьянского назовёт их фамилии и имена, это офицеры:

Краюшкин А.; Сытников В.; Мединцев Г.; Панфилов Б.; Семенов И.; Резниченко Д.; Резниченко А.; Фатхуллин Д.; Кочетков Н.; Трофимчук В.; Пелихов Н.; Феклистов В.; Чепенко Н.; Стрюков А.; Тихов И.; Смоляков В.; Лобашов В.; Евсиков Н.; Лазарев В.; Свиняков В.; Кныш В.; Иванов В.; Кислицын В.; Касьяненко В.; Бобов А.; Сузик В.; Шмигерин А.; Горлов Г.; Мильхин А.; Гончаров М.

Но все они останутся в списках второй курсантской роты Ульяновского гвардейского танкового командного училища выпуска 1968 года навечно в нашей памяти, пока мы живы!

Я выражаю большую признательность в написании этой части книги бывшим курсантам ныне офицерам, которые вместе со мной прошли эту дорогу курсанта. Большое спасибо – полковникам Кузнецову И. Л.; Цурканову В. Н.; Лебедю М. М.; Трошину В. А.; Мильхину А. А.

Вспоминая те годы, я обращался к ним по отдельным вопросам, с которыми прошёл этот путь. С которыми поддерживаю связь на протяжении многих уже лет.

Правда иногда с ними по отдельным воспоминаниям, мнение расходилось. Но я, оставлял именно свои воспоминания, которые остались в моей памяти, с того курсантского времени. Надеюсь, что эта часть книги заставит задуматься молодому поколению при выборе своей профессии – своего жизненного пути.

И так, я еду служить Родине уже будучи лейтенантом, командиром танкового взвода и эта моя офицерская служба, начнётся в ГСВГ – Германии.

И о ней, я расскажу в третьей главе книги.

Глава III: Начало службы офицером.

«Любовь к Родине – превозможет всё».

Мое становление офицера танковых войск проходило в непростое в историческом плане время. За год до нашего выпуска из Ульяновского танкового училища, а точнее в 1967 году, имел место арабо-израильский конфликт. Благодаря позиции СССР война Израиля и Египта (фактически спасшее арабов от разгрома) была остановлена.

Нам в училище много рассказывали об этом конфликте – о его причинах, военно-политической обстановке, ходе военных действий. Каждый из курсантов старался сам сделать для себя свои выводы об этом событии, понимая, что только обученные подчинённые будут способны решать задачи по обеспечению мира и безопасности нашей Родины – СССР. Главный из этих выводов был таков: «Нужно настойчиво учиться военному делу самим и уметь учить этому своих подчинённых!».

После прощания в училище, мы все поехали в отпуск. Уговорив друга Виктора Касьяненко поехать со мной ко мне на родину, в г. Куйбышев. Сам он был родом из г. Сталинграда, при Н. Хрущёве переименованным в г. Волгоград.

Нас радушно встретили в семье супруги, и мы провели несколько суток своего безмятежного отпуска. Нам перед выпуском ателье военторга пошито каждому индивидуально повседневную форму одежды для строя – защитного тёмного цвета китель и тёмно – синего брюки в сапоги, галифе. Выдали хромовые сапоги и фуражку.

Практически мы с ним в первые дни всё время ходили по городу в форме с моей супругой втроём везде. Вечером дома она смеялась над нами и задавала вопросы – сколько сегодня продавцам, было нами назначено свидание и где? Сколько раз смотрели в витрины магазинов, чтобы увидеть своё изображение в форме? Виктор, как правило, отшучивался на эти вопросы. Так прошло несколько дней. Виктору нужно было ехать к родителям. Проводив товарища на речном вокзале с грустью, подумал – прощай курсантская безмятежная жизнь.

Первый офицерский отпуск заканчивался, и этот отпуск показалось мне, пролетел быстро и незаметно, я, с грустью замечал, как постарел мой родной брат.

Но, как ни хорошо дома в компании друзей и родных, пришло время расставания. И вот слёзы прощания жены, брата, крепкие объятия родных с пожеланием хорошей службы надолго остались в моей памяти. Мне же предстояла пока малоизвестная служба в ГДР. Поезд повёз меня в родные стены училища. Я, лейтенант, еду один в купе навстречу своей офицерской судьбе, в город, где я стал офицером, за получением предписания в новую жизнь. Какая она будет? Мы с вами читатель узнаем!!!

Прошёл первый в жизни офицерский отпуск, нужно было возвращаться в родное училище, чтобы получить назначение в часть. Мечта детства – сбылась. Я стал – командиром. После окончания училища передо мной открывался широкий путь офицерской жизни. К повышению своего воинского мастерства, радостям в успехах и огорчениям в недостатках. К сожалению, за службу, будет всего много. И именно этот путь предстоит пройти со мной и моей семье. Я об этом в то время не думал, как он сложится? Что придётся испытать? А пока всё было хорошо. Был полон сил, энергии и желании скорей начать эту жизнь. И у меня было лишь одно желание, получить свой взвод и добиться, чтобы он был лучшим. Оправдать то доверие, которое мне оказали при поступлении в училище – мои командиры и Министерство обороны.

На этом пути я всегда буду помнить, сказанные нам ещё тогда, когда был командиром отделения при подведении итогов учения, когда их наблюдал Министр обороны СССР – маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, его слова: – «Мы берём солдат как бы в долг у их матерей, отцов, невест, для обучения военному делу и мы обязаны будем возвращать их целыми и невредимыми. Иногда, к великому сожалению это не получалось – не потому, что мы не смогли, а потому, что они нарушали меры безопасности, устав и дисциплину, и ещё, среди нас, командиров разных рангов есть разные по характеру, и пониманию задач, стоящих перед ними. А мы, старшие начальники, плохо проводили с ними именно это воспитание».

В училище нас собралось из трёх выпускных рот, приблизительно около 100 молодых лейтенантов, т.е. чуть меньше 30%, среди них много было знакомых лиц с других рот, с моей роты оказалось всего только пятнадцать выпускников. Спросил у заместителя начальника училища – начальника учебного отдела гв. полковника Калашникова и у начальника отдела кадров гвардии майора Мясникова, а что уже все остальные разъехались по частям? Они мне пояснили, что нас выпускников собирают по группам. На основании приказа МО СССР я, как и все выпускники училища, находящиеся здесь в составе одной из групп, назначены в распоряжение Главного командующего Группы Советских Войск в Германии (ГСВГ). Было приказано получить служебные загранпаспорта и в составе своей группы выпускников училища, убыть к месту службы через г. Москва. В отделе кадров заполнив анкету на супругу для заявки на получение ей загранпаспорта, чтобы смогла приехать ко мне.

На следующий день 4 сентября в составе всей группы в купейных вагонах, мы, молодые лейтенанты покинули ставшим родным за период учёбы г. Ульяновск и выдвинулись навстречу своей судьбе – в Группу Советских Войск, находящихся в ГДР. Ещё не зная, что по мере нашего продвижения к г. Брест из выпускников военных училищ, академий МО СССР, будет сформирован целый состав. Первых добавят в г. Москве, затем в г. Смоленске, перецепив наши вагоны. В г. Москва мы будем ночевать в своём вагоне, тот, кто имел знакомых в Москве поедут ночевать к ним. Утром сформированный эшелон из выпускников продолжит путь на Запад с Белорусского вокзала.

Вот наконец мы в г. Бресте, здесь предстояло всем пройти пограничный и таможенный контроль, пересечь в эшелон после его переоборудования под другой размер колеи. Мы немного познакомились с г. Брестом. Зная, что в 1941 году, он первый подвергся страшной участи – он буквально был почти стёрт с лица земли, артиллерией и авиацией гитлеровцев. Оставалось какое-то время до убытия эшелона, и многие из нас используя время до отхода поезда, пока оформляется и формируется наш эшелон, захотели посетить Брестскую

крепость, которая своим гарнизоном, первая проявила мужество и героизм в борьбе с гитлеровской Германией.

Быстро сформировавшаяся группа желавших выпускников военных училищ из нашего эшелона, поехала на экскурсию в Брестскую крепость. Среди них был и я. По прибытию в крепость нашли работников открывшегося музея и попросили рассказать о боях в крепости, и воспоминаниях очевидцев тех страшных дней.

Да, война была окончена, страна отметила уже – двадцать три года Победы в Великой Отечественной войне, с первого её дня перешла на мирные рельсы, стала восстанавливать разрушенное ей народное хозяйство, предстояло отстроить заново более 1700 городов и населённых пунктов. Всё это легло на плечи народа, который отстоял свою независимость, народ, который потерял в этой войне миллионы людей и перенёс все тяготы этой войны. Всем нам казалось, что мы едем именно в ту, страну, с которой нам надо будет разобраться за всё, что она натворила на нашей земле. Нам очень хотелось, чтобы все помнили всегда, с кем воевал народ нашей Родины – СССР, в лице её Вооружённых Сил.

Подошёл работник музея, стал рассказывать нам об истории крепости и начале войны, об её героях гарнизона, при этом, называя фамилии командного состава и рядовых, принявших здесь первый бой. Через несколько десятков лет спустя, я буду жить на улице названной в честь одного из героев крепости в г. Краснодаре – майора П. Гаврилова. К нашей группе, во время беседы, подошла женщина, которая была работником музея и он, попросил, её, продолжить нам начатый им рассказ. Что я тогда очень запомнил, из её рассказа? Довожу до тебя уважаемой читатель!

Из рассказа работника Брестской крепости, которая уже в то время носила звание «Крепость-герой», эту женщину – вроде бы её звали Карелия Зажарская:

«Мелькают поля, леса, вагон дрожит. Я прислушиваюсь к стуку колёс и поглядываю в окно. Вдруг какой-то большущий человек тормозит меня за плечо и кричит: «Лерочка, подымайся!»

С трудом открываю глаза – и ничего не могу понять. Что-то гудит, воеет, дом весь дрожит. Что это – буря, землетрясение или продолжение сна?

Папа берёт меня под мышки и ставит на пол. Вокруг ужасный грохот, звон разбитого стекла. Оторвалась и упала внутренняя ставня – Быстро одевайтесь и идите в подвал, – говорит отец, – а я пойду в паровозное депо.

В подвале я узнала, что немцы перешли границу и напали на нас.

Так началась для нас война.

В пять часов утра бомбёжка прекратилась. Мы вернулись в свою квартиру. Отца дома не было.

В шесть часов на улице затрещали мотоциклы, и вскоре к нам ворвался немецкий офицер с солдатами.

– Советские?.. Муж?.. Оружие?.. – кричал офицер.

Десятимесячная моя сестричка Инночка спала на моей кровати. Офицер закричал, затопал ногами, подбежал к кровати, схватил матрац за угол и вместе с сестричкой рванул на пол. Под матрацем лежал ремень, конец которого немец принял за портупею.

Пнув сапогом маму, которая бросилась к Инночке, офицер с солдатами вышел.

Сестричка сильно ушиблась, падая, и недели через две умерла... Сосед, который служил у немцев, приказал нам говорить всем, что она умерла от дизентерии, и даже прислал дезинфектора.

Больше всех немцы преследовали в Бресте тех советских людей, которые переехали сюда с 1939 года. Поэтому к нам они приходили почти каждый день. Стало невозможно жить, и мы переехали на окраину, где нас никто не знал. Туда пришёл и отец: до этого времени он где-то прятался. Отец скрывал, что он машинист, и когда некуда было деваться, шёл на работу чернорабочим. Мама достала справку, что она инвалид, и таким образом уклонилась от работы на немцев.

В нашей квартире под кухней был хороший бетонированный подвал. Окно, что выходило во двор, отец замуровал и засыпал землёй. Когда в городе появилось электричество, папа пробил дырку в углу за печью и под обоями провёл в

подвал провод. Там установили радиоприёмник. Крышку подвала наглухо забили, а вместо неё в сенях под бочкой с водой оставили три незакреплённые доски. К нам приходили товарищи отца слушать радио.

Папа принялся делать ведра, паять кастрюли, и к нам начали приходить заказчики, но почему-то все одни и те же. Мама стала шить, но заказы были только от своих и часто возвращала заказы неоконченными. Люди уносили от нас радиосообщения из Москвы.

Однажды, осенью 1942 года, мы долго ждали маму.

Было девять часов вечера. Позже этого часа ходить не разрешалось, но мамы не было. Наконец, в десять часов, шатаясь, бледная, в намокшей одежде пришла мама. Она сказала, что была у соседей, напротив, и, испугавшись собаки, упала в грязь. Я помогла ей раздеваться и увидела, что у неё повреждены ноги, плечо опухло.

Весной 1943 года арестовали много молодёжи. Была арестована и дочь маминной подруги, Вера Кравцова, из 10 класса. Она была у нас пионервожатой. Вместе с ней арестовали секретаря комсомольской организации Бориса Аюткина. Их расстреляли. Мне было очень тяжело: ведь я их хорошо знала.

Однажды мама сказала мне, что ей у одних знакомых надо взять свёртки, но идти туда нельзя. Я сказала, что пойду сама. Мама взяла мою руку и сказала:

– Это серьёзное и опасное дело. Если ты боишься, деточка, тогда не ходи.

Я ей ответила, что хочу быть такой, как Вера и Борис. С этого времени я ходила по квартирам, разносила свёртки.

В немецкой аптеке работала наша знакомая Галя Аржанова. У неё я брала медикаменты.

Осенью 1943 года снова был провал. Кто-то выдал две конспиративные квартиры. Арестовали секретаря подпольного горкома партии тов. Жуликова с семьёй и многих товарищей, которые заходили к нему, не зная про засаду немцев. Там был арестован и мой папа, но его отпустили, так как он нёс запаянную кастрюлю, будто бы должен был отдать хозяину. Тогда расстреляли 20 человек.

В марте 1944 года мама ушла в партизанский отряд. Она туда часто ходила и раньше с заданиями. Соседям мы сказали, что мама ушла работать в деревню. На этот раз мама задержалась на целый месяц. Мы опасались, что она погибла. Но она попала в окружение, и только спустя месяц ей удалось вырваться.

Возвратившись домой, мама сказала, что большинство подпольщиков отзывается из города, но мы остаёмся. Скоро мы узнали, что Галю схватили немцы и повесили. . .

Немцы боялись ночных бомбёжек и ночевать выходили из города в убежища. Брат Серёжа познакомился с некоторыми из них, и те стали пускать его в своё убежище. Тогда папа и мама стали давать Серёже тол. Он относил его в убежище и прятал там за обшивку стены. Когда толу набралось четыре килограмма, брат положил туда заряженную мину, которая должна была взорваться в час ночи. В туже ночь восемь немцев одна женщина, которая водилась с ними, взлетели на воздух.

У меня была хорошая память, и мне часто поручали следить за передвижением немецких войск. Я выходила за огород, на стык шоссе из Москвы и Ковеля, пряталась в кустах и записывала, сколько машин идёт, в какую сторону, чем нагружены, какие на них знаки. Посидев так до вечера, я несла сведения маме. Я приглядывалась, где стоят зенитки, где расположены склады с горючим, боеприпасами. Было радостно слышать, что, по нашим сведениям, самолёты разбомбили такой склад. Однажды мама взяла лопату, корзинку, и мы ушли за город, на кладбище. Там мама стала убирать могилу Инночки. Вдруг из кустов вышла к нам женщина. Я узнала тётю Надю Серову; её давно не было видно в городе. Она вынула из-за пазухи мины, улыбнулась мне и ушла. Мама положила мину в корзину, сверху закрыла цветами. Корзинку дала мне, а сама взяла на плечо лопату, и так мы вернулись в город. После этого я стала ходить одна, и не только на кладбище, но и в другие места за городом.

На улице Карла Маркса был трёхэтажный дом. В нём жили солдаты одной роты. Мама поручила мне отнести в этот дом тол и передать знакомой Марусе Шевчук,

которая там работала. Я встретила Марусю на улице и передала ей тол. Дом был взорван, а Маруся ушла в партизанский отряд. Труднее было с домом на улице Маяковского, где жили немецкие связисты, лётчики офицеры. Это было тоже трёхэтажное здание, но у дверей его стоял часовой. В этом доме работала Настя Паршина, она часто заходила к нам. Сначала мама сняла дом с наружи. Настя у нас же сделала внутренний план. Мама понесла их в отряд, там обсудили всё и начали готовить взрыв. Доставлять тол было поручено мне.

В городе не хватало хлеба, и население, особенно дети, выменивали хлеб на яички. Мне укладывали в корзину тол, засыпали мякиной, а на верх клали яички. Я одевалась по-лучше, повязывала бант на голове и шла к дому на улице Маяковского. Делала перед часовым реверанс и на польском просила пропустить меня к «панам офицерам», чтоб обменять яички на хлеб, при этом я давала часовому три яйца. Он меня пропускал в кухню. Немец-повар уходил за хлебом, а я передавала яйца и тол Насте.

Каждый раз у меня сжималось сердце, когда я шла туда, но я вспомнила Инночку, Веру, Галю и совладела с собой.

Однажды повар не ушёл, как всегда, за хлебом, а стал выбирать яички. Он копался в мякине, и я с ужасом думала, что сейчас он доберётся до дна... В это время Настя за спиной повара бросила на пол дорогое блюдо. Немец отвернулся и стал ругать Настю, а тем временем выбрала из корзины все яйца. Дома рассказала об этом маме, она побледнела, обняла меня и сказала:

– А если бы тебя поймали, посадили в тюрьму, сказала б ты, чья ты и кто ты?

Я ответила:

– Никогда!

– Но тебя били бы, мучили, как Галю...

– Я бы тогда бы думала о наших погибших комсомольцах. Они были мои старшие братья, а я – пионерка, их смена.

– Доченька моя, а ты бы не обиделась бы на нас, что мы послали тебя на такое дело?

Я сказала маме:

– Я горжусь вами и вашим делом и с радостью умру, если нужно.

Наконец настал день, когда Настя завела часовой механизм мины и ушла в партизаны. Через шесть часов, когда немцы спали, произошёл взрыв...

Потом папа и мама отвели нас с братом в партизанский отряд, а сами вернулись в город и оставались там до прихода нашей армии».

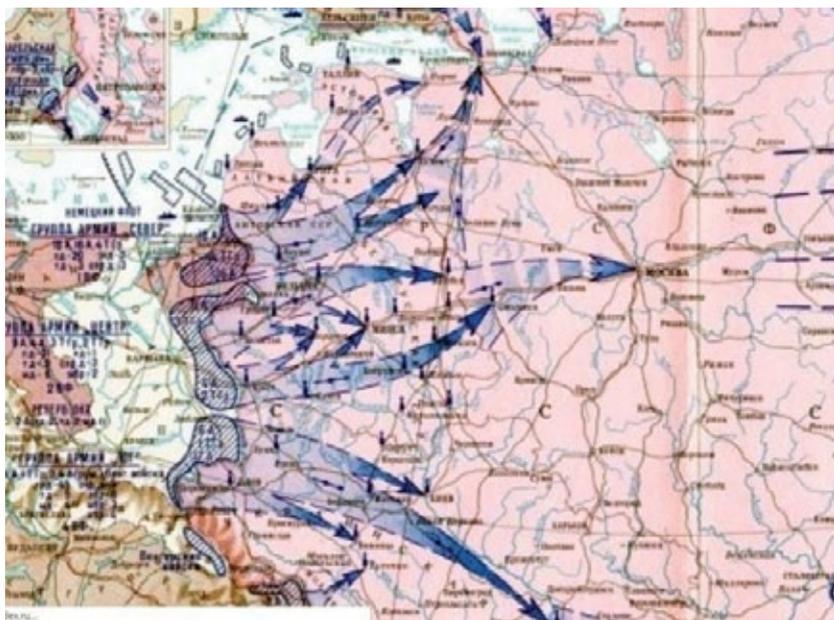
Вот такой рассказ поведала она нам, тогда молодым лейтенантам, а музей начал создаваться, если память меня не подводит с 1965 года. Рассказ же тот, в музее Брестской крепости, надолго запал в мою душу и сохранился до настоящего времени, хотя прошло уже много лет.

Ознакомившись с экспонатами, имеющимися в музее, крепости-герое, каждый молодой лейтенант, под впечатлением увиденного, покидал её.

Быстро добрались до вокзала. В скором времени началась посадка в эшелон. К нам выпускникам – училищ и военных академий, добавилось несколько десятков офицеров разных званий, как выяснится позже, они ехали туда по замене, т.е. поменять тех офицеров у которых закончился срок пребывания службы в Группе войск, а служившие там возвращались в СССР, чтобы продолжить служить на их должностях. Это и будет называться заменой. Выполнив все пограничные и таможенные формальности, заняли свои указанные места в вагоне. Итак, эшелон в составе нескольких купейных вагонов, где были молодые выпускники военных заведений и ехавшие на замену офицеры, начал движение в сторону государственной границы СССР по маршруту: г. Брест – г. Франкфурт – на – Одере (ГДР). Дорога займёт не более суток. Ехали мы в купе вчетвером. В окно вагона хорошо было видно, как эшелон двигаясь, вагон за вагоном, пересекает государственную границу СССР, которая протянулась на многие сотни километров.

И эта граница СССР 22 июня 1941 года была нарушена.

В 1941 году на нас напала не Великая Германия, а вся Европа. При изучении предмета история военного искусства в училище, мы это узнали, с кем пришлось воевать нашим

отцам, старшим братьям и сёстрам, за свою независимость. Нас в училище воспитывали – любить Родину. Поэтому у нас, у всех было в крови – не жалеть себя ради счастья своего народа.

И вот другая страна – Польша. Она пока ещё входит в состав Варшавского Договора и является социалистическим государством. Мы тогда даже не предполагали, что, что-то поменяется в этой стране, через несколько десятков лет, как и в СССР. Она, одна из первых, забудет всё, что сделал для неё советский народ в годы войны, забудет, кто восстановил её государственность. Ведь Польша, восстанавливала государство с помощью России дважды, в 1918 и 1944 гг. Раздел Польши между СССР и Германией – это лишь короткий период! Вот такая читатель, странная «агрессия», исторически проявлялась со стороны русских!

А в годы войны на её территории, из добровольцев народа Польши будет создан Гуральский добровольческий легион СС, который будет воевать против Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Который будет разрушать сёла и города, убьёт не одну тысячу граждан Советского Со-

юза. Народ Польши, в лице своих руководителей, со временем забудет это!

По вагонам прошли польские пограничники, проверив и поставив в загранпаспорте отметку вышли. Пока они проводили пограничный контроль, к вагону подходили польские работники железной дороги и предлагали купить у них разные безделушки – сувениры за рубли. Всех находящихся в вагоне, это удивило. С нашего вагона, никто ничего не купил, даже никто не выходил в тамбур вагона. Наш проводник, когда тронулся поезд, дал нам пояснение – будьте готовы это видеть дважды – на границе с СССР и на границе с ГДР.

Именно в эти минуты под стук колёс вагона, вспомнились строчки, написанные несколько лет назад:

Сушил ветер плотные лица,
Корявые вишни цвели.
Из своих гнёзд дёргались птицы,
Строили дом муравьи.

Крапивы пурпурные чашки,
Окопника и белены,
Белых головок ромашки -
От утренней взмокшей росы!

Колодец, трухлявый, замшелый,
Берёзовые острова.
Забор повалившийся серый,
Деревня родная моя!

Поезд продолжал движение, сменив в г. Бресте, колёсную базу, по новой колее, в указанном направлении. Он двигался по чужой, неизвестной мне стране. Я знал, что где-то в стороне от железной дороги раскинулась Беловежская пуца – этот прекраснейшей лес, который простирается на 150 тыс. гектаров на территории Польши и Белоруссии. Это последняя первобытная чаща на территории Европейской равнины – человек не посадил здесь ни одного дерева!

Здесь дубы помнили польского короля Владислава Второго – Ягелло, который охотился в Беловежской Пуще в XV веке. Они росли в той части леса, которая входила в Беловежский национальный парк.

Беловежскую Пущу называли царством зубра, крупнейшего млекопитающего Европы. Помимо этих огромных диких быков здесь жили волки, лоси, олени, косули.

Внимание заслуживала, и сама Беловежская Пуща – большая деревня, в которой жили поляки и этнические белорусы. Здесь можно было посетить Музей природы и Музей под открытым небом, где представлена была древняя архитектура русскоязычного населения региона Полесья. Именно в этих местах и произойдёт через несколько десятков лет предательство, в результате которого прекратит своё существование моя Родина – СССР. А пока мы молодые лейтенанты ехали в чужую страну, чтобы защищать наш народ, своих близких и родных. И если потребуется – то отдать за него, в другой стране, свою жизнь. Тем самым защитить его от новых, возможных невзгод.

Мы, молодые лейтенанты, были наследниками – своих отцов и матерей, которые совсем недавно разгромили фашизм с его пособниками. Сегодня, мы едем в его логово, в готовности напомнить ему об этом. Сказать ему, что мы уже дети тех родителей, кто уничтожили его. И их завещание для нас сегодня – является священным.

Парад снова движется строем,
Тихонько звенят ордена.
Они всегда вспоминают былое,
Военные их года.

Ведь они не выбирали путь, а шли туда, куда им указала Родина, чтоб защитить нас, чтоб мы могли жить, учиться, созидать и потом, если потребуется – быть в готовности защитить народ своей страны. Мы должны помнить их, которых не видели и не увидим никогда! Именно такие мысли в то время были у меня в голове. Невольно вспомнил рассказ, услышанный в детстве, рассказанный фронтовиком – солда-

том: «В тот день бой был особенно жестоким. Вся ничейная полоса покрылась телами убитых – и наших, и немцев. Бой стих только к вечеру. По ничейной полосе в клубах тумана шла женщина в тёмной и длинной одежде. Она склонялась к земле и громко плакала. Господи, как же она плакала, прямо в душе всё переворачивалось! Пока мы смотрели на видение, странный туман покрыл большую часть ничейной полосы. Мне подумалось: «Надо же, будто саваном погибших укрывает...» А женщина, так похожая на Богородицу, вдруг перестала плакать, повернулась в сторону наших окопов и поклонилась. – Богородица в нашу сторону поклонилась! Победа за нами!».

А поезд, продолжал двигаться и двигаться без остановки. За окнами просматривалась природа Польши. На календаре было начало сентября. Лето подошло к концу, наступала осень. В основном виднелись смешанные и хвойные леса. Показалось, что территория Польши сильно распахана и освоена по сравнению с территорией СССР. Естественно, здесь может быть незначительная часть дикой фауны. Территорию Польши в меридиональном направлении пересекали крупнейшие реки – Висла с притоками Сан, Вепш и Буг (Западный Буг), а также Одер с притоками Варта, Ныса-Лужицка и Бубр. Очень небольшая территория в южной Польше имела сток в Дунай и Днестр, а на северо-востоке – в Неман. Одер и Висла брали своё начало в горах на юге, на границе Польши с Чехословакией. Одер течёт в северо-западном направлении через Силезию и затем на север к Балтийскому морю; её меридиональный участок в низовьях образовывал государственную границу между Польшей и ГДР.

Поезд приближался к пограничному городу на территории Польши – Слубице, прямо за мостом, через реку Одер, располагался г. Франкфурт. Прошли пограничники Польши и вот мы начинаем пересекать границу Польши с ГДР. Появились пограничники ГДР, проверив формально, как мне показалось наши паспорта и сделав в них отметку вышли. Через несколько минут мы прибыли на станцию города Франкфурта, было раннее утро. В городе располагался – штаб наших войск ГСВГ, дислоцирующихся в ГДР. Франкфурт – на – Одере

был расположен в федеральной земле Бранденбург в Восточной Германии. Расположенный на реке Одер порт был давно известен как в Германии, так и за её пределами. Расстояние до Берлина составляло приблизительно 80 км. население города было не более 60 тыс. человек.

Франкфурт-на-Одере появился на месте франкского поселения, которое возникло здесь ещё в начале XIII века. Через 100 лет город подвергся нападению польских войск, однако их попытка завоевания не имела успеха. В 60-х годах XIV века Франкфурт-на-Одере стал членом Ганзейского купечества и оказывал значительное влияние на Прусскую торговлю, но уже через сто лет вышел из него. В течении следующего столетия город неоднократно подвергался штурмам и осадам шведских, русских и французских войск. Так, в период семилетней войны город был завоёван русскими отрядами под руководством Салтыкова. Во время войны с Наполеоном в городе располагался французский гарнизон, а в 1813 году город вновь был занят русскими войсками.

В период Второй мировой войны город значительно пострадал и позже отстраивался заново. После заключения Потсдамского соглашения город был разделён по реке Одер на немецкую и польскую часть (пограничный польский город Слубице, до этого был пригородом г. Франкфурта-на-Одере).

Вот и Германия, страна, которая развязала страшную войну. Которая легла большим испытанием для нашей страны, нашего народа, принёсшая много бед. В ней погибло много мирных граждан: детей, матерей, стариков и молодёжи. И всё это сделали они – жители этой Германии. Возможно, скоро я увижу того, который убивал моих близких и родных для меня людей. Что ему сказать при встрече? Что спросить? Тогда такие мысли появились у меня в голове.

Все мы вышли из вагонов на платформу, там нас встречал офицер управления кадров группы. Подошёл, представившись, объявил, что нам необходимо сделать и куда пройти всем. Выполнив все его рекомендации, вот мы и в штабе. Собрались в указанном зале. Проверив всех прибывших по списку, офицер удалился. В зале все успокоились и стали ждать. Через некоторое время, снова появился этот офицер, в

руках было три списка. Нас прибывших в эшелоне поделители на группы. Всех молодых лейтенантов определили в одну из них. Выпускников академий – в другой. В третий были определены офицеры, прибывшие на замену отслуживших здесь офицеров. Нам было указано куда перейти. В новом зале расселись все выпускники училищ, и мы стали ждать в уютном зале. Минут через 30-40 нам был зачитан приказ – Главнокомандующего Группой СВГ о назначении нас на должности и в какие части и гарнизоны нам надлежало убыть. Лично я был назначен в отдельный 145 танковый полк – штаб которого размещался в городе Магдебурге и входил в состав 3-ей Общевоинской Армии. Кроме меня в разные дивизии этой армии были назначены 25-30 человек наших выпускников, в 47 гв. тд, которая была дислоцирована в Хиллерслебене, в этом гарнизоне находилась и наша часть, были назначены выпускники 7-ой роты: лейтенанты Басыров, Винокуров, Сальников, Смирнов. А с родной роты – это лейтенанты Сузик, Свиняков, Фатхуллин. Все они получили назначение в 47 гвардейскую танковую дивизию, штаб которой располагался в гарнизоне – Хиллерслебен. Штаб же моего полка, размещался в городе Магдебурге. Остальные выпускники 2-ой роты и остальных рот училища, прибывшие с нами, были назначены в другие объединения, соединения и части Группы. По прибытию представителя отдела кадров 3-й армии, нам было предложено забрать свой багаж, привезенный из дома и пройти вместе с ним на железнодорожную платформу, чтобы поездом проследовать в город Магдебург. Прибывших и назначенных в соединения и части армии, набралось около 35-40 человек. Я ещё не знал, что почти через пять лет спустя, окажусь снова в городе Франкфурт-на-Одере, когда буду поступать в бронетанковую академию имени маршала Советского Союза Малиновского Р. Я. Мы будем здесь сдавать экзамены вместе с выпускником одного выпуска родного для нас училища, назначенных в один гарнизон, но в разные части, это хорошо мне известный ст. лейтенант Р.А. Басыров. А пока я ехал в г. Магдебург.

Магдебург – это город в центральной Германии, на берегу реки Эльба. Центр федеральной земли Саксония-Анхальт.

Являлся одним из древнейших городов страны. Магдебург упоминался уже с начала XIX века. В середине века он являлся одним из важнейших городов Европы и де-факто восточной столицей династии Оттонов. В этот период благодаря свободной торговле и магдебургскому городскому праву ганзейский город Магдебург имел просто огромное значение и влияние. В позднем Средневековье во время Тридцатилетней войны стал центром Реформации и отказался принять власть прусского императора. Здесь произошли одни из самых ужасных битв этой войны, а сам Магдебург был практически полностью опустошён. Он расположен в среднем течении Эльбы практически в центре федеральной земли. Город лежит на правом берегу Эльбы. Климат – умеренный. Лето тёплое, зима прохладная с небольшими морозами и частыми оттепелями. Население насчитывало – не более 230 000 жителей. Площадь города – 201 квадратный километр. Первое упоминание о Магдебурге датировалось 805 годом. В это время здесь было небольшое торговое поселение. В 937 году император Оттон-I, первый император Священной Римской империи, основал здесь монастырь бенедиктинцев. В начале XI века город был разорён поляками.

В 1035 году Магдебургу присвоили городское право и право проведения рынков и ярмарок. Сюда съезжались торговцы из всей Европы. В XI веке здесь появилась даже собственная серебряная монета. В 1188 году Магдебург получил особые привилегии, которые в дальнейшем получили название «магдебургского городского права». В конце XIII века город получил членство в Ганзейском союзе. В начале XVI века город стал одним из центров Реформации, что и стало одной из главных причин дальнейшего его упадка. Кроме этого, городские власти отказались принять власть прусского императора. В ходе Тридцатилетней войны город был практически разорён, жители убиты. Магдебург потерял своё значение и обезлюдел.

XVIII век – здесь была построена одна из самых мощных прусских крепостей, которую тем не менее взяли войска Наполеона. В XIX веке Магдебург вернул себе значение в регионе. В ходе Второй мировой войны город был взят практи-

чески без сопротивления после бомбардировки его центра. Выйдя с вокзала на привокзальную площадь, я не увидел никаких разрушений, которые бы напоминали здесь о прошедшей войне. Здесь не видно было того, что я видел на своей Родине. Увиденное вызвало негодование – вот так живёт страна, которая на территории моей страны сожгла и разрушила сотни населённых пунктов и десятки городов. Этот народ, которого мы не звали, залил мою Родину кровью, кровью нашего народа. И этот народ теперь я должен защищать? Да читатель, у меня тогда были именно такие мысли в это время. Чтобы защитить свой народ, необходимо здесь именно в этой стране не позволить снова зародиться – фашизму.

Вот, наконец, мы в штабе армии, в зале Военного Совета, оставив свой багаж в какой-то комнате этого здания. Все расселись. Я обратил внимание на чёткость работы офицеров отдела кадров армии, на их слаженность в действиях, никаких лишних вопросов. Зашёл член Военного Совета армии, который познакомившись с каждым прибывшим офицером. Проводя беседу с нами, рассказал, чем занимаются части армии, какая дисциплина в частях среди всех категорий военнослужащих, при этом сказал, что Командующий армии находится на учении. Для нас молодых лейтенантов, это была первая встреча с должностным лицом управления армии, в которой мне предстояло начать жизненный путь молодого офицера.

О чём мечтал я, тогда, находясь уже здесь, в ГДР – это попасть в хороший воинский коллектив, в котором, как говорится, служба не в тягость, а в радость. Наверняка об этом думали и большинство, прибывших со мной молодых лейтенантов, честолюбиво думали о командирской карьере.

В штаб армии прибыли представители кадровых органов моего полка и 47 дивизии. Представитель дивизии забрал молодых лейтенантов, назначенных в полки дивизии: Сузик, Свиняков – в 153 гв т.п.; Фатхуллин – 197 гв т.п.; Басыров; Винокуров; Сальников; Смирнов – 26 т.п. Они убыли к местам службы в гарнизон – Хиллерслебен. Но не все они там останутся – лейтенант Фатхуллин, полк которого был в гарнизоне – Хальберштадт, начнёт свою офицерскую службу в нём.

Я же, с прибывшим представителем полка, на санитарной машине, убуду в штаб полка. Штаб полка размещался практически рядом со штабом армии. По прибытию в полк, представившись всем должностным лицам согласно уставу – командиру полка и его заместителям и некоторым начальникам служб, которые были в это время в штабе. При представлении командиру и начальнику штаба мне было доведено, что полк состоит из трёх отдельных танковых батальонов. Каждый является отдельной частью и обеспечивается самостоятельно.

Полк является полком прикрытия и каждый батальон должен обеспечить развёртывание дивизий армии. Было сказано, что по прибытию в батальон меня проинформируют более подробно с задачей роты и взвода. Всё командование полка, кому представлялся, пожелали мне удачи и хорошей службы.

На всём протяжении моей службы в 145 отдельном танковом полку, офицеры полка, ни разу не собирались вместе, даже на подведение итогов за год, на всём протяжении моей службы. Такова была специфика этого полка. Нам на протяжении службы в нём, никто и никогда не скажет, где, в каких гарнизонах находятся два других батальона. Всегда будет учитываться принадлежность нашего полка. Тем более его готовность и задача – обеспечить выход, и полное развёртывание соединений армии. В него для прохождения службы всегда будут подбираться – офицерский состав и солдаты, сержанты. Но об этом я узнаю позже, когда буду назначен на должность начальника штаба батальона, на которую буду назначен почти в конце службы в этом полку после сдачи экзаменов в академию им. Р.Я. Малиновского.

Подъехала машина со старшим помощником начальника штаба батальона – начальника строевой части и мы поехали в гарнизон дислокации батальона. Он окажется одним гарнизоном с дислокацией частей 47 гв тд Хиллерслебен. Именно в этом гарнизоне, как и приехавшие со мной однокурсники – начнём офицерскую службу и свой новый жизненный путь.

Путь займёт приблизительно – 60-80 минут. Дорога будет не такая, как на моей Родине, а в основном будет автобан.

Свернув с него и проехав несколько километров, подъехали к КПП гарнизона. Проверив наши документы, дежурный дал команду наряду на открытие ворот. Вот и родная часть. Тоже ворота, тоже наряд. Получалось, что мой батальон был внутри этого гарнизона. Он весь был огорожен забором. Как и другие части дивизии друг от друга. Подъехали к трехэтажной, добротной, сделанной из красного кирпича казарме, построенной, наверное, ещё, во времена Гитлера или ещё раньше. Уточню позже – здесь размещалась до войны танковая часть фашистов. На территории батальона было оборудовано место, для обучения преодоления танками водной преграды и подготовки экипажей к преодолению рек, глубиной от полутора до четырёх метров. На втором этаже казармы в одной части размещался штаб батальона. В другой – одна из рот батальона. На первом, в одной части, было оборудовано место дежурного по части и служб батальона, в другой части, размещалась четвёртая рота. Рядом с дежурным находился – пост № 1 – место хранения Боевого Знамени части. Оставив вещи в машине, вместе с представителем батальона, поднялись на этаж размещения штаба батальона. Командир батальона – подполковник Валентин Иванович Асташев уже ждал в своём кабинете. Он был участником войны, чуть не попал под сокращение Вооружённых Сил, проводимым в стране во времена Н.С. Хрущёва. Только благодаря тому, что заканчивал академию, учась вместе с сегодняшним начальником штаба батальона, они оба не попали под это сокращение. Это расскажет он мне во время моего представления при беседе с ним.

Представился комбату. Он уже знал обо мне, наверное, практически всё, в то время, я ещё не знал об этом, это выяснится в ходе беседы, но тем не менее он, не подавая вида, попросил рассказать ему мою биографию, как закончил училище? Какую роту? Как поступал? Беседа затянулась минут на 20-30. Комбат практически интересовался всем. В конце беседы, сказал мне, что я ему не всё рассказал, напомнив мне об учении, проводимом в Туркмении. Снова покраснев, как тогда, когда была встреча с МО на учениях. При этом, меня удивило снова и этот момент в моей биографии, когда

он мне напомнил об этом. Первые слова, которые я ему сказал тогда: «это было тогда, когда служил срочную службу, а здесь, начинается новая жизнь и старые заслуги лично для меня забыты. И своими делами нужно доказывать, что ты лучший». Комбат, выслушав меня, сказал, что я прав. Но он очень надеется, что я его не подведу, что он не ошибся во мне, когда выбирал кандидатов в свой батальон, тем более я оказался одним из десятков выпускников разных училищ. Также меня проинформировал, что в настоящее время батальон сдаёт старую технику, которую необходимо отправить – во внутренний военный округ на территорию СССР. Скоро придут его представители. Сдача будет происходить поротно. Наряду с этим, необходимо будет получить другую технику, находящуюся здесь в одном соединении ГСВГ на территории ГДР. Мне было приказано через месяц быть в готовности убыть для приёма этой техники.

А пока нужно принять мне мой взвод, который уже долго находится без командира взвода. Комбат, довёл мне боевую задачу роты по карте, в конце сказав, что маршрут выхода роты на рубеж обороны, состоящий из взводных опорных пунктов, должен буду изучить при первом ближайшем практическом выходе. Вызвав к себе начальника штаба, сказав, что завтра утром на построении представит меня батальону. Мне было приказано подняться на третий этаж, где располагалась – первая рота, в одной части казармы, в другой – третья рота и представившись командиру роты, преступить к приёму первого взвода. Я, расписавшись за доведение боевой задачи в книге, вышел, спросив разрешения.

Поднялся на третий этаж, представился командиру роты капитану И. Макрунову и познакомился с офицерами роты: заместитель командира роты по технической части ст. лейтенант В. Пименов; командир 2-го взвода ст. лейтенант Н. Соловьёв; 3-его взвода ст. лейтенант Ю. Слюсаренко. Все они были опытные командиры, прослужившие на своих должностях уже не один год. Командир роты, И. Макрунов, был на этой должности уже 11 лет. В. Пименов – 16 лет. Н. Соловьёв – 4 года. Ю. Слюсаренко – 13 лет. Все они, кроме В. Пименова готовились к замене через три года. Это будет очень

дружный сплочённый коллектив, как единая семья, чему я буду очень рад, да и в офицерском коллективе батальона, будет тоже самое. Все здесь жили дружным, сплочённым коллективом. Это если можно сравнить, как танковый экипаж, в котором все знали свои обязанности без дополнительных напоминаний, готовых в любую минуту прийти на помощь. Я в дальнейшей службе это пойму и буду очень ценить это.

Итак, батальон состоял из четырёх рот. Рота из трёх взводов. Во взводе было пять танковых экипажей. Экипаж состоял – из командира танка; механика водителя; наводчика орудия; заряжающего. Во взводе было двадцать человек вместе с командиром взвода, ещё на меня была возложена задача по подготовке экипажа командира роты при проведении занятий со взводом. Так, как я был командиром первого взвода.

Экипаж командира роты состоял – из командира танка; механика водителя – старшего механика водителя роты; наводчика орудия, который при выходе роты по тревоге, становился заряжающим танка, а командир – наводчиком орудия – отвечающим за работу двух радиостанций, установленных на танке командира роты. Они позволяли командиру быть в двух радиосетях: роты и батальона, полка. Всего в роте было – 16 танков, а в батальоне 66. В управлении батальона было – два танка, один комбата, второй начальника штаба батальона, на которых были установлены три радиостанции. Вот такая была штатная организация нашего батальона по количеству танков.

Командир роты дал команду старшине сверхсрочнику Н. Иваненко – построить роту. Рота, обратил внимание тогда, очень быстро построилась. Представив меня роте все разошлись, кроме моего взвода. Уточнив у взвода, кто является моим заместителем, стал знакомиться с личным составом. Рассказав, вначале свою биографию, слушая своих подчинённых, вспомнил службу после окончания полковой школы и первое знакомство с отделением. Вот с этой минуты это были мои подчинённые. Они уже многое, наверное, знали. Я в ближайшее время, должен это проверить. Для себя понять, чему ещё можно научить. Быть уверенным в них, что они меня не подведут, а они должны быть уверены во мне –

своём командире. Назначенным на эту должность приказом Командующего 3 ОА – от 21.09. 68 г.

Взвод был укомплектован, как и рота на 100 процентов. Солдаты и сержанты были в основном из славян, евреев и представителей народов Кавказа (грузин, армян, азербайджанцев и др.) Прослуживших уже от года и более. Срок срочной службы тогда ещё был – три года.

Как выяснил в ходе знакомства, рота была вооружена первым выпуском танков – Т-54. За ротой была закреплена машина, на которой хранился возимый запас боеприпасов роты. Это будет являться спецификой организации этого батальона. Практически каждая рота действовала самостоятельно, выполняя боевую задачу, не надеясь на какую-то поддержку батальона и тем более полка в боевых условиях, получив к выполнению задачу, которую она уже знала в мирное время.

От батальона она получала, только письменный приказ на её выполнение, который приходил от полка – условленным сигналом дежурному по части, всё остальное хранилось в секретной части батальона. С получением этих сигналов батальон повышал свои степени боевой готовности. Батальону требовалось не более 30-35 минут, и он покидал свой городок и парк. Каждая рота выходила на свой маршрут и в течении часа, каждый танк роты занимал свои огневые позиции. В общей сложности роте отводилось не более полутора – двух часов в любое время года и суток на их занятие, с получением первого сигнала. На каждом танке хранились карточки огня в конверте, в опечатанном виде за который расписывались отдельно – каждый член экипажа.

Такая готовность нашего батальона обеспечивал выход и развёртывание частей соединений 3А, действующих на этом направлении – рубеже ответственности батальона. Батальон выполнял эту задачу, во взаимодействии с пограничными частями ГДР. При ведении боевых действий он должен был, обеспечить подход действующих на этом направлении основных частей армии и их развёртывание. Для выполнения именно этой боевой задачи, предусматривалось, иметь огневые позиции танков батальона по рубежу границы ГДР – ФРГ перед нейтральной полосой на этом рубеже, за ними

оборудовались позиции пограничников ГДР. Получалось, что в случае развязывания конфликта, мы были первые принимающие на себя удар. Всё это требовало от нас, особого подхода в подготовке личного состава, как днём, так и в ночных условиях. Можно сказать, что в любое время суток – рота, батальон в целом, по своей подготовке, были готовы к выполнению этой задачи.

Исходя из полученной задачи, роте в ближайшее время предстояло перевооружение и получение другой техники. Старая должна будет подготовлена, сдана и отправлена в Сибирский военный округ, не снижая своей готовности. Чем и предстояло мне заняться с первых дней офицерской службы.

Мне была выделена однокомнатная квартира на первом этаже ДОСа (дома офицерского состава). Это решило мой квартирный вопрос. ДОС, представлял собой двухэтажное здание довоенной постройки (для германской танковой части), в котором размещались наши офицеры холостяки. Комнаты отапливались угольными брикетами из коридора, который был на весь этаж. Сама небольшая печь, была обложена внутри комнаты кафелем. Было оборудовано на этаже три общих кухни, на которых наши супруги готовили пищу. Был общий туалет, оборудованный деревянными перегородками, получалось, что-то вроде кабин мужских и женских. Общий душ, в котором было расписано, когда, кто моется, т.е. составлялся график на каждый месяц, по квартирно. Все места общего пользования убирали тоже женщины и тоже поквартирно. Угольные брикеты хранились на оборудованной уличной площадке под навесом, которая была позади дома. Для наших детей не было, как сейчас помню, никаких детских площадок. Да и для неё, как для таковой, не была выделена территория. Обычно песок привозили по весне каждый год и высыпали его позади дома. Там находилось несколько скамеек. Вот это было место детской площадки, где наши дети, повзрослев играли в песке. Поэтому мы сами рядом с домом устанавливали для детей качели, которые приспособивали, используя ветки деревьев, растущих рядом с домом и это, и была для них вся детская площадка.

Поставив в комнате выданную солдатскую кровать и матрац из части, стал ждать приезда супруги.

Утром, проснувшись от звуков оркестра, игравшего для личного состава, проводящего физзарядку в соседнем полку, наскоро побрившись и умывшись, поспешил на развод батальона.

Перед разводом зашёл к старшему помощнику начальника штаба – начальнику строевой части. Оформил заявку на вызов супруги.

Как и обещал командир батальона, я на построении батальона был представлен личному составу.

После представления и утреннего развода батальона, я отправился принимать технику первого взвода. Предварительно осмотрев внешний вид взвода и внутренний порядок в расположении, уточнив расписание роты, направился в парк со своим заместителем (командира взвода уже длительного времени не было), чтобы уточнить место техники взвода и своего танка. По дороге в парк уточнил у него, интересовавшие меня вопросы.

Вся техника роты, были на кратковременном хранении и располагалась на открытой площадке, с полностью загруженным боекомплектom, каждый танк имел по две дополнительно установленных 200-литровых бочки с топливом, танк был накрыт штатным танковым брезентом. Все танки роты стояли на бетонных лежнях, которые были сделаны на ширину гусениц. Не далеко от стоянки, были ворота выхода техники из парка по тревоге, территория которого была огорожена колючей проволокой в три ряда, между которыми ходили два часовых караула по периметру парка навстречу друг. Сама территория выглядела, как оборудованный полевой парк. Кроме стоянок в парке батальона были построены все его элементы капитально: мойка техники; небольшое здание пункта технического обслуживания (ПТО); пункт заправки горючим; контрольно – технический пункт (КТП) – приспособленное небольшое помещение – с одной стороны, с другой было оборудовано караульное помещение. Кроме этих зданий, было пристроено к ПТО и помещение для зарядки аккумуляторных батарей для всей техники ба-

тальяна, которые забирались по тревоге. Было два навеса, под которыми хранилась техника рот – третьей и четвертой, танков командира батальона; начальника штаба батальона и его БТР; техника ремонтного отделения (летучка и машина с возимым ремонтным комплектом). Меня это несколько удивило. Но, по мере службы в батальоне, я пойму, почему такой порядок.

Для меня начинались офицерские будни. Быстро пролетел первый месяц офицерского становления. Всё было за это время: и первые достижения на командирском поприще, и первые промахи, которые, впрочем, случались нечасто. Все были заняты подготовкой техники к передаче. Проверив весь ЗИП по имеющейся описи и убедившись в его наличии, доложил командиру роты о готовности техники к передаче.

В начале октября получил приказ убыть в командировку за получением новой техники для роты. Но потом окажется – придётся её получать на весь полк. Вместо нескольких дней, буду принимать её больше месяца. Со мной будет отправлен и заместитель командира третьей роты – лейтенант, выпускник этого же года, только что, прибывший из Киевского военного округа – Фёдор Ткаченко. Получится так, что в полку, мы с ним окажемся в вдвоём, те, которые изучали этот танк. Нам, как знающим специалистам и поручат получать эту технику на весь полк. Накануне отъезда – получаю телеграмму – приезжает супруга. Доложил об этом комбату и попросил санитарный автомобиль, чтобы поехать в г. Магдебург встретить её.

Было получено добро. Встретил супругу, к обеду мы вернулись в гарнизон, а утром убыл в командировку. Думая на несколько дней, а окажется, намного больше. Не рассказав, не познакомив ни с кем супругу – убыл выполнять поставленную задачу. Супруга осталась одна в чужой стране, пока, не зная её и никого. Даже не зная, где наша общая кухня и т. д. Вот так приходилось, нашим ещё пока молодым супругам, начинать совместную жизнь с молодым лейтенантом, в военном гарнизоне, находящемся в чужой стране. Не зная ничего и никого, без супруга, выполняющего в это время приказ, оставившего её одну.

Такова у нас была профессия, дорогу эту, мы выбирали сами, и они вместе с нами шли по этой дороге, не взирая ни на какие трудности и лишения.

Да, уважаемый читатель, это не бравада и не красивые слова. Это им мы должны говорить – спасибо и быть благодарными за то, что вместе с нами они выбрали эту жизнь. Многие из нас и из них не выдержат. Сломаются. Будут искать нового, лично для меня непонятного. Не выдержав этой жизни, будут расходиться, искать новых спутников жизни. Снова расходиться и снова искать. Но тех, с кем начинали они в молодости лейтенантами, ту семейную жизнь, они будут помнить всегда на протяжении своей жизни. Некоторые будут жалеть, что разошлись их дороги. Некоторые не будут жалеть. Но большинство будет – первых. Ведь это только в кино показывают всё в розовом цвете, а в жизни порой всё наоборот. Вообще, жизнь, это трудная ежедневная дорога, которая порой требует постоянного ежечасного преодоления препятствий, различных сложностей.

Итак, два молодых лейтенанта, только что закончившие училища прибыли в один из военных гарнизонов Группы Советских Войск в Германии, где дислоцировалась соединение, которое перевооружалось на другую технику, а имеющуюся технику должна была передать нам. Сев в поезд, быстро добрались до города Шверина, где дислоцировалось это соединение. Этот город в ГДР был административным центром федеральной земли Мекленбург-Передняя Померания, и имел статус вне районного города. Располагался среди систем озёр, главным из которых являлся Шверинер-Зе. Население насчитывало города – около 100 тыс. человек.

Было интересно узнать его историю. Как свидетельствовал в то время хронист Титмар Мерзебургский, Шверин возник вблизи разгромленного в 1018 году славянского укрепления Зверин в 1160 году по указанию Генриха Льва, став при этом первым городом на завоёванной у славян территории. В течение 1167-1648 годов он был местом нахождения епископа и духовным центром всего региона. 1358 году герцог Мекленбурга Альбрехт II получил в наследство город, имевший право быть местом резиденции графа, и поселился

в замке, который за исключением двух перерывов служил местом пребывания герцогов Мекленбургских вплоть до 1918 года. В 1628-1631 годах герцоги были вынуждены покинуть его в наказание за их союзнические отношения с Данией и в 1756-1837 годах, когда их резиденция находилась в Людвигслусте.

С Федором, добрались быстро, без проблем на местном поезде, который ходил очень часто по все городам ГДР.

Прибыв в дивизию, представились руководящему составу. Нам было сказано в каком полку будем получать технику. Прибыв в полк, представились командиру полка и заместителю по технической части. Нас уже ждали в полку. Командир полка вызвал комбатов и приказал начать передачу техники согласно утверждённого им графика.

Представившись должностным лицам одного из батальонов, приступили к приёму техники. Так, как в полку нас уже ждали, и часть техники была готова к передаче, мы и приступили к её приёму, начали обкатывать, и первая обкатка танков сразу нам показала, что техника не готова к такой передаче. Там все надеялись, что приедут «приёмщики», которые её не знают, а тут приехали два «борзых» лейтенанта и стали качать права по передаче техники. Нас их мнение, абсолютно не волновало, так как мы принимали согласно имеющихся приказов и инструкций по приёму техники. Это был родной – Т-10М. За три года учёбы в училище в нём всё было изучено. Составив дефектовочную ведомость, после обкатки первых четырёх танков, стали принимать ЗИП, здесь тоже было не всё гладко. Мы с Федей Ткаченко решили пока обкатку не проводить, пока не будут устранены недостатки, выявленные нами. В полку поняли, что «лажа» не пройдёт и стали более серьёзней относиться к нам, узнав о том, что мы оба хорошо знаем этот танк. Доложив своему командиру части (батальона) о выявленных нами недостатках, получив от него согласие – принимать, только исправную технику и добиваться – 100% укомплектованности ЗИПа, известили об этом командира батальона, в котором принимали технику. Прошло несколько дней и первые 16 танков были приняты. Вместе с танками, приняли и вклад-

ные стволы, предназначенных для практической стрельбы из танка 23 миллиметровым снарядом. Комплект составлял на роту – 5 шт. Заказав транспорт и вызвав караул для сопровождения, стали готовиться к погрузке на транспорт. Прибыл караул со ст. лейтенантом Ю. Слюсаренко. Мы с Фёдором стали грузить, перегнав и закрепив танки первой роты на платформы самостоятельно, об этом стало известно командиру соединения. На следующий день после отправки эшелона, он нас вызвал к себе и выяснив от нас все подробности по приёму техники, поставил задачу своему заместителю организовать контроль по этому вопросу лично. После этого нам стало легче. Но молва о нас дошла до штаба армии, что технику принимают два молодых принципиальных лейтенантов. Об этом мы узнаем от своего командира батальона, которому будем докладывать лично после отправки каждой следующей роты. Мы принимали технику по мере её готовности и отправляли с караулом роты, в которую она предназначалась.

Отправив последние принятые танки для четвёртой роты, стали готовиться для возвращения в часть, но получили приказ принять технику для всего полка. К нам на усиление прибывали представители других батальонов, как оказалось, среди офицеров не было специалистов, служивших на танке Т-10М. Представители были рады, что мы им оказываем такую помощь в приёмке. Они, как губка впитывали всё, что мы им показывали и благодарили за это, а мы были рады передать им свои имеющиеся на тот момент знания.

О наших знаниях стало известно командиру нашего полка полковнику Владимиру Ивановичу Тараненко. После принятия всей техники для полка после возвращения нас в батальон придёт приказ об объявлении нам первой, будучи офицером, благодарности от командира полка. Потом будут и грамоты, и благодарности, их будет не один десяток, будут и правительственные награды, но и будет чуть не возникшее уголовное дело и другие неприятности. Но это всё я постараюсь описать в этом рассказе, показать, что использование своих знаний и своего желания сделать лучше, иногда заканчивались не так, как думал. Обо всём по порядку.

На календаре начинался декабрь месяц, я прибыл из первой своей офицерской командировки. Доложив командованию батальона, приступил к обучению личного состава взвода согласно расписанию роты.

Прежде всего, как я считал, надо было завоевать авторитет не голым администрированием и не только жёсткой требовательностью, но и личным примером добросовестного исполнения обязанностей. Прежде всего, надо было показать, что я умею.

Предстояло не просто ознакомить с техникой, поступившей на укомплектование батальона, но и научить подчинённых управлять ею, как вооружением, так вождению. Всё, что сам знал, старался, как можно быстрее передать личному составу взвода.

Каждое занятие, после объявления темы и его цели, я начинал с личного показа отрабатываемых вопросов. В ходе занятий отмечал, у кого из солдат и сержантов, что лучше получается и, наоборот, что плохо усваивалось. Лучших старался похвалить, а плохо усвоившим тему, помогал или сам, или ставил задачу наиболее усвоившим об оказании помощи, так весь мой взвод со мной учился освоению новой для него техники. При проведении занятий большое значение придавал вооружению – его выверке и пристрелке. Для личного состава взвода была интересна стрельба из пулемётов, как спаренного с пушкой, так и зенитного. Порядок установки вкладного ствола и его выверке, пристрелке. Все экипажи взвода тоже хотели показать себя перед своим новым командиром. Так постепенно на занятиях я изучал личный состав, а он изучал меня. Все хотели постичь искусство стрельбы из этого оружия, так незаметно появлялась уверенность взвода в освоении новой для них техники.

Зная, об окончании училища именно на этой технике и видя, как я готовлю свой взвод, командование батальона решило, что может на меня возложить подготовку наводчиков орудия в масштабе всей части. Так мне пришлось на некоторое время оставить взвод на своего заместителя старшего сержанта Ираклия Салуквадзе.

Вначале, со всеми наводчикам части я начал изучение устройства орудия и пулемёта. Показал и выполнил норма-

тив по разборке и сборке пулемёта. Познакомил с устройством стабилизатора и рассказал, чем он отличается от предыдущего, который они знали. Так проведя несколько занятий в классе, проверив усвоение пройденного материала, решил проверить их ещё знание в парке на учебно-боевой группе танков. Вспомнил своих преподавателей огневой подготовки, очень был им благодарен за переданные ими знания, здесь они мне оченьгодились.

Практически проверил всех в отдельности наводчиков, приняв от них зачёт, по действию при вооружении, отработке нормативов по снятию и постановке спаренного пулемёта, его разборке и сборке и доложил командиру части, что готов с ними к практической стрельбе на огневом городке.

В указанный день все наводчики орудий части были на огневом городке. Здесь всё повторилось сначала, с каждым наводчиком пришлось практически стрелять в составе экипажа.

Такие занятия проводил в течении двух недель. День и ночь. Результат был, и я очень радовался своими успехами. В один из дней начальство батальона прибыло на огневой городок – посмотреть, чему учит молодой лейтенант. Убедившись в результатах так называемых «сборов» и готовности всех к практической стрельбе в составе своих взводов, рот, комбат поблагодарил меня. На следующий день перед офицерами батальона мне была объявлена уже вторая благодарность с момента прибытия в батальон. Так начиналась для меня офицерская жизнь – в должности командира взвода.

Мне было поручено провести занятие со всем офицерским составом части по выверке орудия и пулемётов по контрольно – выверочной мишени. На этих занятиях присутствовало всё командование нашего отдельного батальона. Всё показал, как учили наши преподаватели в училище, по такой же методике. Все офицерам понравилось, были дополнительные вопросы, на которые получали от меня ответы.

Такие занятия были не последними по этой теме. После этих занятий, командир части, приказывал каждую субботу при проведении парко-хозяйственного дня, поротно, проводить выверку орудий по контрольно-выверочной мишени,

а мне было поручено проверять выверку. В течении месяца практически все танки были выверены. Офицеры благодарили молодого лейтенанта. Эта для меня была самая высокая награда. Так не заметно все всё познали узнали и освоили новую технику.

На каждой машине своего взвода завёл дефектовочные ведомости, проверил и продефектовал все пять танков взвода. Это очень помогало составить план для работы в парке каждому экипажу в парковые дни и тем самым способствовало улучшению состоянию техники при её кратковременном хранении. Личный состав взвода стремился устранить выявленные недостатки по хранению танков.

Учась в училище, я понимал, что коллектив преподавателей имел большой войсковой опыт в организации эксплуатации и хранения БТ техники. Весь свой опыт они старались передать нам курсантам. Теперь, командуя взводом, часто вспоминал дни, проведённые в парке (ТБО, автороты, ремонтной роты). В эти дни в парке развёртывались учебные места с полным комплектом необходимого оборудования, инструментов и материалов по обслуживанию наиболее ответственных агрегатов, узлов и систем бронетанковой техники. Как правило, инструкторами на этих точках, выступали хорошо подготовленные, наиболее опытные механики-водители. Такие парко-хозяйственные дни учили нас, как готовить технику к постановке на кратковременное хранение или переводу на очередной период эксплуатации.

Всё это очень пригодились именно в первые месяцы моей офицерской службы именно тогда, и я им был очень благодарен за это – за те знания, которые получил от них.

Осенью в связи с переходом на новую технику проверки не было. Занимались переводом на режим осенне-зимней эксплуатации и параллельно изучали её.

Пока мы с Фёдором были в командировке, принимая технику, пришли приказы на организацию боевой подготовки в новом 1969 году. Рота уже готовилась к нему, одновременно изучая новую технику, её особенности и возможности.

Стали готовиться к новому учебному году, в том числе и к увольнению личного состава. Из моего взвода никто не

увольнялся, и поэтому мне было поручено, так как рота отвечала за огневой городок, подготовить его к занятию и для этого привлечь свой взвод.

При следовании на огневой городок, который был на расстоянии от части до 2км., проводил занятия «пеший по машинному» по тактической подготовке – это свёртывание и развёртывание взвода в походный и боевой порядок. Назначал ориентиры и давал целеуказания, требуя действовать, как на танке. Командиры танков, получив от меня целеуказание, доводили его до наводчиков орудий. Так, не навязывая, я тренировал и готовил взвод к практическим действиям. Командиры танков понимали меня с полуслова. Всё это пригодилось на полигоне при выполнении упражнений: «боевая стрельба экипажа»; «боевые стрельбы взводов». Да и при выполнении одиночных упражнений курса стрельб.

Взвод понял, чего хочет добиться командир взвода и стремился меня не разочаровывать. Так, потихоньку, подтянулась и дисциплина. Взвод стал хвалить командир роты. Взвод стал занимать первое место практически по всем вопросам.

Надо сказать, что командование батальона ежедневно находила «изюминку» в обучении войск. Один день и неделю делало упор на внезапность, т.е. объявляло тревогу в любое время суток. Это придавало «живинку» учёбе, стремление делать всё лучше.

Тем не менее, определённая неудовлетворённость у меня появилась. Во-первых, занятия по этой теме прошли, и личный состав был обучен действиям по тревоге. Во-вторых, после каждой тревоги срывались плановые занятия, которые в дальнейшем качественно не проходили и как правило личным составом учебный материал не усваивался. Всё это в итоге отразилось на обученности и подготовке взвода. Мне приходилось изыскивать дополнительное время.

Спорт в части был в почёте. Кроме плановых занятий, который проводил с личным составом, в части каждое воскресенье организовывались соревнования по бегу, общие кроссы, командные игры волейбол и ручной мяч, отработка нормативов по огневой подготовке и ЗОМП.

Я часто вспоминал училище и командиров взводов роты, особенно командира роты, которые они все нас учили вместе с преподавателями азам военной науки, самостоятельности и прогнозированию событий намного вперёд. Это мне всегда помогало, особенно в первые месяцы офицерской службы – получив задачу, принимая то или иное решение по её выполнению, я всегда старался смоделировать свои действия. Это давало свой результат.

Командиру роты приказали подготовить любой взвод к конкурсу батальона по строевой подготовке. Эту задачу он возложил на мой взвод. Нам строевые приёмы в училище преподавали командиры курсантских взводов, а мой взводный капитан Долгов был асом в этом вопросе, да и срочная служба солдатом, сержантом не осталась без следа. Поэтому я мог достаточно хорошо и уверенно провести занятие и отработать тот или иной приём со взводом. Постепенно росла уверенность в своих силах – рос авторитет во взводе и роте. Взвод на соревновании занял первое место среди взводов рот батальона, представленных на соревнование. Это, как я считал была не моя заслуга, а заслуга – солдат и сержантов всего взвода. Я это сказал им при подведении итогов нашей удачи. Они всё это поняли. В их глазах я вырос, и они никогда меня в дальнейшем не подводили.

Так начинался новый учебный год, но я это уже проходил, когда служил срочную службу. Но здесь был взвод, который я должен обучить. За обученность которого я нёс ответственность перед моими командирами и родителями моих подчинённых. Поэтому не жалел ни времени, ни сил, день и ночь занимался с взводом по всем предметам обучения. Мне постоянно казалась, что чему-то не научил.

Где-то в середине февраля 1969 года, мне было поручено провести занятие с механиками-водителями по технической подготовке роты, так как я знал хорошо устройство танка. Такие занятия я проводил с указанной категорией постоянно. Как обычно пришёл в секретную часть батальона, получил у старшины сверхсрочника руководство по эксплуатации и устройству танка. В техническом классе провёл занятие, раздав каждому механику полученную литературу. Занятие за-

кончилось. Старший механик роты получил от меня приказ – собрать выданный материал и отнести в секретную часть и сдать. Остальным было приказано одеть комбинезоны и построиться на строевом плацу батальона в готовности проследовать в парк на практические занятия по пройденному материалу. Сам тоже пошёл одевать комбинезон. Класс был в подвале казармы. Не успев дойти до канцелярии роты, как прибегает старший механик и просит, чтобы я пришёл в секретную часть. Прихожу, литературу принимает сержант срочной службы – кодировщик батальона. На мой вопрос, где старшина? Получил ответ – он уезжает в отпуск, а он остаётся за него. На мой вопрос, что случилось? Получаю ответ – нет одной секретной схемы в одном экземпляре, полученной мной литературы, и началась моя – «хорошая» жизнь. По тревоге был построен батальон и на протяжении большого промежутка времени мы искали все эту схему.

Прибыл командир полка через несколько дней, начались допросы, как это произошло, что схема смазки танка пропала. Приехали несколько человек из особого отдела армии и группы, и пошли допросы день и ночь. Сказал супруге, что нужно готовиться ко всему. Это всё продолжалось до конца марта месяца. В батальон по замене, прибыл новый заместитель командира батальона по технической части – (зам по тех. бат). Он прибыл из академии и благодаря ему, было выяснено, что схема уже не секретная, а для служебного пользования. Он был отправлен в г. Москва, чтобы привести подтверждающие документы. Они были представлены. При проверке во время приёма им должности схема была им обнаружена в одном из формуляров танка четвёртой роты. При проведении расследования было выяснено, что накануне дня проведения моего занятия заместитель командира роты по технической части изъял схему, чтобы разобраться со схемой смазки на этом танке в парке, при сдаче им литературы старшина секретки не проверил, что нет схемы. Итог – все и старшина, и зам потех роты были досрочно отправлены на Родину в Союз. Я получил первый офицерский выговор от командира полка, который будет снят через месяц. Этот случай научил меня многому. Когда буду учиться в академиях

все секретки будут знать, если пришёл Неткачев принимать или сдавать литературу, то это на долго. Я буду проверять каждый листочек, схему.

Так моё стремление сделать лучше обошлось мне боком. Ведь я мог и не проводить эти занятия – были другие должностные лица. Стремление сделать лучше в данном случае сыграло злую шутку.

Близилась весенняя проверка батальона, моя первая проверка как офицера. Я волновался после всего, что произошло за это время. Волновался за подготовку взвода. Но мои опасения оказались напрасными. Взвод мой был оценён на «хорошо». Комбат мне скажет, что, учитывая переход на новую технику – это почти «отлично». За успешно сданную проверку и хорошую подготовку взвода, с меня было снято взыскание.

Началось лето, с полком должно быть проведено КШУ привлечением подразделений полка, его должен был проводить Командующий армией – герой Советского Союза генерал-лейтенант Говоров. На него привлекалась наша рота для обозначения войск. С других батальонов тоже привлекались роты, получалось, что учения были двухсторонние.

Где-то в середине июля они начались. Рота по тревоге вышла в намеченный район, разгрузили боеприпасы, получили холостые. Вышли в новый район, оставив охрану боеприпасов личному составу, выделенному от батальона. Выйдя в новый район, стали готовить технику и вооружение к боевому применению, т.е. выверяли по контрольно-выверочным мишеням, дозаправляли технику из дополнительных бочек, проводили контрольные осмотры. Прибыл командир батальона и поставил учебно-боевую задачу. Оставив посредника в роте, убыл. Рота, как и предусмотрено боевой задачей действует при выходе батальона в ГПЗ (головная походная застава). Мой взвод – разведывательный дозор. По сигналу мы вышли на незнакомую нам местность, какой-то полигон, совершив марш на своей штатной технике, загруженной холостыми боеприпасами.

Ориентировались по карте впереди мой взвод, за ним на установленной дистанции выдвигалась рота. От взвода, впе-

Взвод на привале.

реди меня на зрительной видимости, выдвигался танк моего заместителя, назначенный, как дозорная машина. Он получил от меня задачу при обнаружении «противника» открыть огонь и огнём танка обеспечить развёртывание взвода. Танки шли на максимальной скорости, соблюдая маскировку, что было практически трудно, так как местность полигона была песчаная, но мы выполняли учебно-боевую задачу. Личный состав взвода, я считал, готов к её выполнению. Мой труд не пропал даром, когда я с ними проводил занятия, следуя на огневой городок. Командиры понимали меня с первого слова. Поэтому, когда танк моего заместителя обнаружил «противника» и открыл огонь, когда я произнёс первую цифру установленного мной сигнала, командиры танков уже знали, что делать. Взвод развернулся, каждый экипаж выбрал выгодную позицию и начал вести огонь по выдвигающей колонне противника, получая от меня целеуказания. Колонна «противника» шла на расстоянии – до одного километра, и я в это время не завидовал ему, учитывая с каким темпом шла стрельба. Я слышал только непонятные для меня иногда звуки. Как выяснится потом, это экипажи взвода иногда впереди холостых

снарядов досылали консервные банки или солдатские кружки, или кирпичики хлеба в стволы орудий. Они и издавали эти звуки похожие на свист снаряда. Рота вышла на рубеж, занимаемый взводом, развернулась, и танки роты пошли в атаку. После продвижения роты и по мере приближения к колонне «противника», посредник остановил роту. Мы свернулись в походный порядок, рота выполнила учебно-боевую задачу. Потом окажется, через какое-то время, что это была рота другого батальона полка, их командир батальона потом будет выяснять, кто этот лейтенант, который «уничтожил» роту его батальона действующую, также в ГПЗ. Мы об этом не знали, на разбор нас не привлекали, но за мои действия руководитель учения прикажет представить наградной на лейтенанта Неткачева. Я об этом узнаю, когда получу медаль «За боевые заслуги». Узнаю только тогда, когда получу. Мы же вернулись в район выгрузки боеприпасов, загрузили свои танки и вернулись в свой парк.

Я ещё тогда не знал, что в мирное время могут награждать боевой наградой.

Супруга находилась на родине у своих родных, мы ждали пополнение в семье и мне, не с кем было поделиться своей радостью.

В конце июля 1969 года получил телеграмму, что у меня родилась доченька. Мы её с супругой назвали Еленой или Алёной. Я очень любил детей, и поэтому эта весточка принесла мне огромную радость. Мне хотелось поскорее увидеть её, прижать к груди, покачать на руках. Но впереди было ещё два месяца прежде, чем я увижу свою доченьку.

Заботливый папа.

**Учимся стоять на ногах,
пока с помощью папы,
очень необходима его
помощь.**

Начались одиночные стрельбы роты, батальона из вкладного ствола на Магдебургском полигоне. Выдвигаясь на полигон, всегда спрашивал личный состав взвода, как будем сегодня стрелять? Мне отвечали, что сегодня отстреляем лучше, чем другие взводы батальона. Своё обещание они всегда выполняли. Труд мой и моё отношение к личному составу не пропали даром. Солдаты тянулись ко мне, понимая, что командир всегда разберётся и поможет во всех вопросах. Поэтому за это они мне платили своим отношением к службе. Я же сам понимал, что мои успехи, это успехи моего маленького пока коллектива, он меня никогда не подводил.

Это выполнялось и при «боевой стрельбе экипажей» и при «боевых стрельбах взводов», вначале из вкладного ствола, а затем и штатным выстрелом, которые подводили итоги подготовки взвода. БСВ являлась учением в составе взвода, проверка его готовности действовать самостоятельно.

Пришла незаметно осенняя проверка. Взвод занял первое место в части по боевой и политической подготовке – стал отличным. Так я выполнил свою мечту. Так закончился для меня 1969 год. Год моего становления офицера. Это звание взвод, будет удерживать до сентября 1971 года.

Вам, читатели, может быть захочется узнать, как я это достиг? Отвечаю, что только своим личным трудом и уважением к солдатам и сержантам. Заботой о них. Помню, когда приносил из дома стиральную машину и организовывал стирку обмундирования личного состава, как супруга к каждому дню рождения того или иного солдата, сержанта пекла пирог или торт. Я их обязательно с этим поздравлял. Солдаты это не забывали и платили своим отношением к службе и выполнению своих обязанностей. Они видели мою заботу о них. Я как мог старался облегчить их расставание с родными и близкими для них людьми. И мой труд не пропал даром.

Вспоминается конец декабря месяц 1969 года, почему? Поздним вечером раздался взрыв. Пока не было понятно, что произошло, а он повторялся снова и снова. Потом рвануло так, что все стёкла из рам вылетели. Была объявлена тревога. Личный состав был построен, приказали проверить. Комбат нам офицерам пояснил, что взорвался возимый запас бое-

припасов батальона в парке 153 гв. танкового полка дивизии. На следующий день было доведено, что солдаты батальона ушли в самоволку и находясь там, договорились с жителем населённого пункта Хиллерслебен на продажу ему бензина. Они пришли в свой парк, который находился на окраине этого населённого пункта, за забором. Проникнув в парк, они стали сливать бензин из бака одной из машин. После слива топлива решили посмотреть, сколько ещё осталось. Стали светить зажигалкой, вставив её в заливное отверстие бака. Последствия были печальными, ущерб был колоссальный. Командовал этим батальоном капитан Соколов В.С. (Сын в то время 1-го заместителя МО СССР). Какие меры были приняты? Комбат пошёл на повышение, получив очередное воинское звание – досрочно, а командир полка был снят, уволен из рядов Вооружённых Сил и отправлен в СССР. Таков был итог этого происшествия. В этот населённый пункт после этого случая стал назначаться патруль, старшим патруля был офицер. Мне тоже туда довелось не один раз туда ходить начальником патруля.

Пришли новые приказы и положения по организации боевой и политической подготовки на новый 1970 год. Командир роты уехал в отпуск, для сдачи сессии в Кубанском сельскохозяйственном институте. Он учился там заочно уже пятый год, это была последняя для него сессия перед государственными экзаменами. Уходя в отпуск, он за себя оставил командира первого взвода – лейтенанта Неткачева. Исполняя обязанности командира роты, я получил приказ в составе всех командиров рот батальона, выехать в новый район боевого предназначения. Провести рекогносцировку каждого взводного опорного пункта, выбрать огневые позиции для каждого танка и составить карточки огня на них. Всё это нанести на карту и отдельно нарисовать схему ротного опорного пункта, привязав её к местности. Рекогносцировку с нами проводил начальник штаба 3А генерал-майор Спорч В.М. Вчетвером прибыли в указанную точку, каждому командиру роты был выделен автомобиль ГАЗ – 69. Получили задачу и точку встречи после выполнения задачи, время прибытия на неё. Мы, выехали в указанные для рот районов. Прибыв в

точку района боевого предназначения роты, приступили к выполнению полученной задачи. До времени встречи, указанной начальником штаба армии, оставалось 20-30 минут. Мне оставалось выбрать две огневые позиции для двух танков и составить карточки огня для них. Практически время было в обрез, но я решил выполнить поставленную задачу до конца, не знал, что для её выполнения будет выделен ещё один день. Выполнив поставленную задачу, стал выдвигаться в указанную точку. Оставалось – 30 сек. В итоге я опоздал на указанную точку на десять – пятнадцать минут. Так желание всё выполнить, окажется для меня разбором с начальником штаба армии. Мне скажут, что уже подняты все пограничные части ГДР и сообщено в Москву, что пропал лейтенант. Мне напомнят, что такое время – «Ч» и чем это может закончиться для войск и роты. Он меня предупредит в будущем не допускать подобное. Выяснив у меня, что я сделал, приведёт меня в пример остальным командирам рот, которые не выполнили поставленную задачу. Мы, сдав выделенный нам транспорт, стали возвращаться в часть. Нужно было готовить личный состав к проведению занятий по изучению нового маршрута.

По прибытию в часть, я доложил командиру батальона о происшествии, который произошёл во время рекогносцировки, проводимой начальником штаба армии со мной. Командир меня внимательно выслушал и сказал мне, что он лично меня понимает. Понимает, что я хотел выполнить приказ, как можно лучше, но получилось, как получилось. Нужно идти дальше по жизни. По ней таких случаев может быть ещё не один, но это не значит, что нужно опускать руки. Необходимо их анализировать и по возможности не допускать. Мне была поставлена задача отработать с начальником штаба все документы и быть в готовности после этого к проведению занятия с личным составом роты. В установленное время я буду готов к таким занятиям, я их проведу.

Май 1970 года в гарнизон приезжает Валентина Терешкова и с ней новый командующий армии генерал-майор Вареников В. И. Гарнизон готовился, готовились части, каждая часть готовилась по-разному – кто готовил плац, кто казар-

мы, кто клуб, как обычно при приезде старших начальников. Тем более в гарнизон приезжала первая женщина космонавт!

Выполняя программу боевой подготовки, незаметно приблизился сентябрь месяц. В один из его дней батальон был поднят по боевой тревоге. Зачитан приказ, что в силу вступают приказы военного времени. Семьи были собраны с вещами и погружены в поданные теплушки для них. Я, глядя на личный состав всё больше и больше осознавал, что наш советский народ в трудную минуту может собраться в кулак. Если потребуется личный состав взвода будет готов отдать свои жизни за жизнь трудового народа, т.е. за своих близких и родных. В таком состоянии мы находились почти неделю и вышли уже в колонне из парка, в готовности выйти поротно в свои районы, чтобы обеспечить развёртывание соединений и частей Группы. Прозвучала команда «По местам», «Заводи», возникло в это время какое-то чувство желания разобраться с теми, кто стремится нарушить покой моих родных и близких, с теми, кому так хочется побряцать оружием. В это время прозвучала команда отбой. Всё закончилось на этот раз мирно. Но мы были готовы выполнить любой приказ моей Родины, отдаваемый от её имени нашими командирами и начальниками.

Конец 1970 года. Пришёл новый приказ об организации боевой подготовки в новом 1971 учебном году. Личный состав, отслуживший установленный срок службы готовился к увольнению. Со взвода увольнялись сразу три командира танка, их наводчики и механики водители. Переходили на двухгодичный срок срочной службы. Осталось два, как я считал, подготовленных экипажа и заряжающие уволенных их товарищей в моём взводе. Прибыло новое пополнение и с ним пришлось повозиться. К середине учебного года, я считал, что время занятий с личным составом взвода, прошло недаром. Новые экипажи были подготовлены и влились достойной сменой в коллектив взвода. Они были достойны, как и их отслужившие предшественники служить в отличном взводе. Я командовал взводом третий год.

Так выполняя программу боевой подготовки, прошли полгода. Нам предстояли ротные учения с боевой стрельбой, а

именно, штатным снарядам. Командир роты уехал сдавать государственные экзамены в институте. Я снова остался за него. На меня легла ответственность подготовить не только взвод, но и всю роту. Пришлось применить весь свой приобретённый за это время опыт и использовать его для подготовки роты. Командиры взводов – старшие лейтенанты Н. Соловьёв и Ю. Слюсаренко выполняли все мои распоряжения. Они понимали, что они могли оказаться на моём месте и делали всё, чтобы мне помочь в решении предстоящей задачи. Рота на учениях получила твёрдую оценку «отлично». Командование части понимало, кто внёс основную лепту в нагрузку по подготовке роты. Подводя итоги учений, командир батальона это отметил. Сам я был рад, что оправдал доверие своего командира роты – капитана И. Макрунова, что не подвёл его!

Конец августа 1971 года, в батальон стала прибывать замена на офицеров, выслуживших здесь ГДР, установленный срок. Прибыл и командир роты, сдав государственные экзамены, и стал собираться на родину в г. Майкоп. Замены ему не было, на него не планировали. Командование части приняло решение о назначении меня на должность командира 1-ой танковой роты нашего отдельного танкового батальона. Был издан приказ Командующего 3-ий ОА о назначении меня на эту должность. Он был зачитан на построении и разводе части утром 7 сентября 1971 года.

С этого дня я был уже командиром роты. Все офицеры батальона поздравляли меня. Мне это было очень приятно от них слушать их поздравления. Придя домой на обед, хотел обрадовать супругу, но она уже знала о моём назначении, была очень рада ему. Мной было ей сказано, что это и её заслуга в этом назначении, так, как она переносила все невзгоды со мной и делала всё, чтобы облегчить мой труд. Я был очень признателен ей – моей любимой единственной Серафиме Николаевне за её заботу обо мне и нашей дочери, нашей Елены Юрьевне. 16 сентября 1971 года приказом Главкома ГСВГ мне будет присвоено очередное звание старшего лейтенанта.

Вскоре начался новый учебный год, с его новыми задачами и новыми трудностями. На новой для меня должности

увеличилась ответственность. Теперь я отвечал не только за подготовку взвода, но и подготовку офицеров роты. Прибывшие выпускники училища три Валеры – Васильев, Самарин, Прищепа. Это были хорошо подготовленные офицеры, они всё делали так, чтобы их взводы были лучшими, соревновались в роте между собой. Они всегда выполняли мои приказы и распоряжения, старались меня не подвести. На партийном собрании роты, каждый из них взял обязательство – сделать взвод отличным. Таким образом, рота взяла обязательство – стать отличной.

Началась учёба, рота выполняла программу боевой подготовки. Все офицеры роты качественно проводили занятия, добивались – 100% усвоения материалов проводимых занятий личным составом взводов. Офицеры роты всегда обращались ко мне, по непонятным для них вопросам. Так, незаметно, коллектив роты стал работать, как единый механизм. Мои командиры взводов роты были все трое холостяками, поэтому, у них всегда находилось время для личного состава. Солдаты и сержанты старались их не подводить. В итоге, труд офицеров моей роты, был замечен командованием батальона. Роте всегда поручали провести показательные занятия по той или иной теме программы обучения, по стрельбе, организации паркового дня, по вождению, по соблюдению внутреннего порядка. Всё это стимулировало личный состав роты, каждый старался не подвести коллектив роты. Смело могу заверить на опыте своей роты, что в те годы, в ней никакой «дедовщины», издевательств, унижений ни со стороны офицерского состава, ни со стороны старослужащих не было. Всё это появится намного позже, когда в армию станут призывать отсидевших в тюрьмах и колониях.

Так закончился зимний период обучения, близилась весенняя проверка. Для меня это была первая проверка как командира роты, я волновался за подготовку взводов. В апреле началась проверка батальона комиссией полка. Наш батальон отчитался успешно. Моя рота стала лучшей ротой батальона, что было отмечено командованием полка. Был издан приказ по полку, нам вручили переходящий вымпел, за который нужно было бороться каждые полгода и подтверждать

звание лучшей роты. Командованием полка была поставлена задача готовиться осенью к итоговой проверке, которую будет проводить штаб армии.

Начался летний период обучения, мы выполнили весь план боевой подготовки: много стреляли и водили, обслуживали технику. Батальон усиленно готовился к проверке, я с командирами взводов день и ночь занимались подготовкой личного состава. Солдаты и сержанты это видели и старались как можно лучше усвоить материал, который им преподносился.

Все старались не подвести не только наш батальон, но и весь личный состав полка перед лицом командования армии.

Планированием боевой подготовки на новый 1972 год были предусмотрены, как и раньше, выходы в район боевого предназначения. Эти вопросы, как правило, проверялись на всех проверках. Командование части учитывая, что прибыло новое пополнение, определило, повторить дополнительно это занятие и убедиться в знании всеми выхода в свои районы боевого предназначения. Новое пополнение, как правило, прибывало после окончания учебного подразделения, здесь

Офицеры моей роты. Впереди стоит её командир-моя доченька.

в Группе Советских Войск в Германии, ГДР. К нам в часть прибывал уже отобранный личный состав, кроме заряжающих, которых готовили сами в части, а точнее в своих ротах и своих экипажах. Это было правильно, они сразу вливались в свои экипажи, в которых им предстояло выполнять боевую задачу. Поэтому в их подготовке не было формальности. Не было формальности и в вопросах подготовки слаженности взводов. Командиры взводов проводили дополнительные занятия, как правило, «пеший по машинному» со своими взводами, ещё до начала учебного года. Все эти традиции были заложены нами в роте, я лично сам был уверен, что рота готова отчитаться, по этому вопросу, но раз запланировано нужно выполнять.

В установленный день рота готовилась к поездке в район боевого предназначения. Такие занятия мы проводили и днем и в ночное время. Обычно к нему готовились очень серьезно. Изучали маршрут, как правило, наизусть. Перед выходом, офицеры, в обязательном порядке, сдавали зачёт командованию батальона, офицеры роты всегда сдавали эти зачёты без проблем.

При проведении этих занятий, как правило, на каждый взвод выделялась крытая машина. До определённого рубежа личный состав выдвигался, закрыв кузов со всех сторон. С выходом на рубеж, брезент открывался, и личный состав приступал к изучению маршрута. Взвод выходил в район планируемого «взводного опорного пункта», изучал его. Каждый экипаж докладывал командиру взвода ориентиры и т.д., так от одной огневой позиции до другой изучались все позиции танков взвода. В конце занятий, все три взвода, прибывали к моей огневой позиции, и командиры взводов докладывали о завершении занятий. Проведя проверку, рота возвращалась в ППД (пункт постоянной дислокации), все четыре карты рот сдавались командованию батальона. Только после этого считалось, что занятие закончено. Таковы были правила при проведении таких занятий.

Наступил октябрь 1972 года. Прибыла комиссия штаба армии, началась проверка. Согласно плану проверки, рота отчитывалась за батальон – по стрельбе, вождению, зна-

нием правил эксплуатации техники и за содержание её на хранении. Вскоре проверка была завершена, рота не подвела батальон, получила оценку по всем проверяемым вопросам «отлично» и стала отличной ротой.

Рота, которой я командовал до момента моего убийства в академию им. Р.Я. Малиновского, всегда будет подтверждать это звание.

Проверка закончилась, и мы стали готовить технику к переводу на режим осенней – зимней эксплуатации.

На перевод техники всегда привлекался весь личный состав роты. Вот, из одних дней конца октября, в парке батальона произошёл пожар на стоянке техники четвёртой роты. Крики людей и появившийся дым заставил меня среагировать на это. Дав команду нештатной пожарной команде следовать за мной, кинулся на стоянку четвёртой роты. Увидев полное отсутствие действий личного состава четвёртой роты, подбежал к танку, на котором было возгорание. В первые секунды обнаружил, что дым идёт из боевого отделения. Первая мысль, которая в то время была в голове, это убрать танк со стоянки, что я и сделал. Танк был убран, а огонь потушен. В парк уже прибыло командование части, начался разбор происшествия. Было выяснено, что личный состав на какое-то время оказался бесконтрольным и экипаж танка решил внутри него, т.е. в боевом отделении заменить нарушенную консервацию взрывателей снарядов, прямо в танке, используя для этого ветошь и открытый огонь.

Огонь погас, потому что я включил автоматическую систему пожаротушения танка. Итог пожара – боевое отделение необходимо было перекрасить, убрав следы пожара, боеприпасы переконсервировать. Когда об этом стало известно Командующему армией генералу Варенникову Валентину Ивановичу, то им было приказано представить наградной лист на старшего лейтенанта Неткачева. Он был отправлен из части, и я получил орден Красной Звезды.

Все офицеры батальона благодарили меня за этот поступок, ведь мои действия и знание техники не позволили быть большой беде. Самое главное, что я понял, что не растерялся в этой ситуации, думать было некогда, всё делалось на авто-

мате, как учили в училище наши преподаватели и офицеры батальона обеспечения учебного процесса. В батальоне меня сделали героем. Сам же, я считал, что так мог поступить любой офицер окажись на моём месте в это время. Не думал, что я совершил, что-то этакое, из ряда вон выходящее!

Рота продолжала обслуживать вооружение и технику в парке. Перевод на режим осенне-зимней эксплуатации продолжался. В глазах личного состава роты командир роты был уважаемый, знающий человек.

В роте был очень слаженный офицерский коллектив, все были готовы помочь любому, в любом вопросе. Спаянностью офицерского коллектива моя рота отличалась от других рот. Командование батальона при подведении итогов за неделю, месяц всегда об этом говорило и ставило роту в пример. Мне порой было неуютно слушать эти слова.

Командир первого взвода лейтенант Валера Васильев, принявший у меня мой взвод, всегда говорил после этих совещаний: «А что здесь преувеличено, ведь это правда, Юрий Максимович», когда я возмущался. Его поддерживали и два Валеры – Самарин и Прищепа.

В дальнейшем в своей службе они все трое вырастут в военном отношении и займут высокие должности в Вооружённых Силах. Лейтенант Васильев закончит академию имени Р.Я. Малиновского, службу продолжит в Киевском военном округе, получит звание генерал-майора. После развала страны – СССР, продолжит службу в Вооружённых Силах Украины. В конце службы возглавит одно из военных училищ Вооружённых Сил Украины.

Лейтенант Валера Прищепа тоже закончит академию имени Р.Я. Малиновского. Останется преподавателем в этом учебном заведении и будет возглавлять в ней кафедру разведки до конца расформирования академии.

Лейтенант Валера Самарин закончит академию Советской Армии и дальнейшая судьба мне не известна.

Но в моей памяти они остались достойными офицерами и до настоящего времени. Очень хочется, чтобы их судьба была хорошая. Ведь их становление, как офицера, было в нашем коллективе отдельного батальона прикрытия, куда под-

бирали достойных. И их труд, их стремление добиться лучших результатов на протяжении офицерского становления, я думаю, что остались надолго, т.е. навсегда, на всю службу. Таков был характер у этих офицеров, заложенный их родителями. Только у лейтенанта Самарина отец был офицером, а у двоих простые рабочие нашей страны.

Хочется сказать в отношении их, первых моих командиров взводов, в моей должности, т.е. в должности командира роты, так до неё в моём подчинении были только сержанты и солдаты. Это были другие отношения и другая ответственность за свой коллектив, который мне доверили. Но я всегда буду очень благодарен им, моим новым боевым друзьям, ведь они росли вместе со мной, каждый в своей должности. И мы, считаю, эти должности освоили достойно.

Нам в освоении этих должностей помогала организация боевой подготовки в батальоне. Мы были ежедневно, днем и ночью заняты ею, ощущая, что мы растём, как командиры. Ведь в батальоне, находясь на своих должностях, мы организовывали занятия с личным составом по всем предметам обучения. Старались, чтобы личный состав освоил эти предметы в полном объёме, каждый на своей должности.

Стрельба, вождение боевых машин и другие предметы обучения, техническое состояние техники, её эксплуатация и хранение требовали ежечасной самостоятельной личной подготовки. Потому, что свои знания, мы передавали своим подчинённым и понимали, что от их знаний, навыков и умений зависел наш успех. Только через их способности и умение оценивался наш труд.

Хочется особо отметить, как проходила подготовка батальона. Как правило, с батальоном два раза за период обучения проводилось КШУ. Да, с ним не проводилось за время моей службы БТУ. Но вместо него проводилось это командно-штабное учение. На него всегда привлекались подразделения батальона для обозначения войск, правда иногда рота или взвод. Эти привлечённые взвод, рота действовали практически и в дневное, и в ночное время. Всё это требовало особого отношения к обучению личного состава взвода, роты и самих офицеров батальона. Особо требовалась во-

енно-топографическая подготовка в работе с рабочей картой командира. Я всегда вспоминал своего преподавателя училища по военной топографии и был ему очень благодарен за те знания, которые он передал нам.

За нами был закреплено постоянно один участок танковой директрисы Магдебургского полигона. На нём практически ежедневно день и ночь шла практическая стрельба рот батальона. Она проводилась по всей программе боевой подготовки, согласно курсу стрельб. ТСТ (танкострелковые тренировки) также проводились с подразделениями – днём и ночью. В общем, выезжая на практические стрельбы, мы офицеры роты, были уверены в готовности личного состава к ним. Так проходили дни напряжённой учёбы. При выполнении практических стрельб их завершением, всегда было выполнение того или иного упражнения по вождению боевых машин днём или ночью. Всё это, в комплексе, готовило личный состав роты к выполнению любых задач. Но для нас самое главное было – подготовить его к решению главной задачи. Эта задача – боевая и требовала от нас подготовить личный состав подразделений именно к её выполнению. Мы её всегда знали и готовы были выполнить в любое время суток и в любую погоду.

Семья не обижалась, что я сутками пропадал на работе. Практически, дочка росла, редко видя отца. Приходя со службы, я всё свободное время уделял ей, понимая, что этого мало. Но были и у нас незабываемые моменты нашего общения, которые у неё надолго сохранились в её памяти.

Помнила, как мы всегда встречали Новый год, особенно помнила те моменты, когда мы его отмечали у бабушки и дедушки. Когда приезжали все её старшие или младшие сёстры, дети её тёток и дядек. Но отпуск у меня заканчивался, нужно было возвращаться в часть к исполнению своих служебных обязанностей, к офицерам и личному составу роты.

После прибытия из отпуска, быстро разобравшись с положением дел за время своего отсутствия, вливался в привычную армейскую жизнь.

Она была интересная и напряжённая не позволяла никаких послаблений. Проводя инструкторско-методические за-

нения с сержантами роты, когда они были руководителями на том или ином учебном месте при проведении различных занятий, всегда вспоминал службу после окончания полковой школы и то, кто и как с нами проводил подобные занятия. Мне очень хотелось всё, что я знал, все, что умел передать им, потому что прекрасно понимал, что от них зависит очень многое, особенно при выполнении реальной боевой задачи, которая возложена на роту.

Убедиться, что они всегда будут готовы именно к той решающей минуте, которая может быть. Объяснял для чего им нужно именно это знать. Сержанты всегда это понимали и старались всё познать, запомнить и всё, что знают передать своим подчинённым. Их никогда не нужно было в этом убеждать.

Так проходило время нашего становления офицерами. Мы росли с каждым годом в своей профессии, и мы это сами видели. Нам не было стыдно за то доверие, которое нам оказала наша Родина при приёме нас в училище курсантами, при назначении на первые офицерские должности. Мы считали, что оправдали её доверие.

Подходило время проверок, и мы достойно на них отчитывались перед разными комиссиями.

Так незаметно проходил и этот 1972 год. Год, который закончится для меня успешно. Отчитавшись за проходящий год, сдав проверку, рота подтвердила свое звание. Рота занимала первое место по боевой подготовке не только в батальоне, но и в полку, об этом будет издан приказ. Офицеры роты были очень рады, что их труд не прошел даром. Рад был и я, тому, что таким коллективом руковожу.

В конце декабря 1972 года, командир части предложил мне подумать по вопросу продолжить учёбу в академии имени Малиновского Р.Я., в Москве. Я согласился, мне было сказано – написать рапорт.

В январе 1973 года подал рапорт о зачислении меня кандидатом на учёбу в военную академию им. Малиновского Р.Я. Командование части представило мне отпуск. Написав рапорт, сам я сомневался, сумею ли выдержать вступительные экзамены, хотя у меня было три условия зачисления меня без

конкурса: отличная рота на протяжении почти двух лет и ходатайство Военного Совета армии о внеконкурсном зачислении; диплом об отличном окончании училища и две правительственные награды – орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги». Но, тем не менее, пришлось вновь зубрить учебники за среднюю школу, плюс военные дисциплины. Поехал в феврале с семьёй в отпуск. Думал отдохнуть и подготовиться к экзаменам. В своей школе встретился с преподавателями математики, физики, русского языка и литературы. Попросил, чтобы с ними пройти все эти предметы по всей программе обучения. Я им был очень признателен, что они согласились мне помочь. Занимался я фактически с ними в дневное время, когда у них было свободное время, а вечерами и иногда ночью выполнял их домашние задания, понимая, что времени мало, чтобы пройти за полтора месяца всю программу, приходилось зубрить по ночам. Писал диктанты и сочинения, решал задачи, вспоминал все законы физики и т.д. Военные дисциплины изучал самостоятельно. Всё это я оценил потом, при сдаче вступительных экзаменов комиссии. По приезду из отпуска, продолжил готовиться самостоятельно, в любую свободную минуту повторял и повторял темы. В конце мая пришёл приказ, что я зачислен абитуриентом для сдачи экзаменов в военную академию им. Р.Я. Малиновского. Командование батальона с этим меня поздравило.

29 июня 1973 года я поехал сдавать экзамены в г. Франкфурт, 30 июня я был уже на месте. От нашего полка я поехал один, уже там я встречу из моего гарнизона, бывшего однокурсника, выпускника родного училища, с которым вместе прибыли в гарнизон, старшего лейтенанта Басырова Рева Арифлуловича, с которым начали свой жизненный путь офицерами в одном гарнизоне, он был давний и хороший мой товарищ, выпускник седьмой роты.

Мы стали абитуриентами, стали готовиться к экзаменам. С нами были организованы дополнительные подготовительные занятия под руководством преподавателей математики, физики, русского языка и литературы, по военным дисциплинам готовились самостоятельно. Это нам, абитуриентам, очень помогло при подготовке. Занятия продолжались ме-

сяц. В конце июля прибыла выездная приёмная комиссия из академии. Возглавлял её и был председателем этой комиссии полковник Крысанов – доцент из одной кафедры академии.

Начали с 1 августа 1973 года сдавать вступительные экзамены. После сдачи экзаменов председатель объявил, кто из абитуриентов прошёл по конкурсу. Также им было сказано, что приказ о зачислении в академию будет после сдачи экзаменов другим выездным комиссиям, приёмная комиссия академии примет решение по каждому абитуриенту, а пока он доложит только результаты сдачи нами экзаменов. Нам было приказано возвратиться в свои части и ждать решения, т.е. приказа о зачислении слушателем академии.

Прибыв в часть и доложив о результатах командировки – сдаче вступительных экзаменов командованию части. Комбат после моего доклада, предложил мне ввиду убития по замене начальника штаба батальона и не прибытию из Союза его замены, приступить к исполнению этой должности. На следующий день был зачитан приказ командующего ЗА о назначении меня начальником штаба нашего отдельного танкового батальона. Так оказалось, что я с корабля да на бал. Через месяц пришёл приказ Начальника академии о зачислении меня слушателем старейшего в стране высшего военного учебного заведения – академии имени Р.Я. Малиновского. Комбат очень сожалел о том, что мало поработали вместе, но в тоже время был рад очень за меня.

Я стал готовился к убитию на учёбу. Провожал меня не только коллектив роты, но и батальона. Комбат мне скажет в конце проводов: «Старший лейтенант Неткачев, Вы своим отношением к службе доказали в нашем коллективе, что Вы правильно выбрали свой жизненный путь, не имея кроме своего труда никакой поддержки. Оставайтесь всегда таким. С таким отношением к службе, как в нашем армейском коллективе, Вы всегда будете на высоте. Желаю дальнейших успехов в вашей службе». Вот такими словами меня напутствовал мой командир части. Я ему был очень признателен за такие слова.

Через несколько дней, я убыл на учёбу в академию Бронетанковых войск имени Р.Я. Малиновского.

Такой уже взрослой уезжала моя доченька.

Академию я окончу, как и училище с отличием, но это будет другой рассказ, а какой он будет, мы с вами узнаем в следующей главе. Подходил к концу 1973 год.

Я очень признателен за ту помощь, которую оказал мне в написании этой главы моих воспоминаний моему однокурснику полковнику Р. А. Басырову.

Глава IV: Продолжение освоения военной науки в академии Бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Малиновского Р.Я.

На календаре последние три дня августа 1973 года. Пробыв в Группе Советских войск в Германии (ГДР) и поступив в Бронетанковую академию имени Малиновского Р.Я., я возвращаюсь в СССР на учёбу – в столицу нашей Родины г. Москва для продолжения освоения военной науки, чтобы свои полученные знания передать своим будущим подчинённым. Возвращались семьёй поездом из г. Магдебурга. Отправил

багаж установленным порядком до ст. Москва-Товарная, купив билеты в нашей военной кассе на вокзале г. Магдебурга, в установленное время, согласно расписанию, поезд повёз меня к получению новых знаний, которые предстояло изучить, освоить, познать. Программа была рассчитана на три года учёбы, как в училище. Я ехал и думал, как сложится коллектив, в котором все будут разные, единственное будет у них одно, это освоить программу в полном объёме. Они будут разные, имеющие определённый опыт в руководстве подчинёнными, зачисленные в академию с разных должностей и послужившие уже на не одной офицерской должности. Это будут, не вчерашние школьники и возраст у всех будет разный. Все, наверное, будут иметь семьи. Дети тоже будут разных возрастов.

Так незаметно поезд прибыл на станцию города Франкфурта, был уже вечер. Зашли пограничники ГДР, проверив, как обычно формально наши паспорта и сделав в них отметку вышли. Поезд продолжал движение к пограничному городу на территории Польши – Слубице и вот мы начинаем пересекать – границу ГДР с Польшей, прощай Германия, страна, принёсшая человечеству много страданий, прощай её народ. Через несколько минут – Слубице, первый пограничный пункт Польши. Прошли пограничники и поезд начали движение по территории Польше к границе СССР, на улице уже была ночь. Из окна вагона иногда виден был свет их городов и населённых пунктов, но нет никакого желания в него смотреть. Ложимся все спать, утром должны прибыть к последнему пограничному городу на территории Польши и прощай и эта страна. Раннее утро прибываем на погранпереход – «Тересполь» город пограничный, последний на территории Польши. Вдоль железнодорожных путей, просматривается от линии границы до самой станции польского города Тересполь выставленный с двух сторон пограничный забор. Задаём вопрос проводнику нашего вагона, получаем ответ»: это сделано для того, чтобы обезопасить страну от контрабанды сигарет, которые могут быть выброшены в окно на пути движения поезда. Поезд останавливается и заходят пограничники, осуществляющие погранконтроль Польши.

Выполнив свои формальные, как обычно, действия, поставив штампы в загранпаспортах уходят. Поезд начинает движение в сторону границы СССР. В окно вагона хорошо было видно, как эшелон, двигаясь – вагон за вагоном пересекает государственную границу СССР. Вот и здравствуй – Родина. Вот, наконец, мы в г. Бресте, здесь предстояло всем пройти пограничный и таможенный контроль, пересест в эшелон после его переоборудования под другой размер колеи и продолжить путь в столицу Родины – город Москва. Мы уже за время не одной поездки в отпуск в г. Куйбышев, к родным супруги и моему брату, находясь в этом городе, хорошо познакомились с ним. Тем не менее, решили с супругой, свозить дочь в крепость – герой Брест. Дочери исполнилось четыре года и нам очень хотелось, чтобы она тоже увидела и запомнила это место, с которого началась война. Она уже знала, что её дедушки принимали участие в ней. Один погиб, другой вернулся инвалидом.

Музей, который появился здесь, было уже не узнать, в сравнении с тем, который я видел в первый раз. Работники музея действительно вкладывали в него, как говорится свою душу, они понимали, какую память они должны оставить потомкам, чтобы помнили на века, что здесь произошло 22 июня 1941 года.

Быстро добрались на такси до крепости. Нам повезло, как раз сформировалась группа и ей подошедший экскурсовод начал рассказывать, кто защищал эту крепость. Мы, спросив разрешение стали в составе группы проходить маршрут экскурсии. У дочери от того, что она увидела и услышала остались на долго в памяти увиденное и услышанное. Она о своих впечатлениях не раз будет вести разговор с дедом и бабушкой, когда будет у них. Дед всегда, когда собирались все внуки рассказывал им о пережитом в этой войне, у него будет их семь. Мы все вместе, взрослые и наши дети, слушали его рассказы, как ходил в разведку, как они брали языков и как гибли его друзья. Пройдя до конца маршрут экскурсии, также на такси вернулись на вокзал, оставалось мало времени до отправления поезда. Поезд начал движение вовремя. Из вагона поезда было видно, как ухожены поля и населённые пункты этой

республики, было очень приятно и радостно смотреть на это. Ведь не так уж и давно здесь всё было не так. Были сожжены десятки деревень и населённых пунктов, была разрушена столица г. Минск и др. города, но народ труженик многое уже восстановил, проявив при этом желание поскорее убрать следы прошедшей войны. Проводницы были те же, что и вначале нашего пути домой. Уточнив у них, какая погода в Москве и как там жизнь? Получив на наши вопросы исчерпывающие ответы и время прибытия поезда – успокоились.

Поезд прибыл из г. Магдебурга ГДР на Белорусский вокзал города Москвы. В купе мы ехали с самого начала втроём всей семьёй до самой Москвы. Прибыв в академию, сдав все выданные в части документы в отделе кадров, уточнив там же вопрос жилья, получив ответ, что год придётся жить на съёмной квартире, пошли все втроём искать жильё. Как выяснится потом, большинство слушателей жили на частных квартирах в разных районах столицы. Некоторые слушатели квартировали в пригородах и добирались к месту учёбы сначала электричками, а далее метро или трамваем. Ближайшими станциями к академии была платформа «Новая», это электричкой или метро до станции «Бауманская», а далее трамваем или троллейбусом.

Мы быстро нашли жильё, и хозяйка вроде вначале согласилась сдать на год, но потом раздумала, сославшись на то, что у нас ребёнок и свои вещи. Поблагодарив её за гостеприимство, поехали искать в другом районе города. Часа через два-три, мы найдём съёмную комнату в коммунальной квартире. Дом был старой постройки и находился в трёх остановках трамвайных от академии. Комната, которую нам будут сдавать, будет около девяти кв. метров. В доме, кроме водопровода с холодной водой и туалета, других удобств не было. Но нас это устраивало. Мне было близко до академии. Жить и учиться можно было.

Этот дом находился в районе платформы «Новая», через дорогу был кинотеатр «Факел». В Москве было спокойно днём, и ночью. Можно было без опаски гулять в любое время суток по улицам, площадям, садам и скверам столицы. Никто никого не грабил и не нападал, никто не похищал лю-

дей, не подрывал жилые дома и станции метро. Театры и кинозалы были заполнены жителями и гостями столицы всех возрастов, а около них постоянно стояли очереди желающих попасть на представление или новую картину. Общественные библиотеки были полны читателями, в вагонах метро, автобусах и троллейбусах можно было часто увидеть людей, читающих книги. Не уступить место старшему по возрасту или женщине считалось недопустимым. Вот такой тогда была Москва, её жители и гости.

Жили в этой коммунальной квартире три семьи, у одной из хозяек, сын после окончания института был призван на два года в Вооружённые Силы. Его часть дислоцировалась недалеко от Москвы, он иногда приезжал к матери. Вообще это были коренные москвичи, рабочие люди. И с ними мы быстро нашли общее понимание по всем вопросам, включая и бытовые. Получился дружный коллектив.

Оставались всего одни сутки и мне нужно было идти в академию. С супругой решили потратить их на розыск близ-

**Здание академии Бронетанковых войск имени
Р.Я. Малиновского.**

лежащего садика. Наши поиски успехом не увенчались. Посоветовавшись, решили – дочь отвезти к родителям супруги, т.е. к бабушке и дедушке, они были уже давно на пенсии, но дедушка – инвалид ещё подрабатывал сторожем. Утром, проводив супругу с дочерью, с Казанского вокзала в г Куйбышев, поехал в академию.

На календаре 1 сентября 1973 года, я слушатель, еду в Военную ордена Ленина Краснознамённую академию Бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Малиновского Р.Я., в ней с сегодняшнего дня, начиналась моя учёба.

Руководил в то время академией Герой Советского Союза генерал-полковник танковых войск Олег Александрович Лосик. В рядах Вооружённых Сил он прошёл хорошую военную и жизненную школу. Окончил 1-ое Саратовское Краснознамённое бронетанковое училище. Принимал участие в советско-финляндской войне 1939-1940 годов. С началом Великой Отечественной войны Олег Александрович находился в действующей армии. За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июля 1944 года гвардии полковнику Олегу Александровичу Лосику было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны занимал ряд руководящих должностей в Вооружённых Силах.

В июне 1964 года был назначен заместителем командующего, а в мае 1967– Командующим войсками Дальневосточного военного округа. В марте 1969 года воины этого округа, придя на помощь пограничникам Иманского пограничного отряда, дали отпор китайским воинским частям, вторгшимся на советскую территорию в районе острова Даманский. В критической ситуации, в нарушение указаний Политбюро ЦК КПСС, по приказу командующего ДВО генерал-полковника Лосика Олега Александровича был открыт огонь из секретных на тот момент реактивных систем залпового огня «Град». Это первый случай, когда было использовано подобное оружие в условиях реального боя. Именно уста-

новки «Град» и решили исход вторжения. Секретарём комитета ВЛКСМ этого отдельного реактивного дивизиона был выпускник моей роты 1968 года выпуска родного училища, где мы вместе начали изучать азы военной науки, лейтенант Хомутов Владимир Петрович. Он с комсомольцами этого реактивного дивизиона принимал там непосредственное участие. Вот такие были выпускники нашего гвардейского училища, а ведь даже года ещё не прошло после окончания нами Ульяновского гвардейского танкового училища имени Ленина. Это уже говорит о многом: готовы мы были или нет защищать границы нашей Родины – СССР.

Начальнику академии было что рассказать и чему научить слушателей, и преподавателей. Под стать ему были и его заместители, начальники кафедр и преподаватели. На этой должности он прилагал максимум усилий для того, чтобы устранить несоответствие между теоретической и практической подготовкой офицеров слушателей. В академии летал еще дух закончившейся недавно войны, примеры неудач и военных успехов ещё были в памяти у многих из них. Профессорско-преподавательский состав старательно доводил это до нас слушателей в период нашей учёбы, с определёнными выводами, полученных ими после тщательного анализа. При нём, о чём я узнаю сам, в академии будет создана кафедра управления войсками и ей будет руководить генерал-майор Коновалов Н.И., внедрены будут компьютеры и другие технические новинки для решения учебно-боевых задач, но об этом будет изложено ниже.

Заместители начальника академии, начальники ведущих кафедр, весь преподавательский состав академии имел фронтовой опыт, который щедро передавался на занятиях и в беседах нам, молодой послевоенной поросли офицерского корпуса.

Я задавал себе вопрос – где можно ознакомиться с историей академии? Кое, что выяснил. Она была основана на основании постановления Совета Труда и Оборона СССР приказом Реввоенсовета СССР от 13 мая 1932 года как Военная академия механизации РККА (ВАММ РККА) имени Сталина на базе факультета механизации и моторизации Военно-

технической академии имени Ф.Э. Дзержинского и Московского автотракторного института имени М.В. Ломоносова.

Изначально было создано четыре факультета: командный, эксплуатационный, конструкторский и промышленный. Первый выпуск (16 человек) состоялся в 1933 году, все выпускники были с командного факультета. В 1935-1936 годах существовал инженерно-командный факультет, в 1932-1941 годах – вечерний факультет, 1938-1941 годах существовал инженерный факультет по горюче-смазочным материалам, в 1938-1941 годах – факультет заочного обучения. Впоследствии промышленный (1936 году) и конструкторский (1933 году) факультеты были упразднены. В конце 1930-х годов были созданы инженерный автотракторный факультет, курсы усовершенствования командного состава.

В годы Великой Отечественной войны академия стала крупнейшим учебным заведением по подготовке офицеров-танкистов в связи с резким ростом и значением автобронетанковых войск. Были сокращены сроки обучения, при этом резко возросло количество слушателей. С 1943 года в составе академии существовали факультеты: командный, инженерно-танковый, инженерно-автобронетанковый и автотракторный, академические курсы усовершенствования офицерского состава и курсы по подготовке усовершенствования офицерского состава и курсы по подготовке начальников химической службы танковых частей.

В 1941 году из состава военнослужащих и ряда выпускников академии были сформированы танковый батальон и две танковые роты, которые участвовали в боях на Северо-Западном фронте. С октября 1941 по август 1943 годов академия действовала в эвакуации в г. Ташкенте.

После войны наряду с учебным процессом росла роль научно-исследовательской работы в академии. Учёные академии участвовали в разработке важнейших проблем развития бронетанковой техники, обеспечения и организации деятельности танковых войск. В академии работали крупные учёные А.А. Благоднаров, Н.Р. Пискунов, П.А. Ротмистров и другие.

Академия несколько раз меняла свое название:

– 13.05. 1932 – 22.03. 1933 – академия механизации и моторизации РККА. Её начальником и военным комиссаром был – Зонберг Жан Фрицевич.

– 22.03. 1933 – 17.04. 1943 – Военная академия механизации и моторизации РККА имени И.В. Сталина.

17.04. 1943 – 10.05. 1954 – Военная ордена Ленина академия бронетанковых и механизированных войск Красной Армии имени И.В. Сталина.

10.05.1954 – 30.12. 1961 – Военная ордена Ленина академия бронетанковых войск имени И.В. Сталина.

– 30.12. 1961 – 16.06. 1967 – Военная ордена Ленина академия бронетанковых войск.

– 16.06 1967 – Военная ордена Ленина, Краснознаменная академия бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского.

За особый вклад в строительстве бронетанковых и механизированных войск РККА академия 22.02. 1941 будет награждена – орденом Ленина.

После окончания войны продолжалось совершенствование и развитие бронетанковых войск, академия вносила в их развитие и совершенствование достойный вклад, за что 1965 году будет награждена – орденом Красного Знамени.

Во время Великой Отечественной войны свыше 200 воспитанникам академии было присвоено звания Героев Советского Союза, а 11 из них стали дважды Героями : В.С. Архипов; А.А. Асланов; С.И. Богданов; И.Н. Бойко; М.Е. Катуков; З.К. Слюсаренко; М.Г. Фомичёв; С.В. Хохряков; И.Д. Черняховский; И.В. Чуйков; С.Ф. Шутов.

Во время моей же учёбы 1973 – 1976 г. в академии были командный факультет, инженерный факультет, спец. факультет, факультет руководящего инженерного состава, заочный факультет. Заместителями начальника академии были генерал-майоры (на третьем курсе он получит звание генерал-лейтенанта) Гудзь П.А., Куревин П.В., Вторушин А.А., полковник Мельников А.И.

На нашем командном факультете на курсе оказались курс А и курс Б. В общей сложности слушателей командного факультета было приблизительно 200-220 человек на каждом

курсе. Начальником нашего факультета в то время был Герой Советского Союза генерал-лейтенант Шевченко Александр Николаевич, а на втором курсе будет генерал-лейтенант Биченко Иван Григорьевич. Замполитом факультета был полковник Дроздов Николай Иванович. Курсом А руководил полковник Прохоров Н.А., курсом Б полковник Уткин И.Д. Я был зачислен на курс А.

Старшие тактические руководители учебных групп назначались из числа лучших преподавателей – методистов. Тактическим руководителем нашей 10-ой группы был назначен полковник Красильников Пётр Иванович, прошедший всю войну «от звонка до звонка», закончивший нашу академию и прослуживший на командно-штабных должностях в послевоенные годы. Надо сказать, и отметить, что преподавателями в академию назначались ещё в те годы лучшие офицеры, имеющие высшее военное образование и, как правило, с должности не ниже командира полка и равной ей должности. Наш тактический руководитель начинал Великую Отечественную Войну в должности командира взвода 76 мм САУ (самоходно-артиллерийских установок). В дальнейшем командовал этой батареей, войну закончил в должности командира танкового полка. В академию был назначен с должности начальника штаба танковой дивизии 6-ой танковой армии. Причина перевода его была – болезнь супруги. Он часто при проведении ночных практических занятий рано уезжал в Москву, т.к. она не могла быть долго одна. Уезжая, ставил нам задачу, что мы должны отработать. Все слушатели его понимали, и мы с усердием отработывали эти вопросы. На следующий день, он каждого слушателя заслушивал и убеждался лично, что тема каждым усвоена.

Нас всех слушателей курса А разбили на группы, в моей группе будет 19 слушателей. Все они, как я и предполагал, будут разных возрастов. Старшим группы будет назначен майор Крюков В.В., он поступил в академию с должности командира батальона. Вторым старшим офицером в нашей подгруппе будет майор Кухаруков М.Н. Остальные, в нашей группе были, капитаны и как я, старшие лейтенанты. Группа будет делиться при изучении иностранного языка на две подгруппы.

Учебные группы в основном комплектовались по «языковой» принадлежности. Именно в такую, по нумерации 5-ю, учебную группу я и был зачислен. В общеобразовательной школе с 5-го класса, в техникуме и в училище, я изучал немецкий язык поэтому и был зачислен в эту группу. В группу попали три человека не изучавшие этот язык, один из которых изучал английский язык, а двое слушателей изучали французский. Им пришлось переходить на немецкий, но они, в течение полугода, изучая программу немецкого языка выровнялись со всеми и в дальнейшем проблем у них с языком не было.

На первом курсе мы будем изучать множество дисциплин и предметов. Многие из них будут отличаться от тех дисциплин, которые изучали в училище. В академии было более двадцати кафедр, на которых нам предстояло освоить предметы. Наряду с военными дисциплинами – тактика, оперативное искусство, вооружение и боевая техника, её эксплуатация, теория стрельбы из танков, история военного искусства и др. нам будут преподавать и общеобразовательные: ядерная физика, химия – эти предметы будут изучаться, опираясь на знание высшей математике, которую мы будем изучать вначале, т.е. в первую очередь. Все эти предметы будут объединены в одну кафедру, если память не изменяет, то номер её будет 15. Из общеобразовательных предметов. Философия, история КПСС и иностранный язык будут изучаться четыре семестра. На все эти общеобразовательные предметы обучения в академии, будет отведено большое количество учебных часов. В конце их прохождения, отчитаться придётся по ним экзаменом или зачётом. По длительности же, их обучение продлится, от года до двух с половиной лет. Основу же учёбы в академии, составляла тактика, и на ней базировались остальные военные дисциплины.

В конце сентября нас всех стали знакомить с техникой и вооружением находящихся в академиях родов войск, которые тоже готовили офицеров в соединения и части подразделений боевого обеспечения находящихся в г. Москве. Таким образом, нам показывали, какой техникой они вооружены, её возможности. Зная ТТХ этой техники, нам можно было планировать тот или иной бой, если она придавалась, используя

все её возможности. Эти занятия по изучению техники и её применение родами войск этих академий и её возможности нам показывали на учебной базе того, или иного учебного заведения. Они расширяли наш кругозор по планированию и применению этих приданных и поддерживающих подразделений и частей, при планировании проведения различных боевых действий. В училище нам не могли показать все возможности этой техники, там давали только общие понятия по их применению.

После их проведения мы должны были сдать зачёты. На календаре был сентябрь 1973 года, когда началась моя учёба в академии, а уже к концу октября мы сдавали первые зачёты по пройденным темам. Они нам показали, что простых предметов не бывает, что они все важные и нужны будут при изучении других предметов обучения, что они взаимно связаны между собой, хотим мы этого или не хотим. Все слушатели сделали для себя вывод, что все предметы главные. Просто одни будут выноситься на государственный экзамен, другие на семестровые экзамены после изучения всех тем, по некоторым придётся сдавать зачёт.

Супруга устроилась работать в бухгалтерию академии. От неё я впервые узнал, что все расчёты в бухгалтерии они делают на ЭВМ (электронной вычислительной машине). Потом, когда мы будем изучать эту машину и будем в вычислительном центре с ней знакомиться, то мы изучим устройство будущего компьютера. Да уважаемый читатель тогда уже были эти пока громоздкие компьютеры, а на календаре шёл 1973 год. Это сейчас он весит не более 2-3 килограммов, а тогда они были такие.

Для нас многие вопросы были абсолютно новыми, так как по роду службы не приходилось их решать. Поэтому и уровень наших познаний, как и решений, был разным. Одним лучше давались общевойсковые вопросы тактики, другие чувствовали себя увереннее в вопросах организации инженерного обеспечения, третьи – в организации связи, использовании боевой техники и вооружения.

Однако постепенно, день за днём, месяц за месяцем, наши знания подравнялись. Постоянный, систематический труд

наших преподавателей не пропал даром. Сложнее было с овладением знаний общеобразовательных предметов, поскольку подготовка в школах и техникумах была разной, и школу и техникумы мы заканчивали в разное время. На курсе была одна группа, которая закончила высшие училища или гражданские институты и уже, прослужив два-три года, офицерами поступили в академию, все они в группе были лейтенанты.

В нашей учебной группе собрались офицеры из разных округов. Были офицеры, служившие в Московском военном округе и один даже из полка обеспечения академии, но большинство было из провинции – с Урала, Сибири, Украины, Ленинградской области и Прибалтики. Я был только один прибывший из Группы войск в Германии и мой однокурсник, даже с одного взвода – это Гена Горлов, прибывший из Венгрии. Мы с ним будем учиться в одной группе, но в разных подгруппах. В группе были все танкисты. Немного пообвыкнув в столице и втянувшись в учебный процесс, мы начали выкраивать время для духовной жизни и спорта. В академии имелся хороший спортивный зал, где можно было поработать на спортивных снарядах.

Вообще в академии большое внимание уделялось спорту. Кроме плановых занятий по физподготовке, которые с нами проводил старший лейтенант Соловьёв В.В., ещё функционировали несколько секций: по стрельбе, тяжёлой атлетике, гимнастике, плаванию и другие. Секции, как правило, возглавляли слушатели, имеющие хорошую подготовку по данному виду спорта. Была и секция лыжного спорта, куда я ходил с большим желанием, т. к. имел первый спортивный разряд, ещё учась в техникуме и не раз подтверждающий его. Зимой в академии часто проводились соревнования по данному виду спорта. Но такого порыва среди слушателей, каким он был в училище, я не видел. По всей видимости, сказывался уже их возраст, но, тем не менее, лыжный массовый спорт еще проводился.

С большим удовольствием мы посещали сооружения парка Лужников, парка им. Горького. Любили мы ходить в выходные дни, в зимнем отпуске, он, как и в училище был две

недели после зимней сессии, по музеям и театрам. Побывали за годы учёбы несколько раз и в Большом театре. Были и в Оружейной палате, и в Алмазном фонде. Словом, набирались и знаний, и культуры.

Первую обзорную лекцию нам читал начальник академии. Мы все слушатели курса сидя в аудитории, слушали каждое его слово.

Перед слушателями по ведущим темам тактики выступал, как правило, начальник кафедры генерал-майор Римский-Корсаков Н.Н.

По тактике первый год мы изучали способы ведения боевых действий батальона и полка. Для этого в академии разрабатывалась единая методическая задача, например, «Действие танкового батальона при форсировании водной преграды» и аналогично для полка, и так по различным боевым действиям.

Изучая ту или иную тему по тактике, как правило, в начале, была лекция, которую читал начальник кафедры тактики или один его из заместителей. Затем читали лекции все начальники кафедр академии это: «Разведки и иностранных армий» – полковник, потом генерал-майор Назаров А.В., «Инженерных войск» – генерал-майор Спарыньи Ю.С., «Защиты от ОМП» – полковник Куптиль А.В., «Войск ПВО» – генерал-майор Фролов Г.И., «РВи А» – генерал-майор Серобаб Ю.Н., «Связь» – полковник Смирнов Ю.Н., «ВВС» – генерал-майор Рапота А.Н., «РЭБ» – полковник Кожин А.А, привязывающиеся к основной теме лекции тактики. Потом начинались семинары и групповые упражнения по всем темам кафедр. Это помогало разобраться по всем вопросам планирования и обеспечения боевых действий, того или вида боя, батальоном или полком. Наряду с общими действиями подразделений батальона при форсировании водной преграды, которые мы отрабатывали под руководством старшего тактической руководителя группы, параллельно под руководством преподавателей кафедр с нами отрабатывались вопросы обеспечения форсирования и т.д.

Так незаметно подошёл новый 1974 год. Нужно было готовиться к первой в академии зимней сессии: – это сдача за-

чётов по пройденным темам и сдаче экзаменов по отдельным предметам обучения. К этому мероприятию мы готовились, повторяя пройденный материал, используя свои конспекты, учебники и имеющиеся классы академии.

Вспоминается такой эпизод, где-то осенью 1974 года, приходит секретарь нашей партийной группы капитан А. Дергунов, проходящий службу до поступления в полку обеспечения учебного процесса академии. Он доводит до нас следующее. Серьёзно заболел Генеральный секретарь Леонид Ильич Брежнев, когда проводил американскую делегацию, возглавляемую президентом Фордом, на переговорах во Владивостоке по ограничению стратегических наступательных вооружений, после этого, он отправился с визитом в Монголию. По пути в Монголию прямо в поезде произошло нарушение мозгового кровообращения. Вот такую информацию довёл нам наш секретарь. Мы все стали обсуждать вопрос, что могло предшествовать этому и пришли к выводу, что возможно, на здоровье генсека повлияло покушение, когда офицер Ильин из Ленинградского топографического отряда у Боровицких ворот Кремля расстрелял магазины двух пистолетов Макарова. По радио было объявлено, что космонавты едут в первой машине, а во второй – Леонид Ильич Брежнев, но он ехал в пятой машине, это его и спасло. Мы ещё не одну самоподготовку обсуждали этот вопрос. Так не к чему и не пришли общему.

Хочется вспомнить и такой новый для нас предмет «Теория стрельбы из танка», которому в академии придавали особое значение. Программа обучения слушателей академии состояла из трёх частей: в первой части давалась теоретические основы стрельбы из танков; вторая часть была посвящена рассмотрению вопросов теории стрельбы из танков прямой наводкой различными способами; в третьей части были приведены основные положения по методике огневой подготовки в танковых частях и подразделениях.

Знание и овладение основами теории стрельбы из танков и методикой огневой подготовки, обеспечивали дальнейшее совершенствование огневой выучки танкистов и повышение боеготовности их подразделений и частей.

Одним из важнейших условий максимального использования огневых возможностей танков в бою является знание офицерским составом вопросов теории стрельбы. Это мы знали ещё в училище. Ведь танковые войска обладают высокой манёвренностью, мощным огнём и способностью эффективно действовать в условиях применения ядерного оружия.

Одним из основных боевых качеств танка является его огневая мощь. Под огневой мощью танка понимают способность экипажа эффективно поражать различные по уязвимости цели в любых условиях боевой обстановки, днём и ночью, применяя для этого определённые виды огня и способы стрельбы.

Нам всем было понятно, что высокая эффективность огня современных танков может быть достигнута только при максимальном использовании боевых качеств танкового вооружения в конкретных условиях боевой обстановки. Для успешного решения этой задачи необходимо, чтобы офицеры-танкисты не только отлично знали вооружение танков, и умело применяли его в бою, но и в совершенстве владели основами теории стрельбы и методикой стрельбы из танков, знали и умели обосновать правила стрельбы из танков, могли оценить эффективность стрельбы при ведении огня различными способами.

Совершенствование огневой выучки танкистов в то время велось на основе положений теории и методики стрельбы из танков, которые непрерывно развивались, обобщая передовой опыт танковых войск и результаты научно-исследовательских работ. Основной задачей теории стрельбы из танков являлось исследование вопросов эффективности стрельбы, проводимое с целью разработки наиболее эффективных видов и способов подготовки стрельбы и ведения огня на поражение целей.

Преподавали этот предмет на всём протяжении – полковники: Рыжик Н. А.; Павлов Ю. П.; Кудрявцев В. Н.; Родинов Ф. Ф.; Завалишин И. И.; Семёнов Ю. И.; Романов Н. И.

Возглавлял в то время кафедру вооружения и стрельбу из танков – генерал-майор профессор Шишковский В.М. Лекции, которые он читал, все слушатели всегда ждали. Он был

фронтовик, как и все офицеры кафедры. Читая лекции, он всегда приводил примеры из Великой Отечественной войны.

На первом курсе по этому предмету обучения мы изучали – способы подготовки стрельбы и точности назначения исходных установок;

Изучали темы, если мне память не изменяет, раздела огневой подготовки – Сведения из внешней баллистики.

На втором – изучали разработку правил и приёмов производства выстрела, способов корректирования стрельбы и определение характеристик ошибок, сопровождающих стрельбу при ведении огня различными способами по тематике – Стрельба из танка.

На первом семестре третьего курса изучали – определение показателей эффективности стрельбы из танка в различных условиях ведения огня.

Кроме того, изучали вопросы – Методика огневой подготовки в танковых подразделениях и частях; Методика расчёта мишенной обстановки и количества боеприпасов на учения с боевой стрельбой.

Эти темы были тесно связаны с такими науками, как внешняя баллистика, теория вероятностей, метеорология, топография и др.

Изучая огневую подготовку, мы должны были понять, что для увеличения эффективности стрельбы из танков и составления рациональных способов ведения огня – мы должны всегда учитывать баллистические свойства применяемых снарядов и зарядов, боевые свойства танковых орудий (пулемётов); действие снарядов (пуль) у цели, характеристики приборов стрельбы, метеорологические и топографические условия стрельбы. Это все лично мне помогало в дальнейшей службе, когда я командовал полком.

Заканчивался курс изучения этого предмета экзаменом в первом семестре третьего курса.

В начале февраля мы курсом А выехали на целый месяц в учебный центр академии «Сенеж», где в поле отрабатывались все практические вопросы по организации и ведения боя батальоном. По возвращению с учебного «Сенеж», мы поняли, что изучение темы батальона в бою – закончилось.

Начались темы ведения боевых действий полком, т.е. перешли к полковой теме. Стали готовиться к экзаменам и зачётам.

Сдав все, в соответствии с программой академии, зачёты и экзамены мы были отпущены на две недели в отпуск. Я никуда не поехал, т.к. супруга работала. Он прошёл быстро и не заметно. На календаре было 15-е марта. Начались занятия в академии, которые я ждал с нетерпением, очень хотелось освоить полковую тему. Всё время самоподготовки я тратил именно на изучение этой темы, которые мы отрабатывали под руководством сменившего нашего старшего руководителя тактической группы, им стал полковник Левченко А.Т., конечно, я не забывал и другие предметы обучения.

Где-то в конце мая месяца мы всем курсом поехали в Прибалтику на показательные полковые учения. Тема учений была: «Форсирование танковым полком реки Неман». Кроме слушателей нашей академии, там присутствовали и слушатели других академий. Нас собрали всех на окружном учебном центре, на участке проведения этапа боевой стрельбы и форсирования реки. Это невозможно было описать, это надо увидеть: как подошла инженерная разведка, как она выбирала места для преодоления водной преграды, как по дну, так и с использованием гусеничных самоходных паромов (ГСП), как наводился понтонный мост. Самое впечатляющее зрелище у нас оставило то, как после мощного огня артиллерии, под прикрытием авиации, на своих штатных средствах разведка и мотострелковый батальон преодолели эту водную преграду, зацепился за берег и стал форсировать реку танковый полк и по дну, и с использованием приданных плавсредств. Один танковый батальон преодолевал реку уже по наведённому мосту. Для нас это было лучшее занятие, увидеть воочию своими глазами это форсирование. Впечатляли действия личного состава, чувствовалась его подготовка в этом вопросе и, наверное, в других вопросах он был подготовлен не хуже.

По прибытию в академию продолжили осваивать программу обучения. Лекции тылового и технического обеспечения нам читал начальник кафедры – полковник Апраксин А.В., Историю войн и военного искусства – генерал-майор

Купченко И.В., Теория и конструкция танков – начальник кафедры генерал-майор Брылёв. Устройство боевых и колёсных машин (БКМ) – начальник кафедры – полковник Антонов И.С.

Кафедру партийно-политической работы возглавлял – генерал-майор Войтенко Ю.И., Кафедру марксистко-ленинской подготовки в то время возглавлял – генерал-майор Баранов И.В. Все они читали нам лекции и за каждой группой были закреплены преподаватели этих кафедр. С которыми мы разбирали темы этих лекций, их усвоение – семинарами. Так незаметно подошла летняя сессия.

Первый зимний и летний семестры первого учебного года закончились, слушатели сдали успешно все зачёты и переводные экзамены. Впереди было 30 суток отпуска.

Забрав супругу, поехали мы с ней в родные края – в Куйбышев, на Волгу. Жене моей Серафимы Николаевне, как и мне, хотелось посмотреть и увидеть нашу дочь, которая жила у родителей. Мы очень часто разговаривали с ней по телефону, но это был телефон! Родина встретила нас провинциальной тишиной и покоем. Мы ни на минуту не отпускали от себя нашу Лену, по которой очень соскучились. Да она и сама не хотела быть без нас. Уезжая из Москвы, мы уже знали, в какой садик она у нас пойдёт по приезду. Он будет находиться рядом с академией, поэтому нам было удобно обоим отводить или забирать её из садика. По старой привычке с братом ходили на речку почти каждый день и даже несколько раз сходили на рыбалку. Я видел, что брат начал сдавать, его здоровье было уже не то, что несколько лет назад. Хотелось побольше побыть с родным человеком. Брат был одарённый, талантливый человек. Но его дарованиям не суждено было сбыться. Его талант оказался не востребованным и погубленным. Я до сих пор горько переживаю об этом, тем более что в детстве мы были с ним очень близки, между нами всегда была особая душевная связь и привязанность... Незаметно прошёл отпуск и нужно было возвращаться в академию и определять дочь в садик. Тем более мы получили жильё в семейном общежитии 11 корпуса академии на улице Красноказарменная. Оно распола-

галось рядом со зданием академии в 3-5 минутах ходьбы. Комната была очень большая. Общая кухня на этаж, общий туалет. Всё это убиралось по очереди всеми квартирами, нашими супругами. Душ тоже был общий. Но он был рассчитан на всё здание многоэтажного общежития. Каждому этажу в субботу или воскресенье было определено время принятия душа. Нас всех это устраивало, потому что у каждого была комната и стол на общей кухне. Снова вокзал и проводы родных, как обычно.

Мы снова, как и из ГДР возвращались втроём в купе, и вот уже знакомая Москва, академия и снова учёба. С первых дней учёбы на 2-м курсе мы начали готовиться к участию в параде. В то время военные парады на Красной площади проводились дважды в год – 1 мая и 7 ноября. К парадом готовились очень тщательно. Вначале подгонялось парадное обмундирование (шинели, кителя, обувь, головные уборы, перчатки и т. д.), потом тренировки в прохождении по шеренгам на плацу академии. Затем прохождение парадным строем «коробками» (20 на 20 человек). На этих занятиях тщательно отрабатывался строевой шаг (120 шагов в минуту), равнение в шеренгах, поворот головы и т. д.

Мы понимали ответственность этого мероприятия, на нас смотрели не только на Красной площади, но миллионы людей по всей стране по телевидению. Прошёл парад, впереди была долгая зима.

По тактике полностью перешли к изучению способы ведения боевых действий полком и дивизией. Для этого в академии тоже были разработаны единые методические задачи по всем видам боевых действий полка по темам, которые не отрабатывались на первом курсе, а затем с переходом на боевые действия дивизии. Всё это помогало нам глубже разобраться в организации боевых действий.

С нами ещё больше участвовали занятия по организации боя на местности. На этих занятиях отрабатывались вопросы тактики: выработка решения на бой, организация взаимодействия внутри, между подразделениями полка (с приданными мотострелковыми подразделениями, с артиллерией, средствами ПВО, и с соседями).

В начале марта мы курсом А выехали на целый месяц в учебный центр академии «Сенеж», где в поле отрабатывались все практические вопросы по организации и ведения боя полком. Это будет последняя наша поездка в учебный центр, а закончится она стрельбой из танков штатным снаряжением и вождением – выполнением шестого упражнения.

После этого выхода, по возвращении в академию, мы приступили по тактике к изучению дивизионной тематики, которые мы отрабатывали под руководством сменившего нашего старшего тактической руководителя группы им стал полковник Шаймарданов М.П.

Наряду с вышеперечисленными кафедрами была, и кафедра «Боевой подготовки», возглавлял её – генерал-майор Спорыньин Ю.С. Это была одна из практических кафедр, которую я вспомнил с прибытием в часть после окончания академии буквально в первые месяцы моей службы. На кафедре мы составляли план боевой подготовки полка и дивизии, разрабатывали планы учений с расчётом мишенной обстановки и расходом боеприпасов при проведении РТУ и БТУ с боевой стрельбой. Всё это выполняли практически каждый и потом защищали эти планы на кафедре и получали за них оценки на зачетах. Вообще была ещё одна такая кафедра – это кафедра службы штабов и возглавлял её – генерал-майор Коновалов Н.И. Здесь мы, с закреплёнными за каждой группой преподавателем, изучали практически все вопросы, связанные с деятельностью штабов. Это и разработка штабных тренировок, и планирование боевой подготовки, и разработка планов КШУ с полком, все эти полученные знания впоследствии, пригодились в войсках, и я не раз вспоминал своих преподавателей этих кафедр в своей службе и благодарил за те знания, которые они мне передали для практической работы.

Была в академии кафедра философии, возглавлял её генерал-майор Табунов. Преподавателем у нас был подполковник Цагалов К.М., это был хороший предмет, но давался он не всем. Понимали его не все, как хотелось преподавателю, но требовала программа обучения и то, что нужно было усвоить, все слушатели усваивали благодаря этому преподавателю, который доходчиво объяснял темы программы.

Незаметно в буднях учёбы подходил к концу второй курс учёбы в академии, на календаре было 29 апреля 1975 года. В обед был построен неожиданно весь наш курс, на построение курса было объявлено о присвоение начальнику академии звания Маршал бронетанковых войск. Курс гудел, все слушатели были очень рады этой новости. В разговорах понял, что многие мечтали достичь высоких должностей. Я же мечтал быть командиром полка, считая для себя, что это была для меня самая высокая должность, вспоминая своих командиров полков, когда был солдатом, когда был командиром взвода. Они для меня были отцами – учителями. Со своих командиров мы брали пример служению Родине. Это были очень преданные партии и народу офицеры. Они прошли суровую школу жизни. Всё, что знали и умели, передавали нам, своим детям.

На следующий день, а точнее 30 апреля 1975 года меня вызывают к начальнику академии в кабинет. Я был очень взволнован первый вопрос, который я задавал себе – зачем? Вроде бы ничего не нарушал, учился неплохо. Прихожу в приёмную начальника академии, вижу в приёмной много офицеров разных рангов. Меня вызвали, и я зашёл в кабинет доложил начальнику академии о своём прибытии. Заметил, что он не один. В кабинете находилось несколько человек в гражданском. Начальник академии был уже в новой форме. Меня пригласили сесть за стол. Один из гражданских (понял, что он был военный) не представляясь, стал мне задавать вопросы, по моей биографии и когда я назвал фамилию отца, и когда он погиб. Меня жестом остановили и почему-то все стали меня благодарить за то, что я знал очень хорошо свою биографию и место гибели отца. Мне рассказали, как он погиб, выполняя задание. Я очень расстроился, когда мне рассказывали его последние минуты жизни. Потом мне был зачитано постановление Верховного Совета СССР об его награждении орденом Боевого Красного Знамени. Мне его вручили и зачитали второе постановление о награждении его орденом Ленина посмертно. Так я получил отцовские две награды. Мне разрешили идти, так как у меня на глазах навернулись слёзы. Я вышел из кабинета и уже пошёл на «ав-

топилоте». Слезы заливали мои глаза. Зашёл в класс самоподготовки, все молчали. Я им показал награды отца. Все сразу всё поняли. Промолчали. Закончилась самоподготовка и пошёл я домой к семье, рассказать, как погиб мой отец, дедушка дочки, отец мужа супруги. Дома ещё раз всплакнул, супруга успокаивала. Всей семьёй пошли на переговорный междугородний пункт, который находился недалеко от нашего семейного общежития. Дозвонился до брата, передал, что узнал об отце и его наградах, которые он не сумел получить. Погоревали мы с ним вместе разговаривая по телефону. Утром пошёл в академию получать новые знания.

Перед завершением учебного года все второкурсники были направлены на месячную стажировку в войска. В основном в регионы и округа, где намечались крупные войсковые учения. Мы в составе всей 13 группы попали в Московский военный округ. Прибыли мы в штаб округа буквально за несколько дней до начала в округе учений. Я поехал стажироваться в дивизию дислокация, которой была в Нижнем Новгороде, в должности начальника штаба полка. Представившись командованию на местах и будучи представленный личному составу части, я приступил к исполнению обязанностей вместе со штатным начальником штаба полка. Учения, как всегда, начались с проверки боевой готовности. Поднятый по тревоге полк, в котором я проходил стажировку, выдвинулся в указанный район и начал готовиться к выполнению поставленной задачи. Полк должен был совершить своим ходом многокилометровый марш и в составе главных сил перейти в наступление. К тому времени я участвовал в небольших учениях, на некоторых сам был участником, но такой размах увидел впервые.

Десятки частей и сотни подразделений двигались на окружной полигон с разных сторон, ломая сопротивления условного противника. Применение всех родов войск и большинства видов Вооружённых Сил, мощная имитация на земле и с воздуха, выброска и высадка десантов создавали картину реального боя. Командиры и штабы, руководя действиями подчинённых, вносили изменения в свои решения в соответствии с меняющейся обстановкой. Да, для меня это

было действительно первый раз – увидеть всё это и понять и осталось надолго в моей памяти. Особенно действия разведки и передовых частей. Пройдёт несколько лет, и мне самому на полигонах армейских, окружных придётся обучать батальоны, полки и дивизии ведению боевых действий. Но это будут другие возможности и способы.

По завершению стажировки все слушатели группы вернулись благополучно, с хорошими отзывами и обогащённые практическими знаниями.

Приближалась сессия и к ней нужно было готовиться, т.к. отдельные предмета обучения заканчивались, и по отдельным предметам нужно было сдавать экзамены. Отчитавшись на сессии, все слушатели убывали в 30-и суточный отпуск.

Забрав супругу и дочь из садика, мы поехали уже втроём в родные края – в Куйбышев. Жене моей Серафимы Николаевне, как и мне, хотелось посмотреть и поскорее увидеть наших родных людей. Мы разговаривали с ними по телефону, но это было не то! Родина встретила нас, как обычно тишиной и спокойствием. Дочь, будет рассказывать дедушке и бабушке о своём садике, и что она уже научилась плавать в бассейне садика, и знает уже буквы и учится читать. С братом ходим на кладбище, покрасим оградку маминой могилы. Съездим с ним к двоюродным братьям и сёстрам, все они были рабочими заводов и фабрик города, некоторые работали в конструкторских бюро и были неплохими инженерами. Все они были связаны с авиацией и один с космосом. Мы с братом радовались их успехам. Брату от этих встреч было хорошо, но его здоровье было уже на пределе возможного. Хотелось, как можно побольше побыть с родным человеком...

Родные, конечно, были рады нам, но по приезду в родные места я решил поехать в село Николаевка, где начались мои первые вёрсты моего жизненного пути, где выбрал путь, по которому шёл и пока не жалел. Поехали всей семьёй на автобусе, но знакомых лиц стало меньше, кто-то уехал, кто-то уже ушёл безвозвратно. Не стало председателя колхоза и моих дорогих квартиродателей. Агроном уехала. Колхоз стал отделением близлежащего совхоза. Так и не встретившись и не поговорив не с кем решили возвращаться домой,

на душе было тяжело и грустно от увиденного. Глядя на эти покосившиеся дома, вспомнил Германию, как там жил поверженный народ и сравнил, как живёт народ победитель. Вспомнился рассказ председатель колхоза, когда приезжал к ним в курсантский отпуск, и на душе стало ещё тоскливей. На подошедшем автобусе вернулись к родным. Рассказав об увиденном им. Родные не удивились. Так и прошёл наш очередной отпуск, нам нужно было возвращаться. Вроде увидели всех родных близких нам людей.

Очередной последний отпуск, как слушателя академии прошёл, нужно возвращаться и постигать до конца курс военной науки, курс военной академии имени Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского.

В то время мы не обратили внимание на такой вопрос в нашей стране, который проявит себя во времена правления М. Горбачёва, а именно откуда будут «расти уши» у проявившего в феврале 1987 года в Ленинграде клуба «Перестройка». Что же произошло в то время, который мы вспомним в 1987 году? А произошло следующее. Сразу после начала «политики разрядки», во время ответного визита Л.И. Брежнева в Вашингтон, по предложению тогдашнего президента США Р. Никсона лидеры двух сверхдержав подписали соглашение о создании в австрийском Люксембурге Международного института прикладного системного анализа (МИПСА), а затем в 1976 году будет создан его советский филиал Всесоюзный НИИ системного анализа ГНТК и АН СССР (ВНИИСИ). Тогда мы слушатели, не придали этому никакого значение.

1 сентября 1975 года. Прибыв в ставшими родными стены академии, понимал, что это последний год учёбы в стенах прославленной академии. К параду не нужно готовиться, т.к. на него привлекался только второй курс. Мы привлекались только два раза. Начались занятия по тем предметам, часть из которых выносилась на государственные экзамены. Некоторые изучали с первого курса, некоторые со второго.

По тактике продолжалась дивизионная тематика, но наряду с дивизионными темами тактики, стали знакомиться с оперативным искусством и лекции читал нам, начальник кафедры – генерал-лейтенант Орлов Н.Г. Для нас это был но-

вый, незнакомый предмет и очень хотелось в нём разобраться. Лекции, которые читал генерал-лейтенант Орлов Н.Г., были какие-то особенные. Слушали все с большим вниманием. Мы познавали оперативное искусство. Планирование операций армией.

За прошедшие годы мы поднабрались знаний, научились правильно пользоваться литературой (специальной), многие получили очередные воинские звания. Получил звание капитана, и я 23.10 1974 приказом МО СССР. С появлением ядерного оружия в начале 60-х годов в военной науке начала разрабатываться теория преодоления войсками зон радиоактивного заражения и разрушений от применения оружия массового поражения (ОМП) – в частности, ядерного оружия. Всё это являлось большим секретом, и даже в закрытой военной печати об этом почти не писалось.

Слушателям выпускного курса вменялось в обязанность каждому разработать в соответствии с полученной темой дипломную работу и защитить её на государственных экзаменах. В марте-апреле началось распределение тем, которые утверждались на кафедрах. Мне единственному «повезло» с мало разработанной темой. Предстояло защитить работу по теме «Преодоление танковым полком в ходе выдвижения зон радиоактивного заражения от применения противником наземных ядерных взрывов». В академической библиотеке материалов по этому вопросу практически не было. На кафедре ОМП помочь тоже не могли. К моему счастью, в это время примерно в конце марта месяца 1976 года, в академии химической защиты проходила уже вторая военно-теоретическая конференция по вопросам, связанным с применением ОМП. Через руководителя нашей академии мне удалось получить разрешение на участие в этой конференции. Взяв с собой рабочую тетрадь для записи секретных материалов, я три дня впитывал и записывал всё, что считал необходимым для своей работы над дипломной темой. Всё для меня было ново: действия поражающих факторов, их качественные характеристики, предполагаемые способы защиты с целью понижения воздействия ОМП. Словом, эта конференция дала мне не только массу полезного материала, но и уверенность,

что тему, данную мне для защиты, я сумею разработать и защитить.

Так и получилось. Я её защитил успешно на государственных экзаменах.

Вспомнилось прибытие в академию за два месяца до окончания академии офицеров ГУКа (главного управления кадров) Министерства Обороны и вместе с ними представителей академии Советской Армии и мой отказ им от предложенного, продолжить учёбу в другом высшем военном заведении другого назначения. Я по натуре был командир, о чём я сказал представителям академии. Далее я объяснил, что не подхожу по требованиям, предъявляемым к поступающим, так как не желаю менять выбранную в детстве свою профессию. На что представители академии мне ответили: желание – это не обязательно. Главное, что я подхожу для поступления в академию по всем параметрам после изучения моего личного дела. Рапорт писать я отказался, мне дали время подумать. На этом наш разговор с представителями академии и закончился. Пришёл домой, поделился с супругой, что был на беседе и что мне предложили. Услышал ответ, поступай, как считаешь нужным. Я готова пройти с тобой путь, который ты выберёшь. Утром пришёл в кадры и заявил, что закончу академию и мне её пока достаточно. Ведь я любил учить людей стрельбе, вождению боевых машин, проведению тех или иных действий на поле боя, а остальное было не моё. На этом все разговоры по этому вопросу закончились, нужно было готовиться к государственным экзаменам.

Вспоминается апрель 1976 года. Он был очень насыщен не приятными для всех Вооружённых Сил СССР событиями. 26 апреля умирает Министр Обороны Андрей Антонович Гречко. В день смерти Министра Обороны СССР Маршала Советского Союза, многие слушатели были привлечены на прощание с заместителем начальника Генерального штаба Вооружённых Сил СССР, начальником штаба Объединённых вооружённых сил государств – участников Варшавского Договора генералом армии Сергеем Матвеевичем Штеменко, скончавшегося 23 апреля после тяжёлой продолжительной болезни в зал Краснознамённого Центрального Дома Со-

ветской Армии им. М.В. Фрунзе, где был установлен гроб с телом С.М. Штеменко, здесь мы и узнали, что и министр обороны ушёл из жизни.

Дом союзов. На фронтоне здания – портрет в траурном обрамлении. 28 апреля в Москве, воины Советской Армии и Флота прощались с министром обороны Маршалом Советского Союза А.А. Гречко.

В 13 часов 29 апреля 1976 года на центральную трибуну Мавзолея поднимаются руководители партии и правительства. Траурный митинг открывает председатель государственной комиссии, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Д.Ф. Устинов. Но уже вечером 29 апреля были объявлены Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении тов. Д.Ф. Устинова министром обороны СССР и второй указ о присвоении тов. Д.Ф. Устинову воинского звания «генерал армии».

Наступал июнь месяц 1976 года, начинались экзамены, которые должны были подвести итог трёхгодичного изучения военной науки и оценить, как я освоил очередной курс этой науки. Дать ответ, что изучил, что познал. Не подвёл ли своих командиров, которые дали мне сюда путёвку. Мне очень не хотелось их подводить. Экзамены мной были сданы успешно. Я получил диплом с отличием, значит оправдал доверие своих командиров.

26 июня состоялся выпуск очередного курса прославленной академии. Мы, слушатели, получили дипломы об окончании академии имени Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского. Все слушатели были благодарны профессорско-преподавательскому составу академии за полученные знания в стенах академии. Все были готовы осваивать свои новые должности, которые будут названы приказом Министра Обороны СССР и ехать в округа.

Я буду назначен в город Новосибирск на должность начальника штаба 74 танкового полка 85 мсд 41 ОА, это будет так в приказе объявлено на построении, но всё изменится утром следующего дня, когда я приду за предписанием к начальнику отдела кадров академии, который вручит в руки предписание, в этом предписании будет указано, что я назна-

чен начальником штаба 2 танкового полка 31 мсд 35 Краснознамённой Общевойсковой Армии, уже в Краснознамённый Дальневосточный военный Округ. Так решалась тогда судьба офицеров в Москве. Не услышав никакого пояснения на свои вопросы, по поводу объявленного вчера приказа, пошёл «обрадовать» супругу о получении предписания и изменившегося за ночь приказа. Однако всё равно это была радость. Единственной тревожной мыслью было, где будет учиться наша дочь, ведь ей надо было идти в 1-й класс.

И так я еду служить Родине, уже будучи капитаном, на новую для меня должность, начальником штаба 2 гв т.п. и о моих вёрстах жизни в КДВО я расскажу в следующей главе.

Глава V: в Крае Величественном Суворовом – КДВО

*«Да моя страна велика.
Как помотришь – не хватит и года
Обойти и объехать её.»*

Закончив в июне 1976 года Военную орден Ленина Краснознамённую академию Бронетанковых Войск имени Маршала Советского Союза Малиновского Р.Я., я получил предписание в отделе кадров отправиться в Амурскую область в танковый полк, где я был назначен в нем на должность начальника штаба полка.

Я в тех местах никогда не был. Я знал, что Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в феврале 1948 года Амурская область была выведена из состава Хабаровского края в самостоятельную область РСФСР. Изучая же в школе предмет географию, уже знал, что это за область, что она находилась в юго-западной части Дальнего Востока. Природа её богата и контрастна. На юге находятся обширные равнины, а на севере – многочисленные горы. Зима холодная и мало-снежная, а лето жаркое и влажное. Небольшие реки зимой промерзают до дна, летом часто выходят из берегов. В лесах юго-восточной части области растут рядом северные и южные растения – ель и виноград, лиственница и липа. В об-

ласти есть плодородные почвы, много лесов и рек, крупные запасы полезных ископаемых.

До революции 1917 года область была заброшенной и отсталой окраиной страны. За годы Советской власти в ней выросли и успешно развиваются промышленность, сельское хозяйство. Амурская область – основной сельскохозяйственный район Дальнего Востока. Здесь сосредоточено более 54% всех площадей Дальневосточного экономического района, производится более 85% всей пшеницы. Она производит три четверти сои, выращиваемой в стране. По производству сои Амурская область занимает ведущее место в стране: она её даёт около 70%. Область поставляет уголь всему Приамурью, играет заметную роль в общесоюзной добыче золота и пушнины.

Область располагается на юге-востоке Советского Союза, в азиатской его части. Административный центр – город Благовещенск, расположенный в южной её части, на берегу Амура, в месте впадения в него реки Зеи. Расстояние от Благовещенска до столицы нашей Родины Москвы по железной дороге – около 8 тыс. километров, а воздушным путём – около 6,5 тыс. километров. Город назван в честь заложенной здесь в 1858 году церкви Благовещения.

От тёплого Японского моря средние районы области удалены более чем на 1200 км. и отгорожены несколькими хребтами – Сихотэ-Алинем, Баджальским, Буреинским и Турана. А северо-восток области отстоит от холодного Охотского моря всего на 150 км. Да и до средних районов от него 500-600 км. Влияние этих морей, а также обширного европейского материка сказывается на климате области.

Почти вся территория области расположена в бассейне великой дальневосточной реки – Амура – река, название на языке солонов (тунгуско-маньчжурская языковая группа) означает «устье реки». Другие названия: эвенкийской – Шилькар (вместе с Шилкой), монгольское – Хара-Мурэн («чёрная вода»), маньчжурское – Сахалян-Ула («Река чёрной воды»), китайское – Хэйлунцзян («Река чёрного дракона»). Река является составной частью Приамурья.

Амурская область входит в восьмой часовой пояс, где разница с московским временем составляет 6 часов. Когда в Москве

глубокая ночь, здесь уже встаёт солнце. На территории области магнитное склонение западное. Область лежит в умеренном географической поясе. Её самая северная точка находится на реке Хани (приток Олекмы), самая южная – на Амуре, самая западная – на границе с Забайкальем, а восточная – на хребте Ям-Алинь.

Если перенести область в европейскую часть СССР, оказалось бы, что её северная точка находится близ города Калининграда, а южная – у города Волгограда. В западном полушарии в тех же широтах, что и область, лежит южная часть Канады.

Территория Амурской области входит в лесную зону северного полушария. Но её природные условия неоднородны, она делится на физико– географические районы.

Границы области почти везде проходят по природным рубежам: на севере и востоке – по горным хребтам Становому, Джугдыру, Джагды, Селемджинскому, Ям-Алиню, Эзопу и Турана, на юге и юго-западе – по Амуру. Лишь на западе области нет чётко выраженных природных рубежей. Общая протяжённость границ области превышает 4300 км.

Площадь Амурской области – 363,7 тыс. кв. км. – около 12% всего Дальнего Востока. На этой территории могли бы разместиться Италия, Бельгия и Нидерланды вместе взятые. В одном лишь Зейском районе уместилась бы, например, вся Австрия. Из 32 западноевропейских стран только три – Франция, Испания и Швеция – превышали эту область по площади. А такая крупная азиатская страна, как Япония, больше области всего на 8,3 тыс. кв. км.

Наибольшая протяжённость территории области с севера на юг составляет 750 км., а с северо-запада на юго-восток – 1150 км.

Область делилась на 20 административных районов, в ней 9 городов, 29 посёлков городского типа (пгт) и около 700 поселений сельского типа.

Амурская область была полностью очищена от белогвардейцев и интервентов, восстановлением Советской власти в Благовещенске – в 1920 году. В апреле 1967 года – она была награждена орденом Ленина за успехи в развитии экономики и культуры.

Я ещё не знал, изучая географию, что с этой областью меня свяжет десятилетняя моя военная служба на её территории. В тяжелейших условиях, в беспросветной работе. Но я не пожалел ни минуты о выпавших вёрстах жизни здесь.

Вот в эту область, на основании приказа МО СССР от 26.06. 1976 г. я и ехал с семьёй, чтобы продолжить в ней свои жизненные вёрсты. Закончив в академии командный факультет по специальности – командно – штабная оперативно-тактическая танковых войск, я получил квалификацию офицера с Высшим военным образованием.

Это было время, когда США проводили откровенный курс на достижение военного превосходства над СССР, оголтелый милитаризм венчал любые начинания вашингтонской администрации.

На территории 32 государств – от Панамы до Японии и Южной Кореи, от Гренландии до Турции – Соединённые Штаты имели более 1500 военных баз и объектов, на которых проходили службу более полумиллиона американских солдат. Только на Дальнем Востоке заморская группировка американских вооружённых сил имела свыше 300 военных объектов. Взяла крен в сторону наращивания военного потенциала и Япония, подключившись к глобальной стратегии конфронтации, навязываемой Вашингтоном. Были даже факты, когда японцы под своим знаменем высаживались на наши острова, провоцируя пограничные конфликты. Всё это требовало от СССР, её Вооружённых Сил, бдительности и решительного ответа на их провокации.

Необоснованность территориальных притязаний со стороны Японии не вызывала в СССР сомнений. Курильские острова были возвращены СССР в полном соответствии с Каирской декларацией и другими совместными решениями союзников, подтверждёнными Потсдамской декларацией. Более того, все эти условия Япония безоговорочно приняла по акту о капитуляции. Кроме того, по Сан-Французскому договору 1951 года Япония отказалась от всех прав и претензий на Курильские острова. Тем не менее этот вопрос начинал снова муссироваться.

На календаре был уже 1986 год, шёл август месяц, было число 25-е, часы показывали двадцать три часа местного времени, железнодорожный вокзал г. Завитинска, Амурской области, на несколько минут остановился поезд, следовавший по маршруту – Москва-Владивосток. В вагон СВ зашли двое я и моя жена. Дочь еще раньше уехала после окончания школы к деду в Калугу, и поступила в Москве в Московский институт имени Плеханова. Я в то время испытывал перед ней чувство вины за то, что не проявлял надлежащего внимания её воспитанию. Частое моё отсутствие в дневные часы, а порой и ночные уезды на стрельбу, уезды на недели на полигоны, командировки, связанные с моей военной службой, я не считал для себя оправданием. Как же я был благодарен жене, моей Серафимы Николаевне, взвалившей на себя груз заботы о семье, воспитавшей достойную дочь своих родителей. Дочь, конечно, не была в претензии к отцу и часто вспоминала, что по рассказам матери она знала, что папа очень занят, но скоро приедет и обязательно она ему всё расскажет, просто нужно подождать. При встрече, она мне рассказывала, что вспоминала папу, хотела ему всё рассказать, но папы не было, как иногда подходила утром к кровати и гладила подушку, на которой спал папа, особенно, когда он командовал полком. Да наша дочь уже студентка!

С перрона раздалась музыка, это был марш «Славянка». Окно в коридоре вагона было открыто и в темноте я увидел, что играет военный оркестр. Первая мысль – откуда на вокзале города Завитинска взялся военный оркестр? Так как сам в этом военном гарнизоне несколько минут назад, был самым старшим военным начальником. Кинулся к входной двери и увидел на платформе своих командиров полков, начальников служб дивизии, начальника политотдела и своего заместителя. С которыми всего несколько минут назад попрощался. Сразу всё понял, это так они офицеры решили проводить своего командира дивизии, с которым прошли суровые годы пятилетнего становления дивизии. От первой поставленной палатки для личного состава в чистом поле, до благоустроенных военных городков для личного состава частей, их парков для техники, новых благоустроенных до-

мов для офицерского состава и создание учебно-материальной базы для обучения постоянного и переменного личного состава. Это действительно был труд всего офицерского состава, прапорщиков, постоянного состава сержантов, солдат и переменного состава курсантов 27 учебной танковой дивизии. Сколько ими было пережито за эти годы ?.. Как объяснить тем, кто не был с нами в то время в этих условиях? Как мы жили и как выживали. Но это время было и его уже не вернуть. Мы проходили в это время суровую школу жизни и не жалели это время.

Поезд стоял, а сводный дивизионный оркестр играл и играл. Люди в вагоне не понимали, что происходит, раздавались слова – что происходит? Кого провожают? И только мне одному в вагоне было всё понятно. На глазах невольно появилась слезинка. Поезд всё стоял и стоял, оркестр играл. И под его мелодию и удары колёс тронувшегося поезда, который уносил меня на учебу в академию ГШ (Генерального штаба), пришли воспоминания, о десятилетней службе в гарнизонах Амурской области, о своих разных подчинённых, с которыми пришлось столкнуться и прожить это время. Может для некоторых из них не всегда был справедлив? Может и так! Но время нельзя уже вернуть назад и что-то исправить.

Вспоминался июнь 1976 года, окончание военной академии Бронетанковых Войск имени Р. Я. Малиновского и объявление приказа Министра Обороны СССР об окончании академии и записка этим же его приказом о назначении на должность начальником штаба танкового полка в город Новосибирск. Вспомнилось, на последнем курсе академии, беседа с прибывшими в академию представителями академии Советской Армии и мой отказ им от предложенного продолжить учёбу в другом высшем военном заведении другого назначения. Также вспомнился мой приход в отдел кадров академии на следующий день после выпускного вечера, за предписанием в соответствии с Приказом Министра Обороны СССР на должность к новому месту службы в г. Новосибирск, а также за получением проездных документов на контейнер для провоза железнодорожным транспортом своего нажитого за годы службы небольшого багажа и на

провоз себя, и семьи к новому месту службы. И услышанные на свой вопрос – где получить документы? Ответ, нагло улыбающегося с холёным лицом полковника – начальника отдела кадров академии, что за ночь Министр Обороны изменил своё решение и мне надлежит ехать уже не в Новосибирск, как было объявлено ранее, а на Дальний Восток для прохождения дальнейшей службы в часть дислоцирующийся в КДВО (Краснознамённый Дальневосточный военный округ). В то время даже не мог предположить, что кадровики в академии могли сами перепечатать лист приказа и тем самым изменить его решение. Но это была Москва! Как узнаю потом через несколько десятков лет, что здесь всё возможно. Я узнал фамилию офицера, уехавшего на мою должность, в г. Новосибирск, но об этом, я постараюсь, написать в последней главе своих воспоминаниях о пройденных вёрстах жизни. А пока уважаемый читатель – вёрсты жизни в гарнизонах Дальнего Востока.

Получив новый приказ, который довёл до меня начальник отдела кадров академии, подумал, а что мне остаётся делать в этих условиях? Когда, получив предписание – продолжить службу в другом округе. Выполнять приказ! Как оказалось потом, служили там люди, и ни один десяток лет. Я ехал в один из гарнизонов 35 Краснознамённой Общевоинской армии. Поинтересовался её историей и узнал, что армия являлась правопреемником 29-го стрелкового корпуса, который прибыл туда во время обострения обстановки на дальневосточных границах в апреле 1966 года из г. Краснодара, ещё будучи управлением 29-го стрелкового корпуса Северо-Кавказского военного округа, корпус ещё был в то время горнопехотным. 22 февраля 1968 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за большие заслуги в деле защиты Родины, успехи в боевой подготовке и в связи с 50-летием Советской армии и Военно-морского флота объединение было награждено орденом Красного Знамени. 25 июня 1969 г. в соответствии с приказом Министра обороны СССР управление 29-го армейского стрелкового корпуса было переформировано в полевое управление 35-й общевойсковой армии. В то время в состав армии входило, управление, десяток ча-

стей армейского подчинения, 4 дивизии (в последующем будет развёрнута пятая), 1 укрепрайон и три бронепоезда. Дивизии и укрепрайон дислоцировались: 31 мсд в дальнейшем переформирована в 21-ую гвардейскую Витебскую ордена Ленина Краснознамённую ордена Суворова танковую дивизию (г. Белогорск); 192-я мотострелковая дивизия (г. Благовещенск, г. Свободный, г. Шимановск); 265-я мотострелковая Выборгская дивизия (г. Белогорск-15 – Возжаевка); 266-я мотострелковая Артёмовско-Берлинская Краснознамённая, ордена Суворова дивизия (г. Райчихинск); 12-й укрепрайон (г. Благовещенск); 67-я мотострелковая дивизия (г. Сковородино); 14-ый бронепоезд (с. Джалинда -г. Магдагачи); 15-ый бронепоезд (г. Свободный); 16-ый бронепоезд (г. Архара). Пройдёт совсем немного времени, как передо мной откроются все прелести и недостатки этой области. Она граничила на западе с 36 армией Забайкальского военного округа, непосредственно на Амурском выступе, стояла её ОДШБ (отдельная десантно-штурмовая бригада) – Читинская область. На Востоке с Общевоинским армейским корпусом, расположенным в Еврейской автономной области со столицей г. Биробиджан, которая была единственной в составе СССР областью со столицей, она и граничила с восточной границей Амурской области. В этой области на самой её Западной границы в г. Облучье, дислоцировался мотострелковый полк 266 мсд входящий в состав 35-ой армии.

Ещё не зная, что в этой армии предстоит пройти за 10 лет вёрсты своей жизни, мы с Серафимой Николаевной приедем туда молодой семьёй, с дочерью-первоклашкой, а возвращаться будем людьми, умудрёнными жизнью и превратностями судьбы, прошедшими через горнило испытаний сурового края и понявшими, сколь мало порой нужно для простого человеческого счастья. Дочь вырастет здесь, закончит школу, и выберет для себя профессию. А пока всё было хорошо, я был полон сил, стремления и желание поскорее начать осваивать новую должность. С семьёй после окончания академии поехали, как обычно к родным нам людям, чтобы провести его в кругу именно их, в родном нам крае. В другое место ехать отдыхать, желания, не было.

Поезд идёт на Восток.

Отгулял положенный после окончания академии отпуск. Семья села как обычно со мной с двумя чемоданами в купейный вагон поезда Москва – Владивосток и поехали мы дружной семьёй, к новым испытаниям судьбы. Хотелось самому посмотреть, да и жене, с семилетней дочерей показать необъятные просторы Родины. Нужно было торопиться – дочь шла в первый класс и нужно было решить: – где и в какой школе будет учиться, где будем сами жить? В купе – одна моя семья, состоящая из трёх человек. Транссибирский экспресс почти на семь суток стал нашим домом. Супруга попросила у проводницы тряпку и ведро и тщательно вымыла купе, диваны, окна, двери, зеркало. Сразу стало светло и весело. С окна вагона поезда раскинулась вся Россия от Москвы до нашей конечной железнодорожной станции Екатеринославка. Вагон обслуживали две женщины проводницы, делая всё, чтобы облегчить пассажирам вагона их путь. Погода была очень жаркая, в вагоне было душно, вагонный кондиционер не работал, дочь всё время говорила, что ей жарко. Супруга постоянно мочила марлю и протирала её. Многие тысячи городов и посёлков, нескончаемый людской водоворот. Гигантские промышленные объекты, потрясающие воображение. Незримые поля и леса, тучные пажити, луговины. Бесконечно меняющийся рельеф: впадины, взгорки, круто возвышающиеся левые берега рек, уступы гор. И дороги, дороги: большаки, перелески, асфальтированные шоссе.

От Москвы до Екатеринославки более двадцати крупных остановочных пунктов. Дочь взялась считать по пальцам, но потом бросила, мать не разрешила отслеживать движение по ночам. Проехали Урал, поразила его экзотика. А вот и Тюмень – город нефтяников. Омск – непокорённая столица Западной Сибири. Новосибирск – ведущий научный центр СССР и мира. Начиналась величественная Сибирь, в окно вагона просматривается её кедровый лес, а поезд всё шёл на Восток и уносил меня с семьёй к новым не известным нам ещё местам. Милая деревянная, выкрашенная в голубой цвет, станция Зима, известная по одноимённой поэме Евгения Евтушенко. Читаем на станционной табличке надпись

о том, что 8 октября 1897 года на станцию прибыл первый поезд, открывший регулярное движение по Транссибу сообщением, Зима-Москва. Совсем неизвестная станция с необычным названием Ерофей Павлович. Оказалось, в честь знаменитого русского исследователя, путешественника и предпринимателя Е.П. Хабарова. Прошли очередные сутки, и перед нами раскинулась Иркутская область. Забайкалье с его озером Байкалом-батюшкой, далеко под горизонт уходила сверкающая солнцем прозрачная гладь, расположенной в республике Бурятия, с лесами, бесконечной тайги, и холмами. Бросилось в глаза, что деревья здесь свалены вершинами почему-то в одну сторону. В памяти вдруг вспоминаются страницы истории русско-японской войны: переправа подкреплений по льду озера, строительство Кругобайкальской железной дороги, мохнатые лошадки казаков Забайкальского войска...

Поезд замедлил ход, пассажиры столпились у окон, многие бросили монетки на счастье. Смельчаки успели выскочить из вагона, окунуться в байкальскую воду и запрыгнуть обратно в вагон. А поезд всё шёл на Восток унося нас от этого, как нам казалось, благодатного края. Приближались к центру Забайкалья, по военным понятиям, её представляла Читинская область, которая размещалась в южной части Восточной Сибири и была восточней республики Бурятии. Проехали ещё сутки на Восток и вот граница, Амурской области, пошли уже седьмые сутки, нашего затянувшегося путешествия к новому месту моим вёрстам жизни, службы. Проехали первую станцию в области, со смешным названием Сковородино. Пришла мысль: «Что Запад есть Запад, Восток есть Восток и им вместе наверное не сойтись никогда». Поезд продолжал движение на Восток...

Мои дальневосточные гарнизоны

Екатеринославка

Солнце зашло, настала ночь, стали готовиться к выходу на станции Екатеринославка. Какая она мы ещё не знали. Наконец поезд остановился, проводница предупредила, за не-

сколько минут, что это будет наша станция. Я одел форму, и мы стали выходить из вагона, дочь капризничала, хотела спать. Платформы, как таковой не было, к которым привыкли за это время, а был насыпан щебень, которым засыпали деревянные шпалы железной дороги. Свет, на месте, где остановился поезд, тоже отсутствовал, только с тамбура вагона нам освещалось место нашего выхода. Попрощались с проводницей, пожелав ей счастливой дороги, семья покинула вагон.

Поезд тронулся, мне показалось, что я покидаю какой-то важный для себя отрезок своей жизни. Поезд ушёл, стали искать здание станции. В темноте от лунного света увидели небольшое стеклянное здание, подошли к нему, людей рядом не было, чтобы уточнить, что за здание. Зашли, внутри его увидели свет в небольшом окне. Подошли, как это оказалось, было рабочее место дежурного по станции. Разговорились, у него уточнил, как позвонить в воинскую часть. Дежурный дал свой проводной телефон и сказал номера, по которым можно дозвониться до части. Набрал первый указанный номер, мне ответил дежурный по части. Я ему представился, дежурный по части доложил, что полк весь находится на учениях и в части никого нет, кроме дежурного наряда. Докладил мне, что высылают ко мне двух солдат наряда штаба, чтобы донести наш багаж, т.к. транспорта у него нет, а местный автобус со станции в район части не ходит. Стали ждать прибытие солдат, чтобы добраться до части.

Итак, я тридцати однолетний капитан, с семьёй прибыл к новому месту службы. Пришли солдаты, и мы вместе стали выдвигаться в район дислокации части. Супруга была обута в обувь на невысоком каблучке. Асфальтированной дороги не было, был только щебень, которым и была отсыпана дорога. Взял дочь на руки и пошли в район размещения части. Ребёнок заснул на руках отца. Супруга вынуждена была сменить обувь, надеть тапочки. Наконец добрались до КПП (контрольно-пропускной пункт). Дежурный по КПП доложил, что дежурный по части меня уже ждёт перед зданием штаба части. Поставили свои два чемодана, дочь спала на руках отца. Супруга, застелила чемоданы плащом, я, положив

на них спящую дочь, оставив семью на КПП, сам пошёл в район штаба. Выслушав рапорт дежурного по полку, захожу в штаб. Это было одноэтажное щитовое здание, приспособленное под штаб полка. Дежурный, сорвав печать на двери, открыл кабинет и отдал мне ключ от него. В кабинете был стол, шкаф и несколько стульев, на стене висела карта СССР, небольшие портреты членов ЦК КПСС и заместителей Министра Обороны, зашторенная с печатью карта запасного района, для выхода полка по учебной тревоге. Познакомившись со средствами связи сел за стол.

С этой минуты я понял, что я капитан Неткачев Юрий Максимович являюсь начальником штаба этого прославленного 2-го Гвардейского Витебского Краснознамённого, дважды орденоносного орденов Суворова и Кутузова второй степени танкового полка — должен буду организовать работу этого штаба полка и его подготовку к выполнению задач, стоящих перед ним. Не жалеть для этого ни своего времени, ни сил, используя для этого, свои знания, полученные в прославленной академии и оправдать доверие тех лиц, которые назначили меня на эту должность.

Я, прекрасно понимал, что штаб — это диспетчерский пункт, а его начальник главный диспетчер. Сюда в штаб будут стекаться различные данные: об укомплектованности подразделений людьми и техникой, о качестве боевой учёбы и выполнении учебной программы, о наличии и расхода боеприпасов, моточасов, запасов продовольствия, ГСМ и др. материальных средств. Об их качестве. Наконец о состоянии здоровья личного состава полка и семей офицеров, сверхсрочнослужащих и прапорщиков. Именно сюда будут стекаться все распоряжения и приказы вышестоящих штабов и командиров. Штаб, кроме того, должен организовать службу войск — внутреннюю и караульную службу в полку в соответствии с требованиями уставов.

В кабинет зашёл дежурный, спросив разрешение, доложил, что ночь придётся переночевать в квартире холостяков (т.е. своей комнате он и был дежурным по части). В это время зазвонил телефон ЗАС, поднял трубку, голос телефониста сказал, что соединяет с командиром полка. Спросив разре-

шение, дежурный вышел. Я представился командиру и задал вопрос – какая моя помощь сейчас нужна? Командир меня выслушал, сказал, что учения закончились и полк с утра уходит на погрузку. Попросил по возможности контролировать прибытие эшелонов, сам он прибывает последним эшелоном. Передал мне, что дежурный по полку получил задачу разместить меня с семьёй до утра. А утром придёт начальник КЭС полка и разместит меня с семьёй уже в квартире. Так прошло моё представление командиру полка.

Постучались в дверь, зашёл дежурный по части с дежурным и дневальным по штабу и доложил, что этот наряд поможет мне разместиться до утра. Забрав наряд с собой, пошёл к супруге. Дочь уже спала, на приготовленной матерью перед моим убытием в штаб месте. Разбудив дочь, все вместе пошли в офицерский городок. Подошли к ДОСУ (дом офицерского состава) зашли в подъезд и поднялись по ступенькам. Это было общежитие холостяков. Щитовое одноэтажное здание. В комнате было две кровати, они были свободны. Наряд попросил разрешение и убыл в распоряжение полка. Мы стали с супругой размещаться. Она у меня была готова ко всему и понимала ситуацию, делая всё, чтобы облегчить по возможности наш быт в данных условиях. Застелив кровати находящимися в комнате газетами, и достав из чемодана простыни, все легли спать. Утром пошёл в полк. Дежурный по полку собрал оставшийся личный состав полка на плацу. Докладил мне. Так прошло моё первое знакомство с личным составом полка. Дежурный по полку был пропагандистом полка, ещё пока холостым и семья моя ночевала в его комнате. Кроме него в ней жил и секретарь комитета ВЛКСМ (Все-союзного Ленинского Коммунистического Союза молодёжи) полка. Супруга в это время сходила в магазин военторга. Он находился один в офицерском городке. Вообще городок состоял из нескольких блочных пятиэтажных домов и двух щитовых одноэтажных общежитиях – холостяков. Отдельно стояло небольшое здание, в котором размещался продовольственный магазин военторга. В них жили офицеров и прапорщиков семьи двух полков. Один из которых был танковый, а второй мотострелковый – нашей 31 мотострелковой

дивизии 35 Краснознамённой Общевойсковой Армии. Эта дивизия стояла в Прибалтике и в 1969 году прибыла в Белогорск, т.е. семь лет назад. Впоследствии узнаю, что в годы войны начальником политотдела дивизии был отец Роберта Рождественского, а мать – командиром медико-санитарного батальона этой дивизии.

Размещались эти полки рядом. Забора между их городками не было. Хотя территория обоих полков было огорожена общим деревянным забором. В городках полков находилось несколько щитовых казарм для личного состава, штабы, медицинские пункты полков, столовые, клубы. Была котельная в каждом полку и полковая баня для помывки личного полка, а на территории танкового полка, кроме того, размещалась гарнизонная банно-прачечная (для стирки белья). Каждый полк обеспечивал для себя, не снижаемый трёх месячный зимний запас угля, за который нужно было отчитываться каждый месяц.

Была и небольшая котельная в жилой зоне, для отопления домов и общежитий семей, и холостяков полков, магазина. Ответственность за её работу лежала на начальнике гарнизона. Запас угля был такой же, как и в котельных полков. Уголь, который прибывал в гарнизон, не отличался качеством, КПД, его был очень низкий. Это мы почувствуем уже в первую зиму, живя в квартире. На кухне под окном была проектом предусмотрена ниша, в которой зимой супруга хранила банки с соленьями и другие продукты вместо холодильника. Окна в квартирах в сильные морозы, как правило, промерзали, лёд постоянно был на стёклах внутри квартиры. Температура в квартире в эти дни не позволяла положить дочь в постель спать, предварительно не награв её своим телом одного из родителей. Только после этого могли положить ребёнка спать. Это действительно была большая проблема всех родителей, которые жили в этом гарнизоне. Газ для приготовления пищи использовали в квартирах баллонный, которые привозили раз в две недели централизованно. Надо сказать, что первая зима 1976-1977 года, мне показалась на редкость морозная, но как выяснилось в последующих годах, они все были такие холодные. Вот такой в то время был наш военный гарнизон – Екатеринославка.

Во второй половине дня прибыл первый эшелон. Его разгрузили, а техника, после сдачи пустых платформ, прибыла в парк полка. Парк представлял из себя, кроме стоянок танков; кирпичного здания – пункта технического обслуживания (ПТО); небольшой оборудованной мойки, на которой можно было мыть только автомобильную технику 1-2 месяца в год и только в летнее время года; будки – приспособленной под пункт заправки горючим; небольшого кирпичного здания контрольно – технический пункт (КТП) и несколько примитивных, если это можно назвать навесов. Вся территория парка была огорожена колючей проволокой. Рядом находился парк мотострелкового полка. В принципе он находился в таком же состоянии что и танковый. От КТП в глубь парка было положено несколько аэродромных плит, обозначающих дорогу на которой были нанесены знаки для проверки технического состояния тормозов колёсной техники и других параметров, при выходе её из парка, остальная дорога была обозначена кюветами, и красно-белыми столбиками. Вся колёсная техника хранилась под навесами, а гусеничная стояла на лежнях, которые были сделаны, или из брёвен, или из приспособленных электрических бетонных столбов. Все кюветы парка были красиво задернованными. Дороги парка обозначали красно-белые столбики. И всё это как-то скрашивали территорию парка. Он не выглядел разбитым и заброшенным. Входные и выходные ворота для колёсной техники и выходные (тревожные) для гусеничной техники из парка тоже были.

Прибывшая техника вставала на свои места, номера которых были обозначены табличками на натянутых тросах металлических столбов. Они были оборудованы для каждой стоянки подразделений. Дежурный по парку доложил, что прибыл очередной эшелон и встал под разгрузку.

Я выехал в район разгрузки. Прибыл первый танковый батальон. Комбат доложил мне о составе эшелона, т.е. сколько техники и личного состава батальона прибыло. Также доложил, что очередной эшелон прибудет только через сутки, так как порожняка нет, и только этот пойдёт туда после разгрузки. Платформа для разгрузки была боковая и почти под

весь эшелон. Уточнил у комбата метод разгрузки, приказал разгружаться всему составу после снятия креплений, поворотом влево, одновременно. Он мне уточнил, что так они никогда ни делали. Было ему сказано, будем учиться делать, ведь ученье продолжают для батальона.

Подавал команду – «танки слева». Батальон почти одновременно развернулся и техника сошла с платформ. Мы, таким образом, выиграли большое время. Эшелон, так называемый порожняк, пошёл под погрузку, а техника батальона начала выдвигаться в парк.

Батальон быстро зашёл в парк и техника заняла свои места. Комбату было приказано назначить внутренний караул из личного состава батальона и лично провести инструктаж. Мне было очень интересно узнать, как готовится личный состав для несения службы в карауле и во внутреннем наряде.

Прибыв в штаб, узнал, что из района учений на меня выходил командир полка. Приказал телефонисту выйти на связь и соединить с командиром полка. Связь была быстро налажена. Доложил командиру полка о выгрузке двух эшелонов и убытие подвижного состава в район погрузки. Когда я ему доложил о времени убытия второго подвижного состава, он удивился тем, что он, очень рано убыл. Я промолчал, как он был выгружен.

Комполка уточнил у меня, занял ли я квартиру? И получил от меня ответ, что ещё не занимался этим вопросом. Мне было сказано, какую квартиру я должен занять. Время было уже позднее. Пошёл домой перекусить и вернуться в полк. Нужно было проконтролировать подготовку наряда и проведение его развода.

Супруга рассказала, что из себя представляет магазин венторга и какие продукты там есть. Понял жить здесь, как-то можно, конечно, не как в Москве. Дочь рассказала, что познакомилась с детворой, которая гуляла около домов. Особенно ей понравилась одна девочка, которая приглашала её в гости. Был очень рад, что семья находит контакт с людьми, с которыми придётся здесь жить. Сказал на их слова, что вы у меня молодцы! Перекусив, пошёл в полк.

Супруга всё понимала, спросив лишь – когда ждать? Убедившись, что внутренний наряд готов для несения службы,

указал время развода наряда. Сам пошёл инструктировать дежурного по части и начальника караула с вручением пароля для смены. Время подходило к разводу наряда.

Полковой оркестр, прибывший с первым эшелоном, был уже построен для проведения развода. Военный полковой дирижёр был готов играть развод наряда. Подошёл к ним уточнил традиции развода, для своего интереса задал вопрос – знают ли «Славянку» и «Смуглянку»? получив положительный ответ. Приказал провести развод наряда, сам остался, чтобы посмотреть развод и при необходимости внести поправки в его проведение. Развод прошёл. Я сам почувствовал, что люди обучены и от этого на душе стало приятно.

Новый наряд приступил к приёму. Кому было положено о смене докладывать – докладывали дежурному по полку или мне по телефону. Получив разрешение на смену, менялись. Так прошёл первый день моей новой должности – начальника штаба танкового полка. Время уже показывало – около 23 часов. Я был очень рад всему, что я здесь увидел и меня очень порадовали именно традиции полка! Было очень приятно общаться с офицерами полка. Вообще со всем личным составом. Хотя полк и не был благоустроен, как в тех частях, где проходил стажировку, учась в училище. Но он не отличался ничем, где начал служить солдатом и потом, когда начал служить офицером в ГДР.

Эта родная, ставшая уже для меня часть, почему-то напомнила о той службе, когда был солдатом. Она была, мне казалось такой же, и напомнила о той, начавшейся службе и первых вёрстах жизни, несколько лет назад. Отдав необходимые распоряжения дежурному по части, пошёл к семье. Дочь уже спала и к великому сожалению, мне не пришлось послушать её о новостях детей во дворе. Супруга сказала, что очень она ждала отца. Так закончился мой очередной день в новом гарнизоне.

Около трёх часов ночи разбудил стук в дверь. Это был дежурный по штабу, который сообщил мне о прибытии колёсной техники с района учений. Быстро оделся и пошёл в парк полка. Прибывала своим ходом колёсная техника. Колонну

возглавлял начальник тыла – заместитель командира полка по тылу подполковник Гармаш Владимир Николаевич. С его слов понял, что прибыла вся колёсная техника, которая привлекалась на учение.

Техника быстро рассредоточилась в парке, заняв свои штатные места. Вместе с колонной, прибыло часть роты связи, с одним из командиров взводов. Стало рассветать. Так начинался очередной день полка.

В середине дня прибыл ещё один эшелон с техникой и на подходе оставался последний. Разгрузка эшелона прошла таким же методом, что и предыдущего.

К вечеру подошёл последний эшелон, с ним прибыл командир полка – подполковник Волянин Вячеслав Николаевич. Это был опытный командир, прошедший все командные должности – от взвода до командира полка. Я ему представился прямо на месте разгрузки. Он был рад. Уточнив у меня вопрос моего размещения, дал команду занять освобождающуюся квартиру зам потеха полка подполковника Оникия Сергея Вячеславовича. Тот должен был уже давно занять, выделенную ему новую квартиру, но делал там ещё косметический ремонт и почему-то затянул его.

Командиром было приказано – к 20 часам освободить занимаемое им помещение и ему доложить. А мне было приказано занять.

Комнату общежития, в которой я временно находился с семьёй, должны были занять жители этой комнаты, которые вернулись с учений. Приказ был выполнен.

И так я получил жильё, в котором проживу почти четыре года. С прибытием всего полка с учений, стал знакомиться со штатом полка. Полк входил в штат мотострелковой дивизии и был её главной ударной силой. Сам он состоял из боевых подразделений, подразделений боевого обеспечения, подразделений обслуживания и тыла. Штат мирного времени был более одной тысячи человек. В особый период он доукомплектовывался до штата военного времени небольшим количеством, офицерами, личным составом запаса и колёсной техникой, в основном для тыловых подразделений и подразделений обеспечения. Весь приписной так называемый

личный состав, периодически изучался в райвоенкоматах области. При необходимости с ним знакомились, выезжая в места его проживания или работы. Со всем этим мне предстояло познакомиться в ближайшее время. Чем я и занялся. Доложил план вступления в должность командиру полка, он с ним согласился. На следующий день, рано утром, взяв закреплённую за штабом машину, поехал в областной центр, т.е. г. Благовещенск. Расстояние до него было примерно 186 км. Это административный и научный центр области. В нём жило в то время 168 тыс. человек. История его была такова. В 1856 году на левом берегу Амура, близ впадения в него реки Зеи, был основан Усть-Зейский пост. Через год его преобразовали в Усть-Зейскую станицу, а в 1858 году она была возведена в ранг города, названного Благовещенском. Город стоял на равнине и хорошо был распланирован. Его перекрещивающие под прямым углом широкие улицы были обсажены тополями, ясенями, клёнами, вязами. Бросилось в глаза, что город благоустраивается и расширяется на север и северо-запад. Большими многоэтажными домами застраиваются улицы. Всё это я увидел, проезжая по улицам города. Обратил внимание на прохожих – почти у всех были добрые взгляды. Выехали на набережную. Она была одета в бетон.

Передо мной разливался Амур. Он был мощный в своём потоке, в нём была какая-то не понятная для меня сила. С его быстрым течением. И казалось, что нет такой силы, чтобы её обуздать. В период активного таяния снега на Саянах Амур поднимался до 7 метров и расплёскивался на десятки километров в ширину.

На берегу Амура я вспомнил март 1969 года, когда бывшая граница мира превратилась в границу войны. А ещё раньше, вспомнилась история страны, когда изучали предмет история. В училище и академии история военного искусства, что в 1929 году, Чан Кайши задумал захватить КВЖД. Войска Чан Кайши насчитывали около трёхсот тысяч человек с орудиями, пулемётами, самолётами. Был даже бронепоезд.

По решению Советского правительства командующий Особой дальневосточной армией В.К. Блюхер разработал операцию по разгрому войск гоминдановского маршала Чо-

нан Сюэ Ляна, подготовившегося совершить молниеносной поход к Байкалу, чтобы отрезать Дальний Восток от страны.

В.К. Блюхер решил нанести упреждающие удары. Операция началась 17 ноября одновременно ударами на забайкальском и приморском направлениях. На забайкальском направлении действовало две дивизии: 35-я и 36-я, а также Кубанская кавалерийская бригада К.К. Рокоссовского.

Уже 20 ноября В.К. Блюхер доложил правительству: «Противник разгромлен и беспорядочно отступает. Взято свыше 8 тысяч пленных, захвачен и командующий Северо-западным фронтом генерал Лян Чжунцзян со своим штабом».

И так нерешённые вопросы по пограничным спорам достались нам в наследство из-за возможности двоякого толкования договора, подписанного ещё между Российской империей и Китаем. В документе было записано так: «Граница проходит по современному руслу рек Аргунь, Шилка, Амур...» А что значит – «по-современному»? Русло реки со временем меняется...

С ухудшением братских отношений между КНР и СССР двусмысленность в договоре приобрели «зловещий характер». Этому способствовало и то, что «наш дорогой» Никита Сергеевич Хрущёв расформировал почти все дивизии в Забайкалье, в Сибири и на Дальнем Востоке. Китайцы знали, что наша граница практически не была прикрыта.

Кроме того, Хрущёв в мутных водах «оттепели» утопил нарождающиеся тёплые чувства между Москвой и Пекином...

Москва – Пекин. Москва – Пекин.
Идут, идут вперед народы.
За светлый труд, за прочный мир
Под знаменем свободы.

Эта песня Ваню Мурадели и Михаила Вершинина в одночасье потеряла актуальность сразу после знаменитого «секретного» доклада Никиты Хрущева на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза. Речь, зачитанная 25 февраля 1956 года, стала не только предвестницей будущего

распада СССР, но и послужила причиной событий, случившихся ровно – практически день в день – тринадцатью годами позже, весной 69-го.

Сразу после хрущевских антисталинских «откровений» китайская коммунистическая верхушка во главе с товарищем Мао не то, чтобы впала в ярость, но СССР другом считать перестала. Хотя и продолжала получать от него то ядерные технологии, то лицензию на производство истребителя МиГ-21...

Территориальные претензии начали появляться в китайской прессе сначала крайне аккуратно и без ссылок на высшее руководство страны. Особого внимания на них Кремль не обращал, хотя на некоторых участках границы уже начали происходить «инциденты». Пока без стрельбы, а только с оскорблениями советских пограничников и обвинениями их в «ревизионизме».

Чуть позже, когда пограничный режим в связи с этими провокациями был ужесточен, китайцы начали драться, но, опять-таки, обходилось без открытия огня. Напряжение нарастало и в начале 1964 года, Москва, не желавшая в условиях холодной войны открывать еще один «фронт» на Дальнем Востоке, решила пойти на переговоры с Пекином.

Поначалу все шло на удивление благостно... СССР даже согласился провести новую линию границы по середине фарватера на Уссури и Амуре. При этом все острова, находящиеся ближе к китайскому берегу, включая Даманский, переходили в собственность КНР.

Вот только Мао этого показалось мало, и он, летом того же года встречаясь с японскими социалистами, гордо заявил, что Поднебесной должна принадлежать вся территория СССР к востоку от Байкала. Камчатка, Хабаровск, Владивосток – аппетиты у товарища оказались совсем не скромными, зато они вызвали громадное воодушевление в китайской прессе: она тут же начала вещать о том, что Советский Союз каким-то образом «задолжал» Китаю полтора миллиона квадратных километров. Причем со временем «должок» включил в себя территории Средней Азии и вырос до всех трех миллионов. После такого продолжать переговоры было уже бессмысленно.

И вот тут стоит задуматься: а чем, собственно, руководствовался председатель Мао, год за годом накаляя отношения с СССР? Тем более, что китайская армия никакой особенной силой, кроме мобилизационного резерва, тогда не отличалась?

«Внутренняя политика Китая тех времен строилась на том, чтобы позиционировать себя как независимое от Советского Союза государство. Плюс претензии маоистов на лидерство в мировом коммунистическом движении. Поэтому политика их была антисоветской, и им нужны были любые предлоги для конфронтации. В качестве одного из таких предлогов выступали территориальные претензии, в частности «вопрос островов на Амуре и Уссури». Никакого хозяйственного смысла это не имело, и было нужно только для того, чтобы разогреть антисоветские настроения.

«Настроения» окончательно разогрелись к весне 1969 года.

Обстановка в районе Даманского начала обостряться с самого начала года. Группы китайских солдат в сопровождении гражданских демонстративно выдвигались на лед Уссури и направлялись к советскому берегу. В феврале наши пограничники впервые применили оружие, пока только в виде выстрелов в воздух, увидев автоматы в руках противостоящих им китайцев...

В марте 1969 года за небольшой остров на реке Уссури Даманский, в результате не прекращающихся китайских призываний на него в период со 2 по 15 марта 1969 года погибло 58 и было ранено 94 советских пограничника.

Этот клочок земли стал ареной кровопролитных боев, а каким оказался их главный военный итог?

Полновесный вооруженный конфликт начался 2 марта в 10:40, когда старший пограничного наряда на посту наблюдения рядовой Шевцов обнаружил движущийся к Даманскому вооруженный отряд и доложил об этом на заставу.

32 советских бойца-пограничника, не считая командира заставы, поднятые по тревоге, отправились навстречу нарушителям госграницы, не зная о том, что их ждет засада численностью около 300 человек.

По прибытии на место восемь наших пограничников во главе с командиром старшим лейтенантом Иваном Стрельниковым пошли по льду к открыто стоявшим нарушителям, а еще 13 направились чуть севернее...

Выстрелы зазвучали почти сразу же после того, как первая группа подошла к китайцам и потребовала покинуть территорию Советского Союза. Практически сразу все наши были убиты. Одновременно был открыт огонь и по второй группе пограничников, выжить из которой удалось лишь одному человеку.

Так начинался подвиг. К вечеру погибших и умерших от ран пограничников было уже 31. Еще 14 получили ранения. Данные о потерях с китайской стороны до сих пор достоверно не известны...

К вечеру китайские силы были отведены на западный берег Уссури, и обстановка, казалось, стабилизировалась. Вот только конфликт не был исчерпан! Страны обменялись дипломатическими нотами, а силы в районе Даманского продолжали наращиваться с обеих сторон.

Бои возобновились 14 марта, и в них принимали участие уже не пограничники, а непосредственно Советская Армия. Конкретно – 135 мотострелковая дивизия. Она-то и поставила точку в этих боях. Да еще какую!

Около пяти часов вечера 16 марта командующий Дальневосточным военным округом генерал-полковник Олег Александрович Лосик отдал приказ нанести артиллерийский удар по позициям НОАК из глубины советской территории. И заработали «Грады», тогда еще секретные, а их поддерживала ствольная артиллерия. Спустя 10 минут на западном берегу Уссури ни осталось ничего живого. Дальнейшие же попытки китайцев перехватить инициативу захлебывались, едва успев начаться.

Каковы итоги этого конфликта? Если говорить об итогах военных:

«Да конфликт был достаточно своеобразный, и военные не могли до конца использовать все свои возможности... Мы не хотели воевать с Китаем, понимаете? Терпели до последнего! И только когда китайцы перешли всякие края – тогда

только решили нанести удар реактивными системами. А в целом все сработало достаточно эффективно. Продемонстрировав лишь небольшую часть своих возможностей – авиация, например, вообще не применялась, – показали, что для Китая ввязываться в какой-то серьезный конфликт с СССР было бы фатальной ошибкой».

Добавлю, что 16 марта 1969 года реактивная система залпового огня БМ-21 «Град» была применена по реальному противнику впервые и это применение сочли соразмерным, достаточным и предельно эффективным. По крайней мере, военные провокации на советско-китайской границе прекратились. Таков был итог этого конфликта... Таковы были мои воспоминания тогда, когда впервые появился на берегу Амура.

А на противоположной стороне замаячили какие-то человеческие фигуры. Все были одеты в ватные телогрейки и брюки. Это были китайцы. Подъехала к набережной с противоположной стороны стояла машина, которая чем-то напоминала наш ЗИС – 105. Было как-то странно видеть недавнего врага (после событий на острове Дамаском) так близко, даже не требовалось бинокля. Да они для меня уже были врагами в то время. Которого, если потребуется, я должен буду уничтожить, дав команду подчинённым. Вся для меня эта картина была какая-то странная. Вот эти люди, одетые в телогрейки, могут оказаться врагами моей Родины. И я должен, именно должен буду их уничтожить, если они придут с оружием на нашу землю. Будут убивать наш народ. Я понял для себя, что у меня ни будет никаких сомнений, чтобы это сделать. Также понял, что нужно учить подчинённых и требовать от них выполнение программы подготовки в периоды обучения минимум – 100%. Понимая, что к реальному бою подготовить людей невозможно, но обученный всегда ориентируется в сложной обстановке и правильно примет решение. Поэтому при наличии времени необходимо повторять сложные темы обучения, как одиночной подготовки, так и в составе подразделения. И для этого не жалеть ни своего времени, ни времени подчинённых.

Принял для себя именно такое решение, стоя на берегу Амура. Постояв еще на берегу, поехал в областной военко-

мат для изучения приписанного к полку личного состава. Надо также было уточнить вопрос, где можно с ним познакомиться. Передо мной была – широкая площадь Победы с памятником амурцам героям Великой Отечественной войны.

Обратил внимание, что при въезде в областной город был оборудован пограничный контрольно-пропускной пункт (КПП). На нём проверяли документы. Было очень для меня странно, что я нахожусь уже в пограничной зоне. Это требовало дополнительной внимательности и бдительности. Да, это была приграничная территория нашего государства. Она для меня была священной. Она должна быть неприступной. Так нам внушали в училище, до этого, когда служил солдатом, в кинофильмах и даже когда учился в академии.

Проехал центральную площадь города, имени В.И. Ленина. На ней стоял памятник выдающемуся дальневосточному революционеру Ф.Н. Мухину. Просматривалось вдалеке массивное шестиэтажное здание, как потом выяснилось, что это здание Дома Советов, рядом с которым поднималось девятиэтажное здание гостиницы «Юбилейная».

Вот и здание Облвоенкомата. Уточнив все интересующие меня вопросы в течении – двух-трёх часов, забрав после этого, необходимые уточняющие документы, стал возвращаться в родной гарнизон. Уже было за полдень. Гарнизон находился на расстоянии. Дорога к нему была не асфальтирована, а в основном отсыпанная щебнем или просто укатанная за долгие годы, грунтовая, а путь предстояло преодолеть не маленький. Вспомнил недавно сказанную в полку кем-то из офицеров – фразу, что здесь на Дальнем Востоке: «100 км. не расстояние, а 100 рублей не деньги». Перекусив с водителем, что приготовила мне супруга в дорогу, начали движение, в Октябрьский район в Екатеринославку посёлок городского типа, основанный в 1894 году. Первые жители, давшие название селу, прибыли из Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровская область). Территория которой была 3382 кв. км., население насчитывала в то время на 1 кв. км. – 7, 1 тыс. человек.

Сёла здесь находились друг от друга на приличном расстоянии. Это было особенностью этого края. Просторы были

большие. Леса не было. Он был вырублен за все эти столетия, особенно в годы Великой Отечественной войны. Весь деловой лес уходил на нужды страны и строительство железных дорог, на дорогах он был использован в виде шпал, на которые после их пропитки, укладывали железнодорожные рельсы, или для строительства жилья и отопления жилья, жителей этих близлежащих районов, Поэтому территория просматривалась даже без оптических приборов на большое расстояние. В основном вдоль дороги рос различный кустарник, как потом окажется это был багульник, он расцветал в мае, расцветали: саранки, ирис, венерины башмачки и другие кустарники и было неопишимо красив. Были видны поля совхозов. Но пашни было мало, она, как правило, была в основном около населённых пунктов или недалеко от них. Земля здесь к августу месяцу оттаивала до полутора метров, а глубже была вечная мерзлота. А люди здесь занимались выращиванием всего того, что здесь могло расти. Как правило, сельскохозяйственные предприятия были убыточные и существовали на дотации государства. Правда в то время здесь я увидел для себя новую сельхоз продукцию – это будет соя. Которая будет использована в то время, только для оборонной промышленности т.е. из неё делали масло и др. продукцию.

Стало темнеть. Впереди стал просматриваться на расстоянии мерцающий огонёк. Это был очередной населённый пункт, который, как и предыдущие был на приличном расстоянии от дороги. Наконец показалась и наш пгт. Екатеринославка. Проехав ещё несколько километров, подъехали к нашему военному городку. Время часы показывали около – 22.00. Заехал в городок. Уточнив у дежурного по полку, все интересующие вопросы и заслушав его доклад, поставил задачу водителю о возвращении машины в парк, и доклад его дежурному по полку о прибытии в казарму. Попрошавшись с дежурным, пошёл домой. Время было уже почти 23.00.

Дома ждала супруга. Показала спящую дочь. Рассказала, что она делала за день. Сколько страниц прочитано её в очередной книжке. Что она снова расстроилась, что не увидела отца ни утром, ни вечером, и легла спать. Супруга всё пони-

мала и как могла ей объяснила, что это папина служба, его работа.

Разговор с супругой прервался из-за звонка телефона, поднял трубку, на проводе был дежурный по полку, который доложил, что пришла срочная шифротелеграмма из армии и дублирующая из дивизии. Шифровальщик – это солдат срочной службы, должен её довести до руководящего состава полка и доложить о её доведении по инстанции.

Так и не договорив с супругой начатый разговор, оделся и пошёл в полк, часы показывали начало второго ночи. Так прошёл мой очередной день в должности начальника штаба 2 г.в. т.п.

Разбираясь с приписным составом полка, который приходил на доукомплектование полка в особый период выяснил, что многие офицеры, приписанные к полку, были руководителями различных предприятий, в том числе и здесь в пгт. Екатеринославка. Рядовой состав был приписан в основном с автохозяйства, находящегося в г. Белогорске, который прибывал в составе двух взводов, для укомплектования автороты, в полном составе, на своей технике.

Штаб нашей 31мотострелковой дивизии и штаб 35 армии находились в г. Белогорске. Он располагался на Зейско-Буреинской равнине, вдоль левого берега реки Томи. Поверхность города была равнинная. Главные улицы протянулись вдоль реки, которая, набухая после сильных дождей, легко разрушала свои песчаные берега. Белогорцам приходилось их укреплять.

Город был хорошо распланирован. В последние годы он застраивался, как и Благовещенск, многоэтажными кирпичными домами. В восточной части города, на берегу Томи, зеленел небольшой, но красивый сосновый бор – остаток естественной растительности. Белогорск – был одним из старейших населённых пунктов Амурской области. Ещё в 1860 году здесь было основано село Александровское, возведённое в ранг города в 1926 году.

Белогорск – был крупным железнодорожным узлом, поэтому здесь возникли предприятия по обслуживанию железнодорожного транспорта. Отсюда отходила ветка железнодорожной магистрали к Благовещенску.

Находясь в центре обширной сельскохозяйственной территории, Белогорск стал крупным центром по переработке сельскохозяйственного сырья. По развитию пищевой промышленности он занимал в то время второе место в области, уступая только Благовещенску. В нём был крупнейший на Дальнем Востоке мясокомбинат, была макаронная и кондитерские фабрики. Для переработки зерна, которое выращивалось на полях области, в 1935 году был здесь построен мельничный комбинат, выпускающий муку, крупу и комбикорма. Продукция комбината вывозились и в другие области Дальнего Востока. В 1967 году здесь вошёл в строй самый большой на Дальнем Востоке овощеконсервный завод, выпускающий мясные и мясорастительные консервы.

Чтобы удовлетворить нужды сельского хозяйства в механизмах и запасных частях к ним, построен завод сельскохозяйственного машиностроения – «Амурсельмаш». Одно из самых молодых предприятий города был – шиноремонтный завод, ремонтирующий автомобильные шины не только для Амурской области, но и для Хабаровского края, Читинской области, Бурятской АССР.

Помимо 20 общеобразовательных школ, в городе были два профессионально-технических училища и экономический техникум.

Всё это я увидел и узнал несколько позже, а пока я решил для себя, что с Белогорском познакомлюсь, когда вызовут в штаб дивизии.

Как я уже отметил, основная часть рядового и сержантского состава приписанного на доукомплектование полка, была из Екатеринославки. Согласовав все вопросы с командиром полка, поехал знакомится с личным составом, прибывающим из Екатеринославки. В основном люди работали здесь. Поехал в обеденный перерыв. Народ, как оказалось был очень рад моему появлению. Выяснил, что к ним на протяжении 6-7 лет никто не приходил и не уточнял никаких вопросов. Познакомившись с руководителем сельхозтехники, который тоже был приписан в тыл полка замполитом автотроты. Попросил, чтобы собрали весь приписанный состав в любом помещении этого предприятия, где это возможно.

Собрали очень быстро, меня это обрадовало. Представившись, стал уточнять интересующие меня вопросы. В первую очередь, как и кто кого оповещает. Знают ли они, куда и в какие подразделения приходят? Знакомились и когда последний раз с командирами этих подразделений? Выяснив все вопросы, предложил каждому напомнить свою автобиографию. Рабочие с удовольствием рассказывали интересующие меня вопросы. Получился очень хороший разговор, которому были рады все. В конце руководитель поблагодарил меня за эту организованную с рабочими беседу. Я, уезжая, попросил его по возможности поехать со мной в г. Белогорск для знакомства с личным составом прибывающей в особый период двух взводов автороты. Он со мной согласился, попросив накануне поездки его предупредить. Тогда после этой встречи я понял для себя, что на этих людей можно положиться. Они не должны подвести. Ведь у них у каждого были семьи и, если потребуется, они будут их защищать до последнего вздоха.

Прибыв в полк, доложив командиру полка о результатах поездки и свои выводы. Мне было сказано командиром полка, делай как считаешь нужным. Полк занимался постановкой техники на кратковременное хранение после учений.

Я, занялся уточнением вопроса подготовки лиц суточного наряда. Вызвал к себе начальников штабов батальонов и командиров отдельных рот. Поставил им задачу, что с завтрашнего дня в установленное время, весь суточный наряд выходит на практический инструктаж на плац полка, а караул в караульный городок. Все одновременно выходят по сигналу дежурного сигналиста, который назначается от оркестра полка. До этого времени провести теоретический инструктаж в ленинской комнате или в классе подготовки караула в установленное расписанием время. Отпустив вызванных должностных лиц, пересмотрев существующий распорядок дня полка, внёс поправку. После обеда новый распорядок дня, утверждённый командиром полка, был доведён до всех должностных лиц. В вопросах организации службы я получил добро от командира. Мне было сказано, делай, как считаешь нужным.

Этих слов было для меня достаточно. Поставил для себя задачу, в течении 10 дней добиться выполнения распорядка дня в полку, по организации подготовки лиц суточного наряда. Изучил состояние караульного городка, приказал своему заместителю с командиром разведывательной роты капитаном Дервеедом В. И., которая отвечала согласно приказу по полку за его состояние. Привести его в порядок в течении недели. Сам стал все эти вопросы лично контролировать, включая и теоретическую, практическую подготовку лиц суточного наряда и его практическое несение. Как в казарме, так и в карауле. Я, проверял в разное время суток. Вызывал к себе должностных лиц, если обнаруживал недостатки сразу, тоже в разное время суток. Кому-то из них может это не нравилось, что их вызывали ночью, для устранения недостатков, выявленных мною.

Но я считал, что только так можно добиться положительных результатов. Именно это подтвердилось в скором времени. По полку пошёл разговор, о том, что начальник штаба вызывает тех должностных лиц, у которых обнаруживает справедливые недостатки. Служба наращивалась с каждым днём, и это стало заметно всем. Всем стало нравиться тот ритуал, который я вводил в вопросах подготовки лиц суточного наряда. Он позволял контролировать одновременно весь суточный наряд в вопросе его практической подготовки. Навязанные мной эти вопросы стали традицией для полка, даже после того, как я был назначен на другую должность в полку и ушёл на должность зам командира дивизии в другой гарнизон. Я увидел плоды пусть пока не очень большие своего труда, но они были. Меня это радовало. За это время, ознакомился с планом боевой подготовки полка. Уточнил, какие темы не отработаны и причины их невыполнения. Наметив план их реализации, пошёл к командиру полка со своими предложениями. Он, внося небольшие поправки в сроки, согласился с моими предложениями. За свой труд, который я увижу, предложил назначить на освобождающуюся должность начальника штаба батальона капитана Дервееда – командира разведроты. Командир полка со мной согласился и на него мной были оформлены документы. Он был на-

значен на эту должность и вскоре получил звание майора. А предшественник его майор Лисовских стал командиром 2-го батальона.

Приближалось 1-ое сентября. Нужно было решать, в какую школу дочь пойдёт учиться. Дети гарнизона учились и в п. Екатеринославка, школа находилась в самом посёлке, но туда нужно было ходить, пересекая железнодорожные пути. Протяжённость же этой дороги была и такая, что и до посёлка Таёжный – пять – шесть километров. В Таёжный ходил рейсовый автобус из Екатеринославки, как потом выяснится не регулярно. В школу Екатеринославки нужно было ходить только всё время пешком. Решили с супругой учитывая нахождение и безопасность более-менее дороги, что дочь пойдёт учиться в школу Таёжного. Так как он был в районе не далеко от нашего учебного центра, где находилось войсковое стрельбище гарнизона, танковая директриса и огневой городок, где стояли танки на качалках, предназначенные для проведения танкострелковых тренировок. На территории посёлка Таёжный, размещались стратегические резервы ГСМ, но его так называемый гарнизон был намного лучше благоустроен, чем наш военный городок. То, что здесь была своя школа, уже говорило о многом. В этой школе учились до восьмого класса, т.е. заканчивали дети, как правило, восемь классов и им нужно было переходить учиться в школу п. Екатеринославка, чтобы закончить десять классов. Все дети военного городка проходили именно этот путь обучения в школе. Такой путь обучения был практически у всех детей военнослужащих.

Дети наши учились не в одной школе. Они, как и их матери, переезжали с отцом не в один гарнизон и всё для них начиналось с начала – новая школа, новый класс, новые учителя и им везде нужно было привыкать ко всему новому. Но они стойко переносили, как и их мамы, все эти тяготы и лишения. Прекрасно понимали, что у их отцов была такая служба. Некоторым везло, но таких было меньшинство, которые начинали и заканчивали школу в одном месте со своим классом с начала обучения и до его окончания. Такие, как правило, жили в г. Москва или в других крупных городах. Здесь же была Амурская область Дальнего Востока.

Буквально за несколько дней до первого сентября, загорелся лес вдоль железной дороги строящегося БАМА. С полка было приказано создать оперативную группу, выделить личный состав и технику для тушения и убыть в район пожара и принять все меры к его ликвидации. Учитывая, что заместитель командира полка был на уборки урожая в Алтайском крае, командир полка в этой обстановке принял решение, что мне необходимо возглавить эту оперативную группу. Группа с личным составом буквально в считанные часы готова была убыть в район пожара и приступить к его ликвидации.

Попрощавшись с семьёй, убыл в район погрузки убывающих для ликвидации пожара. До места пожара по железной дороге добрались быстро. Горел лес вдоль самой железнодорожной трассы, он был тоже повален вершинами в одном направлении. Деревья росли здесь в зоне вечной мерзлоты, и их корневая система идёт не в глубину, а по радиусу вокруг ствола, поэтому при сильном ветре они падают, превращаясь в «мертвяки». Убрать же их порой невозможно, потому что там не существует никаких дорог.

Разгрузились быстро и приступили к его ликвидации. По рации связался с командиром полка, доложил ему обстановку и свой план тушения, попросив его уточнить, как будут пополняться продукты питания для группы, если не успеем потушить в течении нескольких дней. Пожар, к счастью, в результате большой смелости и решительности личного состава группы, был ликвидирован в течении нескольких суток. Мы вышли в район погрузки, но транспорт для возвращения нам не подавали. Пришлось связаться с руководителями железной дороги и призвать их к совести. Напомнив им, как было организована доставка в район пожара и как организована после его ликвидации. По всей видимости мои слова подействовали или что-то другое, но транспорт в скором времени был подан.

Прибыли в гарнизон, приказал командирам подразделений организовать помывку личного состава, вызвав к себе начальника вещевого службы полка. Передав через дежурного по полку довести это распоряжение, до заместителя ко-

мандира полка по тылу. Сам убыл домой, тоже мыться от пожарной гари. Супруга уже нагрела воды в титане, который нагревался небольшими поленьями, как правило, наколотыми из подручных материалов, найденных на хозяйственном дворе. Поиск дров это было для нас постоянной проблемой, где взять эти поленья, т.к. титаны не топились углём. Она знала, что я должен подъехать.

Дома меня очень ждали. Семье было, что мне рассказать за дни моего отсутствия. Дочь 1 сентября пошла в школу – первый раз в первый класс. Супруга поделилась впечатлениями о школе, куда будет ходить дочь и о первой её учительнице. Дочь наперебой с мамой делилась своими впечатлениями об учительнице и о классе. Супруга рассказала, как она везла дочь первый раз в её жизни в школу. Маршрутный автобус не приехал и всех детей с первого по восьмой класс, а таких в гарнизоне было около тридцати пяти, вынуждены были вести в школу на грузовой полковой машине, которая не была подготовлена для этого. Все девочки в белых фартуках перепачкались, и стали похожи на трубочистов. Вот такие впечатления остались у детей от первого сентября. Как выяснилось потом, что на протяжении нескольких лет, маршрутный автобус, особенно зимой, не ходил и дети до школы добирались пешком или на непригодных машинах для их перевозки, выделенных из частей гарнизона. Но теперь при всех препятствиях и недостатках, появившихся для посещения школы дочерью, тем не менее за свои «тылы» я был спокоен и мог продолжать работу полностью отдавшись ей. Занятия с офицерским составом управления полка и батальонов позволяли в полной мере применять полученные знания в академии на практике. День ото дня росла уверенность в своих силах.

В октябре в округ прибыл новый первый заместитель командующего войсками Дальневосточного военного округа генерал-лейтенант Дмитрий Тимофеевич Язов. С которым я столкнусь не раз, командуя полком и дивизией. Он через несколько лет спустя, будет вручать мне диплом об окончании академии Генерального Штаба, станет Маршалом Советского Союза и министром обороны нашей страны. Это будет потом, а пока я начальник штаба 2-го танкового полка 31 мсд.

Командир полка ушёл в отпуск, оставив меня за себя. Недавно горела тайга и снова беда, но на этот раз взорвался склад боеприпасов в Ванино. Было приказано создать оперативную группу, выделить в неё личный состав, инженерную и колёсную технику. Возглавил её только не давно прибывший с уборки урожая заместитель командира полка майор Воронцов Иван Сергеевич. Прибыли платформы, полк загрузил выделенную полковую технику, попрощавшись с заместителем командира полка я поехал в городок проводить развод полка, время приближалось к 9.00 утра. Полк был построен, командир первого батальона доложил мне. Стал проводить развод. Вызвал к себе офицеров полка для уточнения задачи дня, в связи с убытием части личного состава для тушения пожара. После уточнения задачи подчинённым, стал под оркестр, как обычно, проводить развод подразделений полка для решения и выполнения полученных ими задачи дня. На территорию части в это время с Белогорска на двух машинах заехал командующий армией генерал-лейтенант Полищук М.И. Дежурный по полку не успел мне доложить о его прибытии в гарнизон. Командующий армии увидел картину развода полка. Когда я подбежал к нему, чтобы доложить, чем занимается полк. Первое, что услышал: «всё музыка, марши, разводы, а техника до настоящего времени не загружена». «Там пожар, люди ждут помощи». «Капитан трое суток ареста!». Ответив ему-«есть трое суток ареста». Уточнил у него – когда отбывать? Услышал ответ– после прибытия командира полка из отпуска. Приказал сесть к нему в машину. Поехали на место погрузки, там он убедился, что техника полка уже давно загружена, а мотострелкового только подходила в район погрузки. К нам подошёл военный комендант, прибывший для контроля, доложил ему о неготовности к погрузке техники мотострелкового полка. Командующий приказал вызвать в гарнизон командира дивизии полковника Солошенко. Через три часа командир дивизии прибыл. Эшелон же к этому времени ещё не был отправлен. Какие там были разборки, командующего с командиром дивизии мне не было известно. По прибытию командира дивизии в полк мной было ему доложены все обстоятельства, и какое

взыскание мне наложил командующий. Полк продолжал готовиться к новому учебному году, занимаясь переводом техники на режим осенне-зимней эксплуатации.

Через полтора месяца вернулся командир полка из отпуска, доложив ему какое взыскание на меня наложил командующий и за что, за время его отсутствия. На следующий день убыл отбывать наказание в город Белогорск. Прибыв в штаб дивизии, взяв записку об аресте, поехал на гарнизонную гауптвахту. Перед моим убытием со штаба дивизии, комдив приказал зайти к командующему армии. Штаб армии был почти рядом. Доложив командарму о цели прибытия. Выслушав меня, пригласит попить с ним чаю. Была беседа, из которой я понял, что я делал всё правильно, а он меня так изучал. Пожелав мне успеха в дальнейшей службе. На прощание мне сказал так держать и на него не обижаться.

Вот так проходило моё становление в должности начальника штаба полка в первые месяцы пребывания в должности, в этот же день вернулся в часть и приступил к исполнению своих служебных обязанностей. Поняв лишь одно из пережитого, что труд людей здесь на Дальнем Востоке оценивается по результату только твоей личной работы, и твоего личного вклада. Полезное было одно от этой поездки, изучил г. Белогорск и побеседовал с командующим армии. Наказание не состоялось, гауптвахту не посещал.

Климат здесь отличался от того, к которому привыкли с детства. Как правило, в конце августа было до обеда очень тепло, но буквально через некоторое время, нужно было менять одежду. Становилось прохладно на глазах, и кто этого не делал, то мог простыть, особенно дети. В начале мы дома, как-то не обратили внимание на это. Дети все бегали после обеда и школы во дворе. Многие стали простывать, в том числе и наша дочь. Детского врача не было, но этим занимался наш начальник мед. службы полка-майор Арутюнов Валерий Сергеевич. Это был всесторонне подготовленный врач. Он любил свою профессию и постоянно учился. Родители его жили в Таджикистане, дед его был профессиональным революционером, а отец боролся с басмачами. Как говорилось в то время – большевистская семья. Мы ещё с вами чи-

татель, вернёмся не раз к этой фамилии и этому человеку в дальнейших моих воспоминаниях.

Первая моя самостоятельная работа, как начальника штаба полка, проявилась в разработке полкового плана боевой и политической подготовки полка на год обучения, после получения руководящих документов – Приказа Министра обороны и Командующего Краснознамённого Дальневосточного Военного округа на новый учебный год. Он состоял из двух планов – зимнего и летнего периодов обучения. Зимний, как правило, утверждался – в ноябре, летний – в мае после уточнения отдельных вопросов, недоработанных тем зимнего периода обучения. То есть годовой документ, если можно, так сказать, состоял из двух планов – летнего и зимнего периодов обучения, получалось, что он составлялся на каждые два полгода. Надо было определить темы, количество часов по каждой дисциплине каждому подразделению полка в зависимости от специфики его предназначения (разведчикам, сапёрам, связистам, ремонтникам, автомобилистам, специалистам тыла). В плане должна быть заложена периодичность подготовки подразделений, количество стрельб, учений их масштабы (ротные, батальонные), их сроки проведения, средства усиления, расход моточасов и моторесурсов. На каждую тему для каждого подразделения и полка в целом расход боеприпасов на каждые стрельбы и учения с боевой стрельбой, выделение материальных средств (дизельного топлива, бензина и т. п.) на обеспечение жизнедеятельности полка.

Просидел я над ним не одни сутки (дни и ночи). Мой заместитель убыл в отпуск, так как он не попал в свой график отпусков по уважительным причинам уезжал на учение с полком, когда меня ещё не было. Год заканчивался, и он должен был его отгулять. Посоветоваться было не с кем. В этой сложившейся для меня обстановке, я тесно работал с начальниками служб полка, они были в должностях не один год, и это облегчало выполнение поставленной задачи – составление плана. Через некоторое время план был готов, обговорен с соответствующими должностными лицами. Согласован. Подписан. Осталось представить его на подпись командиру

полка, с прибытием его из отпуска, и утверждать в дивизии. Начинаю ещё раз проверять расчёт часов. Почему – то не совпадают по отдельным темам, количество часов. Снова собираю начальников служб полка. Начинаем считать. Просидели и просчитали всю ночь – гоняя цифры вдоль и поперёк. В то время считали на бумаге. Ошибки были найдены – оставалось перепечатать несколько листов плана и его можно представлять на подпись и утверждение.

К слову сказать, все командиры батальонов и большинство начальников служб полка и заместителей командира были старше меня по возрасту, а многие и по званию. И я – капитан. Надо было выбрать линию поведения. Ровная требовательность, доступность, вежливость, пунктуальность, никакого панибратства ни с младшими, ни со старшими – вот стиль работы, которой я придерживался на всей протяжённости службы в полку. И не ошибся. Так как вскоре ещё находясь на должности начальника штаба полка у меня установились добрые отношения с заместителями командира полка, командирами батальонов. С начальниками служб полка было проще, так как некоторые были моими ровесниками.

Пригодились и знания, полученные в академии. Но я продолжал учиться. Командир полка, по возвращению из отпуска, возложил на меня занятия с офицерами полка. Сам пытался уйти от них в силу своей специфической (он имел только образование – сдал экстерном за училище) подготовки. Поэтому всё это потихоньку перешло ко мне, т. е. под мой контроль. А следовательно, позволяло лучше знать подготовку полка и повышать личный авторитет.

Все три комбата – имели большой практический опыт в подготовке подразделений. Командир же полка держал их всех на расстоянии, все указания им доводил через меня, что их порой обижало, особенно заместителей. Он, отчитывая их за допущенные ошибки, сам, не повышая голоса, умел унижить человека. Так постепенно и заместители командира, и комбаты, и начальники служб все свои вопросы стали решать через меня, не желая вступать в контакт с командиром. Последнего, видимо такое положение устраивало. Я взял на

себя боевую подготовку непосредственно подчинённых подразделений (разведроты, роты связи, комендантского взвода). Впервые за много лет с новым командиром разведроты провёл учение. Поняв для себя, что роте ещё много нужно постичь в обучении для того, чтобы быть уверенным в её готовности к реальным боевым действиям. Приказал начальнику разведки капитану Быстрову, составить реальный план по устранению выявленных недостатков, которые были выявлены в ходе учения и утвердить у меня. Начальник разведки сам был очень хорошо подготовленным, он закончил академию Советской Армии, владел не одним иностранным языком, в том числе китайским в совершенстве. Так получилось у него в службе, что он был подполковником, а стал капитаном. Супруга его работала на местном телевидении в г. Благовещенске. Ехать в Екатеринославку не хотела. На этой семейной почве он сломался и стал употреблять спиртное. Мои с ним проводимые часто беседы давали результаты. Он получил снова звание майора. Но после моего убытия с полка и развода с женой, всё повторилось сначала. В итоге он через несколько лет, находясь в пьяном состоянии, обморозил руки и ноги. Врачи долго боролись за его жизнь, но не спасли. Вообще это был очень грамотный и трудолюбивый офицер, болеющий за свою службу. У меня о нём сохранились, только лучшие воспоминания. Как о хорошем человеке. Рота же связи была практически готова, я был очень признателен за это – начальнику связи полка мойру Галиеву и командиру роты связи капитану Киселёву. Это были офицеры, болеющие за подготовку роты и делали всё от них зависящее, чтобы рота всегда была готова к любым проверкам и выполнению любой поставленной задачи. Через несколько лет я увижу этих офицеров снова, когда буду командовать танковой дивизией. Один из них будет командиром батальона связи, другой будет начальником связи дивизии.

Тяжкие времена наступали в гарнизоне с приходом зимы. Начиналась борьба за выживание. В сорокаградусный мороз это могла быть катастрофа, если котельные выйдут из строя. Здесь трудно доверится, даже проверенным и дельным людям. Местный райчихинский уголь плох, не давал градуса.

Как не старались, а в самые лютые морозы температура в помещениях не превышала пятнадцати градусов. Солдатам выдавали летнее и тёплое зимнее нательное бельё для одновременного ношения, по две пары портянок, закрывали глаза на ношение «вшивников», присылаемых из дома. При температуре ниже двадцати пяти градусов под шинели надевали ватные куртки-телогрейки, а личный состав танковых экипажей получал – тёплые танковые комбинезоны иногда и на меху. Личному составу выдавали валенки, которые сушить по ночам до утра, иногда это была проблема высушить, т.к. температура в сушилки была такая, как и в казарме. Караульную службу несли в тулупах и валенках, смены сокращали до часа. Службу порой несли в масках. Сапоги натирали половой мастикой, защищавшей от промокания и державшей тепло. Главное требование и условия жизни и быта, было – не заморозить людей, особенно на полевых выходах, обычно превращавшихся в перманентную заботу о сохранении тепла. И в этих условиях умудрялись без срывов проводить стрельбы и вождение.

Гарнизон переживал очередную холодную зиму, а для меня первую! Подразделения двух соседних полков гарнизона выполняли планы боевой подготовки. Наступил март месяц. Из его одних из дней, где-то в середине его, гарнизон был поднят ночью по тревоге. С мотострелкового полка, находясь в суточном наряде по роте, ушёл солдат – пулемётчик со своим пулемётом и полным боекомплектом к нему. Начали искать в близи гарнизона. До утра он не был обнаружен. Утром прилетел Командующий Армией – генерал-лейтенант Полищук, собрав управление полков, приказал искать группами из трёх-четырёх человек во главе должен быть офицер. Мне была поставлена задача: «розыск организовать на закреплённой машине, при себе иметь средства связи». Был намечен квадрат розыска. Сел в закреплённый за штабом ГАЗ-69, забрав связиста с переносной радиостанцией и снайпера с разведроты. Одевшись в шинель и вооружившись закреплённым – ПМ с двумя магазинами, выдвинулся в указанный квадрат. Квадрат находился от гарнизона на удалении 20-25 км. Начали проезжать все населённые пун-

кты в этом квадрате, заезжая на молочные фермы, расположенные в них. Так после проверки нескольких населённых пунктов в одном, был обнаружен наш беглец. Доложив по радиации об обнаружении, получил задачу задержать, не дать уйти с молочной фермы. Мне работники фермы указали, где он находится. Выслав снайпера развед роты занять огневую позицию в здании на соседней ферме, сам стал подниматься на чердак. Увидел картину – лежит солдат на соломе заняв наблюдательный пункт около окна, рядом стоит его пулемёт. Незаметно подошёл к нему и задал вопрос – что он здесь делает? Надеюсь, что снайпер, высланный мной, его наблюдает. Солдат от неожиданности вздрогнул и испугался, но видя, что мой ПМ в кобуре на ремне заплакал. Он мне рассказал, почему ушёл, что его на это толкнуло. Выслушав его внимательно, уточнив биографию, предложил спуститься вниз и поехать со мной. Солдат без всякого сопротивления выполнял все мои команды. Когда я взял его пулемёт то обнаружил, что патрон был в патроннике, но сам пулемёт стоял на предохранителе. Спустились. Доложив о задержании по радиации, стал ждать командарма на вертолёте. Минут через 30-40 приземлился вертолёт. Вышел командарм и с ним представители военной прокуратуры армии. Рассказав командарму Полищуку все подробности задержания, и что узнал о причинах ухода солдата. Командарм поблагодарил меня за оперативность и находчивость при задержании, решил возвращаться в гарнизон. Дав всем команду «отбой» по розыску.

Так впервые от солдата, я узнал о дедовщине в мотострелковом полку. Меня это очень взволновало. Ведь солдат у нас был самым незащищённым в Вооружённых Силах. Невольно вспомнилась моя срочная служба и отношение ко мне сослуживцев и моих командиров. Тогда дедовщины не было. Ведь это было так недавно не прошло и пятнадцати лет с того времени, а всё поменялось не в лучшую сторону. Ведь когда командовал, взводом, ротой этого не было. Неужели с приходом в войска призывников, которые были до службы на учёте правоохранительных органов или уже отбывали сроки в детских колониях, всё поменялось ? Наверное, это было

именно так! Но я в тот момент посчитал, что здесь виноваты мы офицеры, которые допустили этот негатив в армейском коллективе, т.е. не дорабатывали в вопросах заботы о них и товарищеского отношения к ним. Вспомнил свой первый, будучи офицером взвод. Своё отношение к подчинённым и отеческую заботу о них. Подумал, а где упустили эти традиции, и кто виноват? Ответа не находил.

Прибыв в часть, собрал офицеров и командиров подразделений, довёл до них причину ухода солдата, в заключении сказал – каждый для себя должен сделать вывод из этого случая. В родном полку были пока другие традиции по сравнению с соседним полком. Здесь были танковые экипажи, которые должны были быть, как одна семья. Ведь случись, что придётся реально выполнять боевую задачу. Значить всему экипажу возможно придётся отдавать свою жизнь вместе, т.е. погибать. Поэтому здесь и жили экипажи, как одна семья, и никто даже не спрашивал никогда, какой, кто, национальности. Каждый просто, выполнял свои обязанности. Так жили все экипажи танковых частей, соединений и объединений Советской Армии.

В полку, некоторые офицеры на момент моего прибытия прослужили на Дальнем Востоке по 15-20 лет, а начальник ПВО – 25 лет, так и уволился из полка без замены. Действительно, тогда не существовало никакой замены в полку, и многие десятки офицеров прослужили здесь десятилетиями, т.к. Амурская область не была заменяемой. Все привилегии в ней были лишь одни, это 45 суток отпуска и добавка 10% к должностному окладу. Только на десятом году моей службы в Амурской области, вышел приказ МО СССР – считать год службы в ней за полтора.

В первые же годы службы на Дальнем Востоке я убедился: что не было справедливости в походе службы офицерами. На Дальнем Востоке, начиная от командующего до прапорщика, служили безвыездно по 25-30 лет. Ротация офицерских кадров исключительно внутри округа, с Приморья на Чукотку, из Амурской области на Сахалин или Курильские острова. В то время как Московский, Киевский и другие западные округа осуществляли замену офицеров в группы

войск в Германии, Венгрии, Чехословакии, Польши. И дело было не в климатических условиях, а в разнице денежного довольствия, льготах. Некоторые офицеры по несколько заходов служили за границей.

Это породило торгашество и практику подношений «сувениров». Направлялись солдаты и в гражданские организации зарабатывать марки, кроны, форинты. Всё это делалось цинично под лозунгом «интернациональных связей, укрепления дружбы», на самом же деле обогащения начальников.

Тем не менее жизнь шла своим чередом. После весенней проверки, а нас проверяла комиссия армии – все, кто отчитался на «отлично», получили поощрения по службе в виде предоставления краткосрочного отпуска (10 суток плюс дорога) с поездкой на родину. Штаб вовремя оформил документы, и несколько лучших солдат и сержантов, которые получили документы, разъехались по домам. Все они отгуляли отпуск и вовремя вернулись в полк.

В середине мая месяца 1977 года в полк приехал корреспондент из газеты «Красная Звезда». Им была написана статья о работе нашего штаба, возглавляемого мной. Вышло две статьи. В них изложено о методе и стиле моей работы, которую наблюдал корреспондент на протяжении нескольких дней.

Лето выдалось особо жарким. Полк продолжал выполнять летний план боевой подготовки. С дивизией, армия проводила КШУ (командно-штабные учения), на них привлекались все штабы полков. Это для меня была первая проверка, как начальника штаба полка в этом вопросе.

Учение, как всегда, начинались с тревоги. Среди ночи полк подняли по тревоге, и штаб направили по просёлочным дорогам Амурской области. Ни огонька, ни ориентира. Все движения только по компасу и карте, сверяя пройденные километры. Полку предстояло совершить 100 – 110 километровый марш и во встречном бою разгромить «противника». Все действия полка обозначал штаб на бумаге, по тем вводным, которые вручал нам посредник. Нам же предстояло обозначить все действия полка только на картах, с отработкой всех документов. На все вводные, которые нам вручал посредник,

штаб реагировал мгновенно, подтверждая свои действия отработкой всех положенных распоряжений, как на карте, так и письменно – распоряжениями. Решение командира соответствовали складывающейся обстановки и приводились в жизнь незамедлительно и решительно. На этих учениях я сделал лично для себя вывод – способен управлять штабом. Но были вопросы: чему ещё нужно учиться самому и учить штаб в дальнейших тренировках в отработке документов, в ведении рабочей карты, в быстром оформлении макета местности для организации взаимодействия и выкладки на нём решения командира полка, и др.

Полк продолжал выполнять план боевой подготовки (БП), готовясь к осенней проверке. Бралась все предметы обучения на контроль. Как правило, в конце недели подводились итоги с командирами батальонов и начальниками служб, иногда привлекались командиры рот отдельных подразделений. На них уточнялись вопросы по выполнению программы БП. Иногда приходилось с отдельных спрашивать за невыполнение и упрощение тех или иных занятий. Всё это было направлено, только на усвоение качественно всех вопросов.

Был составлен график проверки всех наших подразделений управлением полка. Проверка показывала, какое подразделение готово к проверке, какому ещё нужно готовиться. Много было вопросов к состоянию хранения техники. Было очень много дефектов, которые требовали устранения. Особенно колёсная техника. Не хватало запасных частей для устранения выявленных недостатков. Командир полка приказал, заместителю по технической части и начальнику авто службы полка, уехать в город Белогорск и доложить заместителю командира дивизии и начальнику авто службы дивизии о всех имеющихся проблемах и не возвращаться оттуда до тех пор, пока они не будут решены положительно.

У меня было заведено правило, я два – три раза в неделю в разные дни проверял внутренний порядок в подразделениях полка. Это было, не то, что недоверие командирам батальонов. Но есть пословица – доверяй, но проверяй. Это осталось у меня ещё, когда командовал ротой, только тогда я проверял ежедневно в роте, это вошло уже у меня в

привычку. И это было иногда темой разговора во время подведения итогов за неделю и стимулом для рот полка. Да и командирам батальонов было иногда неприятно за порядок в подчинённой роте. Так подтянулся внутренний порядок в полку, и командир полка всегда был уверен, что он никогда не будет краснеть перед старшим начальником за этот вопрос. Вообще территория части была распределена между подразделениями полка, и она контролировалась. Она была всегда на высоте, было приятно заходить на территорию, этот вопрос контролировал заместитель командира полка по тылу и с него был спрос. Вот такие были заведены традиции в полку. Проверая внутренний порядок в подразделениях, я старался замечать работу командиров всех рот в этом вопросе. Хвалить одних и указывал на недостатки другим. Требовал, чтобы сходили в лучшее подразделение и посмотрели на свой порядок и внутренний порядок этой роты. Это естественно тоже стимулировало их, и они тянулись и старались, чтобы их тоже похвалил начальник штаба полка. Мною заведён был порядок – в пятницу в 17.00 проверять все расписания рот на неделю. Их, как правило, представляли начальники штабов батальонов и начальники служб полка, все эти должностные лица представляли их вместе с командирами подразделений. Если я находил ошибки, то они устранялись тут же в моём кабинете в виде переписывания расписания. Так я добился не формального подхода к этому вопросу начальников штабов батальонов и начальников служб полка. Моя проверка заставляла их вникать в вопросы выполнения программы боевой подготовки подразделений. Относиться к этому вопросу не формально. Зная, что с них будет спрос за её выполнение. Одновременно утверждал или контролировал конспекты занятий, которые они проводили лично в подразделениях.

Так полк незаметно подошёл к осенней проверке. Я был уверен во всех подразделениях, что они не подведут и успешно отчитаются по всем выносимым предметам обучения.

Полк сдал осеннюю проверку, получив твердую оценку «хорошо». Подводя ее итоги, выступая перед личным составом полка, член Военного Совета – генерал-майор Титов,

предложил тогда личному составу выступить инициатором социалистического соревнования в округе – называться лучшим танковым полком. После его выступления, в полку прошли обсуждения этого предложения в партийных и комсомольских организациях подразделений. Прошло общее собрание полка, на котором было принято решение – бороться за звание лучшего полка округа. Подходил к концу 1977 год.

Утром 30 ноября 1977 года строю для развода полк, и докладываю командиру полка, как обычно. Командир заслушивает мой рапорт, выходит, на трибуну и зачитывает приказ Министра обороны СССР от 24. 11 1077 года, о присвоении мне звания – майор досрочно и вручает мне погоны.

А в обед командир полка по телефону ставит мне задачу – после обеда построить полк и вынести Боевое знамя полка. К нам в гарнизон должен прибыть командующий на вертолёте. Я только успел перешить погоны. Командир полка, как начальник гарнизона должен его встречать. После обеда прилетел Командующий Армией генерал-лейтенант Полищук М.И. Полк был уже построен и вынесено Боевое Знамя полка, ждём командующего. Заехал уазик и вышел Командующий Армии – докладываю ему. Вместе с ним прилетел член Военного Совета генерал-майор Титов. Они вместе выходят на трибуну плаца полка, и Командующий армии объявляет приказ о назначении – командир нашего полка полковника Волянина, начальником отдела боевой подготовки 35-ой армии и объявляет приказ Министра обороны СССР от 30 ноября 1977года о назначении меня командиром 2-го Витебского, Гвардейского, Краснознамённого, орденов Суворова и Кутузова второй степени, танкового полка. Сменяемый командир полка полковник Волянин прощается со знаменем. Полк торжественным маршем в последний раз проходит перед своим командиром, сделавшим много хорошего в вопросах жизни и деятельности полка, в организации боевой и политической подготовки. И так я стал командиром полка. Проработав в должности начальника штаба полка больше года. Это была для меня хорошая школа – как для укрепления интеллекта, ума, так и для утверждения характера.

Командир полка! Это очень ёмкая фраза и ещё более ёмкая должность. Она обязывает человека, занимающего эту должность, знать всё, что делается в полку, решать все вопросы жизнедеятельности полка, обеспечивая его всем необходимым. Никто другой, кроме командира полка, не направляют усилия этого коллектива на решение поставленных перед ним задач. Эта должность обязывает командира досконально знать своих людей, заботиться о них, помогать им в трудную минуту.

Он и только он несёт полную ответственность перед государством за подготовку полка, его боевую и мобилизационную готовность, состоянии воинской дисциплины среди солдат, сержантов и офицеров. Он отвечает за поддержание в постоянной готовности к действию всей техники и вооружения полка. Наконец, он должен быть примером во всём для своих подчинённых – в исполнении своих служебных обязанностей и отношениях в семье. За ним ежечасно и ежеминутно внимательно наблюдают тысячи глаз, оценивая все его действия и поступки. И тут уже не увильнёшь, не закроешься ладошкой. Что есть, то есть. Он постоянно в центре внимания, все его действия на виду у коллектива всего полка. И если покривил душой, в чём-то спасовал, выгородил себя и переложил вину на другого – коллектив не простит, вера в командира будет подорвана. Это и хорошо, и плохо. Хорошо – потому что не даёт расслабиться, а плохо то, что людям свойственно ошибаться. И боязнь ошибиться иногда сковывает инициативу командира.

Начальником гарнизона согласно приказу командующего войсками КДВО, являлся командир 2 гв. т.п. Таким образом, на меня в одночасье навалились две ответственные задачи – возглавить полк и решать все гарнизонные задачи.

Так как гарнизона состоящий из двух полков, был далеко от дивизионного начальства, то оно не баловало вниманием наш гарнизон. Кроме этого, в гарнизон ещё добавился отдельный реактивный дивизион, подчиняющийся дивизии. Меня лично это устраивало. Не надо было оглядываться, ждать какой-то подсказки. Всё надо было решать самому. Это приучило к самостоятельности в решениях и действиях, и очень

помогало мне в дальнейшей службе. В те годы замены офицерского состава, скажем, как в отдельных районах Дальневосточного Округа, в Амурской области не было. Отдельные офицеры здесь служили более десяти-пятнадцати лет и более. Была тогда такая поговорка: «В Амурскую область служить, ворота открыты широко, а выбраться – толь через щель». Выход у офицеров был только один – поступить в академии. Ни о какой замене офицерского состава, не могло идти и речи. Безусловно, это спланивало коллектив, но очень мешало росту офицеров в должности. Я с большим удовольствием вспоминаю офицеров полка, с которыми служил в это время.

Меня назначили командиром полка, а обязанности начальника штаба я временно возложил на своего бывшего заместителя – майора Мушкевича Николая Семёновича. Это был подготовленный офицер, тем более изучил и знал все заведённые в полку традиции и был хорошим помощником во всех вопросах.

В скором времени, а точнее в 20-х числах декабря 1977 года началась реорганизация нашей 31 мотострелковой дивизии согласно директивы Генерального Штаба. Из мотострелковой она переходила на штат танковой дивизии, в перспективе планировалось на её базе развернуть Танковый корпус (для использования, как ОМГ – оперативно маневренная группа). Два мотострелковых полка переходили на штаты танковых полков, а из третьего имеющего на вооружении боевые машины пехоты (БМП – 1) в каждый танковый полк добавляли из него, по одному мотострелковому батальону. Штаты их переделали и это стали совершенно другие мотострелковые батальоны – огневая мощь которых отличалась от прежних. Соседний 93-й мотострелковый полк, стал 111-м танковым полком, поменялись в нем командир полка и замполит. Пришел танкист несколько лет, назад закончивший академию имени Р.Я. Малиновского, замполитом пришёл бывший курсант 2-ой танковой роты, 1968 г. выпуска, Ульяновского гвардейского танкового училища капитан Борис Грассман, мы с ним при встрече вспомнили родную роту и своих друзей. Лично мне было очень приятно, что я встретил, наконец, знакомого бывшего курсанта-сослуживца по училищу.

В полк стала поступать новая артиллерийская техника. Два её дивизиона были в новой организации (один – 122 мм САУ «Акация»; второй – 152 мм САУ «Гвоздика»), в каждом будет по одной реактивной батарее. Все дивизионы были трёх батарейного состава, плюс реактивная. Появился в штате – начальник артиллерии полка и взвод артиллерийской разведки. Прибыли и два новых дивизиона ПВО, имеющих на вооружение тоже новые средства поражения воздушного противника. Всю эту поступающую технику нужно было размещать в парке полка, а личный состав в имеющемся казарменном фонде. На этом фоне начиналась Амурская холодная зима, с её приходом наступали тяжкие времена. Начиналась борьба за выживание. Приходилось ставить кровати в три яруса и спавший на третьем ярусе солдат, сержант практически при занятии его должны были к нему приспособиться. Казармы все были щитовые и, как правило, зимой промерзали. И чтобы не разморозить их в ночное время, приходилось часто поднимать офицеров по тревоге. Были составлены расчёты и почти все, как правило офицеры и прапорщики прибывали по тревоге с паяльными лампами, и прибывшим по тревоге в подразделения, порой приходилось отогревали системы отопления, где находился их личный состав этими паяльными лампами.

В начале февраля 1978 года прибыли первые военные строители и началось строительство казарм одновременно в двух городках. Полк не останавливал выполнение плана боевой подготовки зимнего периода обучения. Программа его подготовки отличалась лишь с учётом прибывших подразделений, и её пришлось уточнять. Если танковые батальоны были укомплектованы старым штатом, и с ними проблем выполнения программы не было, а прибывшие новые подразделения потребовали его корректировки. Не хватало учебной базы. Её пришлось создавать самим, силами полка, и своими средствами. Если стрельбище ещё осталось старое, от мотострелкового полка, то огневой городок для БМП и огневой городок для подразделений ПВО, строительство Директрисы для БМП и увеличение, расширение танковой директрисы ложилось на плечи полка. Кроме строитель-

ства учебной базы, полку нужно было строить хранилища для техники (боксы). И на все эти объекты были составлены планы ввода. Для каждого батальон, дивизион был план в течении двух лет построить по два бокса на 20 мест каждый, а на остальные подразделения полка возлагалось благоустройство парка полка и дорог. За этот план строительства, которые был составлен, каждый месяц я лично отчитывался перед командующим округа, который периодически его выполнение проверял лично. Спрос был жёсткий по этому вопросу. Кроме строительства нужно было готовиться к весенней проверке и подтвердить звание – лучшего полка не смотря на реорганизацию полка и начавшуюся стройку.

Учитывая всё это, я взял на себя боевую подготовку, проведение учений с подразделениями полка, при этом не забывал о подразделениях штаба. Понимал, что Николаю Семёновичу Мушкевичу исполняющего временно обязанности начальника штаба полка, в настоящее время нет возможности, да и знаний обучению штаба полка, штабов батальонов, непосредственно подчинённых подразделений. Сам он старался, чтобы не подвести меня и очень переживал, если что-то не получалось.

Доложив свои предложения по организации боевой подготовки полка, новому командиру дивизии полковнику Голубеву выпускнику академии Генерального Штаба (прежний генерал-майор Солошенко был переведён в Московский военный округ на повышение, на должность командира корпуса), я стал её лично организовывать работу на армейском полигоне – Завитинском учебном центре (ЗУЦ), который располагался от нашего военного городка на расстоянии – до 100-120 км. Казарменного фонда там тоже не было. Организовали полковой палаточный зимний лагерь. Мой заместитель, отгуляв после уборки урожая положенный полуторамесячный отпуск, был назначен в Благовещенское командное танковое училище на должность зам. начальника кафедры тактики.

Мной офицерам полка был выдвинут клич, если мы отчитаемся на весенней проверке и выполним свои обязательства, все офицеры будут заменены или выдвинуты на выше-

стоящие должности, у нас будет возможность этим доказать, кто мы. Со мной все согласились по этому вопросу, каждый старался доказать, что он сделал по вопросу обучения личного состава.

На первых днях обычной работы трудно разобраться в человеке в его способностях. Это лучше познаётся в экстремальных условиях. Для военного люда эти экстремальные условия, как правило: боевые стрельбы подразделений из всех видов вооружения, внезапные тревоги с маршами, стрельбы штатным снарядами, тактические учения с боевой стрельбой. Все эти вопросы, я, понимал и знал с первого месяца своей солдатской службы.

Все три комбата танковых батальонов – подполковник Кузин, майоры – Дервояд и Лисовских, остались прежними, они имели большой практический опыт работы в подготовке подразделений. Вот этой опорой, я и решил пользоваться разумно.

Был составлен график выполнения каждой ротой всех упражнений согласно курсу стрельб и программы подготовки зимнего периода обучения. Там же на полигоне организовали и выполнение всех упражнений по вождению танков согласно курсу вождения боевых машин. Получилось так, что практически во всех ротах я провёл с ними контрольные занятия по стрельбе и вождению. Выезжал в пункт постоянной дислокации – Екатеринбург редко и только для контроля и постановки задач.

Приезжая на несколько часов, всегда интересовался успехами дочери. Она мне всегда о новостях и своих первых успехах рассказывала. Мне было очень приятно, что у дочери появились подруги, с которыми они дружили многие годы, переписываясь, когда я с семьёй переезжал к новому месту службы. А с некоторыми подругами она ещё держит связь до настоящего времени. Да это – настоящая дружба, которая началась в том далёком посёлке городского типа и в первом её гарнизоне. Супруга всегда поддерживала меня, понимая, что командовать полком сложно – это такая работа. Она и сама трудилась в этих гарнизонах. Меня до сих пор поражает её труд. Рано встать, приготовить завтрак, обед, ужин, который не раз при-

ходило разогреть, и решать другие вопросы связанные с благоустройством квартиры, жизни и быта в них. Всё это ложилось на её плечи. Но она никогда не жаловалась на это.

В вооружённых силах СССР издавна был заведён порядок – перед началом нового учебного года (обычно – 1 декабря) за пару месяцев с командирами и начальниками всех степеней проводить командирские сборы. Цель сборов была – показать и довести до участников новых положений устава, курса стрельб, командирская учёба, заключалась в выполнении упражнений стрельб, вождения, строевых и физических упражнений, которые предстоит отрабатывать с подчинёнными в новом учебном году. Обычно сборы шли как бы сверху вниз. Командующий войсками округа или армии проводили такие сборы с дивизионным аппаратом, командиры дивизии при проведении сборов с командирами полков, батальонов и их штабами доводили до них всё новое, что получили сами в округе (армии). Командиры полков и батальонов проводили такие сборы с командирами рот и взводов. В ротах сборы проводились с сержантским составом. Таким образом, всё новое и необходимое в новом учебном году, доводилось до всех инстанций – от командующего войсками округа до сержанта включительно, в части их касающейся. К моменту моего вступления в должность командира полка, дивизией командовал ещё генерал-майор Солошенко, зная, наверное, о том, что скоро будет реорганизация дивизии, такие сборы не были проведены. Пришлось самостоятельно разбираться с новыми требованиями и на отдельных ротах проводить показательные занятия по всем предметам обучения. Мне повезло было мало изменений, поэтому проводя показательные занятия, напоминал старые требования. Проще было с танковыми батальонами, где всё было понятно до мелочей.

Вопрос возник с новыми штатными подразделениями при реорганизации полка при переходе на новый штат. Вот тогда и пришлось вспомнить солдатскую службу. Опыт своих первых командиров, пригодился как никогда. Вспомнилась и учёба в академии. Помогали очень старые традиции полка. Постепенно они были навязаны всему новому личному составу, который влился в состав полка.

Полк выполнял программу зимнего периода обучения. Надо сказать, что зима нового учебного года была на редкость тоже морозная. Все офицеры и сержанты знали, что им придётся отчитываться за взятые ими обязательства. Напоминать об этом мне им не требовалось. У меня была уверенность, что личный состав не подведёт на проверке, которая приближалась с каждым днём. Это знали все в полку и каждый солдат, сержант и офицер к каждому занятию относились очень ответственно. Полк подходил к концу выполнения программы зимнего периода обучения. Проводимые мной контрольные занятия в начале апреля месяца, говорили сами за себя и подтверждали мой вывод. Оставались отдельные не прошедшие темы по отдельным предметам обучения, и они были отработаны.

Весенняя проверка приближалась. Все подразделения полка практически подверглись мной контрольной проверке, почти по всем предметам обучения, по выявленным недостаткам составлялись планы по устранению. Все роты отчитались и ещё раз подтвердили свою готовность к проверке.

Где-то в середине апреля поступила информация, что в округ приезжает Главная инспекция Министерства обороны под председательством Маршала Советского Союза Москаленко. Несколько позже уточнили соединения и части, которые подвергались инспекции, в том числе оказалась и наша начавшая становление 21 танковая дивизия. Командир дивизии уточнил нам, что будет проверена стрельба во 2-м гвардейском танковом полку, танковых батальонов, учитывая, что они не были подвергнуты реорганизации. И так трём танковым батальонам полка предстояло отчитаться за армию и округ перед инспекцией. За их подготовку я был уверен, ведь практически с каждой ротой батальонов лично мной были проведены за зимний период обучения не раз контрольные стрельбы вкладным стволом. На инспекцию выносилась стрельба штатным снарядом всех танковых рот полка. Очень многие, прослужившие несколько десятков лет в Вооружённых Силах, так и не побывают под прессом министра обороны – Главной инспекции. Да, далеко не всякому выпадает такое «счастье». Но это «счастье» выпадет на меня

**Генерал армии И.М. Третьяк.
Генерал-лейтенант Р. Тавадзе.**

ещё раз, когда я буду заместителем командующего 5-ой гвардейской танковой армии. Стали готовиться к проведению строевого смотра, она начиналась именно с него.

Все офицеры понимали, какая ответственность лежит на них. Все видели своего командира полка ежедневно в поле на танковой директрисе – ЗУЦа (учебного центра армии), в городке на плацу и казармах полка. Для сдачи проверки стрельбы штатным снарядам, разрешили снять с кратковременного хранения танки повышенной группы. Я лично контролировал каждую выверку танков. Это не означало, что не доверяю своим командирам батальонов, но лишняя проверка выверки пушки танка, пулемётов, не помешала. Кроме того, мне потом не нужно было себя корить, что не проверил, не досмотрел. Считал, что так будет спокойней, для себя и подчинённых. Прошёл строевой смотр полка, прибывшей

**Генерал армии И.М. Третьяк.
Генерал-полковник Дружинин М.И.**

комиссией представителями Главной инспекции министра. Выехали на Завитинский учебный центр. На него должен был прибыть Маршал Советского Союза Москаленко и с ним Командующий Дальневосточного Военного округа – генерал армии Третьяк И.М., член Военного Совета округа – генерал-полковник Дружинин М.И. Оба были Героями Советского Союза, а командующий округа будет и Героем Социалистического Труда. Танки уже стояли на директрисе. Приземлился вертолёт из него вышли должностные лица. Я доложил, что полк к выполнению упражнения учебных стрельб готов. Должностные лица поднялись на вышку. Начались стрельбы.

Первый заезд был – командир полка, замполит полка и зам начальника штаба – исполняющий обязанности начальника штаба полка. Все офицеры, кто был в это время на полиго-

не, увидели, как командир полка и его заместители посылали снаряд, за снарядом в мишень. Это послужило сигналом для всех, так держать! Люди были уверены в технике, которую сами готовили, которую проверил лично командир и практически вместе со своими заместителями показали им результаты их труда. После первого заезда, подводя его итоги, Маршал Советского Союза Москаленко мне сказал – так держать командир! Что скажешь после таких слов?.. Мы с личным составом полка отчитались, выполнив взятые на себя обязательства. Я тоже выполнил перед офицерами свои обещания.

Командуя полком, я постоянно искал пути решения задачи выдвинуть или заменить офицеров в Группы войск, поэтому при малейшей возможности – выдвигал достойных офицеров, мне было очень приятно, когда это получалось. И очень огорчился, когда достойные на высшие должности офицеры, оставались на своих должностях по несколько лет.

После проверки около 85 офицеров полка были заменены в Группы Войск или поступили в различные академии, некоторые получили повышения и убыли к новым местам службы. Они всё это заслужили, своим отношением к службе, не считаясь со временем, порой забывая о своей семье и своих детях. Но это был действительно дружный армейский коллектив, который буду помнить на протяжении всей своей дальнейшей службы.

С июля 1978 года начали прибывать офицеры – выпускники академий. Первым прибыл майор Гич на должность начальника штаба полка. Также через несколько дней прибыл на должность заместителя командира полка – майор Сумороков. В скором времени прибыли и два командира танковых батальонов капитаны – Бектемиров Т.В. и М.С. Рошин. Прибывшие офицеры были выпускники – академии им. Р.Я. Малиновского. Через несколько дней прибыл выпускник академии имени Фрунзе капитан А.В. Огурцов на должность командира мотострелкового батальона. Все они были подготовленные офицеры, желающие побыстрее освоить свои должности и сделать свои батальоны лучшими. У меня о них и стили их работы остались только лучшие воспомина-

ния. Капитан Бектемиров Т.В. через год был заменён в другой полк дивизии, на его должность комбата прибыл капитан Подопригора. Это тоже оказался достойный, трудолюбивый офицер – командир. Может быть, я порой к ним предъявлял очень жёсткие требования, но такова была обстановка и атмосфера того времени.

Полк продолжал выполнять программы летнего периода обучения с прибытием нового пополнения офицеров. Они все вливались в свои коллективы без всяких проблем. Комбатам была поставлена задача к подготовке и проведению ротных тактических учений с боевой стрельбой в установленное программой время и сроки. Я решил, что при проведении РТУ с боевой стрельбой привлекать мотострелковые взвода. Комбату второго батальона капитану Рошину М.С. и командиру мотострелкового батальона капитану Огурцову А.В. была поставлена задача готовить показное занятие для офицеров полка, разработать все документы согласно курсу стрельб, провести тренировки – «пеший по машинному». И о готовности личного состава после проведения занятий по мерам безопасности доложить мне. Заместителю майору Суморокову была поставлена задача – подготовку взять на контроль. Я хотел проверить всех офицеров в их способности решать подобные задачи. В установленное время это РТУ с высоким качеством было проведено. Всем комбатам были доведены мои требования. Стал готовиться к проведению с третьим батальоном – БТУ с боевой стрельбой. Штабу и заместителям, начальникам артиллерии, ПВО полка и начальникам служб полка была поставлена задача, что нужно сделать каждому. Всем им был доведён мой замысел этого учения. БТУ выполняли из вкладного ствола, так требовала программа, уточнённая программа подготовки полка, после инспекции МО. Это было одно БТУ в летнем периоде обучения, по старой программе, оно должно было проводиться штатным снарядом, но учитывалось, что полк сдавал инспекцию выполняя стрельбу штатным снарядом, было принято решение выполнять из вкладного ствола. Программа одиночной подготовки полка была выполнена в зимнем периоде обучения.

Учение, проведённое с третьим танковым батальоном в летнем периоде обучения, с привлечением мотострелковой роты, артиллерийской батареи и батареи «Шилка», показали всем нам то, над чем ещё нужно работать. В зимнем периоде обучения нового учебного года, кроме того, намечались полковые учения с боевой стрельбой, которые должен по плану проводить Командующий Дальневосточным округом – генерал-армии Третьяк Иван Моисеевич. Он был душой нашего округа, который совершил настоящую революцию в деле обустройства округа, обеспеченности жильём офицеров, обновления казарменного фонда. Всё это проводилось без ущерба для решения оперативно-тактических задач, обучения и воспитания. Полк, выполняя приказ Командующего округом, благоустроивал свой казарменный городок, парк техники и упорно занимался боевой подготовкой.

Личному составу полка с выполнением программы боевой подготовки, необходимо было заниматься и строительством, и благоустройством городка. Кроме городка строились боксы под технику полка, но строительство шло хозяйственным способом, т.е. силами полка и за них нужно было отчитываться каждую неделю. Строители готовились сдать осенью некоторые свои объекты, и их нужно было принять, занять и обжить.

1 декабря 1979 года начинался новый зимний период обучения. В этом году будут введены наши войска в республику Афганистан.

24 декабря 1979 года Министр Обороны СССР объявил, что руководством страны принято решение о вводе войск СССР в Афганистан. О боевых действиях речи не было. Ставилась задача, что войска должны взять под охрану важные объекты на территории страны. А как это будет и как это выполнялось в дальнейшем, мы с вами, читатель, узнаем из воспоминаний отлично подготовленного офицера полковника Сергей Ивановича Антонова, как непосредственного участника тех первых часов, дней, месяцев и годов пребывания в этой стране из его воспоминаний. Итак, правда из первых уст:

«Афганистан»

После окончания службы в ЮГВ в 1978 году в полк прибыл мой заменик из ТуркВО майор Садиев М.Т. В ходе беседы мне стало известно, что моё новое место службы начальник штаба мсб 371 гв. мсп в г. Кушка Туркмения. Я с детства любил тепло. Учился в Ташкенте, после училища служил в Венгрии и вот теперь снова в ТуркВО. После сдачи дел и должности я убыл в СССР к новому месту службы, но сначала завез семью в Казахстан к родителям. По прибытии в г. Кушка направился в штаб дивизии, так как предписание было именно туда. В штабе дивизии мне сказали, что я долго ехал и мое место уже занято. Соответственно получил новое назначение в 373 мсп в г. Тахта-Базар. Полк располагался не в г. Тахта-Базар, а в 40 км от него около ж/д станции Тахта-Базар.

В 373 мсп меня назначили на должность начальника штаба 1 мсб. Командир батальона убыл в академию им. М. В. Фрунзе. Исполняющий обязанности командира батальона майор Средний через неделю тоже убыл в академию, и я был назначен на должность командира 1 мсб. В ноябре 1979 года полк находился на КШУ. По возвращении в пункт постоянной дислокации был получен приказ о приведении полка в полную боевую готовность с отмотобилизованием приписного личного состава в учебном центре. Так как полк был сокращенного состава, работа по приведению в полную боевую готовность, приёмом приписного состава, проводился совершенно неожиданно для всех.

Учитывая, что отмотобилизование проводилось в Туркменинии, основной контингент офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат были коренной национальности-туркмены. В 1 мсб 1-я рота была укомплектована личным составом срочной службы. Кроме того, в батальоне было 10 бтр-40. Остальная техника была приписана из народного личного хозяйства. Таким образом в батальоне вместо бтр появились Зил-130 и Газ-52,53. Контингент личного состава был разнообразным. Возраст от 18 до 55 лет. Хотя солдат старше 50 лет надлежало демобилизовать, водитель 2-го взвода 1 роты туркмен по национальности в возрасте 55 лет кате-

горически отказался уехать домой, так как был приписан с автомобилем Зил-130 с пробегом меньше 1000 км. Свой отказ он резюмировал тем, что долго ждал новую машину и дорого заплатил за ее получение. Так или иначе он остался в строю и единственно попросил, чтобы ему дали гранатомет для борьбы с танками. После короткого слаживания полк в составе 5 мсд 25 декабря совершил марш через государственную границу СССР на территорию ДРА в район населенного пункта Шиндант. 27 декабря в поле, а вернее в пустыне полк расположился полевым лагерем. Личный состав расположился в земляных бункерах, а точнее в ямах глубиной 1,5 метра шириной 5 и длиной 10 метров, накрытых танковыми брезентами. Для отопления использовались чугунные печки-буржуйки. Вообще тыловое обеспечение было неудовлетворительным. Дрова для отопления и приготовления пищи (кухни тоже работали на дровах) своевременно не подвозились. И честно говоря, в какой-то степени повезло что личный состав был из местных жителей (туркменов), приспособленных жить в пустыне и готовить на сухой траве. Основным видом жизнеобеспечения были (кумганы) и вся наша пища готовилась в них – кувшинах для приготовления чая, а кроме чая не было никакой другой пищи. Неоднократно устраивались митинги с требованием отправить машины в Тахта-Базар для подвоза продуктов и дров. Приходилось проявлять способности для разрешения споров и негативных моментов. Только в феврале-марте 1980 года был организован подвоз топлива (дров) и продуктов из СССР, а точнее из военных городков, которые остались в местах постоянной дислокации. В январе боевых действий не велось, полк в основном занимался боевой подготовкой и слаживанием подразделений. Хотя самый первый бой, если можно это событие назвать боем, произошел 31 декабря 1979 года. Командир роты 2-го мсб выехал на автомобиле Газ-52 для проверки боевого охранения, выставленного вдоль дороги ведущей в глубь Афганистана и, возвращаясь бойцы, находящиеся кузове, решили, что их обстреляли с гор. Реально на высотах вдоль дорог были выставлены посты и не исключено, что какой-то пост также перепутал этот автомобиль

с душманами и обстрелял его. Но во всяком случае бой, в который практически было втянуто около батальона, велся часа два. Хотя боем эту беспорядочную стрельбу назвать можно с трудом. Бойцы, вылезшие из ям для прожигания, просто сидели на земле и стреляли в сторону гор, пока не кончились патроны. С большими затруднениями удалось к 23.00 прекратить это «выдающееся» сражение, в которое были втянуты две танковые роты и почти весь 2 мсб. Так или иначе больше в течении января-марта 1980 года боев не было.

В феврале 1980 года приписной состав был заменен на офицеров, прапорщиков и личный состав срочной службы прибывших из частей, расположенных в СССР. Семьи офицеров и прапорщиков, оставшиеся в пунктах постоянной дислокации, подвергались нападкам со стороны местного населения и в короткий срок были перевезены родителями по месту их жительства. Нужно отдать должное, что в Казахстане, где проживали мои родители к проблеме моей семьи, а у меня в 1980 году 30 июня родился сын. Дочери к этому времени было 6 лет. Так вот власти выделили однокомнатную квартиру в областном центре. До этого семья жила у моих родителей в деревне.

Уместно заметить, что не всем так повезло. Некоторые жены пустились во все тяжкие и офицеры тоже повели себя не адекватно. Начальник строевой службы застрелился, командир танковой роты спился. В общем все отнеслись к проблемам своих семей по-своему и поступали по-разному. Может быть, это вина государства, забывшего о том, что кроме приказов офицерам, прапорщикам о выполнении воинского долга еще есть проблема их семей, которые просто были брошены и никому, кроме родителей этих офицеров и прапорщиков не было до них дела. И ни в каких планах штабов и головах начальников нет пункта о том, как сохранить семьи тех, кто выполняет ваши приказы и не задумываясь готовы отдать свою жизнь за отечество наше свободное.

И так после замены личного состава и техники полк получил новую задачу. Приказано было совершить марш к Пакистанской границе в район Кандагара. Марш совершать

было очень трудно, так как карты не соответствовали местности, дорог как таковых не было, передвигались по направлениям. Поэтому не очень удивились узнав, что головная походная застава моего батальона немного заехала в Пакистан. Но надо отдать должное командиру ГПЗ старшему лейтенанту Белькевичу, заместителю начальника штаба батальона, который быстро сориентировался и выехал на территорию Афганистана. После передислокации полк был преобразован в 70-ю отдельную мотострелковую бригаду. Командиром бригады был назначен полковник Шатин. Бригада разместилась вблизи аэродрома на идеально ровной открытой местности. Офицеры и личный состав разместились в палатках, которые были получены перед передислокацией в указанный район. На аэродроме разместились подразделения ВВС, эскадрилья Миг-21, рядом часть вертолетного полка. Такая диспозиция обеспечила летчиков продуктами, а пехоту спиртом и водкой, которую летчики перевозили из Чирчика (аэродром ТуркВО в Узбекистане) в блоках Нурсов самолетов Миг-21. Подразделения ВВС поддерживали действия батальонных тактических групп в рейдовых операциях с воздуха. При этом в начале боевых действий эта поддержка была скорее теоретическая из-за отсутствия связи и взаимодействия между подразделениями бригады и летчиками, которые нередко наносили удары по своим. Пока поставят задачу летчикам, пока они прилетят, положение войск на местности изменилось и бомбили (обстреливали Нурсами) либо мимо, либо по своим. Надо отдать должное, что такое положение продлилось не долго и было организовано взаимодействие методом внедрения в подразделения бригады так называемых авианаводчиков, которые находились рядом с командирами батальонов и обеспечивали связь с подразделениями ВВС.

Во второй половине 1980 года боевые действия батальонов бригады в основном были направлены на совершение рейдов батальонных тактических групп в районы, где активизировались действия бандитских формирований, направленные против законной власти, установленной в провинциях Афганистана. Наиболее запомнилась операция,

которую проводили подразделения бригады в установлении власти в провинции Гельмент. Батальонная тактическая группа совершила рейд через перевал Фадж на территорию провинции Гельмент. Надо сказать, что указанный перевал был одним из самых сложных из-за высокогорной скалистой местности с большим количеством закрытых крутых подъёмов и спусков, хорошо прикрываемых бандитскими засадами с минированием и хорошо пристреленными участками. Несмотря на несовершенное вооружение, наличие большого количества старых английских винтовок (Буров), душманам удавалось наносить ощутимые потери личному составу и технике бригады. Достаточно заметить, что при преодолении перевала на триплексах БМП и БМД насчитывалось по 3-5 отметин винтовочных патронов. Наибольшую опасность для подразделений представляли гранатометчики, наносившие удары из засад. Так вот от после преодоления перевала в долине Гельмент подразделения Царандой, так называемой военной полиции, действующие в составе БТТр представили привезенных с собой активистов в качестве новой власти на территории провинции. Были проведены сходы местных жителей, разъяснены новые устанавливаемые законы и положения власти. Указанные мероприятия проводились под видимые одобрительные возгласы народа в течении двух дней. По завершении выполнения миссии батальон начал движение в обратном направлении. Каково же было наше удивление, когда героически настроенные представители власти, оставленные в провинции, обогнали наши подразделения на Тойотах еще при подходе к перевалу. На этом установление новой власти в указанной провинции было завершено. Такие операции не были большой редкостью в действиях наших войск. Не меньший вред приносили так называемые внезапные рейды в районы сосредоточения бандформирований, проводимые по данным, предоставленным так называемыми активистами, которые не редко выдавали желаемое за действительное. Они таким образом мстили своим обидчикам за причиненные в прошлом вредные на их взгляд действия своих обидчиков. Так проводились обстрелы артсистемами, удары авиации по домам, а иногда

и поселкам так называемых «врагов». А наши подразделения и части приобретали настоящих врагов.

Вообще наибольшие потери подразделения бригады несли по вине отцов командиров, вернее от их непродуманных действий или ходе рейдовых операций. Пренебрежение элементарными мерами безопасности, отсутствие высланных впереди либо по боковым направлениям движения подразделений разведгрупп, при попустительстве предотвращения внезапного нападения из засад душманов, использование выючных животных (ишаков) для переноски с боеприпасами и вооружения (СПГ-9, 81 мм минометов, ящиков с боеприпасами и средств связи) приводило к тому, что из-за внезапных выстрелов или взрывов ишаки просто убежали с грузом в заросли и их приводили к непредвиденным потерям личного состава от душманов, действующих из засад. Однако иногда подразделения несли потери из-за элементарной трусости отцов-командиров. Примером можно описать эпизод действий 3 мср, усиленной минометным взводом в качестве головной походной заставы в районе пригорода Кандагара из рейдового возвращения моего батальона из операции в пункт постоянной дислокации. С наступлением сумерек, роту на подъёме в горно-лесистой местности обстреляла группа душманов. Огонь велся с двух направлений. Пулеметный расчет вел огонь из мечети и группа с нависшей над дорогой сопки. Началом нападения был обстрел гранатомётами БТР машин минометной батареи. Эти две пылающие машины лишили роту боеприпасов минометного взвода. Командир роты с пистолетом и целой ротой залёг в придорожной канаве вместе с командиром минометной батареи и потерял дар речи. Видя сложившуюся обстановку я с оперативной группой в составе двух БТР и ЗСУ-23-4 молниеносно выдвинулся к роте, огнем ЗСУ подавил огневую точку в мечети, огнём двух БТР разметал стрелков на высоте, организовал тушение машины с боеприпасами и вывел роту из под огня. Элементарное незнание того, что деревянные ящики с минами взрываются только после продолжительного горения, а пистолет в руках офицера, лежащего молча в канаве гораздо хуже огня КПВТ при поддержке двух-трех десятков

автоматов и пулеметов. Потерь, к сожалению, избежать не удалось. В этом бою погиб старший лейтенант Лашкул, замполит роты и солдат-пулемётчик, которые находились в одном из подбитых БТР. Рейдовые действия сменялись несением дежурства по охране и обороне района расположения бригады и аэропорта Кандагар. Что касается обеспечения, то в 1980 году все недостатки были устранены и большие срывов не было. Негативными моментами можно назвать факт, тот, что окружное командование перехватывало подарки, которые направляли в войска союзные республики СССР. Уместно все республики взяли шефство над соединениями, наша была под шефством Латвии. К новому 1981 году шефы направили нам вагон пива, однако дальше Ташкента он не пробился. Это, к сожалению, не единственный случай, когда нас обижали вышестоящие начальники в то время в Афганистане. Ещё один пример: батальон обнаружил перевалочную базу контрабанды душманов, которая располагалась на хитро расположенном островке видимым с берегов реки, хотя противоположный берег было хорошо видно. Только наезженный след автомобилей, вывел группы мср из рейдов на указанную базу. На этой базе нахалось два десятка автомобилей, загруженных холодильниками, электроникой, тканями и предметами одежды. После доклада командованию было получено распоряжение все доставить в расположение бригады. И какого было наше удивление, когда всё это, было отправлено самолётом в штаб армии. Такие действия командования, по всей видимости, очень понравились начальнику политотдела бригады подполковнику, когда на второй день все трофеи были изъяты и отправлены самолетом в штаб армии. После таких действий вышестоящего командования, которые очень понравились начальнику политотдела бригады, который после этого случая организовывал «встречу» подразделений, возвращающихся из рейдов с возможных трофеев. При этом обыскивали не только технику, но и весь личный состав, включая офицеров и прапорщиков. Для подобной работы обычно были привлечены политработники, которые не участвовали в боевых действиях (офицеры политотдела, начальник клуба и секретарь комитетов

ВЛКСМ, в последующем была создана из них специальная группа, которая никогда не участвовала в боевых действиях, но получала правительственные награды. Кроме того, эта группа периодически проводила «ночные операции» с целью обыска палаток, в которых проживали офицеры и прапорщики боевых подразделений. Такие обыски очень напоминали нередко увиденные в кино действия лагерных начальников. Ну это, как всегда, кому война, а кому мать родная с годами не забывается такое. Осадок остался от этих «ночных операций» настолько неприятный, что вспоминается до сих пор. Вот таким образом прошли годы пребывания в Афганистане и выполнения называемого интернационального долга. За успешные действия батальона я был награждён орденом Красной Звезды и получил воинское звание майора в 1980 году так же досрочно. В 1981 году был направлен на учёбу в военную академию им. М.В.Фрунзе. Вначале заехал и забрал семью, а потом вместе с ней поехал в столицу нашей Родины г. Москва. Вот такие воспоминания поведал мне офицер, прошедший это горнило войны в те годы, о которых услышишь сейчас, как и тогда, очень редко...

Год начинался, как обычно – накануне с проведения митинга посвящённому новому учебному году. План был утверждён и началось его выполнение с занятия – по боевой готовности. Полк был поднят мной по учебно-боевой тревоге и должен «пеший по машинному» совершить марш в запасной район полка, который был оборудован в инженерном отношении не полностью, включая и командный пункт полка. были только обозначены места под технику и всё. Полк начал выдвигаться. Со мной, как правило, всегда выходила радиостанция, имеющая закрытую связь (ЗАС). По ней на меня вышел в это время, начальник штаба армии – генерал-майор Челомбеев. Мне было приказано накормить начальника БТС округа – генерал-майора Бандуру. Со мной на занятии был штаб и мои заместители. Принял решение отправить в ППД – начальника тыла и зам. потеха полка и предупредить столовую военторга, чтобы обед был готов вовремя.

Предупредил майора Оникия, что по прибытию в полк должностного лица округа мне доложить. Руководителем

этого занятия и все в округе и армии знали, что им является командир полка и что, получив этот приказ, я не мог бросить полк и поехать встречать это должностное лицо округа. Отправив и поручив его встретить и сопровождать, зам. потеху полка. Занятие у нас начиналось с развёртывания пункта приёма личного состава, который прибывал на доукомплектование полка. В каждой части дивизии все они были сделаны силами частей, т.е. кто, как мог. Палаток не было и использовался танковый брезент, как правило, с танка командира полка для одной палатки. Каркас этой единственной палатки, был сварен и хранился в прицепе комендантского взвода штаба полка, который его и развёртывал и за него отвечал. После того, как личный состав поступал на доукомплектование, брезент возвращался на танк командира полка, и командир танка мне об этом докладывал. При развёртывании 1 декабря мной были обнаружены недостатки, было приказано должностным лицам, до возвращения полка с занятий, их устранить. Должностные лица были оставлены и в район не пошли.

По прибытию в полк начальника БТС округа, мне не доложили, т.к. он прибыл неожиданно в нетрезвом состоянии и обед для него не был ещё готов, когда он прибыл в столовую. Итог его посещения был таков – за то, что лично я не встретил и не накрыл для него «поляну» по армии был издан приказ. В котором было написано, что в полку не по назначению используется танковый брезент и мне был объявлен «строгий выговор» и удержано – одна треть денежного содержания. По прибытию в округ это должностное лицо издал приказ и мне за это же самое уже будет объявлен «выговор» и удержано тоже одна треть денежного содержания. Вот так обошлось мне не накрытие «поляны» начальнику БТС округа. Вместо ордена «За службу Родине». Но так как полк успешно сдал инспекторскую проверку МО, я получил два первых за мою службу взыскания. Они будут у меня ещё два месяца, а потом их снимут, произойдёт это так. В конце февраля 1980 года в гарнизон прилетел командующий округом – генерал армии Третьяк Иван Моисеевич с членом Военного Совета Округа – генерал – полковником Дружининым, к

которому и обратился замполит полка – капитан Карпушенко Валерий, который ему и рассекал про мои взыскания от начальника БТС. Меня вызвал к себе командующий округом и всё расспросил. После этого он вызвал тут же к себе командующего армией – генерал-лейтенанта Туранского Д.Ф., сменившего генерал-лейтенанта Полещука М.И., который убыл на должность первого заместителя Командующего Приволжским военным округом. Приказ командующего 35 армии, о наложении мне взыскание был снят, кроме этого, Командующим войсками ДВО было приказано, пока он летит до Хабаровска, ему лично по прибытию начальник БТС округа, представит объяснение и проект приказа об отмене моего наказания. Так вот генерал армии Третьяк Иван Моисеевич установил справедливость в отношении меня. Я, для себя тогда понял, и себе сделал лично вывод, что только труд и не какие там «поляны» нужны командующему округа. Он видел в каждом командире его труд и отношение командира к людям. Он ценил справедливых, трудолюбивых и работоспособных офицеров. Всегда уважал командиров и не кому не позволял относиться к ним несправедливо. Он в округе знал офицеров до командира батальона по фамилии, и каким он батальоном командует, особенно выпускников академий и по возможности старался их выдвинуть на вышестоящие должности. Такое мнение сложилось у меня о командующем в то время. Ведь он делал всё, чтобы благоустроить гарнизоны округа и это показать местным руководителям. Порой на него некоторые офицеры обижались за его требовательность по строительству объектов хозяйственным способом. Человеку прошедшему всё войну с начала и до конца выдавшему всё её ужасы, пережившему и видевшему смерть своих боевых товарищей. Ему хотелось, как можно быстрее благоустроить наши армейские городки, чтобы и офицеры, и солдаты жили, как говорится по-человечески, как в крупных городах СССР. Чтобы военный люд хотел служить именно в КДВО и стремился сюда попасть. В округе не хватало военных строителей, и он вынужден был пойти на путь привлечения личного состава частей на строительство определённых объектов.

Выполнение программы боевой подготовки частей не снижалась, её выполнение контролировал округ и штабы всех соединений армии. Практически все части каждый период обучения отчитывались перед той или иной комиссией и подтверждали её выполнение. В округе не было никаких послаблений в вопросах подготовки личного состава. Все объединения, соединения, полки и части округа, были готовы к выполнению любой боевой задачи по охране и защите нашей Родины и в первую очередь её Дальневосточных границ. Ведь это был край величественный и суровый. Он был разбросан на огромных просторах Приморского и Хабаровского краёв, Амурской, Камчатской, Магаданской, Сахалинской областей. Есть там края, куда до места службы идут поезда, а есть и такие, куда новобранцы добираются на собачьей упряжке.

В середине, а точнее в марте месяце, зимнего периода обучения, вся дивизия была поднята по тревоге и с ней стали проводить не запланированные учения. Полк, получил задачу, вышел в запасной район и получил новую учебно-боевую задачу. Выйти с района, совершить марш в полковой колонне, развернуться в батальонные и ротные колонны выйти на рубеж развернуться в боевую линию и в ней выйти на левый берег реки Амур. Полк вышел с полным боекомплектom на технике, возимым запасом боеприпасов и продовольствия полка и батальонов. Тыл полка тоже в колоннах выдвигался на установленных дистанциях. Мне было доведено, что Китай начал боевые действия против Вьетнама, т.е. там на границах возник вооружённый конфликт. Погода стала портиться, а до выхода на указанный рубеж, расстояние – около 80 километров. Пурга то утихала, то усиливалась, кое-где снег не давал возможности видеть на большое расстояние. Полк десятки километров шёл в боевых порядках до самой глубокой ночи. Важно было развернуться в батальонные колонны, затем в ротные, взводные и в боевую линию. С выходом на указанный рубеж, получил команду продолжать движение в боевой линии. И в ней полк стал двигаться не один километр. Наконец достигнув р. Амур, поступила команда остановиться и организовать ночлег для личного состава. Температура

воздуха была под минус 35-40 градусов. Утром практически весь личный состав полка готов был написать рапорта, чтобы пойти добровольцами на поддержку Вьетнама, но первым о своей готовности заявил второй танковый батальон – командир батальона – капитан Роцин, замполит батальона – майор Курилка. Полк выполнил поставленную задачу, я доложил о готовности 2-го гвардейского полка, пойти добровольцами командиру дивизии и командующему армии...

...Был проведён митинг в присутствии членов Военного Совета 35 армии. Полку было сказано, что это будет учтено в дальнейшем, если возникнет необходимость. Так закончился этот внезапный выход. Он подтвердил готовность личного состава к выполнению любой боевой задачи. В этом были убеждены и старшие командиры и начальники. Вывод у меня был один, что я, и весь офицерский состав полка, стоит на правильном пути – в вопросах своей подготовки, и подготовки личного состава, с ним можно идти в реальный бой. Полк был в скором времени возвращён в пункт постоянной дислокации...

...Несколько слов в эти дни о местном населении нашей Екатеринославки. Как только полки подняли по тревоге, местное население Екатеринославки, тут же перестало поставлять в наш военный гарнизон продукты питания, которым некоторые жители здесь торговали. С подобным случаем, я столкнусь в Амурской области, в другом районе, когда стал развёртывать вновь создаваемую танковую дивизию. Вот так нас здесь благодарил население. За нашу готовность защищать этот край. Отдать за него свои жизни...

Подходил к концу зимний период обучения 1979 года полк готовился к проверке зимнего периода обучения, но она будет отменена в связи с выходом полка и за этот выход полк получит оценку за зимний период обучения текущего года. Запланированные полковые учения были перенесены на осень в связи с внезапным выходом по учебно-боевой тревоге. Полк программу одиночной подготовки заканчивал, проводя ряд ротных тактических учений с боевой стрельбой, как танковых подразделений, так и мотострелковых. Артиллерия полка выходила в зимние лагеря и выполнила всё программу подготовки и стрельб. Наряду с ней выходили и дивизионы средств ПВО, они тоже выполнили программу боевой подготовки. Практически все подразделения полка готовы были отчитаться перед любой комиссией. Приезжающие комиссии, управления боевой подготовки округа, высоко оценивали готовность подразделений полка, меня это очень радовало. Я был уверен в готовности личного состава полка к выполнению любой боевой задачи. Полк благоустраивался. Вводились казармы и другие объекты, строящихся на территории полка и парка. Полк менял облик и вид на глазах. Вывод был только один – нужно трудиться ещё больше, чтобы оправдать то доверие, которое тебе оказали. Я не жалел ни времени, ни сил. Понимая, что только личный пример командира, послужит толчком в решении всех задач, стоящих перед полком. В полку уже была построена новая солдатская столовая. С какой любовью солдаты, её обустроявая, каждый старался внести свою лепту, это надо было видеть. Было мной принято решение и всех поваров полка, это были солдаты срочной службы, объединить в одно отдельное отделение и разобраться с каждым из них, кто на что способен, т.е. кто лучше, что готовит? После этого был проведён смотр приготовленной пищи и определены, и назначены в дальнейшем из них, кто будет готовить, завтрак, обед и ужин.

Я лично, каждый день в полку проверял качество приготовленной пищи. В столовой был организован стол именинников. Женсовет полка поздравлял каждого солдата с днём рождения. Старались все, как-то сгладить солдатскую жизнь. Солдаты это видели и старались все выполнять свои обязанности добросовестно.

Дисциплина в полку была на должном уровне и не вызывала особой обеспокоенности, а если кто-то нарушал, то я таких выводил на разводах полка и показывал всему личному составу. Это играло очень положительно. Вообще дисциплина в полку была хорошая, но с прибытием личного состава новых подразделений, которые служили в других частях, она несколько начинала «хромать». Подразделения не знали тех традиций, которые были заложены в полку. С новичками и приходилось на первых порах работать индивидуально, пока они не поняли, что в полку другие традиции и другое отношение к дисциплине. Время проходило, и традиции полка приняли потом все офицеры, а вместе с ними и прибывший личный состав.

Зимний период закончился, и полк стал готовиться к увольнению личного состава, выслужившего положенный срок. Провожали мы его по старой традиции заведённой в полку. Полк строился, выносилось боевое знамя полка, и каждый военнослужащий, подлежащий увольнению, прощался с полковым знаменем. После этого они все торжественным маршем проходили перед личным составом полка, а затем весь личный состав полка торжественным маршем проходил мимо них, после этого они забирали свои вещи и садились на машины и убывали на них, кто на ж.-д. вокзал, кто в аэропорт в г. Благовещенска. Такие были традиции при мне в полку. Это повторялось два раза в год – весной и осенью.

Наступил летний период обучения он, как и зимний был насыщен стрельбами и учениями подразделений. Только в нём добавилось кроме выполнения программы боевой подготовки – строительство хранилищ под технику в парке боевых машин полка хозяйственным способом, но и с этой задачей полк старался справиться, хотя она порой требовала дополнительных усилий и талантов командиров подразделений и старших начальников. Все, всё прекрасно понимали и старались выполнить, и здесь планы, которые полку доводились, хотя не в всегда укладывались в сроки, установленные командующем округа. На октябрь месяц были запланированы полковые учения с боевой стрельбой штатным снарядами, руководителем их был командующий округом генерал-армии Третьяк Иван Моисеевич. Учение проводилось на Завитинском учебном

центре. Полк достойно отчитался на этих учениях. Командующий был доволен боевой выучкой полка. Как он выразился, что это была моя заслуга. Значить не зря не досыпал. Всему личному составу полка он объявил благодарность за умелые действия на учении. Полк был укомплектован практически по штату военного времени. На его доукомплектование требовалось не более 100-160 человек и небольшого количества техники – 10-15 грузовых машин. Поэтому полк никогда не призывал из запаса резервистов в мирное время...

По возвращению в казармы полк стал заниматься обслуживанием и постановкой техники на кратковременное хранение и готовиться к увольнению личного состава полка, приёму нового пополнения, и планированию боевой подготовки на новый 1980 учебный год. Я вспомню солдатскую службу. Поделюсь с ней замполитом полка и мной будет принято решение организовать соцсоревнование за качественную постановку техники на кратковременное хранение. Лучший экипаж поощрялся – отпуском на родину. В парке был сделан щит, на котором были все экипажи, обслуживающие технику, ежедневно подводились итоги, назначенной полковой комиссией. Как правило, утром на разводе полка в парке мной подводились итоги прошедшего дня по выполнению плана постановки техники на кратковременное хранение. Каждый солдат, сержант мог на щите увидеть результаты своего труда. Время отводилось 10 суток. Все старались в полку, как тогда в годы службы солдатом. В конце комиссия подвела итог. Были отмечены два экипажа. Их наградили отпуском на родину (10 сток) с поездкой к родителям.

За прошедший год некоторые офицеры пойдут на повышение, некоторые заменятся в другие округа и группы войск, но это будут единицы. Прибывшие будут вливаться в коллективы, но такой массовой замены, как было два года назад, уже не будет. Прибывающие офицеры в полк, они все будут разные, но костяк офицеров оставался прежний и на каждого из них я мог положиться уверенный в том, что они всегда выполняют поставленную задачу. С большим уважением я вспоминаю этих офицеров полка, это майор Дервоед и его зампотеха батальона майора Кошевец. Это были трудяги. Командира мотострелкового батальона капитана Огурцова и

его молодого старшего лейтенанта Готвянского, прибывшего из Группы Советских Войск в Германии зампотеха батальона, стремящего в тех не простых климатических условиях всегда поддерживать технику батальона в боеготовом и боеспособном состоянии. Начальника артиллерии полка подполковника Алёшу, командир артиллерийского дивизиона майор Девяткин и многих, многих других.

Несколько слов хочется сказать о капитане (ставшим майором) Карпушенко, замполите полка, в тех условиях в каких жил полк и выполнял задачу, поставленную в мирное время, это действительно был помощник во всех вопросах. Он всегда понимал своего командира полка и мобилизовывал свой аппарат политработников на выполнение задач, стоящих перед полком. Вообще мне везло на подчиненных, которые отвечали за моральный дух -партийно-политическую работу с личным составом.

Хотя встречались в моей судьбе политработники, которые мне не нравились. Взять хотя бы первого в моей службе комдивом – начальника политотдела дивизии. (Но об этом человеке напишу несколько ниже). А пока начинался 1980 год. Полк совершенствовал своё мастерство. Коллектив полка, находясь в этих суровых условиях, сплачивался, и каждый офицер, прапорщик всегда шёл на помощь любому человеку в полку, чтобы как-то облегчить условия жизни другому. Вспоминается прибытие молодых лейтенантов в полк, особенно помнится прибытие младшего врача полкового медицинского пункта, лейтенанта медицинской службы Вальца Юрия Оскаровича. Он прибыл в полк после окончания Военно-медицинского факультета при Томском государственном медицинском институте. Первая встреча, которая у меня с ним произошла, это перед штабом полка, когда он только прибыл. На голове его была фуражка с малиновым околышем, а он прибыл в танковый полк, где все носили чёрный околыш. На мои слова заменить её, лейтенант лихо ответил «есть», но не смог поменять фуражку ещё долго. Только на проверке он был в новом головном уборе, который приобрел в магазине Военторга в городе Белогорске. Так же вспоминаю его первую справку, которую он подпишет в полку. Она попадёт ко мне с красной печатью и его мне пояснения по этому поводу, нам такие выдали по окончанию факультета

и мой ответ ему, если выдали, то пользуйтесь ей! Вообще он был подготовленный врач и много делал полезных предложений по сохранению здоровья личного состава полка в тех климатических условиях Амурской области.

Практически можно писать о каждом офицере и прапорщике полка только хорошие слова. Среди них не было трусов и предателей все стояли друг за друга горой. Я всем им был очень благодарен за это. Да, уважаемый читатель, такого дружного коллектива, как коллектив 2-го Гвардейского полка, я больше не встречу на протяжении своих новых вёрст жизни. Об этих офицерах можно обо всех много говорить – это был коллектив трудяг, преданных своей профессии. И сейчас просто хочу сказать им большое спасибо моим однополчанам. Я вас всегда помню!

Уважаемый читатель! Хочу привести воспоминания некоторых моих подчиненных, с кем служил в Екатеринославке. Это будут правдивые слова о жизни полка и его коллективе об офицерах и солдатах, сержантах, которых они запомнили.

Воспоминания военнослужащих. 2-го Витебского, Гвардейского, Краснознамённого, орденов Суворова и Кутузова второй степени, танкового полка

Ю. Вальц. (1978 г.)

Из воспоминаний младшего врача полкового медицинского пункта 2-го гвардейского танкового полка лейтенанта медицинской службы Вальца Юрия Оскаровича, ныне полковника медицинской службы.

Моим сослуживцам гвардейцам посвящаю
В Амурском краю, что все «Катькой!» зовут
Танкисты нелегкую службу несут
И ночью, и днем на посту боевом
Гвардейцы готовы пойти напролом
За Землю, за близких, за Родину-мать
Готовы все были хоть жизни отдать
На быт не смотря – жили слаженно, дружно
И знали тогда – это Родине нужно.
Служили мы вместе в гвардейском втором
Отцами развернутом в 42-ом
Прошел славный путь до Пилау с боями
За что награжден был тремя орденами.
А лет через 20 свершил марш-бросок
Отчизне служить он на Дальний Восток.
В палатках, бараках он жил – ничего
Оттачивал верно свое мастерство.
В полку том служили лихие ребята
Солдаты, комвзвода, комроты, комбаты.
Был каждый гвардеец – ну просто ХЛОПЕЦ
Отважный танкист и солдат-молодец.
Командовал взводом «гусар» молодой
Теперь он седой и уже с бородой.
Горкун лейтенант – генерал МЧС,
Но танковый дух никуда не исчез.
Амурский «ротан» и танкистов знахарь,
Командовал ротой Петро Собокарь.
Служил в том полку и «танковый дед»
Комбатом-батяней майор Дервоед.
Комбатом вторым был тогда Миша Рощин-
Любимец солдат и любимец был тещин.
Комбатом «один» был, как помню вчера,
Высокий, веселый Подопригора.
Была и пехота. У братьев-стрельцов
Комбатом лихим был майор Огурцов.
А сверху... чтоб не бомбили его
В полку «состоял» дивизион ПВО.
Чтоб было легко продвигаться танкистам

Поддержкою был дивизион артиллеристов.
Солдат был накормлен, одет, и в мороз не простыл
В полку был развернут надежнейший тыл
Ремонтом машин занималась рем рота,
Завозом – подвозом бойцы автороты,
Чтоб каждый боец «воевал» лихо, дружно
В полку за здоровьем следила медслужба.
Разведка, танкисты, связисты, саперы
В морозные дни возводили заборы.
Чтоб каждый свое понимал назначение
Частенько в полку проводились ученья.
Начштаба над картой выкрикивал клич
Стратег он и тактик – Григорьич наш Гич.
Командовал всеми гвардеец лихой
Красивый майор и танкист удалой.
Ему офицеры все были как братья
Солдат называл его ласково – Батей...
Спасибо тебе, командир дорогой!!!
Спасибо Максимыч, СОЛДАТ боевой !!!...
... Мы помним друзей, – так давно повелось
Я горд, что в полку том служить довелось.

Ю.О. Вальц (2000 г.)

Из воспоминаний командира мотострелкового батальона 2-го Гвардейского танкового полка, отлично подготовленного офицера, заботливого, думающего, инициативного, не теряющего в сложной обстановке и ситуациях, берущего всегда на себя ответственность командира, капитана Огурцова Александра Васильевича.

Жарким июльским летом 1978 года я прибыл в поселок Екатеринославка Амурской области.

Быстро пролетели три года обучения в Академии. Позади государственные экзамены, выпускной вечер, расставание с однокурсниками.

Каково же было мое удивление, когда в приказе Министра обороны я увидел направление во «2-ой гвардейский танковый полк 21 танковой дивизии дислоцирующийся в Амурской области, поселке Екатеринославка».

– «Да это ошибка! Не полк, а дивизия! Какой мотострелковый батальон может быть в танковом полку?»

Для меня это было большой загадкой.

И вот, поезд после двухминутной стоянки отправился дальше в сторону Владивостока, а я с женой и двумя малолетними детьми стою на станции Екатеринославка Транссибирской магистрали.

Впереди уходила вдаль пыльная дорога, посыпанная гравием и кое-где мощенная асфальтом. Непривычный для моего глаза пейзаж.

Справа за зеленым деревянным забором виднелись несколько пятиэтажных «хрущевки», как оказалось это были дома офицерского состава.

Слева, за строящимся бетонным забором, можно было разглядеть длинные деревянные солдатские казармы, от-

дельные полковые строения и плац. Вдали за забором виднелась танки и другая техника полка.

Появилось некоторое чувство отчаяния: «Неужели придется провести жизнь в этом, забытом богом городке?».

Это было мое первое впечатление от военного гарнизона п. Екатеринославка.

Кто бы мог подумать, что через много лет я и моя семья будем с теплотой вспоминать это время нашей жизни в Амурской области.

Когда в конце 1979 года, года я уезжал из гарнизона, то поселок было не узнать. Многоэтажные светлые солдатские казармы, столовая, украшенная мозаичным панно, новые штабы полков, широкие ровные бетонные дороги, плац для построения полка. На зеленых газонах были высажены деревья. И не просто, а в каждую яму было посажено три дерева – сосна, береза и тополь.

Конечно, рассказать обо всем не только невозможно, но и бессмысленно. Поэтому постараюсь написать о наиболее запоминающемся, и, как мне кажется, важном.

По моему мнению, служба и жизнь офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат во 2-ом гвардейском танковом полку характерна для всех частей Советской Армии в 80 годы.

Речь пойдет о наболевшем: «Почему, имея такой потенциал вооруженных сил, мы допустили чуть ли не полный развал армии?».

Итак, прибыв в полк, мне предстояло решить мучавший меня вопрос: «Что это еще за подразделение, которым мне предстояло командовать?».

Переодевшись в парадную форму одежды (так положено по уставу) я отправился в полк для представления командованию.

Командира полка майора Неткачева Ю.М. я нашел в командирском узике возле пропускного пункта полка.

Встреча прошла не особо любезно. Прервав мой доклад, он приказал мне сесть на заднее сидение в автомобиль и рассказать о себе.

Командир слушал меня внимательно, иногда задавал уточняющие вопросы и все время поглядывал на площадку за офицерскими домами.

Вдруг появился вертолет и, поднимая тучи пыли и песка, сел на окраину поселка.

– «Все! Ближе познакомимся в процессе службы. Идите, принимайте батальон».

Не очень приветливо, да и ответ на мой вопрос я не получил.

Так, в не очень хорошем настроении, я вступил на территорию полка. Разве мог я тогда подумать, что он станет моим родным домом, что здесь я найду верных друзей, справедливых и требовательных командиров, добросовестных и исполнительных солдат и офицеров. Я благодарен судьбе, да и кадровикам, что случилось именно так.

Оказывается, что организационная структура батальона, да и полка, была загадкой не только меня, но и для других должностных лиц.

Ровно через год в полк прибыл, вновь назначенный на должность, командующий 35 Армией генерал-майор Туранский Дмитрий Тимофеевич.

Полк построен на строевом плацу. Свита Командующего рыскает по казармам и территории полка в поисках какого-нибудь негатива, для доклада Командующему.

Стоим ждем. Командующий заслушивает Неткачева Ю.М. Вдруг я слышу команду: «Командир мотострелкового батальона к Командующему!».

– Товарищ капитан, доложите, сколько у Вас в батальоне боевых машин пехоты?

– 54, товарищ Командующий.

Туранский Д.Т. посмотрел на командира полка: – «Правильно».

Он был очень удивлен, узнав, что в батальоне по штату 503 человека, а в строю более 300.

Настало время раскрыть загадку и рассказать организационно – штатную структуру полка и батальона.

Ранее я не видел, да и в Академии не слышал, что могут быть такие полки.

Далее мною будет описана структура части и подразделений 2 – го танкового полка. Может быть, это будет интересно специалистам, а читатель может это пропустить.

Танковый полк состоял:

- танковых батальонов – 3;
- мотострелковый батальон;
- артиллерийский дивизион;
- дивизион ПВО;
- подразделения боевого, технического и тылового обеспечения.

А вот, что представлял из себя мотострелковый батальон.

Три мотострелковые роты четыре взводного состава (дополнительно пулеметно-гранатометный взвод). Всего 12 боевых машин пехоты БМП-1.

Минометная батарея. Взвод 120-мм миномета и взвод автоматических 82 – мм минометов «Василек».

Зенитно – ракетный взвод. На вооружении 3 ПЗРК «Стрела 1-М» и два БМП.

Подразделения обеспечения.

Всего в батальоне было 54 «БМП-1». Артиллерийских тягачей, самоходных минометов и другой техники насчитывалось 19 единиц. Кроме того, в батальоне было три боевых машины, которые стояли в отдельном боксе. Это был взвод визирования. Об его предназначении знал только командир полка.

Служба в полку проходила по строго запланированному распорядку. Занятия боевой подготовкой, караульная и внутренняя служба, обслуживание техники.

Была одна особенность службы во 2-ом гвардейском танковом полку и, как я узнал по опыту дальнейшей службы, во всем Дальневосточном округе.

Наряду с напряженной боевой подготовкой в полку велась большая работа по строительству объектов инфраструктуры и обустройства гарнизона в целом.

Только в 1978-1979 годах в Екатеринбургском гарнизоне было построено: две большие четырехэтажные солдатские казармы, два штабных здания, солдатская столовая, несколько хранилищ для боевой техники на сорок единиц каждое. Кроме того, строились огневой городок, директрисы для стрельбы танков и БМП, танкодромы и автодромы, тактические поля.

Когда всё успевали?

Почему-то, это время вспоминается как постоянная череда различных учений. Я не говорю взводных и ротных. Речь идёт о батальонных, полковых и дивизионных учениях, в том числе и с боевой стрельбой. Учения проводились на различной местности. Это были армейские полигоны: под Благовещенском – Белогорье, Завитинский учебный центр; тактические поля возле Екатеринославки. А зимой 1979 года учения проводились на бескрайних просторах заснеженной Амурской области на территории от транссибирской магистрали до Амура. Об этих учениях я попытаюсь рассказать в дальнейшем.

Военный человек понимает, что это такое. Любому учению предшествует большая, кропотливая работа. Сначала надо научить солдата действовать на поле боя. Затем, наступает очередь отделения. Необходимо обучить не только солдат-пехотинцев, а также пулеметчика и гранатометчика, механика-водителя и наводчика-оператора. Однако самое сложное это научить командира отделения. Проблема подготовки младших командиров всегда стояла очень остро. В бою он должен вести наблюдение, выполнять команды командира, принимать самостоятельные решения и управлять своими подчиненными и боевой машиной. Следует учитывать, что это обычный солдат, который полгода пробыл в учебной части, и не имеет никаких командирских навыков. Да и умение в управлении не велико.

Но это только отделение. Дальше идет обучение и подготовка взвода, роты и батальона. Поверьте, это очень большая и трудная работа.

За все время службы в Вооруженных силах мне приходилось принимать участие в различных войсковых учениях. Это были учения нескольких военных округов, такие как «Днепр» и «Двина», а также небольшие по масштабу взводные и ротные учения.

В 70-80 – ые годы во всех частях и соединениях проводилась напряженная боевая подготовка. Учения, как правило, завершались этапами с боевой стрельбой из всех видов вооружения штатными, боевыми снарядами.

Но даже по сравнению с другими округами интенсивность учений и боевых стрельб в полках 21 танковой дивизии КДВО была намного выше. Только с ноября 1978 года до сентября 1979 года мотострелковый батальон 2-го гвардейского танкового полка провел три батальонных учения с боевой стрельбой и принимал участие в дивизионном и полковом учении.

Я вспоминаю учения в ГСВГ. Обычно, после подъема по тревоге полк выходил в район сосредоточения. Далее, после получения боевой задачи, выдвигались в район Магдебургского полигона, где проводилась боевая стрельба в составе полка. Затем следовал марш в район Либерозы или Ютербога, где проводились ротные или взводные стрельбы. На этом учения завершались.

Сценарий учений повторялся из года в год с некоторыми изменениями и уточнениями. Многие офицеры, прослужившие в Группе Советских войск в Германии несколько лет, настолько хорошо знали замысел учений и обстановку на полигоне, что им не составляло большого труда управлять частями и подразделениями в ходе учений. Все хорошо знали высоту «Кружка» и скрытые подходы к переднему краю «противника». Время и направления контратак, и способы их отражения. Все это значительно облегчало управление войсками в бою.

В Амурской области было совсем по – другому. Все выше названные мною учения каждый раз проводились в разных местах. Батальонные тактические учения с боевой стрельбой на полигоне в Белогорье, под Благовещенском. В декабре 1978 года БТУ с боевой стрельбой на Завитинском учебном центре. Зимой 1979 года дивизионные учения на территории Амурской области от Транссибирской железной дороги до Амура на границе с Китаем. Весной полковые учения в районе поселка Поздеевка.

Все это способствовало развитию у командиров всех степеней самостоятельности, инициативы в принятии решений и умению управлять подразделениями в бою.

Хорошо запомнились учения в марте 1979 года. Несмотря на то, что к этим учениям не готовились, как обычно забла-

говременно. Сигнал «Тревога», пришёл неожиданно. В район сбора полк вышел организованно и своевременно. Каждый командир старался выйти в числе первых и доложить о готовности к получению боевой задачи.

Командир полка Ю.М. Неткачев собрал командиров батальонов и отдельных подразделений и поставил следующую задачу:

– «Товарищи офицеры! Учениями руководит командующий 35-ой Армией генерал-майор Туранский Дмитрий Тимофеевич. Условия учений сложные и будут проходить на территории Амурской области. Задача полка с марша развернуться в боевой порядок, атаковать «условного противника» в районе г. Благовещенск --п. Поярково – п. Тамбовка и к исходу дня выйти на левый берег р. Амур вдоль границы с Китаем».

Условия действительно были сложные. Температура воздуха ниже – 40 градусов. Да ещё начиналась пурга. Рубежи развертывания проходили по бескрайним полям Амурской области. Зима была снежная, в некоторых местах ветром наносило большие сугробы, которые представляли серьезные препятствия для боевой техники. Кроме того, большая часть территории сельскохозяйственных полей была покрыта мелиоративной системой полива и буквально изрыта небольшими каналами, которые техника преодолевала с большим трудом.

Не знаю как, но солдатская молва всегда обгоняет все приказы и распоряжения начальства.

Не успел я прибыть в батальон и собрать офицеров для постановки задачи, как увидел, что подготовка к наступлению идет полным ходом.

С машин солдаты снимали все лишнее, что мешало в учебном бою. Это были палатки, печи и другое хозяйственной имущество. В дальнейшем мы, конечно, сто раз пожалели об этом. На всю жизнь я и все офицеры батальона запомнили, что, как бы не было тяжело, всегда надо иметь с собой пункты обогрева и запас питания.

Командиры рот Валерий Соколов и Александр Кашковский доложили, что общий замысел учений им известен. В

18.00 атакуем передний край противника. В 19.30 отражаем контратаку и в 20. 00. приходит сигнал «Отбой» на окончание учения. В связи с этим, они предложили оставить тылы в районе сбора, а после окончания учения вернуться в район, где организовать обогрев, питание и отдых личного состава. Я согласился с этим предложением, о чем, как говорилось ранее, очень пожалел. Тем более о своём решении по этому вопросу не доложил командиру полка.

1 и 2 мотострелковая рота наступала в первом эшелоне. Во втором в походном порядке выдвигалась 3-я рота Алексея Петровского.

Сначала все шло по плану. В 18 часов дня организованно атаковали «условного противника» и приступили к свертыванию боевых порядков в походные колонны.

Вдруг в небе появился вертолет и, по громкоговорящей связи, командующий армией приказал продолжать наступление в развернутом боевом порядке по полям Амурской области в направлении китайской границы.

Дивизия продолжала наступление до наступления темноты и далее ночью. Подходили к р. Амур.

Кругом было чистое поле. Была пурга и был сильный ветер, а земля потрескалась от холода. Поступила команда остановиться и организовать ночлег.

Танкистам было несколько проще. Экипажи развернули башни танков, опустили стволы пушек. На них натянули брезенты и в этих самодельных укрытиях стали разводить костры из бревен самовытаскивания.

Каждый военнослужащий знает, что наиболее холодное время суток – это раннее утро, когда наступает восход солнца.

Дождались утра. К этому времени подошли и полевые кухни с поздним обедом или ранним завтраком. К 10 часам дня прилетел Командующий. Он приказал собрать личный состав на митинг. Вот здесь был и раскрыт замысел учений. Оказывается, накануне произошел китайско-вьетнамский конфликт в Юго-восточном море и советское правительство решило выдвинуть танковую дивизию на границу с Китаем.

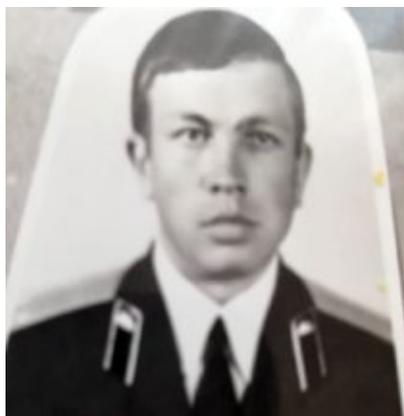
Учения были благополучно завершены. Полк вернулся в Екатеринбург к месту постоянной дислокации. Эти уче-

ния были хорошим уроком для всего личного состава и особенно для офицерского состава. Они показали, что в военной службе не бывает мелочей. Командир должен предусматривать все возможные варианты. Предвидеть развитие событий и своевременно реагировать на изменение сложившейся обстановки.

Из воспоминаний о службе во 2-м гвардейском танковом полку – заместителя командира мотострелкового батальона по технической части – старшего лейтенанта Готвянского. Он в конце своей службы в полку, будучи уже капитаном меняет ведомство и продолжит службу в Вооружённых Силах, не числясь в их штате.

Воспоминания о военной службе в о 2-ом гвардейском танковом полку в период с 1978 по 1981 годы

В конце апреля 1978г. пришел приказ о моем переводе (замене) из 202 полка Группы Советских войск в Германии в Краснознаменный Дальневосточный округ. В 21-ю танковую дивизию 35-й Армии, которая дислоцировалась в г. Белогорске, Амурской области.

Сдав должность, 14 мая убыл поездом по маршруту: г. Ютербог – Брест-Брянск-Москва, а затем самолетом ИЛ-18 из аэропорта Домодедово до г. Благовещенска с дозаправкой в г. Красноярске. Длительный перелет (12 часов) перенес неплохо.

Еще раз практически почувствовал, насколько большая территория Советского Союза и России. В Благовещенске через военного коменданта ночь провел в центральной гостинице возле набережной реки Амур. Утром в 6.00 по радио-громкоговорителю услышал музыку-гимн и китайскую речь, что напомнило мне: город Благовещенск находится на границе с Китаем. Вспомнил и документальный, секретный

фильм в военном училище о вооруженных провокациях Китая на острове Даманский и других участках советско-китайской границы.

Утром этого же дня поездом прибыл в город Белогорск, штаб 21 ТД. По случаю назначения в строевом отделе дивизии на должность был представлен заместителю командира дивизии по ТЧ подполковнику Бокшан. Прямой, открытый, думающий и воспитанный офицер. В беседе удивился моему карьерному росту в ГДР, где не так часто происходило с офицерами, а тем более молодыми, да еще в «с глаженными сапогами».

Подробно объяснил, что я не из «сынков» командного состава, а часть, в которой я служил успешно выполняла поставленные задачи командования.

Бокшан предложил мне проходить службу зампотехом МСБ 2 гв ТП с местом дислокации в п. Екатеринославка.

Еще не зная, что это знаменитая т.н. «Катька» я выразил недовольство предложением, заявив, что «пехотой сыт по горло» в 202-м МСП ГСВГА здесь опять МСБ в полку с «роковой цифрой для меня 2». Хотел бы получить должность зампотеха ТБ.

Бокшан дал час подумать, предварительно пообщавшись с офицерами техчасти дивизии, после чего примет по мне, в случае отказа другое решение. При этом положительно охарактеризовал командира 2 ТП майора Неткачева: умеет работать с личным составом, с уважением относится к офицерам, прапорщикам «технарям» и технике, что не всегда наблюдается в других частях дивизии и армии.

Одновременно сказал, что состояние материально-технической базы полка желает быть лучше.

Боевая техника и вооружение, автомобили – под открытым небом, ограждение – колючая проволока. Но это все временно, в гарнизоне разворачивается строительство боксов, хранилищ, казарм, столовой. Парк БМП-1 практически новый, это не танки Т-55 в танковых батальонах, куда я, как молодой зампотех, стремлюсь.

На вопрос: сколько предстоит служить в Амурской области, Бокшан прямо сказал, что не знает. По слухам – район

должны сделать в перспективе заменяемым. Успокоил меня: служить еще много, тем более с такой карьерой возможен рост через факультет руководящего инженерного состава при Бронетанковой академии в городе Москве.

А сейчас надо потрудиться, зарекомендовать себя, тем более в таком полку Неткачева такая возможность есть.

В этот же день, получив предписание, убыл поездом в Екатеринославку. Было тепло, даже жарко. По прибытию, в связи с сильным дождем, на станции пришлось задержаться. Дежурный милиционер, глядя на мои два больших чемодана «гроссгермания», спросил: «Не из ГСВГ ли я? Так как сам проходил там срочную службу». Добавил, что здесь не ГСВГ и указал кратчайший путь пешком до гарнизона мимо элеватора.

Впереди виднелись ориентиры: четыре или пять пятиэтажек – ДОСы. А через дорогу щитовидно-сборные казармы. Везде лужи и грязь. На КПП полка, если его можно было так назвать, направили в штаб, который отличался от казарм флагом СССР. Внутри помещения, переступив порог, я увидел пост №1 – часовой у знамени полка. Представился дежурному по части, а затем замполиту полка майору Карпушенко. Последний удивился, что я рано прибыл в часть по замене, не досрочно ли меня заменили на должность зампотеха МСБ на период развертывания материально-технической базы полка.

Пришлось повторно объяснять, что в этом году ранняя замена из групп войск за границей. И для меня все неожиданно и ново. Тем более, что возле поста №1 лужи от дождя, крыша штаба течет. Замполит распорядился разместить меня в офицерском общежитии и обрадовал о выделении жилья – двухкомнатной квартиры в ДОСе, в которой ранее проживал зампотех Машков, убывший по замене в ГСВГ.

На то время, не знаю, кем выдумана, практиковалась встречная замена офицерами в округах. Это я испытал на себе во время приема должности, которую пришлось принимать у начальника штаба МСБ капитана Елисеева, который временно исполнял обязанности комбата. Действующий комбат капитан Глазков находился в отпуске и готовился к экзаменам для поступления в академию имени Фрунзе.

Елисеев подчеркнул, что при положительном раскладе (поступлении Глазкова в академию) он готов принять батальон. В разговоре детально обсудили план приема техники. Так как была суббота, представить меня личному составу батальона решили в понедельник, после полкового развода.

На вопрос: о состоянии БМП и автомобилей, Елисеев пояснил, что в целом все неплохо, за исключением автомобильной техники взвода обеспечения, где командир взвода отсутствует. Техника старая, но на ходу. Так что в процессе службы, как молодому зампотеху придется поработать.

А к осени должен прибыть молодой прапорщик – командир взвода обеспечения. О состоянии БМП учебно – боевой группы я разберусь в ходе проверки.

Далее доверительно поговорили о моем быстром служебном росте. Елисеев впервые столкнулся, как он выразился, что из ГСВГ прибывают молодые лейтенанты – замы комбата. Посмотрев на мои сапоги, сказал, что надо приобрести резиновые, но за свои деньги. Парк техники грязный, одним словом, полевой. Предложил мне отдохнуть в воскресенье, посмотреть будущую квартиру, ознакомиться с бытом гарнизона – магазин, офицерская столовая. На вопрос о сдаче продаттестата для питания в офицерской столовой, как это было в ГДР, Елисеев разъяснил, что в столовой офицеры питаются за свои деньги, паек выплачивается деньгами, что конечно накладно для семейного бюджета.

Поэтому лучше всего быстрее вызывать жену и питаться дома. Это меня крайне удивило, возмущаться на то время еще не научился, не в моем характере это было.

Елисеев пошутил, что о заграничных замашках надо забывать, дальневосточники – народ прямой и не «пакостный», как в других округах вблизи Москвы.

Затем пригласил в канцелярию штаба ротных: 1 МСР капитана Петровского, 2 МСР старшего лейтенанта Соколова и и.о. 3 МСР лейтенанта Степанова, представил меня со словами: «Прошу любить и жаловать лейтенанта Готвянского – нашего замкомбата по технике. А Вам Василий Павлович безо всяких стеснений требовать и спрашивать по вашей части».

По Елисееву было видно, что это конкретный и требовательный командир. Много говорить не любит, хороший организатор, хорошо владеет обстановкой в батальоне. О Петровском, наедине со мной, заявил, что это ленивый «фрукт», да еще и изрядный «выпивоха», но взводные у него лейтенанты Шматков и Будей – на месте. Приходится только портить нервы с ротным, которого пока я и комбат Глазков жалею как выпускника ДВОКу, надеюсь, что с женитьбой Петровский исправится и возьмется за службу. Опора в батальоне на Соколова и Степанова.

Командира мин. батареи старшего лейтенанта Гетьмана пока не изучил, только прибыл. Спустя некоторое время в штаб вошел капитан Чакин – замполит батальона, спокойный, выдержанный, аккуратный офицер, старше 30 лет. Чувствовалось, что Елисеев недолго любит его. В разговоре со мной посоветовал с Чакиным, как и с остальными политработниками вести себя осторожно. Ему приходится неоднократно конфликтовать с ним по его подчиненным замполитам рот.

Время показало, как я считаю, что с замполитом в батальоне нам повезло. Чакин в коллективе вел себя достойно, где надо обособлялся и показывал принципиальные «зубы». Много помогал мне, давая советы поведения в полку и батальоне с тем или иным офицером и прапорщиком.

Елисеева недолго любил, как он однажды сказал, за «нездоровый» интерес к женщинам.

Я старался не вмешиваться в конфликтные ситуации обоих, считая, что мое дело – техника и личный состав, работающий на ней. А это механики-водители БМП, БТР и водители колесных машин.

Небольшое лирическое отступление о первом воскресенье в Екатеринославском гарнизоне.

День выдался теплым, солнечным, безоблачным, стояло настоящее лето. Для меня это было удивительным, по рассказам офицеров, с которыми пришлось общаться в общевойсковой части, летний период здесь по количеству солнечных дней не уступает городу Сочи. На сопках цветет багульник. В середине лета большое разнообразие цветов, которые не пах-

нут, но зато красивые. Вот только зима холодная и продолжительная, начиная с начала октября и заканчивая апрелем. А 1 и 9 мая может выпасть снег. О морозах 45 – 50 градусов и не верилось. Радовало одно, что приехал в теплое время. В продовольственном магазине городка «изобилие» товара, полупустые полки. В офицерской столовой ассортимент блюд – это не полковая столовая 202 МСП ГСВГ. Одним словом, заграница закончилась и я, как «декабрист», направлен в ссылку в Амурскую область, в «ротань» – так офицеры называли местность из-за рыбы ротаны, которая замерзала в озерах, а затем оживала весной.

Поселок Екатеринославка выглядел почти деревней. Больше всего расстроил внешний вид парка хранения боевой и колесной техники полка. Практически все было на улице, за исключением кирпичного здания ПТО. Одним словом, полевой парк с ограждением колючей проволокой. После сильного вчерашнего дождя – везде грязь и лужи. Вдали увидел стоянку МСБ с БМП – 1 и автомобилями, которые я должен принимать завтра в понедельник после полкового развода.

В дальнейшем в разговоре со старшим лейтенантом Соколовым запомнились его слова: «В нашей «ротании» тяжело только первые пять лет службы, а потом легко, легко, все «идет как по маслу». Видишь сопки в цветущем багульнике, цветы.

А чего стоят красивые названия городов, поселков, деревень, станций, нигде такое не встретишь: Благовещенск, Белогорск, Свободный, Райчихинск, Завитинск, Увал, Екатеринославка, Зея, Буря, Тамбовка, Ивановка, Константиновка, Короли, Поздеевка, Возжаевка, Васильевка, Томичи, Ледяная, Среднебелая, Маховая Падь, Белогорье, Березовский. А какие реки: Амур, Зея, Буря, Томь». Под «занавес» воскресного дня и больших впечатлений, не очень радостных, уснул рано, боясь проспать на службу.

С понедельника – понеслось, поехало. На разводе представили полку, батальону. В парке хранения БМП -1 и автомобилями задачи батальону ставил капитан Елисеев. Обслуживание техники (БМП) началось с полного открытия люков, десантных дверей, поднятия ребристых листов. Картина от-

крылась нерадостная, БМП полностью залиты водой. Экипажи выбирали её, где тряпками, а где и консервными банками. И так до обеда. Было видно, как преобразуется внешний вид машин. Светило солнце, все просушивалось и просматривалось на открытой технике. Удивляло и огорчало одно, что это грубейшее нарушение требований хранения боевой группы машин. Елисеев пояснил, что так бывает всегда после сильных ливней, все привыкли к этому. Чтобы бороться с коррозией на технике необходимо достаточное количество трансмиссионной и белой краски, которой в полку крайне мало. Приходится «выживать в одиночку» в поисках не только красок, но и запасных частей.

При осмотре автомобилей взвода обеспечения обнаружилось, что практически они все не боеготовы из-за отсутствия аккумуляторных батарей.

О чем сразу доложил Елисееву с вопросом: «Куда они делись?». Последний выразил недоумение, как бы оправдываясь, что все должно быть на месте. Обходной лист майору Машкову, убывшему зампотеху, он подписывал лично. И убедительно попросил меня акт приемки автомобилей по взводу обеспечения не составлять до прибытия Глазкова, заверив, что разберется и окажет помощь в укомплектовании техники.

Вечером в каптерке 1 роты в шкафчиках для хранения солдатской повседневной формы я увидел фуражки с зелеными околышками для пограничников. Капитан Петровский пояснил, что наш МСБ является подразделением огневой поддержки гос. границы. В случае вооруженных провокаций с китайской стороны весь личный состав выдвигается к границе и участвует, как пограничное подразделение для ее защиты. Вот так прошел первый день службы.

Благодаря Елисееву и замполиту полка, спал я уже в своей 2-х комнатной квартире на солдатской кровати. Оставалось только ее обставить мебелью и забрать из Брянска жену – студентку 4 курса технологического института. Спустя неделю поинтересовался у Елисеева в отношении отпуска по семейным обстоятельствам в счет очередного, т.к. молодой жене в «положении» ехать на такое расстояние рискованно. Елисеев выразил недовольство: «не успел приехать, а уже

просится летом в отпуск. Приедет командир Неткачев из отпуска, вот к нему и обращайся. У тебя дел в парке полно, как на технике, так и приведением территории стоянок БМП и автомобилей». Пришлось молча согласиться.

Первая неделя прошла в водовороте знакомств с офицерами батальона, полка, в основном с теми, кто работал на технике. От технической части полка во главе с зампотехом майором Оникий, как я понял, ожидать помощи не приходилось. Об этом Оникий прямо заявил, что надо проявлять инициативу самому, полк по линии технического обеспечения БМП и колесной техники слаб. Дельных советов, рекомендаций от него по своей службе получал мало. Все задачи сводились к наведению порядка в парке и не только на закрепленной территории.

С учетом того, что батальон по количеству личного состава в части на 1 месте, все службы полка старались «урвать» солдат для своих нужд. В связи с этим я стал высказывать недовольство командованию в лице Оникия и Елисеева. Последний успокаивал меня, заявляя, что с приходом Неткачева, «все станет на свои места».

Командиры рот, взводов батальона в основном занимались строительством материальной базы полигона (войскового стрельбища и огневого городка) в районе поселка Таежный.

Мне, как зампотеху батальона за летний период до морозов необходимо было привести в порядок технику и парк. Большое беспокойство вызывало состояние БМП учебно-боевой группы в количестве 4 единиц. Запчастей практически не было. Восстанавливали 3 БМП за счет разборки 4-ой.

Другого выхода не было. Приходилось идти на грубые нарушения использования учебно-боевых БМП – заниматься конкретными приписками километража и моточасов. Для этого в полковой наряд на использования бронетанковой техники включалась вся учебно-боевая группа БМП без выезда машин из парка. Это давало возможность досрочно отправлять технику в капитальный ремонт на военный завод поселка Возжаевка.

Зампотех 3 ТБ капитан Кошевец посоветовал мне установить контакт с руководством Возжаевского завода капиталь-

ного ремонта БМП и БТР, тем более Возжаевка находилась не далеко от Екатеринославки.

Техчасть полка заподозрила меня в махинациях с приписками. Приходилось оправдываться, хитрить, а помощник начальника БТ части капитан Кузьмин требовал использования БМП в соответствии с требованиями приказов МО. В доверительных беседах я его уговорил, как выпускника одного училища. Кузьмин согласился и предупредил, чтобы я решал эти вопросы только через него, минуя майора Оникий.

С зампотехами танковых батальонов капитанами Болеко, Функ и Кошевец сложились дружеские отношения. Обоюднo обращались друг к другу за помощью и советами. Рассчитывались по-дружески, по – офицерски.

По характеру они все разные. Болеко – грузин, который на него не похож. Функ – немец, педант. Миша Кошевец из Украины, выпускник Киевского среднего танкотехнического училища, добродушный, общительный, знающий и трудолюбивый офицер. С ним часто находились на Завитинском учебном центре. Жизнь у него не сложилась, пил «горькую» после развода с гулящей женой. Стало известно, Миша погиб на полигоне при вытаскивании танка из болота. Что меня потрясло.

В конце июня из отпуска на несколько дней раньше прибыл командир полка майор Неткачев Ю.М., который пришёл в парк хранения техники.

Весь личный состав МСБ во главе с капитаном Елисеевым находился в учебном центре Таежного. В парке по моей настоятельной просьбе был оставлен со мной только водитель ЗИЛ-157 взвода обеспечения для завоза песка на территорию стоянки техники.

На вопрос, кто будет грузить и разгружать, Елисеев ответил, что для этого есть молодой зампотех и водитель. Я вступил в перепалку, заявив, что солдата-водителя за рулем использовать для таких работ запрещено. Это не подействовало. Пришлось «облагораживать» территорию вдвоем, осуществляя выезды в песочный карьер за Екатеринославкой.

За этой работой в парке перед обедом я и встретился с командиром полка в танковом комбинезоне. Сразу его я не

заметил, занимался разгрузкой песка с машины. Водитель окликнул меня: «Товарищ лейтенант, командир полка Неткачев!»

Спрыгнув с машины, побежал представляться и докладывать. Неткачев внимательно осмотрел меня и недовольно спросил: «Почему в парке работают только два человека? Неужели у Елисеева не нашлось больше людей, а тем более механиков-водителей?»

Я доложил, что на следующей неделе все механики-водители и водители будут заниматься обустройством парка. В тот же день я поставил в известность Елисеева о встрече с командиром полка, как я понял, начальнику штаба уже пришлось вести разговор с Неткачевым.

Елисеев выразил недовольство моим докладом. По его мнению, эта жалоба конкретно на него, и не хотелось продолжать со мной службу в таком ключе. В ответ я заявил, что никто жаловаться и выслуживаться перед командиром полка не собирался.

В Германии в составе МСБ большую часть времени приходилось стоять на строевых смотрах вместо работы в парке на технике. А здесь совсем другая обстановка, парка, как такового, еще нет, просто открытая полевая стоянка. Елисеев перевел разговор на шутку, что это не ГДР, придется привыкать. В дальнейшем он всегда поддерживал меня, но в силу разницы в возрасте, а может быть и карьеры, тесного контакта с ним не было.

Спустя неделю парк МСБ преобразился. Неткачев при повторном посещении парка, остался доволен результатами нашей работы, приказал заменить ограждение стоянки новой колючей проволокой, а БМП переставить на новые шпалы или бревна. По его приказу начальник инженерной службы капитан Фисенко выдал мотки колючей проволоки и металлические скобы со своего склада, использованные шпалы по согласованию взяли с железнодорожной станции поселка.

Наряду с перестановкой БМП поротно проверялась их боеготовность, устранялись выявленные неисправности и недостатки в содержании. Мною были проведены занятия – инструктажи с офицерами и механиками-водителями мо-

тострелковых рот по контролю за температурным режимом двигателей в летних условиях, особенно для БМП учебно-боевой группы. В каждую роту выдал Наставление по эксплуатации БМП 1 и порекомендовал всем офицерам держать его в качестве настольной книги. Спустя время это дало результат: техника к осени стала реже выходить из строя во время занятий по вождению и боевых стрельб.

В начале июля, после выполнения задач по благоустройству стоянки МСБ по совету замполита капитана Чакина, я устно обратился к командиру полка о предоставлении мне отпуска по семейным обстоятельствам в счет очередного в связи с намерением привести жену из Брянска в гарнизон. Одной ехать на такое расстояние медики не советовали, в связи с ее положением, ждала ребенка. Командир полка, выслушав меня, дал добро. Из Брянска через Москву поездом «Россия» с женой ехали 7 суток в плацкартном вагоне. Поездка оказалась утомительной, со слезами на глазах для супруги. В дороге повезло с попутчиком, который много лет прожил на Сахалине. Из общения с ним понял, что люди, проживающие в отдаленных районах от Москвы проще, надежнее и бескорыстнее. В то же время по остановкам на железнодорожных станциях поселков и городов создалось впечатление насколько СССР (Россия) еще недостаточно обустроена, бедна. Это бросилось в глаза, а тем более мне после службы в ГДР, учебе в Киеве. Украина на то время, где я прожил 17 лет, выглядела намного богаче. Меня это не радовало. На родине под Днепропетровском, родившись через 9 лет после Великой отечественной войны, основные игры у нас мальчишек были связаны с пограничниками, которые ловили немецких шпионов-диверсантов. Мы дрались друг с другом, кто будет русским, а кто немцем-фашистом. Естественно все украинцы хотели быть русскими. Другого не дано. Я и вырос с уважением к России, под впечатлением литературы, фильмов, встреч с дядей офицером – родным братом матери, который ежегодно приезжал к родителям из Омска. В Екатеринославке от станции до гарнизона прогулялись пешком, обоих шатало, главное, что была 2-х комнатная квартира с солдатской кроватью, двумя чемоданами, а также теплое лето и молодость.

А далее вновь служба с ее проблемами. Необходимо было как можно быстрее привести в порядок технику, парк к приближающейся осени и холодной зиме.

С начала осени находился на Белогорьевском учебном центре, где проводилась по ротне учебно-боевая подготовка батальона: стрельба, вождение, боевое слаживание взводов, рот. Вся техника полка: танки, БМП учебно-боевой и с повышенной группой эксплуатации была сосредоточена на полигоне в так называемом полевом лагере. Задача была не из легких, ежедневно обеспечивать исправными БМП учебный процесс. Следует отдать должное механикам-водителям, которые почти спали в машинах и делали все возможное, несмотря на дождливую и холодную осень. Особо хотелось отметить командира взвода старшего лейтенанта Степанова (Степаняна, как его все называли) армянина, родом из Еревана.

О быте солдат и офицеров на полигоне лучше не говорить: опять грязь, ночлег в палатках, сухие пайки с подогревом на костре, но не голодали. Таким образом, шло сплочивание в коллективе. Проблем с нарушением воинской дисциплины практически не было. Да это и следовало ожидать. Какие там самоволки и распитие спиртного, когда день и ночь стрельба, вождение.

Одна из главных проблем – выход техники из строя из-за отсутствия запчастей на БМП. Из такого положения приходилось выкручиваться перестановкой узлов, агрегатов и даже двигателя с одной машины на другую. Еще в Белогорье я понял, что необходимо быстрее «наводить мосты» с военным заводом в Возжаевке. В середине октября я оставил учебный центр, прибыв в полк, в связи с ожиданием рождения ребенка. 24 октября в Екатеринбургском роддоме родилась дочь Наталья. В связи с этим был отправлен в очередной отпуск при части.

С началом зимы настала самое тяжелое время для личного состава полка. Морозы доходили до -50. В сборно-щитовых казармах стояли, так называемые буржуйки, сделанные из 200 литровых металлических бочек. Солдаты спали в одежде. В столовой кружки с компотом примерзали к сто-

лам. Пищу принимали в шинелях. На офицерских совещаниях запомнились слова Неткачева, что надо только пережить эту зиму, т.к. в следующем году планируется большое строительство казарм, клуба, столовой, штаба. Это вселяло всем уверенность.

В Белогорье впервые отморозил уши. Довольно неприятная и болезненная вещь. Капитан Соколов, как дальневосточник, неоднократно напоминал мне, как вести себя при сильных морозах на технике. От него впервые услышал народную поговорку: «Сибиряк не тот, кто морозов не боится, а кто тепло одевается». Холод доставал нас всех, но особенно солдат механиков-водителей при обслуживании техники. Практически у всех пальцы были отморожены, а сам в дальнейшем заработал аллергию на холод. Грелись над эжектором выброса выхлопных газов и ведром с дизельным топливом. Поочередно бегали в единственное отапливаемое место – здание ПТО. Механики-водители танков и БМП выглядели, как негры. Меня и офицеров, работающих со мной в парке, выручал КУНГ с печкой-буржуйкой на старом автомобиле МТО ЗИЛ-157.

Из механиков-водителей учебных БМП в памяти остался рядовой Ищейкин: по росту «карандаш», трудолюбивый, неунывающий, любил технику, оказывал помощь механикам в ремонте. Его машина всегда была на ходу. С ним приятно было работать и общаться. Однажды прямо спросил меня: «Товарищ лейтенант, а вы можете стать генералом? А то, представляете, как звучало б? Генерал-лейтенант Готвянский!» – «Да звучит неплохо». И мы оба посмеялись. Об этом разговоре стало известно командиру роты капитану Соколову, который иногда шутил: «Ищейкин, а правда звучит генерал-лейтенант Готвянский?!»

Пришлось делать внушение Ищейкину за «болтливость».

Зима 78-79 г.г. для меня и техники – большое испытание на прочность. Доходило до того, что ни одна из четырех учебных БМП самостоятельно не заводилась. Для этого машины после занятий ставились на крутом спуске для запуска двигателя на передаче. Но это не всегда получалось. За помощью шли к танкистам. В нарушение Наставления на вождение

иногда выходило по одной машине, которую использовали на одной учебной точке: проход в минном поле, ров, мост.

Из воспоминаний о службе во 2-м Гвардейском танковом полку, мл. сержанта (по окончанию службы – старшины) Гадаева Р.М.

Воспоминания о службе в Советской Армии. /1978-1980/. Гадаева Руслана Мажитовича. Старшины 3 роты мотострелкового батальона 2-го Витебского Гвардейского Краснознаменного дважды орденоносного орденов Суворова и Кутузова второй степени танкового полка 22269.

Я., Гадаев Руслан Мажитович, родился 1 июля 1960 года в Казахстане, в городе Джамбул.

На службу меня призвали в 1978 г из города Грозный.

Первые полгода, я проходил службу в учебном полку, в Хабаровском крае пос. Князе-Волконка.

Нам, прибывшим с Кавказа, было непривычно жить здесь! Мороз был –50 градусов. Меня обучали всему, знать устав, оружие, в общем – всей армейской жизни!

Самое главное, учили водить отличную боевую машину БМП – Боевая Машина Пехоты! Любопытный от природы, я старался познать всё. Даже морозы мне не казались такими сильными. Кругом были опытные командиры и такие же, как и я, молодые солдаты.

По окончании обучения мне было присвоено звание младшего сержанта, и я был направлен для прохождения службы в Амурскую область п.г. т. Екатеринославка. Во второй Витебский Гвардейский Краснознаменный дважды орденоносный Суворова и Кутузова второй степени танковый полк. В третью роту мотострелкового батальона полка.

Армия – это не прогулка. Это серьезный, каждодневный труд и не одного человека, а всех вместе!! Я сам умел и любил работать, сам учился и учил своих солдат. Наша рота всегда была на первых местах и в учебе, и в строевой подготовке, и на учениях! Здесь во всем нам помогал наш командир – Вессер Валерий Викторович!

Этот умный, грамотный, серьезный в работе и добродушный и веселый в быту офицер делил с нами все тяготы службы.

Где бы мы ни были на учениях, на плацу, на отдыхе он всегда был рядом. Он приходил в казарму в любое время, наблюдал за нашим бытом, за отношениями между солдатами, чистотой и т. д.

Его все касалось! Конечно, не обходилось и без замечаний, но они всегда были по делу, и мы старались быстро все их устранить. Он любил свою службу, мы это знали и чувствовали и сами относились к нему с большим уважением.

Мне запомнился такой случай. По прибытии нас выстроили перед штабом. Всех встречал командир полка майор Неткачев Юрий Максимович и большая часть его сослуживцев, офицеров полка. Это была моя первая встреча с этим замечательным человеком. Юрий Максимович порядочный, умный, справедливый, добрый и внимательный командир! На всем протяжении службы мы это чувствовали и знали. Наш командир – настоящий защитник отечества! К каждому он относился с пониманием, но и был требовательным при исполнении приказа и несении службы. **ВМЕСТЕ С НИМ** в одной связке работали и его сослуживцы.

Все эти люди имели желание и умение служить в Советской Армии, любили свою службу и с удовольствием делали свое дело. Вот в такой слаженный дружный коллектив я попал служить. И никогда не пожалел об этом.

Вспоминается и такое, когда командир полка с личным составом всего полка проводил утреннюю физическую зарядку. Был построен полк утром на плацу, заместитель командира майор Сумароков доложил командиру. Командиром было объявлено, что сегодняшнего дня он проводит физзарядку. Проведя разминку на плацу полка, он, повернув полк налево

и подав команду: в ротных колоннах за ним и побежал. Все сержанты, солдаты были удивлены этим. Бежали все – прапорщики и офицеры, лейтенанты, капитаны и майоры. Прошла солдатская молва, кто не прибыл из офицеров утром, бегал во время обеда. Вот таким мне запомнился командир полка майор Неткачев Ю.М. Он был требователен, как к себе, так и ко всему личному составу полка, не взирая на звания и должности. За это солдаты его любили и называли «батей».

Уже в части, мне присвоили звание старший сержант, и назначили заместителем командира взвода. Так я прослужил год.

Со мной вместе служили ребята из Сибири, Якутии, Казахстана, Узбекистана, с Дальнего Востока, всех не перечислить. В общем, это была большая дружная многонациональная армейская семья!

Моя работа, вернее служба, заключалась в том, чтобы обучать молодых неопытных ребят, находить нужные слова для каждого, помогать справляться во всех, делах. Мне необходимо было иметь хороший контакт и с командирами, чтоб правильно объяснять всем наши задачи, надо было не давать в обиду слабым.

Не всем легко давалась служба в этих суровых краях. Приходилось порой, обращаться за советом к командиру, чтоб решить сложные вопросы. В этом я всегда получал дельный совет. Рядом со мной служили такие замечательные парни, которые стали моими друзьями на всю жизнь. Это – старшина Канукоев Руслан. Очень выдержанный, порядочный, справедливый, честный парень. Он до сих пор мой лучший друг. Тоже самое могу сказать и о Дулетбаеве Сергее, Борисе Патрине, Николае Штанове, Токпаеве Нарзане, Юрии Упырей и о многих других. А ведь прошло более 40 лет после окончания службы.

Находясь в должности старшины 3 мотострелковой роты, я старался все свои знания и умения передать молодым солдатам. В подчинении у меня было 84 человека. Все они были разные и по характеру, и по национальности, и по отношению к службе. С этими парнями я делился всем.

Сказать честно – я любил командовать и у меня это получалось! Мне нравилось по утрам рапортовать моему ко-

мандиру роты. До сих пор могу без запинки произнести эти слова:

– «Товарищ капитан! Личный состав 3 мотострелковой роты построен. За ваше отсутствие происшествий не было! Гвардии старший сержант Гадаев.» Я любил докладывать и любил, чтобы и мне докладывали, любил чтоб, все было по уставу. Дисциплина и уважение к своим сослуживцам всегда ценилась в нашей роте.

Достигалось это ежедневной работой всех командиров и больших, и малых. Все работали дружно. Поэтому до сей поры у всех нас осталось это ощущение теплоты и локтя рядом идущего товарища. Поэтому и пишут мне многие, делятся воспоминаниями и рассказывают о своей теперешней жизни.

Какая служба без учений! Самые ответственные учения проходили на базе в Завитинском учебном Центре. Там мы учились стрелять из всех видов оружия. Например, за мной был закреплен пистолет Макарова.

Каждый должен был уметь четко выполнять приказы, отлично обращаться с любым оружием, знать и понимать тактику боя, знать свою роль и место в любом бою и мог прийти на помощь товарищу.

Все это вырабатывалось нашими командирами не с одного раза. Учения были разные, уставали, не спали. Вспоминаю сейчас это с благодарностью. Нас научили выносливости, сплоченности и взаимовыручки. Нельзя было отставать, когда рядом твой командир, а сам ты тоже должен показывать пример другим!

Кроме того, я был командиром БМП– боевой машины пехоты!

Моя машина весила 13 тонн. И еще экипаж 11 человек!

Управлять всем этим нужно умение и навык. Могу сказать, что до сих пор с любовью вспоминаю свою машину, помню каждую ее деталь. Каждую царапинку! Думаю, что каждый из нас тоже так думает, потому что все, что нам дала армия, пригодилось на гражданке. Именно в Советской армии нас учили любить и защищать родину, учили дисциплине во всем, учили чувству товарищества. И главными наши-

ми учителями были Неткачев Юрий Максимович, Соколов Валерий, Вессер Валерий Викторович и, конечно, весь офицерский состав.

Конечно, у нас были и часы отдыха. Мы находили возможность и время написать домой письмо, посидеть тихонько и полистать журнал или почитать книгу, подумать о жизни. У нас в полку была солидная библиотека, там литература была на все вкусы. Работала там молодая и красивая Любовь Михайловна Исмагилова!

К каждому она относилась с вниманием и помогала выбрать нужную книгу. Были и праздники! Тогда мы своими силами устраивали концерты! Талантов было много и среди солдат, и среди офицеров. Приветствовали всех одинаково аплодисментами!

Об отношении к нам всего офицерского состава могу сказать, что все они были порядочными, знающими свое дело людьми. Любили свой труд, молодых ребят.

Со мной произошел такой случай!

Почти сразу по прибытии в часть, нам надо было бежать лыжный кросс. Я ведь с Кавказа, ходить на лыжах не умел. Когда нам раздали лыжи многие ушли вперед. Я не знал, как быть?

Ко мне подошел общительный мужчина. Был он в спортивном костюме

Я не узнал в нём командира полка Неткачева Ю, М., т.к. служил еще совсем немного.

Он спросил: – «Ты откуда воин?».

Я ответил: – «Из Грозного!»

«Чеченец?» – спросил он.

«Да, чеченец!» – сказал я. – «Я не умею ходить на лыжах!».

Он улынулся и сказал: – «Держись за мной и всему научишься!».

Встал на свои лыжах впереди меня и пошел потихоньку, чтоб я не отставал и помог научиться ходить на лыжах.

Вот такие вроде незначительные, но очень важные для каждого человека истории, были в нашей части каждый день.

Наш замполит батальона Чакин В.И. постоянно был рядом. В столовой он контролировал процесс принятия пищи,

все ли есть у солдат, на полигоне рядом с экипажем во время стрельбы.

Даже само присутствие рядом этих знающих и уверенных офицеров давало силы пройти эту службу с достоинством!

Прошло более 40 лет, как я вернулся после службы.

Скажу так, все что я получил в Советской армии, весь опыт общения с людьми, знание техники, умение понимать других все пригодилось мне в дальнейшей жизни.

И не мне одному.

P.S. На этом я хотел закончить воспоминания старшины роты Гадаева Р.М., этого замечательного лучшего старшины роты, но получив очередное письмо от него понял, что надо добавить еще несколько строк.

С какой теплотой и любовью вспоминает Руслан о службе и своих товарищах! (Орфография и пунктуация без изменений)

«Уважаемый Юрий Максимович!

Я, Гадаев Руслан Мажитович, родился 1 июля 1960 года в Казахстане, в городе Джамбуле! Туда моих родителей 23 февраля 1944 года выселили с родного Кавказа вместе со всем чеченским народом! Им в полной мере пришлось на себе испытать все тяготы того времени. В одночасье они остались без дома, без тепла, без хлеба, без защиты! Простые и трудолюбивые люди, они не сдались! Они стали работать и потихоньку налаживать жизнь в Казахстане. Отец был строителем, мама работала на сахарном заводе! Там родились я и два моих брата! Человек всегда стремится к своим истокам! Так и мои родные, прожив в Казахстане, 13 лет вернулись на Кавказ мне в это время было три года! Я и сейчас здесь живу в ст. Серноводской!

Жизнь продолжалась, родители работали, мы учились в школе. Уже здесь у них родился ещё один сын и дочь. Жили все мы дружно в нашей станице. Разделения по национальному принципу не было ни в школе, ни на улице, ни между соседями. Каждый помогал другому, как мог и как умел. Не было зависти и вражды, было уважение и взаимовыручка! Был такой не забываемый СССР!!! Здесь в Серноводске, я окончил 10 классов, отсюда 1978 году пошёл в армию! Служил на Дальнем Востоке в Амурской области, Октябрьский

район, п.г. Екатеринославка. Войсковая часть 22269 под Вашим командованием!

Прошло 40 лет, как я вернулся после службы. А наша, дружба продолжается до сих пор. Армейское братство продолжается, до сих пор мы дружим. Мой лучший друг Руслан Канукоев живет в Нальчике. Общаемся и с Даулетбаевым Сергеем, Юрием Упырем. Николаем Штанговым. В моих друзьях в одноклассниках офицеры полка: Будей Николай, Вессер В, Ивакин, Вальц и еще много, много других Мы общаемся, узнаем друг о друге делимся воспоминаниями.

Мне пишут ребята служившие там и до, и после нас.

Вот такое получается армейское братство! У всех у нас есть мечта – собраться в одном месте посмотреть друг на друга обняться и поговорить! Надеюсь, она сбудется! Желаю всем мира и добра! И пусть наши пушки никогда не стреляют, а наши дети живут под мирным светлым небом! Мира всем и процветания!

Ваш Руслан Мажитович Гадаев».

...Жизнь шла, и личный состав полка занимался плановой боевой учёбой. Полк продолжал выполнять программу зимнего периода обучения и готовиться к увольнению личного состава и приёму нового пополнения из учебных подразделений округа и с гражданки. В Вооружённых Силах существовало два призыва – осенний и весенний. Весенний имел некоторую особенность, он как бы состоял из двух частей. Первая – основная, а вторая включала в себя всех тех, кто имел отсрочку на два-три месяца для окончания учёбы (учащиеся ПТУ, студенты вторых курсов и т.п.). Таковую категорию, как правило, призывали в августе, тогда как основную часть призыва осуществляли в мае-июне. Такое дополнение весеннего призыва поступало как правило в августе. Это несколько влияло на сколоченности подразделений полка и требовало дополнительного времени, но проходило небольшое время и подразделения полка были сколочены и могли подвергаться любой проверке.

Росла и совершенствовалась учебная база полка, которая позволяла, не выезжая на ЗУЦ проводить практически все

стрельбы (кроме штатного снаряда) по выполнению упражнений курса стрельб, всеми штатными подразделениями полка. Был заново отстроен машинодром для колёсной техники и восстановлен танкодром для выполнения всех упражнений курса вождения боевых гусеничных машин.

Да именно в таких суровых условиях жил личный состав и семьи офицеров полка, и не только жили, но и обучали своих подчинённых воинскому мастерству, зорко охраняли государственную границу Родины, воспитывали детей. Отдалённость округа, неустроенность офицерских семей, быта военнослужащих срочной службы, суровый климат спланивал нас и не было в нашем коллективе предательства в офицерской среде, как я увижу в дальнейшем в своих вёрстах жизни.

В марте, а точнее 3.03 1980 года приказом Министра Обороны мне было присвоено звание подполковника – досрочно. Это была заслуга многотысячного коллектива полка, невероятности трудности жизни и службы, множество других забот, которые приходилось решать, позволили мне поверить в собственные силы и бескорыстную помощь своих товарищей по службе. Я искренне благодарил их за это, командиров батальонов, дивизионов, командиров рот и батарей, начальников служб полка и своих заместителей, всех офицеров полка.

Вспоминается случай, о котором много говорили тогда, который произошёл на Сахалине, в конце зимы. От берегового припая оторвалась огромная льдина с рыбаками. Людей надо было спасать. Начальники области доложили в Москву о ЧП, чтобы снять с себя ответственность, навязчиво подсказали Москве переложить миссию спасения на военных. Рискуя жизнями вертолётные экипажи, в условиях шторма, когда крошится лёд, а море закрыто низкими облаками, они управляемые ими винтокрылые машины спасали рыбаков.

А то свирепый тайфун принесёт обильные ливни и разольётся Амур, и опять надо спасать людей. И снова воины округа показывали беспримерное мужество и самоотверженность.

Через два месяца с небольшим после присвоения мне звания подполковник, приказом Министра Обороны СССР,

я был назначен на новую должность. Мне было объявлено, что на основании приказа Министра Обороны СССР от 16.5.1980 г. я назначаюсь на должность заместителя командира дивизии, штаб которой и ряд частей дивизии дислоцировались в городе Райчихинске Амурской области.

Вот и настал день расставания. Полк с развёрнутым боевым знаменем на правом фланге застыл в строю. Смотрю на дорогие мне лица однополчан. Стоят в строю мои верные товарищи и помощники – офицеры полка. Многие из них за годы этой совместной службы выросли в воинских званиях и должностях, приобрели незаменимый опыт, стали мудрее. Встречусь ли я с кем-либо из них дальше в жизни и по службе?.. Стоят солдаты в строю и сержанты – русские, белорусы, украинцы, молдаване, узбеки, киргизы, таджики, цыгане, чеченцы и т.д. нашей многонациональной страны. В полку насчитывалось более 20 национальностей. Тяжело расставаться с ними. Последние слова прощания, напутствия, прощание со знаменем. Последний раз торжественным маршем проходит личный состав полка, перед своим убывающим командиром. Стою с огромным волнением, сдерживаю слёзы на глазах. Прощай, полк, прощайте, дорогие однополчане. Удачи вам и успеха.

Мне было тяжело прощаться со своим многонациональным полком, но что делать? Такова наша жизнь! Попрощавшись со своими бывшими подчинёнными и соратниками и боевым знаменем полка, забрав семью и нехитрый домашний скарб, я на машине выехал в г. Райчихинск в штаб 266-ой мотострелковой Артёмовско-Берлинской Краснознамённой, ордена Суворова дивизии. Что там меня ждёт? Как сложатся отношения с новым коллективом? А пока были одни вопросы. Я ехал в новый гарнизон. Оставив за себя своего заместителя – майора Сумарокова надеясь, что он или начальник штаба полка – майор Гич, будут назначены на должность командира полка, а на их должности будет назначен командир 2-го танкового батальона – майор Рошин. Командир роты связи будет назначен начальником штаба батальона связи в г. Райчихинск, а начальник связи в отдел связи армии. Все эти офицеры, заслужили эти должности. После моего убытия к

новому месту службы, выйдет приказ Министра Обороны, мои заместители останутся на своих должностях, а командиром полка будет назначен начальник штаба соседнего 111 танкового полка майор Фролов, а на его должность будет назначен командир 2-го батальона – майор Рошин. Вот так рассудило высшее командование. В дальнейшем начальник штаба – майор Гич будет назначен в управление боевой подготовки Сухопутных Войск. Майору Сумарокову будет предложена должность командира полка в Московский военный округ. Будет назначен на должность начальника штаба полка и командир мотострелкового батальона – майор Огурцов в полк, дислоцирующийся в г. Хабаровске, а на его должность придёт капитан Вессер. Начальник медицинской службы полка майор Арутюнов В.С., будет назначен на должность начальника штаба медицинского батальона в 199 мсд. посёлок Возжаевка. Все они заслужили повышения по службе, за свой труд и свои знания и умения, как и другие офицеры. Я радовался за всех. А пока все оставались на своих местах, здесь оставался мой дружный, сплочённый коллектив полка, а я уезжал в новый гарнизон считать свои новые вёрсты жизни.

Райчихинск

На машине к новому месту службы добрались быстро, в течении двух с небольшим часов. Что это за гарнизон я уже знал.

Райчихинск был самым южным городом области, его население в то время насчитывало приблизительно 27,2 тысячи человек. Райчихинск стоит в широкой пади, по которой протекает речка Озёрный Ключ. Райчихинцы соорудили на ней водохранилище.

В Райчихинске возводились новые благоустроенные дома. Ими уже были застроены несколько улиц. Самое красивое здание было – Дом техники. Первый телевизионный центр в Амурской области был построен в Райчихинске. Райчихинск в то время называли кочегаркой Амурской области – он возник в 1932 году в связи с разработкой бурогоугольного месторождения. Постепенно вокруг Райчихинска возникли

посёлки городского типа – Ново Райчихинск, Прогресс, Широкий, имеющие тесные производственные связи с городом. Эта группа образовала Райчихинскую городскую агломерацию с населением более 52 тысячи человек. В окрестностях города добывался бурый уголь, были расположены фабрики и заводы, связанные с угольной промышленностью, крупная электростанция, снабжающая электроэнергией Благовещенск и многие районы области, а также Хабаровск, заводы по ремонту машин для угольной промышленности. Близ города находилось месторождение кварцевых песков, поэтому здесь был построен стекольный завод. В связи с наличием трудовых ресурсов в последние годы в Райчихинске были выстроены светотехнический завод, крупные обувная и мебельная фабрики. В городе были крупные предприятия по производству строительных материалов.

Для подготовки рабочих и техников для угольной промышленности был открыт вечерний индустриальный техникум. Имелись медицинский и два профессионально-технических училищ.

Как и в других городах области, имелись – Дом пионеров, клубы, библиотеки, кинотеатры, парки культуры.

В этом городе и предстояло мне продолжить мои вёрсты жизни в новой для меня должности. Какие они будут для меня? Я не знал!

Выезжая в штаб дивизии в Райчихинск, я одел парадную форму. В штабе представился командиру дивизии – генерал-майору А.Е. Пешкову. Он был выпускник Академии Генерального Штаба, встретил меня доброжелательно. Рассказал, какие задачи стоят перед дивизией в предстоящем учебном полугодии. Довёл: в каких гарнизонах дислоцируются части дивизии и коротко рассказал о состоянии учебно-материальной базы частей. Назвал фамилия своих заместителей. Указал адрес моей квартиры и отдал мне от неё ключи. Я, выйдя из его кабинета, пошёл знакомиться с заместителями, зная, что нужно вставать на партийный учёт, зашёл к начальнику политотдела – полковнику Морозову Ю.А. Познакомились – это был очень порядочный офицер-коммунист, болеющий за дела в дивизии и в первую очередь за дисциплину и уров-

нем подготовки личного состава. Он мне рассказал о боевом пути дивизии. Он был таковым:

Двести шестьдесят шестая стрелковая дивизия во время Второй мировой войны, формировалась трижды. Впервые первый полк дивизии был сформирован из подразделений НКВД в июле 1941 года и был полностью уничтожен на более поздних этапах боёв под Смоленском осенью того же года. Второй раз дивизия была сформирована в декабре. Во второй битве за Харьков в мае 1942 года снова в связи с большими потерями расформирована. Третий раз была сформирована и участвовала в операции «Маленький Сатурн», Стратегическом наступлении на Донбасс, втором Яско-Кишинёвском наступлении, на Висло-Одерском наступлении и битве за Берлин. Сформированная из полка дивизия ненадолго оставалась в Германии, а затем была отведена в Сталинград, где стала отдельной стрелковой бригадой. В 1953 г. она была преобразована в 68-ю механизированную дивизию, а в 1957 г. – в 177-ю мотострелковую дивизию. В 1965 году она была преобразована на в 266-ю мотострелковую дивизию, а через год была переброшена на Дальний Восток. В Амурскую область из Волгограда. Она вошла в состав 35-й армии в 1969 году. В конце 80-года штаб дивизии, 430-й мотострелковый полк и 832 артиллерийский полк находились в г. Райчихинске, 155-й мотострелковый полк в г. Облучье, 785-й мотострелковый полк в пгт (посёлок городского типа) Архаре и 376-танковый полк посёлке Зельвино на окраине Райчихинска. Вот такой был состав дивизии и её места дислокации частей. Это мне рассказал начальник политотдела.

В это время, комдив приказал начальнику штаба дивизии, построить управление дивизии и представил меня. Здесь я увижу своего командира роты связи полка уже ставшим майором Киселёва. Так начались мои вёрсты в освоение новой должности.

Неделю я только послужил в этой должности, не успев объехать и познакомиться со всеми гарнизонами и местами дислокации, частей дивизии. Только начал входить в курс дела, получил приказ о назначении командиром так называемого «целинного» батальона, которого техника уже был в

дороге. Станция назначения была – город Уральск Казахской ССР. В стране затевалась очередная битва за урожай. С округа отправлялось двадцать пять автомобильных батальонов, которые даже комплектовались на о. Сахалин и Камчатки. В каждом насчитывалось – более тысячи человек личного состава, 500 бортовых машин, более пятнадцати единиц специальной техники – ремонта, заправки и обслуживания, запаса продовольствия, полевого оборудования. А первый эшелон должен был прибыть туда уже через четыре дня. Стал решать семейные вопросы: дочь пошла с женой сдавать документы в близлежащую от квартиры, школу. Снова всё благоустройство квартиры легло на плечи моей супруги – Серафимы Николаевны. Сам я, убыл рейсовым самолётом в город Уральск, предварительно выяснив и уточнив штат и укомплектованность батальона. Летом ежегодно в летний период львиная доля автотранспорта частей, полностью экипированная и обеспеченная для перевозки сельхозпродуктов, уходила в помощь народному хозяйству по уборке урожая. И всегда эта задача личным составом выполнялась с честью и была отмечена высокими правительственными наградами. Прибыв на станцию разгрузки уточнив время прибытия эшелона, поехал в областной комитет партии представляться. Как выясниться в дальнейшем в каждой области Казахстана, мне пришлось делать это, т.к. с батальоном мы проедем их практически все. Везде в областях, и районах, мы находили только поддержку, и доброжелательность, должностных лиц, начиная от директоров совхозов, руководства районов и заканчивая руководителями областей. Личный состав батальона комплектовался – до десяти процентов личным составом срочной службы, а остальной – был призван из запаса, так называемые «партизаны» с гражданки, разных областей РСФСР, это были крепкие мужики по 35-45 лет, которых по окончанию уборки мы должны были отправить в их области железнодорожным и воздушным транспортом. Техника батальона стала прибывать с личным составом. Прибыл последний эшелон. Доложил начальнику оперативной группы назначенным старшим от Сухопутных Войск в Москву для всех батальонов, занимающихся уборкой урожая в краях и

областях всего СССР, построив весь батальон и приказав на всей технике на лобовом стекле водителя и его двери кабины набить трафаретом слова: «тише едешь, дальше будешь. Быстро едешь, будут медленней нести. И скорость-40 км с грузом». Начальнику ВАИ и заместителю по технике приказал организовать контроль за исполнением этого приказа в ротах. Рот будет пять. Их командиры будут – заместители командиров полков. Начальник штаба батальона, занимал штатную должность – начальника штаба медицинского батальона Возжаевкой дивизии, оттуда будет и начфин артиллерийского полка. Все должностные лица батальона уже не раз ездили в подобные командировки в том числе и в Казахстан. Штатные должности у всех были, не ниже заместителя командира части, за исключением заместителя командира батальона по полит части. Он будет назначен с должности, зам. начальника политотдела бывшей моей – 21 – ой танковой дивизии. Это был для меня в то время, самый знакомый офицер. Собрал всех офицеров и довел полученный план, за выполнение которого я отвечал. Основные уборочные единицы – роты – трудились, как правило, в отрыве от батальона – в совхозах районов областей, в которых был батальон. Каждый командир роты, получил от меня задачу, обязательно познакомиться с секретарями райкомов партии и председателями райисполкомов. Начальник штаба – должен был ежедневно контролировать с начфином сколько тон перевезено, каждой машиной. Зам потех батальона должен был вместе с начальником ВАИ организовать выписку ежедневных путевых листов в каждой роте. На заместителя по тылу, его всех служб возложил задачу организации: питания, заправки ГСМ, смены белья и помывки личного состава. Практически все должностные лица батальона получили от меня задачу и на протяжении всех шести месяцев нашего пребывания в этой республике, в каждой области, куда бы батальон не перемещался, все работали с усердием и старанием.

Дисциплина в батальоне была на должном уровне. Но был в начале такой эпизод: «Начали вывозить зерно. Машина одной из рот превысила скорость указанной мной. Зерно я знал,

работая в колхозе, что этот груз при перевозке, был очень сыпуч. Водитель грузовика это не учёл, хотя и был в возрасте, машина легла на бок на косогоре, зерно высыпалась». Я лично на закреплённом за мной ГАЗ-69, на котором я мотался с раннего утра до поздней ночи, ехал за машиной, т.к. это была первая машина в батальоне, которая везла первое зерно в области от комбайна на ток совхоза. Мой прогноз подтвердился. Вызвал начальника ВАИ батальона, а командирам всех рот с личным составом рот приказал прибыть в точку аварии машины. Собрав весь личный состав батальона, прибывшая летучка со стрелой и с её помощью машину поставили на колёса. Осмотрев машину на предмет её повреждения, мной было обнаружено, что отданное мной распоряжение по нанесению указанных мною слов на этой машине не выполнено. Построенный личный состав батальона, видел всю картину случившегося. Водитель оказался – 40-летним мужиком, призванным с Московской области. Начальник ВАИ по моему приказу изъял у него права. Забрав громкоговоритель у замполита батальона, довёл до них ещё раз, что их ждут дома: родители, жёны, дети. Все они ждут их дома живыми, а не в цинковых ящиках. Приказал принести мне монтировку, а водителю положить на кирпич свои права, начальнику ВАИ батальона монтировкой сделать дырку в его правах и вернуть ему. Приказал тут же всем командирам рот, собрать права у все водителей и сдать под расписку начальнику ВАИ. Ещё раз довести меры безопасности. Всё это в дальнейшем сыграло огромную положительную роль, т.к. в дальнейшем подобного примера не было. Уезжая в другие области Казахстана, по мере получения новой задачи и прощаясь с секретарями – районов и райисполкомов, командиры рот получали благодарности и ценные подарки. Практически в конце уборки все водители от дирекции совхозов получили ценные подарки, виде – именных транзисторных радиоприёмников или автомобильных телевизоров. Не было ни одного водителя, который убывал домой без подарка. Мне было очень приятно, что здесь ценят труд солдата и офицера на разном уровне. Начиная от директора совхоза и заканчивая руководителями районов и областей. Супруга с дочерью с

Амурской области через несколько дней после моего убытия в Казахстан, прилетели к её родителям в г. Куйбышев. Я был за них спокоен.

За несколько месяцев до окончания уборки я получил задачу рассредоточить технику в две области республики – Целиноградскую и Карагандинскую, для вывоза зерна с токов хозяйств на элеваторы республики и железнодорожные станции для отправки в другие республики СССР. Это потребовало проведение дополнительных мероприятий по всем вопросам от выполнения плана, организации быта, питания, обслуживания техники и организации её заправки. Правда, последнее лежало на директорах совхозов, райисполкомов, районов куда они перемещались. Пришлось мне и самому иногда вмешиваться в попытку директоров отправить зерно не по назначению, т.е. не на элеватор, а в кошары (места зимовки овец). Эти действия они объясняли очень просто, что мы сдадим зерно и это же зерно через три-четыре месяца, уже по другой цене будем покупать у государства на корм зимой животноводству, чтобы оно могло выжить. Столкнулся и с таким вопросом – это, чтобы поднять урожайность с гектара, засевалась одна площадь, а докладывалась заниженная и таким образом повышалась урожайность того или иного совхоза. За эти «достижения» директора получали правительственные награды. Конечно, это было очковтирательство! Для меня это было вообще не понятно. Ведь я несколько лет назад работал в колхозе после окончания техникума и по крайней мере такого там не было. А здесь борьба за этот «миллион» пудов собранного и выращенного зерна достигалось и получалось благодаря припискам на разном уровне. Так я впервые за свои вёрсты жизни столкнулся с этой проблемой. Мне было лично не понятно, а зачем это делается? Какая цель? Кого обманывают? Ради чего? Ради какой идеи? Что достигают таким образом? Да уважаемый читатель, это был обман всех простых граждан нашей Родины, такими должностными лицами нашей страны. Может тогда ими начиналась дорога к августу 1991 года, а пока они были большие и маленькие руководители, идущие по этой дороге. В то время, я даже не мог представить это! Пока были только

одни вопросы! На них я лично тогда и сейчас ответить не могу.

Последней областью нашего пребывания на уборке урожая была Северо-Казахстанская область. В ней сосредоточился весь батальон. Было проще контролировать выполнение отданных распоряжений, как своих, так и местных Советских и партийных органов. Во всех областях личный состав батальона, выполнял поставленные перед подразделениями задачи. Возложенные на офицеров задачи по поддержанию трудовой и воинской дисциплины, организации обустройства, питания, расстановки техники, решение бытовых вопросов, организации досуга личного состава. Все эти вопросы всеми должностными лицами батальона, решались вовремя, и в их своевременной организации, лично я не переживал. Все офицеры, как я и писал по своей штатной должности в армии, занимали не низкие должности. По возможности я старался сплотить, наш временный коллектив, настроить всех на решение задач, стоящих перед батальоном. Все прекрасно понимали, что от этого зависит их дальнейшая служба по прибытию в округ. Ведь некоторые были в подобной командировке уже не первый раз. Батальон выполнил возложенный на него план в Казахстане.

Приближалось 7-ое ноября, заканчивалась уборка зерна и его вывоз. Роты получили от меня задачи, готовиться к совершению маршей в район погрузки техники. Для этого иметь необходимый запас топлива на его совершение. При необходимости иметь запас жёстких буксиров, при необходимости, недостающих сварить в совхозных мастерских. Вообще их было в батальоне достаточно, но нужно иметь дополнительный запас, он может пригодится при совершении марша в район погрузки ротами. И при погрузке эшелонов. Всё нужно было предусмотреть, чтобы не было никаких проблем.

В середине месяца рассчитавшись и простившись с руководством республики. Получил задачу от оперативной группы Вооружённых Сил выйти в район погрузки для совершения марша по железной дороге в районы дислокации частей, т.е. в Амурскую область. Принял решение, эту задачу выполнять поротно. В первую очередь отправлять те роты, в

которых был личный состав запаса, призванный из более западных областей. Построил весь личный состав батальона, всех поблагодарил за успешно проведённую командировку и особо поблагодарил личный состав, призванный из запаса. Каждый из них получил от меня грамоту. В конце командовав батальону «Смирно», приказал начальнику ВАИ батальона вернуть права командирам рот. Вызвал к себе водителя, который первый и последний нарушил скорость перевоза зерна. Начальник ВАИ вручил ему новые права. Сколько было радости на лице этого солдата запаса это невозможно описать. Все стоящие в строю захлопали. Благодарили меня за то, что я своими требованиями помог им сохранить жизнь в этой командировки. Они все возвращались живыми и не вередимыми, а это для них было самое главное. В то время подумал я. Значит, делал всё правильно. Может такой своей требовательностью, сохраняя дисциплину, мне удалось сохранить их жизни для их детей, жён, родителей.

Батальон поротно прибывал в район погрузки. Прибывшие на её укомплектование «целинники-партизаны», так называемые солдаты-запаса, после погрузки всей техники на платформы железнодорожного состава, рассчитывались. Получали проездные документы на проезд в свои области и края. Я каждому из них желал без происшествий доехать до дома и ещё раз поблагодарил за службу, словами – «спасибо тебе солдат!». Это были мои искренние слова. Так было практически с каждой ротой.

В начале декабря так называемый батальон «целинников» вернулся на Дальний Восток. Предстояло расформировать роты и сдать технику в части, откуда она была отправлена на уборку. Этот процесс занял около полумесяца. Получив акты за каждую роту, я должен был в округе со службами батальона, рассчитаться со всеми службами округа. Составить акт и представить его командующему. Такой в то время был порядок. Акт был представлен. В отчёте говорилось, что батальон не вышел – дотационным в итоге своей работы по уборке урожая, а впервые им были заработаны денежные средства равные тем, что округ получал от государства на формирование и содержание «целинного» батальона. Как ни

странно, но это имело место в округе впервые за много, много лет. Я об этом узнал намного позже. Всех командиров рот батальона и отдельных начальников служб, я представил к орденам «Знак Почёта». Сам же за свой труд получил золотую медаль ВДНХ.

Для меня полугодовая командировка стала весьма поучительной в получении жизненного опыта. Справедливости ради отмечу, что опыт, полученный при выполнении несвойственных армий функций, оказались для меня полезным в плане сохранения выдержки и хладнокровия в критических ситуациях и принятия адекватных обстановке решений. С ними я столкнусь скоро, но об них будет написано в других главах моих вёрстах жизни.

В Райчихинск вернулся в самом конце декабря. Доложил о прибытии из командировки командиру дивизии. Учитывая, что год заканчивается, а я не был в отпуске, командир дивизии принял решение мне его предоставить. Семья к первому сентября вернулась от родителей и дочь пошла в школу. Это действительно была настоящая городская школа. Дочь уже успела выступить на соревнованиях школы по лёгкой атлетике и занять первое место по кроссу на дистанции одного километра. Ходила уже в баскетбольную и лыжную секцию. В общем была молодец! Школа ей очень нравилась. Нравились ученики, классный руководитель и преподаватели школы. Я был очень за неё рад, что так быстро нашла общий язык со всеми. Сама она училась очень хорошо. Проблем пока по освоению пройденных материалов не было. Это была действительно, дочь своих родителей. Решили в отпуск не куда не ехать, а провести его здесь в Еврейской автономной области, в окружном небольшом доме отдыха.

Не догуляв отпуск, решил выйти на службу и приступить к исполнению своих обязанностей. Доложил командиру дивизии о прибытии. Получил задачу, выехать в дальний гарнизон, т.е. в 155-й мотострелковый полк в годок Облучье Еврейской автономной области. Полк был развёрнутым, постоянной боевой готовности, что и мой – 2-ой гвардейский танковый. Командовал этим полком – майор В.Н. Карабанов, с которым мы вместе прибыли в п.г.т. Екатеринославка. Он

прибыл на должность начальника штаба 93 мотострелкового полка в звании капитана, как и я, после окончания академии имени Фрунзе. Через год, получив звание майора досрочно, был назначен на должность командира 155-го мотострелкового полка. Гарнизон его располагался в 150-160 километрах от штаба дивизии. Большую часть года проезд к нему на машинах был невозможным. Непогода – снег, дождь, непролазная грязь, да ещё весной, летом, осенью разлив рек. Всё это исключало для полка внезапные проверки, но эта отдалённость вырабатывала у офицеров самостоятельность в принятии решений и повышенную ответственность командира полка за порученное дело. О приезде по железной дороге разного рода комиссий командование полка знало заранее. Поэтому мой приезд в полк, стал для них неожиданностью. Дорога заняла приблизительно 3-3,5 часа. Пришлось преодолевать не одно препятствие – в виде заносов. Дороги не чистились. На календаре был конец февраля. Прибыв в полк и выслушав не до конца доклад командира полка, мы с ним обнялись на глазах личного состава полка находящимся на плацу.

Зашли в штаб полка. Командир доложил, что практически все подразделения находятся на стрельбище и машинодроме. Предложил поехать туда на ночную стрельбу, т.к. дневная практически заканчивалась. Командир полка по средствам связи связался со своим заместителем – майором Погодичевым, находящимся на стрельбище, и предупредил о моём приезде и приезде на ночную стрельбу. Стрелять должен личный состав 1-го мотострелкового батальона, его две роты. Роты 2-го и 3-го должны вернуться со стрельбища и машинодрома. Танковый батальон, был в наряде, а артиллерия полка в полевом лагере на Завитинском учебном центре, у неё был полевой выход.

Прибывший заместитель командира полка – майор Погодичев, проинформировал меня о состоянии учебно-материальной базы полка. Она находилась непосредственной близости от зимних квартир и включала в себя: небольшой полигон, учебные поля и машинодром для вождения колёсной и гусеничной техники. Войсковое стрельбище позволяло

выполнение всех упражнений учебных стрельб. Имеющаяся танковая директриса – это только стрельба из складного ствола. Штатную стрельбу снарядом проводили на ЗУЦ. Имеющийся один комплект РТК (ротный тактический комплект) позволял проводить практически все взводные и ротные тактические учения. Батальонные проводили тоже на ЗУЦ.

Вечером втроем выехали на ночную стрельбу. Мне очень хотелось её увидеть и сравнить с организацией её в родном полку и вспомнить свою службу солдатом. Началась ночная стрельба, которую я тут же прекратил. Командиру полка было очень неприятно, что его батальон был не готов к стрельбе. Пришлось с офицерами батальона проводить всем инструкторско-методическое занятие. Стрельба была перенесена на следующую ночь. Заместитель командира полка поинтересовался у меня откуда я знаю все тонкости, которые я им рассказывал по организации стрельбы в ночное время, пришлось открыть тайну солдатской службы.

Вообще полк был подготовленным. Это недоразумение больше никогда не повторялось в дальнейшем. Пробыв там почти неделю, изучив быт и жизнь этого полка, доложив командиру дивизии о результатах работы и выявленных небольших недостатках, которые тут же были устранены, стал возвращаться в г. Райчихинск. Комдив приказал мне, при возвращении заехать в 785 мотострелковый полк. Перед уездом, я попросил майора В. Карабанова познакомить меня с Облучьем. Как выяснил, что Облучье представляло собой маленький населённый пункт с неразвитой инфраструктурой. Действовали в нём небольшие предприятия местной промышленности, в основном пищевой, Дом культуры, школа, больничка и вокзал – вот и все достопримечательности. Я сохранил добрые воспоминания об этом полку и часто сравнивал с родным 2-м гвардейским. Не всё, однако, но многое, в дальнейшем удалось решить в этом полку, благодаря сильному, подготовленному командованию этого полка. Это прежде всего командиру полка подполковнику В. Карабанову, начальнику штаба полка майору Ю. Заяц, замполту майору Л. Роздину и заместителю командира полка подполковнику

Погодичеву, замполиту полка майору В. Синчурин, которого осенью 1980 года краевая партийная конференция изберёт делегатом XXVI-го съезда КПСС. Я считаю, что и здесь есть частица моего скромного труда в обученности этого полка.

785-й мотострелковый полк дислоцировался в пгт Архара. Это был посёлок городского типа в Архаренском районе. С древних времён эти земли были населены эвенками, якутами, бурятами, маньчжурами, о чём говорили топонимы данной местности. Имя же посёлок получил от реки Архара. Он был расположен в 230 км к юго-востоку от Благовещенска, на правом берегу реки Архара (протекает в 3 км юго-восточнее посёлка) в 30 км от её впадения в Амур. Имелась железнодорожная станция Архара, расположенная на 8079 – 8081 км Транссибирской магистрали. Население Архары, в то время насчитывало более тринадцати тысяч человек. В посёлке имелся краеведческий музей, районный дом культуры, три среднеобразовательные школы, Центр детского творчества, музыкальная школа, взрослая и детская библиотека, железнодорожная библиотека, стадион «Юность». Вокруг посёлка расположен был ботанический памятник природы, «Зелёная зона» основанный в 1978 году. Дорога с Облучья проходила вдоль государственной границы по правому берегу реки Амур. Практически при непогоде в распутицу, она была закрыта. Добравшись до полка, выслушал доклад командира полка подполковника Годика В.И., зашли с ним в кабинет. Он вызвал своего заместителя майора Павлова К., который доложил, что все подразделения полка, выходявшие на стрельбище, вернулись. Посадив его в свою машину, поехали с ним знакомиться с учебной базой полка. По прибытии на стрельбище увидел, разруху и её непригодность выполнять элементарные простые упражнения, стал интересоваться, почему она в таком состоянии. Вразумительного ответа не услышал. Стал задавать вопросы, как они готовят имеющиеся личный состав и получил ответ вот так на этой учебной базе, которая есть в полку. Поехали в казармы, приказал командиру полка в течении часа провести смотр приказарменной, ротной базы. То, что я увидел нельзя описать. Мной было приказано на этом смотр закончить и в клубе

полка собрать по возможности всех командиров рот. Объяснение командира были очень простые, что он уже устал командовать этим, как он выразился «сбродом». И высказал предложение покомандовать ими. Собрались офицеры полка, пришлось им поставить задачу, что им нужно сделать в ближайшее время, как в приказарменной учебной базе, так и на стрельбище. Было принято решение на завтрашний день развернуть РТК. Так ещё неделю пришлось заниматься с развёртыванием обучения личного этого полка, так незаметно у всех появилось желание организовывать хотя бы так. Доложил командиру дивизии о том, что увидел и услышал его на мои возмущения слова, которые меня поразили. Мне было сказано уточнить вопрос, а как и сколько у них в парке построено хранилищ. После услышанного, у меня не было к нему никаких вопросов. Уточнив в полку все вопросы, который поставил командир дивизии генерал-майор Пешков А.Е. и уточнив командованию полка задачу, стал возвращаться в Райчихинск.

По прибытию доложив командиру дивизии результаты двух с половиной недели работы и контроля за организацией боевой подготовки в двух полках, и свои соображения по улучшению данного вопроса. Тот внимательно меня выслушав, начал несколько часов мне рассказывать о том, как он ловко кладёт кирпич на стройке, о свойствах раствора и соблюдении цветовой гаммы. После этого разговора у меня сложилось мнение. Что ему видимо, не давали покоя лавры командующего округом генерала армии И.М. Третьяка, совершившего настоящую революцию в деле обустройства округа, обеспеченности жильём офицеров, обновления казарменного фонда. А может у него, появилось желание угодить командующему, представив себя его бескомпромиссным последователем. Мне это всё было непонятно. Ведь командующий округа выполнял поставленную перед ним важнейшую государственную задачу обустройства округа, он как умелый руководитель, без ущерба занимался решением оперативно-тактических задач, обучением и воспитанием, подчинённого личного состава (генералов, адмиралов, офицеров), управлений округа, частей, соединений, объеди-

нений. По всей видимости в то время у генерала А.Е. Пешкова такая государственность принимала гротескный оттенок.

23 февраля начал работать XXVI съезд КПСС. В советское время съезд считался самым значащим политическим событием. На съезде определялись долгосрочная стратегия развития государства, внешнеполитический курс, конкретные величины развития промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, всех сфер деятельности огромного государства. Все в округе знали, что в составе делегации Дальнего Востока 39 человек – передовые рабочие, руководители предприятий и сельхоз коллективов, партийные и советские функционеры разных уровней, светила здравоохранения и образования, а также девять военных: И.М. Третьяк – командующий округом, В.П. Новиков – член Военного совета – начальник политуправления, А.М. Корнуков – командир авиационной дивизии, Н.В. Калинин и В.А. Патрикеев – командующие армией, В.М. Крыловский – начальник войск Дальневосточного пограничного округа КГБ СССР, В.А. Чернов – командир авиационного полка Тихоокеанского флота, В.В. Куприянов – командир батальона механизации железнодорожного корпуса и замполит 155 мотострелкового полка нашей дивизии. Вечером смотрел информационное сообщение о работе съезда.

Очень бросилось в глаза, что Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев своим внешним видом вызывал у нас глубокое сочувствие. С трудом вымучил Отчётный доклад. Ходил в полуприсядку, «лыжной» походкой. Во время заседаний он по несколько раз вставал из-за стола и направлялся с кем-то из участников – обычно с руководителями братских компартий – за кулисы, для беседы. При каждом его появлении члены президиума и зал вставали, приветствуя Генсека аплодисментами. Выглядели неожиданные, протокольные маневры весьма комично.

Бурно приветствовали делегаты Фиделя Кастро и Бабрака Кармая. В то же время чувствовалось, что среди коммунистических и рабочих партий нет прочного единства и согласия. Наблюдали все на экране телевизора, как срочно покинула съезд испанская делегация. Без должной почти-

тельности выступали Председатель Административного совета КНДР Ли Ден Ок, начавший выступление словами: «Уважаемый Брежнев...» В число стран преступного альянса он включил США, Южную Корею и Японию. О Китае, с которым у СССР сложились напряжённые отношения, не было ни сказано ни слова.

Выступления большинства делегатов вылились в бесконечные восхваления Генерального секретаря и Центрального Комитета – боевого отряда партии. Слушали выступления Э. А. Шеварнадзе, который в выступлении раз тридцать упомянул имя Л.И. Брежнева. Это был яркий пример неприкрытого подхалимажа. Как мы увидим через несколько лет дела сего «верного ленинца» в начале первых шагов по развалу СССР.

Съезд от имени Вооружённых Сил СССР приветствовал командир гвардейской Иркутско-Пинской мотострелковой дивизии генерал-майор Ф.М. Кузмин. Он озвучил Обращение к съезду. В приветствии приняли участие все категории военнослужащих. Воины трижды скандировали: «Слава!»

Мы с затаённой надеждой рассчитывали на обновление в высшем партийном эшелоне. Но ничего неоднородного не случилось. Старцы продолжали сидение во властных кабинетах. Великая страна под мудрым руководством КПСС и его боевого штаба – Центрального Комитета и Политбюро двинулась как окажется, в своё последнее десятилетие. Все мы тогда не могли и представить тех тяжёлых испытаний, которая готовила нам история...

...Армейская жизнь продолжалась. Дня через три-четыре выехал на ЗУЦ, вся артиллерия дивизии, подразделения ПВО частей, находились там. Нужно было проверить их готовность к весенней проверке, а заодно уточнить вопрос, выделение подразделениям дивизии участка, для выполнения упражнений танковыми ротами частей. По прибытию в места лагерей и уточнив у начальников, артиллерии дивизии и ПВО, как выполняются планы практической подготовки. Доклады начальников, обрадовали. Моя практическая проверка на директрисах ПВО и артиллерии это подтвердили. Я убедился, что личный состав, находящийся на полевом

выходе, кто-то приобрёл, а кто-то и улучшил свои практические знания. Те внезапные задачи, которые я им ставил, решал слажено и толково. Поблагодарив должностных лиц за их труд, продолжил путь в штаб полигона. Там встретил командира 3-его батальона родного полка майора Дервоода Владимира Ивановича. Сколько было радости у обоих это нельзя всё описать. Выяснилось, что полк готовится тоже к штатной стрельбе. Его батальон будет готовить полевой лагерь для личного состава и полевой парк. Я уточнил место размещения лагеря. С начальником лагеря майором Руденко согласовав все вопросы, решил возвращаться, предварительно заехав в расположение родного полка, практически увидел и поздоровался со всеми офицерами третьего батальона. Офицеры поделились со мной о положении дел в полку. Самое главное запомнились слова, что раньше было в мою бытность, лучше во всех вопросах. Поблагодарив их, за то, что еще не забыли меня до настоящего времени, попрощавшись убыл в дивизию. Убывая, сказал, что может ещё не, раз встретимся на ЗУЦ. Сел в машину и начали движение в Райчихинск. На душе было тяжело, как будто, что-то потерял. Радость была только одна – что ещё не забыли и помнили.

Через некоторое время я их снова встречу там же, на ЗУЦ, когда танковые подразделения дивизии будут выполнять упражнение штатным снарядами и услышу впервые от бывших подчинённых солдат и сержантов в свой адрес слова: «это наш батя». Да уважаемый читатель я для них стал «батя». Это для меня была высшая оценка солдата. Это приходит не к каждому командиру, но к этой оценке, должен стремиться любой офицер, командир, решивший связать свою судьбу с такой профессией – защищать Родину.

Незаметно подошёл апрель месяц, нужно было готовиться к весенней проверке дивизии. Пришёл приказ, дивизия должна сама себя проверить. Для меня это было новое и непонятное. Но раз доверяют, значить верят в объективность проверки силами дивизии. Она была проверена и не одно подразделение, сдающее проверку, не было оценено не объективно. Как я и докладывал командиру дивизии – лучшими были подготовлены подразделения полка Облучья, хуже –

Архара. Одна рота этого полка была оценена «неудовлетворительно». Кто виноват – командир полка и больше не нужно никого винить. Только он и некто другой отвечает за этот вопрос.

Проверка пошла стали готовиться к увольнению старослужащих и приёму молодёжи. Также поступила вводная – формировать от дивизии «целинную роту» на уборку урожая в Алтайский край. Всё в Вооружённых Силах повторялось.

В начале августа вызвали в округ. Задал вопрос генералу Пешкову по какому вопросу? Он не знал. Сел в поезд и поехал, задавая себе единственный вопрос – зачем вызывают. В голове ничего не находил на свой ответ. Прибыв в штаб округа, как и было указано в телеграмме, которая пришла в дивизию в установленное время. Начальник управления кадров – генерал Зудин, на мой вопрос, ответил, всё услышите на Военном Совете.

На Военном Совете округа будут интересоваться, как я смог «целинным» батальоном выполнить поставленную задачу так успешно. Пришлось всё рассказать от самого прибытия туда и до возвращения в округ. Рассказал и о солдате, у которого пришлось сделать прокол в правах и за что. Как вернул солдату новые права. Члены Военного Совета выслушивая меня, задавали мне разные вопросы. Отвечая на них, я понял, что скоро будет задан главный вопрос, вот к нему и нужно быть готовым. Что за вопрос, я ещё не знал! Председатель Военного Совета – командующий округом генерал армии И. М. Третьяк его мне задаст в скором времени, переведя рассматриваемый вопрос на другую тему. Мне будет сказано, что я справился с поставленной задачей по уборке урожая – достойно, но предстоит ещё одна пятилетняя Государственная задача, выполнение которой Военный Совет округа хочет поручить мне. Мне будет сказано, что я буду предлагаться на должность командира танковой дивизии. Командующий округом скажет мне, что он мне верит и надеется на меня. Спросит у меня согласие, что я мог ему на это сказать, только одно – согласен и оправдаю доверие. Мне будет сказано, что я могу выйти и подождать решения. Я вышел, а секретарь Военного Совета вместе с начальником

управления кадров пригласят зайти группе офицеров, находящихся в приёмной. Я вышел, а они зашли. Буквально через несколько минут меня снова пригласят зайти. Командующий округом мне скажет – это ваше управление дивизии! Будет приказано, через две недели, прибыть в указанное место, т.е. город Завитинск, всем офицерам рассмотренными на Военном Совете. Назначено время прибытия.

По прибытию из г. Хабаровска, доложил командиру дивизии о полученной задаче. Генерал-майор Пешков, выслушав меня, сказал: «готовься к развёртыванию танковой дивизии». Придя, домой рассказал дочери и супруге, о возможном скором переезде. Сам я понимал, что ждёт и что возможно предстоит испытать им. Сам я был готов к любым трудностям, а как им пройти эти испытания судьбы? Да это был вопрос, вопросов.

В скором времени придёт в дивизию шифротелеграмма, в которой мне будет объявлен приказ Министра Обороны СССР от 28. 8. 1981 г. о назначении меня командиром учебной танковой дивизии. Предстояло рассчитаться со службами и убыть, попрощавшись с коллективом дивизии. Семье предстояло переезжать в новый гарнизон. Дочери очередной раз менять школу и свой ставшим уже родным коллектив класса, к которому только привыкла, расставаться со своими подругами и преподавателями. Ей снова идти в новый класс и в новую школу, для неё всё, как в первый класс. Снова все хлопоты переезда, ложились на плечи моей родной, милой супруги – Серафимы Николаевны.

Завитинск

...А в Мире в это время происходило следующее. Новый президент США Рональд Рейган наполнил политическую жизнь и взаимоотношения с Советским Союзом духом психологической войны, провозгласив новый «крестовый поход» против коммунизма. Начались попытки реализации пресловутой «Стратегической оборонной инициативы». Создавались системы высокоточного оружия. Оживился миф о советской военной угрозе, фальсифицировались события минувшей войны. Мы все прекрасно это понимали, что у нас

на всё это должен быть один ответ – повышение боеготовности вверенных частей и соединений, с личной ответственностью за защиту Родины...

Завитинск я уже знал, он был одним из самых молодых городов в области, образованный в 1954 году из посёлка Завитая, возникшего в 1912 году в связи со строительством Амурской железной дороги. Он стоит на Зейско-Бурейской равнине, восточнее реки Завитой. Население города было на тот момент – 18 тысяч человек. Завитинск был – железнодорожным узлом, отсюда отходила железнодорожная ветка к посёлку городского типа Поярково на берегу Амура. Через железнодорожную станцию Завитая проходило много составов с райчихинским углём, предназначенным к перевозке по Амуру. В городе было большое железнодорожное депо. К Завитинску тяготели ряд районов восточной части Зейско-Бурейской равнины, поэтому здесь также развивалась пищевая промышленность по производству соевой муки, маслодельный и маслобойный. В тридцатые годы в Завитинске работал известный на то время советский писатель В.А. Закруткин.

В этом городе и продолжались мои вёрсты жизни в крае Величественном и суровом в должности командира дивизии. 35-ой армией будет ещё командовать генерал-лейтенант Туранский Д.Т. Через год с небольшим, его заменит – генерал-лейтенант Морозов И.С.

...Прибыв в штаб 125 кадр. мотострелковой дивизии охраны тыла округа, в которой сгорело боевое знамя. Он размещался в щитовой казарме на юго-западной окраине г. Завитинска и имея в ней несколько приспособленных обозначающие кабинеты помещений – это служб тыла и штаба, стал ждать прилёта Командующего округом. В скором времени приблизительно минут через 20-25 в небе появилось три вертолёт Ми-8. Они приземлились на необорудованной площадке, их встречал командир 125 мсд и командиры авиационных полков, дислоцирующихся в гарнизоне. Из вертолёт вышел Командующий округом генерал армии Третьяк И.М. и заместитель командующего войсками округа по тылу генерал-лейтенант Р.Г. Тавадзе. С двух остальных вертолёт, вышла большая группа офицеров

управления округа. Как окажется потом, там были различные начальники служб округа и строители во главе с заместителем командующего по строительству полковником А.В. Саламатиним. Я подошёл к Командующему округом и доложил о своём прибытии. Генерал армии Третьяк Иван Моисеевич, представил меня, прибывшим с ним офицерам. Была поставлена задача, приступить к формированию дивизии, используя казарму 125 мсд., которая прекращала своё существование. Все имеющиеся по штату в дивизии службы передавались в штат 27 дивизии, их было не значительно, но тем не менее их начальники имели в гарнизоне своё жильё. Никаких складов в дивизии не было. Всё её имущество, вооружение, боеприпасы, ГСМ и техника хранилась на окружных складах. Штат её состоял из командира, начальников политотдела, штаба, заместителя по тылу и небольшое количество служб. Был в штате и один командир мотострелкового полка. В общей сложности, офицеров, прапорщиков вместе с командиром дивизии, насчитывалось пятнадцать-восемнадцать человек.

Командующий округом, с прибывшими офицерами и со мной пошёл выбирать будущую территорию учебной дивизии. Мне было приказано забить первый колышек, намерив от него по фронту 2500 своих шагов, он мне сказал – забивай товарищ Неткачев, второй колышек, сам продолжил движение в глубину. Также отмерив своим шагом 1000 шагов, приказал забить очередной колышек, и пошёл снова по фронту отмеряя 2500 шагов и дойдя, приказал забить последний колышек. Остановившись, Командующий округом всем офицерам объявил – это вся территория дивизии, на которой предстоит построить 12 городков частей, с казармами, столовыми, солдатскими клубами, учебными корпусами, штабами, котельными и парками. Кроме этого, необходимо построить дивизионные и полковые склады с соблюдением всех мер пожаробезопасности. Строительство, парковой зоны и складов полков и дивизии, отводилась частям. Мы должны были их строить хозяйственным способом. Всё остальное должны были строить военные строители, включая и дома для офицеров и прапорщиков – ДОСы.

Военный гарнизон Завитинска в то время, состоял из двух авиационных полков, из которых один был – дальней авиации, второй был – транспортной авиации. Начальником гарнизона будет назначен приказом Командующего округом – командир учебной танковой дивизии, т.е. на меня ложился ещё и гарнизон, в котором было несколько жилых домов для семей лётного и технического состава. Они отапливались одной гарнизонной котельной тем же топливом, что и все военные гарнизоны в Амурской области.

Штат дивизии в конце 1982 года, будет насчитывать – 11800 человек из них – 7000 постоянного состава: – офицеров более одной тысячи, прапорщиков более пятсот, сержантов, солдат, и переменного состава, и курсантов – 4800 человек, которые будут прибывать два раза в год, т.е. весной и осенью. Кроме этого, дивизия будет призывать из запаса, на доукомплектование, в особый период недостающий комплект личного состава. Он будет в основном из солдат – заряжающих и наводчиков орудия и др. специалистов, для частей и подразделений родов войск, необходимых для их укомплектования. Будут приписаны и офицеры, и транспорт. Дивизия будет дежурной готовности, т.е. она через 10 суток из учебной должна стать боевой, способной выполнять любую боевую задачу, небольшое количество офицерского состава, в особый период уходила на укомплектование других частей, соединений, объединений округа в другие гарнизоны. Всё это будет известно потом, а пока нужно было сформировать эту, учебную танковую дивизию. Построить казарменный и жилищный фонд, построить хранилища для техники, обустроить городки и парки, поставить прибывшую в дивизию технику, на длительное и кратковременное хранение. Приписать из райвоенкоматов личный состав, находящийся в запасе и изучить его, составить и оформить, и утвердить в вышестоящих штабах большое количество документов. Наконец, создать приказарменную базу и учебно-материальную базу для всех частей, построить городки и директрисы, танкодромы, автодромы и машинодромы для обучения будущих курсантов по выполнению программы их подготовки, обжить, наполнить необходимыми наглядными схемами и оформить

их в построенных учебных корпусах частей. Из всех этих задач, уважаемый читатель! Львиная доля объектов, основных и второстепенных, организация учебного процесса, постановка техники на разные виды хранения, ляжет вначале на плечи офицерского состава и прапорщиков формируемой дивизии, а в дальнейшем и весь личного состава дивизии.

Главный вопрос был – одновременно офицеры дивизии должны были организовать шестимесячное качественное обучение молодого пополнения по программе подготовки младших специалистов всех родов войск, для частей, соединений и объединений округа. Представляя их на выпускные экзамены комиссии округа, качественно выполнив сто процентную программу их подготовки.

А пока была лишь заросшая деревьями и кустарником территория, отмеренная шагами Командующего округом, генералом армии Третьяком Иваном Моисеевичем. Мне же там, будут установлены сроки прибытия техники, т.е. первого эшелона и прибытие молодого пополнения, первых 600 человек курсантов, уже в начале октября. К его прибытию, мы должны были построить палаточные городки, на будущих территориях 12 частей. Необходимо было поставить палатки и для жилья прибывающих офицеров, штабов, мест для приёма пищи (так называемых столовых), и классов для доведения теоретических вопросов, будущих курсантов в зимних условиях.

И вся эта территория, должно превратиться через два года, в благоустроенные военные городки, и парки частей. Улетая, Командующий округом мне скажет – товарищ Неткачев, рассчитывайте здесь пробыть, пока не благоустроится дивизия.

Дивизионные будни крепко затянут меня. Рабочий день, или правильнее сказать, рабочие сутки, как правило, начинались в 5.00 и заканчивались с отбоем, а то и ранним утром. Очень многим офицерам формируемой дивизии, пришлось приноравливаться к моему своеобразному распорядку дня. Некоторые из них будут ворчать, но увидят в скором времени результаты, приспособятся т.к. они не замедлят сказаться.

В скором времени, начали прибывать первые строительные УНР, а вместе с ними строительная техника и военные стро-

ители, всего их через месяц, будет насчитываться более пяти тысяч человек и несколько десятков единиц различной техники, строители, начнут строительство сразу всех военных городков и домов офицерского состава – ДОСы. Практически вся территория гарнизона, превращалась в строительную площадку, и на этой территории ещё стояли палатки для жилья офицеров, прапорщиков, штабов частей, штаба дивизии и будущего постоянного личного состава частей и курсантов.

Стала приходиться техника для укомплектования частей дивизии, которую необходимо было разгрузить и перегнать в парки, которые к тому времени были оборудованы, как полевые. Так незаметно подошёл конец сентября месяц и наступил октябрь. Пришёл приказ Командующего округом в котором был указан срок прибытия первых курсантов для всех частей дивизии, кроме учебного мотострелкового полка. В скором времени прибыл первый батальон курсантов с 270-ой учебной мотострелковой дивизии из г. Хабаровска, Красная Речка, в полном составе с офицерами и прапорщиками. С ним прибыл: штаб первого 450-го учебного танкового полка и командиром полка майором Истратовым. В дальнейшем на его основе, я, и буду развёртывать остальные ещё два учебных танковых полка дивизии. Стал разбираться с прибывшими офицерами и узнал от них, заслушивая каждого прибывшего офицера батальона, в первую очередь – командира полка, комбатов и выяснил, что все прибывшие офицеры, жили без наличия жилплощади, ввиду её отсутствия в гарнизоне без семей. Выяснил также, что их всех собрали со всего округа переростков по званиям в этот батальон и отправили. Побеседовав с каждым, приказал оформить документы на присвоение очередных званий. Получили звание в этом полку – капитан 27 человек, 6 – майоров, 2 – подполковника включая командира полка. Среди прибывших офицеров был и старший лейтенант переросток в звании Виктор Васильевич Корниенко. Он получит, как и все звание капитана, в скором времени будет назначен на должность заместителя начальника отдела кадров дивизии, а в последующем будет назначен на должность начальника отдела. Штаты учебных отдельных батальонов: связи, разведывательного, химиче-

ской защиты, инженерно-сапёрного, медицинского, автомобильного и ремонтного к тому времени будут практически укомплектованы офицерами и при беседе с ними, была та же картина, что и у прибывшего батальона 450 учебного танкового полка, т.е. все были переростками. Приказал на них тоже оформить представления на получение очередных званий. Вот эти люди и будут готовить, т.е. устанавливать палатки для личного состава, оборудовать парки и принимать технику своих частей.

Да уважаемый читатель! Все эти вопросы в то время, лягут лично на них, как и на офицеров и прапорщиков трёх учебных полков – мотострелкового, артиллерийского и зенитно-артиллерийского.

Прибывшие учебного танкового батальона курсанты после сдачи выпускных экзаменов, должны были остаться на укомплектовании постоянным составом танковых полков дивизии, а остальных частей, дивизия получала постоянный состав из учебных частей округа после их выпуска. Первый выпуск курсантов прибывшего батальона, мне лично показал, что прибывающее молодое пополнение, будущих курсантов, должно в начале пройти отбор.

Стали поступать будущие курсанты-призывники, из разных регионов нашей не объётой Родины. Я, вспомнил свои первые месяцы службы солдатом, в первом для меня полку.

Для улучшения подготовки младших специалистов для войск прикажу использовать нестандартные подходы, отказаться от системы «общего чоха». Создать в начале дивизионную, а по мере развёртывания частей в каждой части, комиссию по отбору курсантов по военно-учётной специальности, т.е. какая у человека склонность. Один может быть хорошим командиром, другой наводчиком, или просто сапёром, механиком и т.д. по специальностям обучения в частях. К отбору привлечь офицеров-психологов. Каждая учебная часть, будет готовить специалистов для своего рода войск. Молодое пополнение в полки и отдельные батальоны, распределялись равномерно, с учётом национальности воина.

Надо сказать, что в конце ноября, придёт первая суровая, беснежная зима для всего личного состава формируемой

учебной танковой дивизии, а с приходом её начнётся борьба за выживание. Вот это была работа, вот это напряг, для всего офицерского состава! Врагу не пожелаешь. Дивизионные и полковые службы находились в постоянном движении: выходили из строя движки, рассчитанные на европейский климат, проявилась нехватка воды, выпеченного хлеба, который раньше получали из местного хлебозавода. Личный состав дивизии размещался в полевых условиях. Для хранения оружия караулов частей, были выделены отдельные палатки, ограждёнными металлическими изгородями. Полевые кухни и места приёма пищи укрыты под крышами. Приспособленные учебные поля – рядом с гарнизоном. Материальных запасов для обеспечения бесперебойной учёбы курсантов ещё не хватало, т.е. (бензина, дизельного топлива, масел). Весь ежесуточный запасы продовольствия, практически подавался с колёс.

Как назло, ударили почти сразу, сорокаградусные морозы. Личный состав был размещён, в утеплённых палатках с деревянными полами и щитовыми ограждениями. В каждой палатке были установлены буржуйки «Чугунки», назначены постоянные истопники. Но этого было недостаточно! В таких же условиях жили офицеры частей, прибывшие из других гарнизонов округа, как правило они прибывали без семей, оставив их в прежних гарнизонах. Строительство домов и казарм началось. Это была пока только надежда на их завершение к зиме следующего года. А пока люди (все военнослужащие дивизии) буквально вели борьбу за выживание.

Всех офицеров управление дивизии, распределили ответственными по частям, приказал, каждый час, проверять температуру в палатках и дежурство назначенных истопников. Задача была не допустить обморожение или замерзание личного состава – солдат. Сам каждую ночь ходил по городкам, проверяя караульную, внутреннюю службу, температуру в палатках. Офицеры тыла были привлечены к проверке гарнизонной кочегарки. Так проживал гарнизон эту зиму.

Видя всю складывающуюся обстановку в это время, я, обратился к местному районному руководству по вопросу обеспечения хлебом и помывки личного состава в бани города.

По-моему, местное (районное) руководство, глядя на областное, не стремилось чем-то помочь нам в этих условиях. А председатель райисполкома, мне на мою просьбу сказал следующее: «не хватает у вас хлеба, то привезите муки и делайте с неё галушки...», что мне оставалось ему сказать? После таких слов! Правильно думаешь читатель! Я ему ответил... на эти слова. Правда, когда требовалась помощь войск, то они вспомнили тут же о нас. Будут просить и требовать об оказании помощи. Да, мы будем им помогать, помня, что мы армия народа...

Не найдя помощи у местного руководства, принял решение – снять имеющийся на «НЗ» дивизионный полевой хлебозавод и все полевые бани частей. Прикажу заместителю по тылу, издав дивизионный приказ, это выполнить. Хлебозавод, ещё числился в штате старой дивизии охраны тыла и был переназначен на развёртываемую дивизию тыла. В той дивизии и был в то время этот хлебозавод, но, он уже на основании директивы Генерального штаба, должен был передаваться в штат, формируемый дивизии. На тыл дивизии, я, и возложу всю эту организацию, по выпечки хлеба. Да, та первая выпечка хлеба, вспоминается до настоящего времени. Я, в своей жизни больше никогда не буду пробовать, такого хлеба. Это был настоящий хлеб, испечённый строго по технологии, без всяких добавок. Получалось, что вроде бы решён был один из главных вопросов! Но моя радость была не продолжительна. Буквально где-то через пару недель, мне позвонил Командующий Дальневосточным военным округом – генерал армии И.М. Третьяк и задал мне вопрос – почему я хулиганю? Почему снял технику с «НЗ». Рассказав ему, что вынужден был это сделать и почему...

Выслушав моё пояснение, он сказал, что через две недели он будет в гарнизоне, и я, к его приезду, должен всё поставить на хранение. Выслушав его приказ, понял, что в окружении есть личности, которые будут ставить «палки» в мои решения. Но приказ, нужно было выполнять. Собрав своих заместителей, дошёл решение Командующего Дальневосточным военным округом. Мне, конечно, очень хотелось вычислить того, кто доложил в округ...

Приказав заместителю по тылу к приезду Командующего округом, всю технику обслужить и поставить на хранение, время его прибытия было указано им. Но иметь запас хлеба минимум на три-четыре дня, на весь личный частей.

Командующий округом прилетит в определённым им день. Прилетит он не один, с ним прилетят и все начальники тыловых служб округа вместе со своим начальником, заместителем командующего войсками округа по тылу генералом-лейтенантом Р.Г. Тавадзе. Изучив всю сложившуюся обстановку, Командующий мне скажет, что я правильно принял решение в этой обстановке и задаст вопрос моему заместителю по тылу, почему он не доложил складывающуюся обстановку по обеспечению хлебом, начальнику тыла округа или начальнику продовольственной службы. Прикажет издать приказ по округу, о снятии дивизионного полевого хлебозавода с «НЗ», с последующим его переводом в постоянное использование, до момента постройки стационарного. В штат дивизии истребовать новый хлебозавод на «НЗ». Вот так был решён этот вопрос. Через несколько месяцев мы получим новый хлебозавод, и он будет поставлен на хранение. Около года будем ждать прибытие железнодорожного банно-прачечного поезда. С приходом которого и будет решена проблема помывки личного состава, стирки белья.

А до его прибытия будет очень много проблем по этому вопросу. Дивизионный врач – начальник мед. службы дивизии, майор Бобий Борис Васильевич вместе с вещевой службой и медиками всей дивизии будут устанавливать так называемые «бочки Капустина» и прожаривать в них всё бельё и одежду личного состава. Получая постельное и нательное бельё из гарнизонов: Райчихинск и Екатеринославка, мы обнаружим в нём бельевую вошь, т.к. имеющиеся в гарнизонах банно-прачечные, не способны были, при большом количестве, поступающего в стирку белья, их качественно постирать и прогладить, особенно нательное и постельное бельё. Только с приходом этого поезда эта проблема будет решена. Но было много других проблем, которые наверно и невозможно все описать. Но мы их все решали офицерским коллективом дивизии, приходилось не считаться со временем,

порой не досыпая, не видя семей, у которых они были здесь в гарнизоне г. Завитинска, живя на съёмных квартирах или в палатках, неделями, сутками.

Прибывающие офицеры на укомплектования частей, не имея жилья, живя в палатках или съёмных квартирах, которые они находили очень редко. Но коллектив офицерского состава решал все возложенные на него обязанности. Я ему был за это очень признателен. Признателен за их жён (супруг), которые став женой офицера променяли свои прежние тёплые квартиры родителей, на казармы и ДОСы. Которые, как когда-то, жёны декабристов, поехали вместе с ними в эти гарнизоны, практически лишённые тепла и уюта. Они сами будут его создавать, переезжая из гарнизона в гарнизон вместе с мужем, их будут унижать и оскорблять, но они выдержат всё это. Да такие были наши жёны офицеров!

Так прошла зима, с приходом весны появились новые проблемы, связанные с питьевой водой, проявятся первые признаки болезни у личного состава и у отдельных офицеров – это разные формы гепатита. Старый начмед дивизии майор Бобий, будет переведён в г. Благовещенск начальником открывающегося при мединституте военного факультета. Через несколько лет он защитит докторскую и станет доктором медицинских наук, возглавит в Москве курсы переподготовки военных медиков. После развала страны, будет работать в департаменте Медицины и Катастроф. На его место будет назначен майор медицинской службы Шаппо Владимир Владимирович. На эту службу выпадет не лёгкая доля в то время, но благодаря преданности своей профессии офицеров медиков, она в тяжелейших условиях будет решать все возложенные на медицинскую службу задачи. За что, я им буду очень благодарен. Со временем пройдя все ступени, Шаппо Владимир Владимирович возглавит Главное военно-медицинское управление министерства обороны России, получит звание генерал-лейтенанта медицинской службы. Будет заслуженным врачом Российской Федерации и доктором медицинских наук. Всё это будет впереди, а пока Завитинск и развёртываемая учебная танковая дивизия, не благоустроенная, не имеющая казарм и элементарных бытовых условий. Жи-

вущая и питающаяся в палатках. На него лично выпадет не лёгкая доля организации медицинского обеспечения личного состава дивизии, включая и семьи офицеров. Борьба с педикулёзом, гепатитом. Эти бочки называемые «бочки Капустина» ещё некоторое время будут применяться. Его личная преданность своей профессии позволит в скором времени забыть об этом «секретном оружии» в борьбе с постельным педикулёзом.

В мае 1982 года придёт новый окончательный штат дивизии, в штаб дивизии, кроме оперативного отдела будет введён учебный отдел, моб. отдел, появится должность заместителя начальника политотдела. Кроме этого, в дивизии появится, особый отдел. Во всех частях дивизии будут работать оперуполномоченные особого отдела. Так постепенно дивизия превращалась в боевое и одновременно учебное соединение. Построится штаб дивизии, сформированная из частей команда, начнёт устанавливать бетонный плиточный забор, по всему периметру частей дивизии. Будет грейдерами сапёрного батальона спрофилирована дорога по всему периметру частей дивизии. Около штаба дивизии прикажу установить танк-34, который самостоятельно взойдёт на него, около штаба будет красиво разбита клумба в виде пятиконечной звезды.

Приблизительно в конце мая, прибыл зам. начальника политотдела бывший замполит Облученского полка Райчихинской дивизии делегат XXVI съезда КПСС, подполковник Виталий Ильич Синчурин. Он приступит к исполнению своих служебных обязанностей. Около двух месяцев он прослужит в новой для него должности. Только начнёт входить в курс дела будет приказ отправить его на должность замполитом так называемого «целинного» батальона. Который будет направлен в Алтайский край. Я, перед его убытием в батальон, поделюсь своим опытом уборки урожая в Казахстане.

В июле 1982 года меня вызовут на сборы всех командиров учебных соединений Сухопутных войск Вооружённых Сил СССР. Они будут проходить в Киевском военном округе на базе учебной дивизии «Десна». Это была действительно благоустроенная, имеющая всё и казармы, и парки, и учеб-

но-материальную базу дивизия, а нам всё это нужно было ещё создать. Походил, посмотрел, позавидовал тем, кто здесь служит. Находясь на этих сборах, пришел приказ Министра Обороны СССР от 16 июля 1982 года, которым мне будет присвоено звание полковника досрочно. Там представитель, проводящий с нами сборы Сухопутных войск, вручил мне погоны полковника. Так уважаемый читатель, я убывал из дивизии на сборы подполковником, а вернулся в дивизию в звании полковника.

Части дивизии, занимаясь выполнением учебной программы подготовки курсантов, старались повысить качество их подготовки, при этом используя приспособленную сделанную ими вблизи гарнизона учебно-материальную базу, добивались неплохих результатов.

Казармы городков росли, росли и дома офицеров. Летом 1982 года личный состав 450 учебного танкового полка будет выселен из палаток в отстроенные две трёхэтажные казармы. Начнёт их обживать. К осени будет построены штаб, учебный корпус, клуб и солдатская столовая. Этот первый построенный городок начнёт обживаться и благоустраиваться. Вместе с этим городком будут построены городки – артиллерийского учебного полка и городок зенитно-артиллерийского учебного полка. К весне 1983 года будет завершено строительство городков – медицинского, автомобильного и ремонтного учебных батальонов.

Их тоже нужно было благоустраивать и обживать. Наряду со строительством городков шло и строительство боксов под технику. И строилась учебно-материальная база, но её пока ещё не хватало, поэтому курсанты вывозились на армейский полигон – ЗУЦ. Там отрабатывали все вопросы с практической стрельбой, вождением различной техники.

Дивизия уже выпустит четыре выпусков курсантов – младших специалистов для частей, соединений и объединений округа. Экзамены, как правило, будет проводить комиссия округа. Нареканий особых в вопросах подготовки не будет ни у комиссий, ни из соединений округа. Я буду требовать с каждым выпуском курсантов, подводя итоги – улучшать их подготовку, искать пути улучшения. Всегда говоря слова, мы

готовим для округа, значить для себя. Напоминая при этом, что основой регулирования межнациональных отношений в воинских коллективах всегда будут выступать: соблюдение принципов социальной справедливости, уставной требовательности в сочетании с доброжелательным отношением к людям, побуждение к доскональному освоению воинской специальности и здоровой состязательности, настойчивая пропаганда дружбы и братства народа Советского Союза, вместе преодолевших тяготы минувшей войны и обеспечивших подъём страны в послевоенный период. Я требовал в частях дивизии политработникам проводить тематические вечера, на которых рассказывать об успехах и достижениях союзных республик, устраивать фотовыставки. Прибывающий личный состав курсантов знакомить с историей края, в котором они начинали служить. В этом плане Дальний Восток давал прекрасные примеры патриотизма, настойчивости людей в освоении земных богатств, защиты священных рубежей Отчизны. «Воинским делом мы от тьмы к свету вышли», – постоянно напоминал я слова Петра I, всем командирам и политработникам дивизии наставникам курсантов. Моя требовательность и работа всех офицеров дивизии приносила добрые плоды. Не зря армию называли и называют школой мужества, патриотизма и дружбы народов.

Весной 1983 года со всего округа будут сформированы ещё два учебных танковых полка – 139-й и 121-й. При формировании 139 полка, попрошу Командующего округом, назначить на должность командира, формируемого полка, начальника штаба 111 т.п. 21 танковой дивизии майора Рощина Михаила Степановича. Это был хорошо мне известный офицер, ведь он был, в родном 2-м Гвардейском танковом полку, командиром второго танкового батальона. Моя просьба будет удовлетворена, и он уже подполковником, будет назначен командиром 139 учебного танкового полка. Командиром 121-го учебного танкового полка будет назначен подполковник Николай Васильевич Чуркин.

Осенью этого же года будут введены все построенные дома для всех офицеров и прапорщиков. Качество их будет желать лучшего, они будут все блочные. Начнётся их заселе-

ние, имеющаяся гарнизонная котельная по своей мощности не обеспечит подачу нормальной температуры в построенные дома. Некоторые не будут выдерживать 40-градусные морозы, в некоторых подъездах домов начнутся рваться трубы. Прикажу всё воду из батарей слить. В подъездах домов будет холодно. У командиров лётных полков попрошу оказать помощь, имеющейся у них техникой по обогреву самолётов. Она сутками будет работать, появится тепло не только в подъездах, но и теплее будет в квартирах. Таким образом, мы и будем выживать эту зиму 1983 года. Прибывший с о. Сахалина в это время на должность моего заместителя командир танкового полка, подполковник Михаил Николаевич Шалёв, был там замечен в какой-то афере, связанной с красной рыбой и икрой. Пробыв год в должности, он будет отправлен на учёбу в академию Генерального Штаба. Это будет первый мой заместитель в дивизии, отправленный на учёбу в академию Генерального Штаба. В дальнейшем он дослужится до начальника Минского высшего командного училища после развала СССР.

К весне 1984 будут введены все остальные городки частей. С приходом тепла начнётся их благоустройство. Развернётся – мотострелковый учебный полк, батальоны – химзащиты, связи и разведывательный уже седлающие не один выпуск, но они будут дислоцироваться с ним в одном городке. Первый учебный мотострелковый батальон полка, будет из той же дивизии, что и первый танковый батальон 450 учебного танкового полка и будет укомплектован офицерами по такому же принципу кадрами округа. Командиром полка будет находящейся в штате дивизии и перешедший из дивизии кадра охраны тыла округа подполковник Светочев, через несколько месяцев его поменяет подполковник Авдеев. Он в последующем дослужится в округе до командира мотострелковой дивизии, дислоцируемой в то время в Анадыре.

Таким образом, дивизия через два с небольшим года будет полностью развёрнута. На прежнем пустыре будут выстроены городки и парки. Построены дивизионные и полковые склады, дома офицерского состава. Появится своя дивизионная газета. Будет в гарнизоне и прокуратура.

В августе 1984 года на должность Главкомом войск на Дальнем Востоке, будет назначен Командующий Дальневосточным военным округом – генерал армии Иван Моисеевич Третьяк. На его должность прибыл генерал армии Дмитрий Тимофеевич Язов из САВО. Бывший Главком войск Дальнего Востока – генерал армии Владимир Леонидович Говоров будет назначен на должность заместителя министра обороны по Гражданской Обороне.

В конце октября в стане произойдёт событие государственного значения – открывалась новая железнодорожная магистраль, соединяющая центр страны с востоком. Произошла стыковка на участке БАМа в северной части Читинской области у железнодорожной станции (планируемой) «Кунда», что по-якутски означает «встреча». К этой станции – месту стыковки – бамовцы шли с двух сторон: бригада Варшавского с запада от Северо-Байкальска и бригада Бондаря от Тынды с востока. В этом месте и произойдёт их встреча и будет стык «Золотого звена».

Будет, как обычно, перед началом учебного года подведение итогов боевой и оперативной подготовки за год в Вооружённых Силах СССР за 1984 год. Это будет последняя коллегия, которую будет проводить Министр обороны Д.Ф. Устинов. В скором времени он заболеет и скончается, и новым министром обороны СССР был назначен Маршал Советского Союза С.Л. Соколов.

После смерти К.У. Черненко по предложению А.А. Громыко, М.С. Горбачёва изберут Генеральным секретарём. Позже ходили в народе слухи, что ставропольская мафия отмечала это событие бурными возлияниями, несколько дней пиновала. Тогда в начале 1985 года никто и не предполагал, что к власти пришёл генсек, который встанет на путь предательства государства. Заявит о «перестройке», программы которой не было, да, наверное, и не могло быть, потому что Горбачёв уже в то время, уже будет думать о смене общественного строя. Для себя же, он определит главную задачу: разложить партийные структуры.

Во время похорон Черненко в марте 1985 г., между только что избранным Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С.

Горбачевым и Дж. Бушем в Кремле состоялась первая встреча, в ходе которой обсуждались вопросы о переговорах в Женеве по поводу ядерных вооружений; также Буш и Шульц (государственный секретарь США) затронули вопрос о правах человека в СССР.

По возвращению в США, на вопрос журналистов о том, хорошо ли для Запада то, что у Советского Союза такой лидер, как Горбачев, Буш дал весьма интересный ответ: «Все зависит от нас. Мы явно хотим перемен в Советском Союзе и перед нами человек, который их тоже хочет. Но как он их произведёт, будет в известной мере зависеть от того, как мы будем с ним сотрудничать. Задача состоит не в том, чтобы помочь ему, а в том, чтобы, действуя в интересах США побудить их проводить ту политику, которую мы хотим».

Горбачев, безусловно, об этом знал, но продолжал действовать именно в интересах США.

Постановлением Совета Министров СССР от 29 апреля 1985 года мне будет присвоено звание генерал-майора.

Была большая проблема обеспечением продовольствием прибывающих семей офицеров в гарнизонном военторге, решили с начальником политотдела дивизии подполковником Мокием отправить в Хабаровск его заместителя подполковника Синчурина, как руководившим народным контролем. Скверно работал военторг. Не обеспечивал должной наполняемости магазинов продуктами и промышленными товарами. Что недовольство людей приближается к точке кипения. Ему ставилась задача, согласовать с руководителями военной торговли поставки в гарнизон не только нужных, но и деликатесных продуктов, импортных товаров, бытовой техники, ширпотреба. Всё это после их доставки, сделало жизнь в нашей отдалённой местности более привлекательной.

В мае 1985 года, вышло в свет пресловутое Постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», в котором требовалось: «...не допускать продажу и употребление спиртных напитков в санаториях, Домах отдыха, турбазах, при организации коллективных сборов и выездов... и т.д.». Оно, получалось, предусматривало, что при отмечании каких-то торжеств, наливать гостям чай или ли-

монад? Проводить их как говориться на «сухую». Вот такой был парадокс в нашей стране в то время, при новом генсеке Горбачёве...

В этот период начальник штаба дивизии подполковник Новодерёжкин Владимир Иванович уедет по замене в Южную Группу войск. А на место его будет назначен командир укрепрайона из Приморья подполковник Шкидченко. Как выяснится потом через много лет, отец его был долгое время заместителем командующего Одесским военным округом по боевой подготовке, будет отправлен в Афганистан советником и там трагически погибнет. После его смерти его жена обратится в ГУК Министерства обороны с просьбой позаботиться о сыне. Сам по себе он был таким офицером, о которых говорят – ни мясо, ни рыба.

Жизнь шла, и личный состав занимался плановой боевой учёбой. Осенью 1985 года пройдёт аттестация офицерского состава в Вооружённых силах СССР. Я, командующим армии и округом буду аттестован на должность Командира корпуса, но Главкомом войск на Дальнем Востоке генерал армии Иван Моисеевич Третьяк её вывод изменит, я, им буду аттестован на учёбу в академию Генерального Штаба.

В конце января – начале февраля 1986 года по всей стране проходили областные и краевые партийные конференции. На конференции выбирали делегатов на XXVII съезд КПСС, потому в округе было много «варяг» из Москвы, среди них на окружной партийной конференции я заметил поэта Роберта Рождественского. В перерывах между заседаниями Роберт читал свои стихи. Было действительно очень приятно слушать их. Ведь все они шли от всей его души и сердца. Он был избран единогласно делегатом на съезд.

25 февраля 1986 года в 10 часов утра в Кремлёвском Дворце съездов делегаты приветствовали Генерального секретаря и членов Политбюро. Доклад М.С. Горбачёва слушали мы на местах с большим вниманием по телевизору. Из его доклада я усвоил, что перед партией стоит задача «о качественном новом ускорении экономического и социального развития страны во всех сферах жизни нашего общества». Эта программа получила название «перестройка».

Выступление делегатов в основном касались новых веяний. Диссонансом прозвучало выступление Э. А. Шеварднадзе, который по привычке здорово «лизнул» генсека, да так, что тот не выдержал и прервал оратора, отмежевался от его похвал, чем вызвал одобрение зала. Но Шеварднадзе знал, что он делает. За ласковые прикосновения к телесам генсека он, в последующем, получит ключевой пост министра иностранных дел СССР.

Сразу же после съезда прошло заседание Пленума ЦК. В состав Политбюро были введены: Л.Н. Зайков, Б.Н. Ельцин, С.Л. Соколов, Н.Н. Слюньков, Н.В. Талызин, в состав секретарей ЦК были введены: В.А. Медведева, В.А. Нишнова, Г.П. Разумовского, А.Н. Яковлева. Мы все тогда ещё не догадывались о распределении уже обязанностей и начале закулисной борьбы. Не ведали, да и представить себе не могли, что главный идеолог партии А.Н. Яковлев заложит в основу реформирования коренное изменение общественного строя, включающего в себя «ликвидацию моновласти, моноидеологии и монособственности».

Спустя какое-то время мы все поймём, что члены Политбюро, которые как-то сопротивлялись, Горбачёв разогнал, он сформировал новое Политбюро, в соответствии со своими взглядами и пристрастиями. И этот результат такого решения, вскоре мы увидим, республики начали бороться с центром, вернее, с Горбачёвым.

Первое же сообщение об аварии на Чернобыле пришло к нам 26 апреля 1986 года, оно звучало так, что на Чернобыльской атомная электростанция имени Владимира Ильича Ленина – в ночь с 25 на 26 апреля 1986 года произошло событие – выброс огромных доз радиации в связи с взрывом на 4-ом энергоблоке. В момент самого взрыва пострадал лишь 1 человек, находившийся за пультом.

Первое же официальное информационное сообщение о случившемся на ЧАЭС для широкой публики было сделано ТАСС 28 апреля 1986 года в 21.00 и звучало так:

На Чернобыльской атомной электростанции произошел несчастный случай. Один из реакторов получил повреждение. Принимаются меры с целью устранения

последствий инцидента. Пострадавшим оказана необходимая помощь.

Что будет создана правительственная комиссия для расследования этого происшедшего.

Как потом объяснял Михаил Горбачёв, праздничные Первомайские демонстрации в Киеве и других городах решили не отменять из-за того, что руководство страны не обладало «полной картиной случившегося» и опасалось паники. Люди с шариками и гвоздиками гуляли под радиоактивным дождем. Только 14 мая страна узнала об истинных масштабах катастрофы.

Как выясниться через несколько дней, что выброшенные из разрушенного реактора в атмосферу продукты деления ядерного топлива были разнесены воздушными потоками на значительные территории, не только СССР, но и на территории других государств Западной Европы.

Полностью будет разрушена активная зона реактора, частично обрушится здание энергоблока, произойдёт значительный выброс радиоактивных материалов в окружающую среду.

Интенсивный пожар продолжится 10 суток. За это время суммарный выброс радиоактивных материалов в окружающую среду составит около 14 эксабеккерелей (порядка 380 млн. кюри).

Город Припять, который был возведен специально для персонала ЧАЭС, его население будет эвакуировано уже 27 апреля. Всего на территории Украины и Белоруссии в первые дни будет эвакуировано около 50 тыс. человек.

Руководством страны будет принято решение, на ликвидацию аварии на Чернобыльской АЭС, привлечь полки химической защиты ГО Вооружённых Сил СССР. Личный состав которых будет называться – ликвидаторами.

В дальнейшем за май 1986 года силами этих полков, будет отселено более 116 тыс. человек из 188 населенных пунктов в 30-километровой зоне отчуждения вокруг станции.

Тогда, я, ещё не знал, что в числе ликвидаторов окажусь и сам, «заработаю» там болезни, от которых стану инвалидом первой группы. А пока всё было хорошо, я был

полон сил и желания поехать учиться в академию Генерального Штаба.

Летом 1986 года меня вызвали в управление кадров округа. В беседе с начальником управления мне было доведено решение Военного совета округа о зачислении меня кандидатом для поступления на учёбу в академию Генерального Штаба, на основании утверждённой аттестации. Мне было сказано, что я должен пройти медицинскую комиссию в окружном военном госпитале и ждать вызова на мандатную комиссию в академию. Понимая, что попасть на учёбу – задача очень и очень трудная, тем не менее в душе надеялся на благосклонность судьбы. За спиной была десятилетняя служба в суровых условиях Дальнего Востока на командно-штабных должностях подразделений и частей, укомплектованных по штатам военного времени. Это была неоценимая школа жизни, и мне думалось, что она зачтётся на мандатной комиссии.

Вернувшись в Завитинск, кроме повседневной работы занялся личной подготовкой. Начал штурмовать полевой устав, наставления родов войск, организацию иностранных армий блока НАТО, историю военного искусства и другие предметы.

После XXVII съезда партии Горбачёв много разъезжал по стране, летом 1986 года генсек прибыл во Владивосток. А уже через сутки он прилетел в Комсомольск-на-Амуре. При встрече с народом Дальнего Востока, Горбачёву необходимо было объяснять, почему на Дальнем Востоке плохо с продуктами. Он на эти вопросы давал пояснения. «Вот поэтому партия и осуществляет перестройку, проводит реформы, чтобы было всё: и продукты, и всё другое необходимое», так пояснял генсек. На следующий день генсек уже посетил мотострелковый полк на Красной речке под Хабаровском. Он улетел, а проблемы остались.

В конце июля придёт распоряжение с округа, в котором будет приказано откомандировать начальника штаба дивизии подполковника Шкидченко в Москву в академию Генерального Штаба. Мне тогда сразу всё стало понятно... Что там могут учиться и не аттестованные прямыми начальни-

ми. Потом выяснится, что родители и их друзья, могут всё, невзирая на то, что ты делаешь для Отечества.

На мандатную комиссию меня так и не вызывали, а я ждал вызова. Не понимая, почему не вызывают. Потом выяснится, в связи с тем, что моя аттестация была утверждена Министром Обороны СССР. Это означало, что я буду учиться в академии Генерального Штаба. Просто кадры принимали решение, кого, когда направлять учиться в академию Генерального Штаба.

27 августа 1986 года днём позвонит в кабинет Командующий 35 армии – генерал-лейтенант Кузмин Ф. М. и скажет мне – пришёл приказ Министра Обороны СССР от 27.8 86 г., т.е. сегодня, в котором сказано, что я зачислен слушателем академии Генерального Штаба.

Я поспешил домой, очень хотелось обрадовать мою любимую Серафиму Николаевну, которая вместе со мной на данный момент прошла эти трудные вёрсты армейской жизни. Вспомнилась практически вся жизнь. Я медленно шёл по натопанной людьми тропинке. Старые деревья нехотя сыпали листву, устилая землю мягким, разноцветным ковром. Стояли последние тёплые деньки. Хотелось наглядеться, налюбоваться на эту красоту, сохранить в памяти. Она гнала от себя мысли о приближении холодной и длинной, в этих краях, зимы. Вокруг, как и в душе, царили благодать и покой. Подумалось, есть в осени особая тихая и мягкая прелесть и грусть. Природа увядает, но как красиво и достойно!

Десять лет я прослужил на Дальнем Востоке, из них 5 лет – в Завитинске, в тяжелейших условиях, в беспросветной работе. Думаю, буду прав, сказать, что более убогого места в гарнизонах, где я прошёл свои версты жизни, мало было в Амурской области. Мороз в зимнее время достигал 30-40 градусов. Часто приходилось спать-ночевать в тёплом танковом комбинезоне. Лето короткое. Развлечений – никаких. Но, я, не пожалел ни минуты о выпавшем пути.

Тепло распрощавшись с заместителями, с офицерами штаба дивизии, политотдела, штабами частей, командирами частей и офицерами. На душе было очень грустно. Дорога моя и мои новые вёрсты жизни вели меня в стены академии

Генерального Штаба. Какие они будут уважаемый читатель, я, изложу в следующей главе.

Уезжая же из округа мне запомнились очень последние сборы руководящего состава округа, которые проводил тогда ещё бывший командующий округом – генерал-армии Третьяк Иван Моисеевич. Мы командиры дивизий были в его группе. На одном из занятий в классе мы все его попросили рассказать о начале войны, которая осталась в его памяти. Как она для него начиналась. Не долго подумав, командующий нам сказал слушайте и начал свой рассказ: «Великая Отечественная война началась, когда он был ещё курсантом выпускного курса Астраханского стрелково-пулемётного училища.

Известие о войне было тревожным, но думали мы тогда и рассуждали, так сказать, ещё «довоенными категориями». Предполагали, что война продлится совсем недолго. Никто не думал, что целых четыре года фашисты будут топтать нашу землю своими сапогами. Мы ещё переживали тогда, что война кончится раньше, чем мы закончим учёбу. Однако драматическое развитие событий первых месяцев войны заставило нас мыслить по-новому. Горькая правда о положении на фронтах отзывалась болью в наших сердцах. Некоторые парни уже узнали и про личное горе: домой, в деревню, приходили похоронки на отцов и старших братьев, вражеские войска всё пёрли и пёрли в глубь нашей страны.

Сразу повзрослевшей в это суровое время, курсанты-выпускники другими глазами смотрели на большую географическую карту, вывешенную в училище и утыканную передвижными флажками, обозначавшими линию советско-германского фронта. Все мы стремились поскорее попасть на фронт!

В июле 1941 года состоялся их выпуск Астраханского стрелково-пулемётного училища, и он 18-летний юноша стал лейтенантом, командиром взвода. Мечта его – стать защитником Родины – осуществилась в самое грозное время.

Командующий продолжал. Перед нами выступая с напутствием перед будущими красными командирами, начальник училища, в прошлом офицер русской царской армии, не сты-

дьясь собственных слёз, произнёс такую речь: «Большинство из вас, – сказал он, – я вижу в последний раз. Вы такие не опытные, а немец – очень опасный, очень умный враг; с ним я уже воевал. Свои головы вы можете сложить на поле боя. . .»

Думал ли тогда кто-нибудь из двух с половиной тысяч молодых выпускников, что эти слова старого служаки окажутся вещими и что большинству их них действительно никогда не будет суждено вернуться домой? Уже после войны обнаружат страшную правду об окопной жизни солдат пехоты – «царице полей». Согласно статистике, «средний век» командира стрелковой роты в действующей армии не превышал и двух месяцев. Взводные выбывали из строя и того чаще. Но даже в этой огневой круговерти судьба будет хранить деревенского парня с Полтавщины. В 18 лет он станет командовать ротой, а в двадцать под его началом уже будет сражаться целый стрелковый батальон, причём находился комбат рядом со своими солдатами, в боевых порядках, непосредственно участвуя в бою. Третьяк, будет воевать не то, чтобы мужественно, он сражался лихо. О том свидетельствуют и его награды, и ранения. . .

По окончании училища молодой лейтенант был направлен в Орловский военный округ на формирование соединений сухопутных войск, где в городе Обоянь получил назначение командиром роты ПВО 873-го стрелкового полка 276 стрелковой дивизии. Так в 18 лет началась фронтовая жизнь лейтенанта Ивана Третьяка, ставшего сразу после выпуска командиром роты ПВО стрелкового полка.

Спустя много лет и рассказывая нам о первых фронтовых буднях. Командующий вспоминал этот самый тяжёлый – первый год войны и самые первые бои с противником: «После двухгодичной учёбы в училище (в то время училища были двухгодичными) нам присвоили звание «лейтенант» и направили в войска. Большинство из нас были сразу же назначены командовать ротами, и такой стремительный рост был, разумеется, обусловлен тяжёлой обстановкой и недостатком подготовленных офицерских кадров. Война, наподобие конкурсных, что ли, экзаменов, проверила нас в первых же боях, жёсткостью и огнём. Все мы – погибшие, и оставшиеся в жи-

вых – оправдали оказанное нам народом доверие, выдержали все испытания с честью. От имени павших моих друзей мне хочется сказать Вам нынешним командирам и молодым вашим командирам, которые решают сегодня учебные мишени и утюжат землю на полигонах: «Будьте всегда, в любую минуту готовы к бою. И будьте готовы принять на себя более высокую ответственность, чем та, которую возлагает на вас нынешняя ваша должность».

Да, мы шли в бой молодыми и необстрелянными, но нас хорошо учили в военных училищах, особенно после советско-финской войны. Боевое становление порой длится долго, а порой происходит в несколько дней – всё зависит от того, какая случится встреча с противником – лоб в лоб, врукопашную (бывало и такое) и через какой морально-психологический барьер перешагнёт человек.

Моё боевое крещение помнится мне как событие отнюдь не только личной биографии. То была одна из жесточайших схваток с врагом на крутом повороте в судьбе страны, и прогремел тот бой в исторической Московской битве. В контрнаступлении под Москвой, которое начала Красная Армия 5 декабря того незабываемого и страшного сорок первого, вся тяжесть сражений легла именно на плечи пехоты и пехотинцы играли самую решающую роль – ведь танков, самолётов и артиллерии тогда ещё не хватало. Огромные потери понесли мы при отходе, а промышленность, эвакуированная в тыл страны, ещё не давала продукцию. Только в 1942-43 гг. стала поступать к нам техника...

А тогда, когда мы защищали столицу нашей Родины, Ставка Верховного Главнокомандования создавала резервы, перебрасывала часть дивизий с Дальнего Востока и из Сибири в прифронтовую полосу, формировала новые соединения и части.

Наша 19-я стрелковая бригада формировалась на станции Рода по Тамбовом из курсантов, которые проходили учебные курсы за шесть-девять месяцев. Такие бригады называли «курсантскими». Бригады состояли из отдельных батальонов, дивизионов. В каждом стрелковом батальоне находилось около тысячи замечательных воинов. Я был назначен

заместителем командира батальона, а на должность командира прибыл выпускник Военной академии им. М.В. Фрунзе.

К началу ноября формирование нашей бригады в основном было завершено, и наши эшелоны прибыли под Кубинку и Голицыно, где части бригады получили недостающие технику и вооружение. Видимо, в это время 19-я сбр вторым эшелоном подкрепляла 5-ю армию Западного фронта в тяжелейших ноябрьских боях, находясь на тыловых её рубежах и являясь резервом Ставки ВГК.

По указанию Генерального штаба наша бригада вошла в состав 49-й армии, которой командовал Г.И. Захаркин.

Зима 1941-1942 года в Подмосковье была очень суровой, выпало много снега, на технике можно было двигаться только по расчищенным дорогам.

В декабре части бригады прибыли в район южнее города Серпухова, где получили боевую задачу наступать в направлении Тарусы в первом эшелоне. Форсировав реку Оку, подразделения перешли в наступление. Немцы же стремились удерживать населённые пункты. Наши подразделения, учитывая такой характер действия врага, выходили на фланги, отрезая им пути отхода на запад. Приближался Новый год, немецкое командование стремилось остановить наступление Красной Армии.

В ходе наступательных боёв обстановка резко менялась, мы только приобретали опыт, но и гитлеровцы предпринимали всё возможное, чтобы остановить наше наступление, их контратаки были злыми и опасными, как смертельные ножевые удары в сердце».

Прибывший из Астраханского стрелково-пулемётного училища командир с двумя кубарями в петлицах уж что-то, а из пулемёта «максим» стрелять умел отлично. И вскоре от лейтенанта Третьяка потребовалось показать всё своё умение. Вражеская контратака была внезапной и страшной в своей неотвратимости, скручивающей нервы в жгут. Гитлеровцы шли в полный рост, лишь слегка, для удобства действий, пригнувшись, автоматы, прикладами воткнутые в животы, пока молчали, но были готовы выплеснуть шквал огня.

У молодого лейтенанта, приникшего к пулемёту, ни страха, ни сомнений в душе. Фашисты находятся так близко, что необходимо следить за каждым их шагом. Прицел установлен точно. Огневая бритва пулемётной очереди резанёт их всех чуть ниже груди... Гашетка будто притягивает пальцы какой-то силой – так и хочется нажать. Но ещё несколько секунд – пусть подойдут ближе...

Вот теперь пора? Пора! Огонь!

И заработал «максим», заговорил с врагом на своём беспощадном, огневом языке. И пошёл, и пошёл косить... Да и другие пулемётчики и стрелки поддержали. Фашисты залегли в снегу, а потом начали отползать назад. Большинство из них так и осталось лежать на заснеженном поле.

В последующих боях лейтенант Третьяк заменил погибшего командира, стал комбатом, столь же молодыми и неопытными были и другие взводные, ротные, комбаты...

Конечно же, не обходилось без ошибок, и малозначительных, и существенных, тем более что некоторые заученные уставные положения далеко не всегда совпадали с реальными условиями жёстких боёв. Говорил в заключении нам командующий ...»

В заключении этой главы, очень хотелось закончить воспоминаниями отличного офицера, в то время ещё молодого, полного большого желания начать работу дивизионной газеты. Тебе читатель это предоставляется.

Из воспоминаний полковника Владимира Георгиевича Мухина, который в 1984-1985 гг. служил в 27-й учебной танковой дивизии в должности ответственного секретаря и редактора дивизионной газеты «Доблесть».

На Дальний Восток я попал в мае 1984 года по замене из Группы Советских войск в Германии. Там после окончания Ташкентского высшего общевойскового училища (ТВОКУ) им. В.И. Ленина в 1979 году, я некоторое время служил командиром 2 взвода 4 роты в 245-м мотострелковом полку 47-й танковой дивизии. Штаб дивизии находился на южной окраине Магдебургского полигона в деревне Хиллерслебен (Солнечный Хилер – так его окрестили наши офицеры ГСВГ). А его 245-й МСП располагался на северной окраине

Магдебурга на Хелен-Круге. В Магдебурге также был дислоцирован штаб 3-й ударной армии, в состав которой входила 47-я ТД. В самом Магдебурге я побывал всего несколько раз, так как все время пришлось проводить на Магдебургском полигоне. Мне достался взвод учебно-боевых машин, на которых училась вождению и стрельбе весь наш батальон.

Поскольку у меня было удостоверение военного переводчика французского языка, полученное в ТВОКУ, кадровики мне уже осенью 1979 года предложили должность секретаря комитета ВЛКСМ в 607-й отдельный радиобатальон «Осназ» (радиоразведка), который был дислоцирован в Стендале. (Это небольшой город в 60 километрах к северу от Магдебурга). В Стендале также дислоцировался штаб 207-й МСД и некоторые воинские части дивизии. В том числе располагалась дивизионная газета «За честь Родины». Я писал в эту газету. И спустя год службы в «Осназе» мне предложили перевестись в нее и стать профессиональным военным корреспондентом. После некоторых раздумий я дал согласие. И осенью 1980 года приказом командующего 3-й ударной армии был назначен штатным корреспондентом-организатором газеты «За честь Родины» 207 МСД. О чем нисколько не жалею! Журналистом я работаю до сих пор – являюсь штатным обозревателем «Независимой газеты», пишу на военные темы.

Как и положено, когда моя служба в ГСВГ заканчивалась, кадровики меня спрашивали, где бы я хотел служить. Я попросился в Афганистан в ТУРКВО. Мотивом этому послужило то, что в Афганистане в 1981 году убили моего двоюродного брата старшего лейтенанта Матвеева Алексея, с кем я вырос и вместе учился в ТВОКУ. Хотелось, тогда как бы отомстить, выполнить интернациональный долг до конца, что не смог сделать Алексей... Да я и сам родом из Ташкента. Хотелось поближе к дому...

Но послали меня по предписанию Главного управления кадров ВС СССР на Дальний Восток, в один из гарнизонов в Приморье на должность ответственного секретаря (капитанская должность). В конце мая я прибыл в Хабаровск, и кадровики ДВО мне заявили, что должность моя занята. И

мол, в Приморье выбирай любую должность корреспондента-организатора. Меня такой расклад не устроил. Я был аттестован и назначен при переводе из ГСВГ на вышестоящую должность. В 1984 году мне надо было получать капитана. И очень не хотелось перехаживать старшего лейтенанта. И пришлось на «высоких тонах» с этими чиновниками разговаривать – мол, правду буду искать, в Москву жалобу напишу. Они не имели право изменять место службы, куда я по предписанию Главного управления кадров ВС СССР был направлен.

Повели к какому-то генералу, якобы, на ковер. Но тот выслушал меня спокойно и сказал кадровику – «найдите ему должность капитана». Тот вышел из кабинета и зашипел – ну я тебе найду должность – мол, сгниешь в Амурской области в самом «гнусном» гарнизоне ДВО – в Завитинске в 27-й учебной ТД. Но трудности меня не пугали.

Ночь на поезде от Хабаровска на запад – и я на станции Завитая. Первое, что меня поразило – это деревянные тротуары. Я расспросил, где гарнизон, показали дорогу – она была единственная широкая дорога в этом небольшом городке. Нашел гарнизонный Дом офицеров (ГДО), где была расположена редакция «Доблесть». Там оставил вещи, чемодан. А потом – в штаб. В политотделе представился начальнику – подполковнику Мокию. Потом в кадры, где мне кадровик сказал, что со мной будет беседовать комдив – полковник Юрий Максимович Неткачев. Для меня это была неожиданностью. В ГСВГ комдив 207-й МСД знал лично всех офицеров дивизионной газеты. Но никогда, никакого общения с нами он не вел. Однажды, правда, построил весь личный состав политотдела, редакции и гарнизонного Дома офицеров (ГДО) и делал разнос за то, что пьяный преподаватель университета марксизма-ленинизма ГДО при переходе дороги возле КПП дивизии упал на капот его служебной «Волги».

Юрий Максимович беседовал со мной долго. Рассказал, что вот уже два года дивизия строится с нуля... Много трудностей со снабжением. Советовал побыстрее привезти жену в гарнизон. Квартира в гарнизоне есть... Расспрашивал про учебу в ТВОКУ, родителей. Я рассказал, что ТВОКУ закон-

чил с золотой медалью. Что отец мой – майор Мухин Георгий Иванович был фронтовик, умер он в день моего поступления в ТВОКУ. И я увидел, как искренне его это огорчило. В его кабинете была подшивка газеты «Доблесть» – это тоже меня несколько приятно удивило. В ГСВГ даже в политотделе не было подшивки нашей дивизионки. Он не стал утаивать, что в редакции имелись проблемы. Мол, коллектив недружный. На друг друга строчили жалобы.

Я менял капитана Сергея Порохова, который тоже окончил ВОКУ, только в Орджоникидзе. Он отбывал в ГСВГ. По убытию я мог въехать в его квартиру. Редактор газеты капитан Александр Овчинников был выпускником Львовского училища, где готовили журналистов. Его должны были направить на Кубу, где была наша военная база и при ней газета. Корреспондентом-организатором газеты «Доблесть» был лейтенант Вячеслав Мамонтов, его вот-вот должны были назначить в окружную газету «Суворовский натиск». С этими офицерами потом моя судьба часто пересекалась. С Пороховым мы три года учились на редакторском факультете Военно-политической академии. С Александром Овчинниковым вместе служили в одном отделе в Управлении информации МО РФ. С Мамонтовым служили в «Суворовском натиске» в Хабаровске, куда я попал уже в 1985 году. Это все были нормальные офицеры. Почему они не сошлись характерами, мне до сих пор не известно и непонятно.

Но, прибыв в Завитую, я засучив рукава стал работать. Главным надо было нагнать график выхода газеты, который отставал на 7 номеров, то есть почти на месяц. Это по тогдашним меркам было самым грубым нарушением. И редактор, который возглавляя такую газету, мог лишиться и должности, и партбилета и т.п. Однако, 27-я дивизия в округе была на особом счету и обустроивалась в экстремальных ускоренных условиях. Часто не было света. А зимой руководители ГДО разморозили систему и в 40-ка градусный мороз в редакции и ГДО строили печки и заботились в первую очередь, чтобы не обморозить себя и солдат, которые работали в типографии.

В типографии, как и в моей газете ГСВГ «За честь родины» был ручной набор. То есть формы для газеты набира-

лись по буквам, как в свое время, Лениным готовилась для большевиков газета «Искра». Потом, уже осенью 1984 года к нам в типографию из округа поставили линотип. Это была такая механическая машина, с помощью которой из расплавленного свинца механик-линотипист набирал текст. Потом свинцовые строки с буквами верстали и печатали.

Я всю эту кухню познал на ходу. Помогло этому мое инженерное образование, полученное в ТВОКУ. Плюс организаторские навыки, которые за всю свою службу я как губка впитывал еще с курсантских времен. Главное для меня по прибытию в Завитую, как я понял, это, во-первых, было обеспечить непрерывный стабильный выпуск газеты. Во-вторых, наладить снабжение и быт типографии, в том числе подготовиться к зиме, то есть обеспечить здание теплом. В-третьих, одновременно на мне лежали функции по написанию материалов, так как все, кто до этого служил в газете, «разбегались» кто на Кубу, кто в ГСВГ, кто в Хабаровск. Все эти офицеры были заняты личными проблемами. А значит, штатных офицеров-помощников у меня до прибытия их знаменщиков не было.

Правда, временами приходил в редакцию начальник политотдела подполковник Мокий, который ничего не смыслил в типографском деле. Но всегда напоминал мне, что я плохо убираю паутынь (то есть паутину) с потолка. Но, если честно, никто ее тогда вообще не убирал, потому что было не до нее. Иногда политотдел пытался привлечь меня к проверке частей. Однажды Мокий поставил мне задачу: «Идёте в МСП проверять личный состав на предмет педикулеза».

– А что это такое, – спрашиваю.

– Да, офицер сколько служишь, а не знаешь, что такое вши?

– Но это же хорошо, что у меня была такая жизнь и служба, что я не знал, что такое вши, – тогда я ответил ему.

Короче, поначалу с руководством политотдела были проблемы. Но ситуация изменилась, когда к его руководству прислали нового НачПО – подполковника Олега Федоровича Сергиенко. Деловой был и очень порядочный.

В то время летом 1984 года, когда я только начинал рулить в «Доблести», помощниками мне были корректор-машинист-

ка Аниса Еникеева, жена врача из гарнизонного госпиталя. Помогали солдаты, работавшие в типографии дивизионки, а также работники гражданской типографии в Завитой, выпускающие районную газету. Именно гражданские спецы за бартер (бумагу, спирт и т.п.) помогли мне запустить линотип, а через контакты с войсками среди молодых курсантов я нашел солдатика-чеченца из Грозного, который на гражданке окончил курсы линотипистов. Его прикомандировали к типографии. График выхода газеты мы уже к сентябрю 1984 года нагнали. Из Львовского училища на должность корреспондента-организатора прибыл к нам в редакцию молодой лейтенант Владимир Пылаев. Меня уже представили к должности редактора газеты (майорская должность). А из Белогорска в редакцию на должность ответственного секретаря, которую я пока занимал, уже направили старшего лейтенанта Юрия Максимова. В ноябре 1984 года я стал редактором газеты «Доблесть» и одновременно получил звание капитана.

В оркестре мотострелкового полка я нашел сверхсрочника-флейтиста, который захотел занять должность начальника типографии. Потом в этом помогла ему Серафима Николаевна, жена Юрия Максимовича, которая работала в кадрах дивизии и начальник штаба дивизии подполковник Владимир Шкидченко. Они помогли приготовить представление на «флейтиста», и приказом командующего 35-й армии (штаб в Белогорске) ему было присвоено звание прапорщика.

Зиму 1984-1985 гг. мы прожили без происшествий. За исключением того, что порой не было света. И было не очень тепло. Но мы день и ночь пропадали в редакции, решая служебные и бытовые дела. При этом я одновременно писал не только в дивизионку «Доблесть», но и окружную газету ДВО «Суворовский натиск» (СН). Уже осенью 1984 года мне предложили стать постоянным корреспондентом СН по 35-й армии в Белогорске. Но как я потом узнал, политотдел 35 А был против. Мол, пусть поработает в Завитой...

В феврале 1985 года меня приказом командующего войсками ДВО Д.Т. Язова откомандировали на две недели на стажировку в «Суворовский натиск», которую я успешно

завершил. И руководство СН стало ходатайствовать, чтобы назначить меня в штат окружной газеты. Политотдел 35-й армии был категорически против. Их доводы были такими – Мухина заберете, а кто работать будет? Такие кадровые перепалки длились почти целый год. И лишь в октябре 1985 года, когда редактор СН полковник Кренин пошел на прием к командующему ДВО Язову, тот подписал кадровую телефонограмму. Согласно нее, меня штаб 27-й учебной ТД в трехдневный срок откомандировал для дальнейшего прохождения службы в «Суворовский натиск».

Вот так закончилась моя служба в 27-й ТД, которой командовал генерал Неткачев. За те 1,5 года моей службы в Завитой я познал очень многое. Это были самые трудные годы в жизни. Моя жена Елена, вспоминает их как кошмар. Но мы выстояли. И я благодарен Юрию Максимовичу, который помогал служить, а если честно не мешал излишними проверками и вводными делать газету. Процесс этот был технологически очень трудный, и он это понимал. Мы писали в газете заметки, зарисовки и очерки о наших солдатах и офицерах. И это было хорошим моральным стимулом к тому, чтобы в дивизии был у личного состава крепкий моральный дух и желание как можно лучше выполнить им свой ратный долг.

Глава VI: Слушатель Академия Генерального Штаба имени К. Ворошилова.

*«Мы русские,
мы всё одолеем»
(Александр Суворов.)*

И так, я, слушатель Военной ордена Ленина Краснознамённой ордена Суворова академии Генерального Штаба ВС СССР имени К.Е. Ворошилова. Наверное, невозможно словами описать, с каким волнением из г. Хабаровска я летел в Москву вместе с моей Серафимой Николаевной. Учиться в высшей военной академии мечта многих и многих, но принимаются туда единицы. Достаточно сказать, что в те времена, на курс принимали 90-105 человек. Учёба длилась два

Здание академии

года. Следовательно, в академии училось сразу всего 180-210 человек из всех Вооружённых Сил СССР.

31 августа, все вновь поступившие слушатели утром собрались в академии, которая тогда размещалась в Хользуновом переулке. Среди них были и бывшие мои знакомые по академии имени Р.Я. Малиновского, с двумя учился в одной группе – В. Ефремов и С. Докучаевым, один из них и поехал вместо меня после окончания этой академии, в г. Новосибирск, а я на Дальний Восток. Этого я пока ещё не знал.

Начальник академии генерал армии Салманов Григорий Иванович представил нам всех своих заместителей, начальников кафедр и факультетов. Всем новым слушателям академии, он довел историю академии. Рассказал он нам порядок работы служб академии и распорядок их работы, довел некоторые организационные вопросы. Академия тогда состояла из двух факультетов с двухгодичным обучением. Первый (основной) факультет в то время назывался очным, второй иностранным (учились в нём представители стран

Варшавского договора и других социалистических стран – ГДР, Монголии, Кубы, Вьетнама и др.). Первым факультетом руководил – генерал – лейтенант Дубынин Вячеслав Васильевич, наш дальневосточник. В этот же день нам довели приказ начальника академии, кто в какой группе будет осваивать программу академии, разделив нас по учебным группам (всего 7 групп по 13-15 человек), назначили старших преподавателей в каждой группе и определили учебные классы. Выдали портфели для хранения секретной литературы и печати каждому, указали места хранения их. Секретную литературу, каждый получал самостоятельно, по мере необходимости. Каждый день мы должны были проверять друг у друга секретную литературу и делать свои подписи о проверке. Такой тогда был порядок в этих вопросах. В нашу 5-ю учебную группу был назначен этим приказом, тактическим руководителем, старшим преподавателем генерал-майор С. Н. Жерехов. Память о нём сохранила замечательные черты его характера, тем более я его знал ещё по службе на Дальнем Востоке. Он был интереснейшим знатоком многих вопросов и все, что смог, то передал нам слушателям.

Сама учебная группа комплектовалась из расчёта, чтобы в ней были все представители родов войск и видов Вооружённых Сил, это в дальнейшем очень облегчало усвоение учебного материала. Вот списочный состав учебной группы того времени: начальник политотдела дивизии подводных лодок Северного флота – капитан первого ранга В.С. Шпагин, заместитель командира авиационной дивизии, лётчик-испытатель полковник Е.С. Власенко, принимавший участие командуя полком в Афганистане, офицер Главного штаба ВМФ – капитан первого ранга А.П. Усик, командир бригады связи ставки Главнокомандующего войск на Дальнем Востоке – полковник В.К. Хлебников, заместитель начальника штаба тыла 40 армии в Афганистане – подполковник В.И. Исаков, начальник разведки 7-ой армии ЗакВО – полковник М.Э. Арутюнян, офицер штаба войск Западного направления – подполковник П.И. Иванов, командир мотострелковой дивизии – генерал-майор И.Е. Пузанов, офицер ГОМУ Генерального штаба Вооружённых Сил СССР – подполковник В.

Смирнов, командир мотострелковой бригады – полковник Н. Петров.

Учебный день состоял, как и в академии Бронетанковых войск – из шести учебных часов и двух часов самоподготовки. Это было на контроле, как и в академии им. Р.Я. Малиновского, командования факультета и тактического руководителя. Начинались занятия в 9.00, а заканчивались как обычно в 18.00.

Все слушатели жили на ул. Вернадского, д. 25. Этот дом представлял собой общежитие квартирного типа. Я получил с семьёй в этом доме двухкомнатную квартиру со всеми удобствами. Тогда этот район представлял из себя застраивающуюся окраину Москвы. Напротив нашего дома шло строительство нескольких высотных зданий, а за ними был уже пустырь в несколько километров, он был с оврагами и склонами. Как правило, на этом пустыре зимой и катались слушатели академии, у кого было желание, на лыжах, а летом, для нас и наших семей он служил местом отдыха. Словом, отдыхали на природе. Москва была ещё в те времена спокойная, весёлая.

В нашем доме-общежитии вместе с нами жили семьи слушателей– иностранцев в отдельном подъезде. Жили там представители практически всех стран социалистического лагеря.

При отработке в дальнейшей учёбе комплексной оперативно-тактической задачи все обменивались полезной информацией между собой во время самоподготовки. Помню, что к нам в группу часто заходили – немцы, поляки и венгры. Жили мы со всеми дружно.

Первые дни учёбы были посвящены знакомству и изучению техники и вооружения. Нас автобусами вывозили в ракетные части и базы содержания и подготовки ракет. В частях Московского кольца ПВО мы изучали новые зенитно-ракетные комплексы и радиолокационные станции, новые типы самолётов. В Гороховецких лагерях нам практически показывали поступающие в войска новые танки и БМП, самоходную артиллерию и первые образцы высокоточных боеприпасов к ней, новые образцы инженерной техники,

средств связи и разведки. В течении месяца мы всё увиденное заносили в свои секретные тетради. Надо отметить, что мы изучали не голую технику, а её возможности и принципы применения. Так прошёл первый месяц учёбы, нужно было готовиться к первому зачёту. Кроме этого, на него выносились и вопросы по знанию организации, вооружения и возможностей иностранных армий, дислоцирующихся на Западном театре военных действий. Всё изученное, восстановленное в памяти, пригодилось, когда пошла комплексная тактическая задача, которая предусматривала все вопросы планирования боевых действий общевойсковой армии в наступательной и оборонительной операции. Вспомнились учёба в академии им. Р.Я. Малиновского и первый преподаватель – начальник кафедры оперативного искусства – генерал-лейтенант Орлов, знакомивший наш с этим предметом в течении нескольких десятков учебных часов, отводимых на этот предмет.

Здесь эта задача шла в течении всего учебного года. Все кафедры, за исключением кафедры иностранных языков, принимали в ней активное участие. В начале под руководством наших тактических руководителей мы принимали решение на проведение наступательной, оборонительной операции, выступали в роли должностных лиц армии (командарма, начальника штаба, начальника оперативного отдела). Затем в соответствии с принятым решением рассматривались вопросы его обеспечения. Под руководством преподавателей других кафедр мы решали специфические вопросы в различных должностях: начальника разведки, начальника инженерных войск, начальника артиллерии, начальника войск связи, РЭБ, начальника авиации, тыла и т.д.

Естественно, что многие вопросы для нас были совершенно новые. Поэтому перед каждой темой, наших практических действий в той или иной должности, которая шла по плану задачи, нам начальники кафедр читали лекции. Они, конечно, как правило, служили на этих должностях в армии и имели большой практический опыт и обширные знания, которыми делились с нами. Мы были им за это благодарны.

Так незаметно закончился первый семестр. Нам всем слушателям был предоставлен двух недельный отпуск, который «пролетел» очень быстро.

Учёба продолжалась.

Как сейчас помню, что зимой 1987 года, в Баку появилось историко-литературное общество «Ченлибелъ». Его лидерами стали М. Гатаин, политэмигрант из Ирана, Шахвердиев, методист бакинского Дворца пионеров, Н. Понахов, рабочий завода имени лейтенанта Шмидта. На волне перестройки под флагом борьбы с коррупцией они призывали к борьбе «за чистоту нации, за объединение иранских азербайджанцев с Баку в «независимое и сильное азербайджанское государство». «Великая независимая Армения» и напротив «Великий независимый Азербайджан», и никто из руководства страны не отважился выступить против этих бредовых идей «чистоты нации». К чему это приведёт? Мы с вами увидели в дальнейшем! Именно этому процессу дали в то время «зелёную улицу» Горбачёв и Яковлев своей перестройкой «без руля и без ветрил».

Наступивший Новый год, запомнился мне такими моментами, в жизни страны. Он в определённом смысле стал ключевым этапом горбачёвских реформ, который во многом предопределил всё последующее развитие событий в стране, поскольку именно тогда была полностью отброшена «доктрина авторитарной перестройки» в «прежней упаковке», созданной под руководством Ю.В. Андропова, и окончательно сформирована собственно горбачёвская стратегия преобразований, после чего началось её активное и стремительное воплощение в жизнь.

Основные усилия «реформаторов» теперь были направлены на пробуждение советского общества, повышение активности всех «конструктивных сил», кровно заинтересованных в обновленческих процессах. Новый план его преобразований был оглашён в январе 1987 года на очередном Пленуме ЦК, где в своём докладе «О перестройке и кадровой политике партии» М. Горбачёв констатировал, что к середине 1980-х годов, в стране сложился «механизм торможения», который сдерживал социально-экономическое развитие страны и

не позволял раскрыть все преимущества социализма. В качестве главного средства слома «механизма торможения предлагалось «углубить» социалистический демократизм и дать новый мощный импульс развитию самоуправлению народа через коренную реформу избирательного процесса, впервые основанного на альтернативных выборах в органы советской власти всех уровней.

В феврале 1987 года в Ленинграде возникает первый клуб «Перестройка», инициативную группу которого возглавили молодые экономисты, социологи и философы, в том числе А. Чубайс, Е. Гайдар, П. Филиппов, В. Монахов и др. Уже в марте 1987 года, в Москве, по предложению членов этого клуба, состоялась первая научная дискуссия, посвящённая обсуждению проекта Закона «О государственном предприятии».

Невольно вспомнился 1975 год и учёба в академии имени Р.Я. Малиновского. Визит Л.И. Брежнева в Вашингтон. Назначение вице-президентом первого и бессменного, как окажется директора второго из институтов был членом Римского клуба и давний приятель президента МИПСА лорда С. Цукермана (автора британской бомбовой стратегии в годы Второй мировой войны), который ещё 1969 году защитил очень показательную докторскую диссертацию «Американская теория организационного управления». Именно под чутким руководством Д.М. Гвишиани в 1983-1984 гг. его «птенцы» Е. Гайдар, П. Авен, О. Ананьич и другие «мальчиши-плохиши в розовых штанишках» корпели над андроповской экономической реформой и частенько ездили в Ленинград, где обсуждали все свои новации на закрытых семинарах в «Змеиной Горке», где от «питерских» главным «смотрящим» был А. Чубайс.

Чуть позже, аналогичные организации в поддержку «перестройки», возникли в Москве, в частности «Клуб социальных инициатив», который возглавили Б. Кагарлицкий и Г. Павловский, и «Община», лидерами которой стали студенты исторического факультета МГПИ им. В.И. Ленина А. Исаев, В. Гурболиков и А. Шубин.

Когда власть занял Михаил Горбачёв, я верил в лучшее будущее. Но потом, как и многие понял, что зря. Особенно

это было понятно, когда велись переговоры с США о взаимном разоружении. Маршал Ахромеев отстаивал интересы СССР. никакие аргументы на него не действовали. Из-за этого госсекретарю Джорджу Шульцу пришлось обращаться к Шеварнадзе по урегулированию вопроса комплекса «Ока», которого боялись американцы. Ахромеев согласился. Афера удалась. СССР лишился этого комплекса.

В этот год учась в академии, я задавал себе вопросы: Как получилось, что страна стоит на краю гибели? Какие причины создающейся ситуации объективны, они должны были появиться независимо от того, кто возглавил страну в 1985 году, а чему виной является политика и практическая деятельность Горбачёва? Мы все видели и обсуждали деятельность в 1985-1986 годах М.С. Горбачёва и других членов Политбюро, которые вели себя как легкомысленные школьники. И это делали серьёзные люди? Кто и почему сегодня организовал антиармейскую кампанию в стране. Как нам сегодня относиться к нашему прошлому...? Были вопросы, ответа не было.

Из ежедневной круговерти учёбы в академии мне запомнилась поездка всем курсом на Северный флот в город его базирования – Североморск. Так же запомнилась погода в эти дни. Дожди здесь становились всё реже. Но в одну из ночей мы испытали особенный ливень с грозой. Днём раскалённое небо, жадничая, слишком отяжелело от выпитой влаги и теперь озлобленно возвращало её морю. С гористых вершин и крутых берегов срывались шквалы, шумливо падали в бухту и, взрывая поверхность её, с иступленным воем носились вокруг эскадры находящихся там в это время кораблей. Дождевые струи, как сыромятными ремнями, секли корабли, а всё пространство наполнилось сверканием и грохотом. Разряды атмосферного электричества с громовыми ударами были так часты, что не давали опомниться, и получалось впечатление, что над головою происходят нагромождения каменных утёсов и железа. Огненные вспышки непрерывно пронизывали тьму, разбегаясь по тучам змеиными лентами, падая развёртывающейся спиралью, на мгновение разбрасываясь спиралью, на мгновение разбра-

сываясь гирляндами. Иногда чёрное небо раскладывалось на множество золотых ветвистых трещин, спускавшихся до самого горизонта. Гроза опьянела и совершала свой шаблон. И в этой световой и грохочущей кутерьме, сквозь муть дождя и шквала неясно вырисовывались силуэты кораблей, угрюмые и не подвижные. Мы вышли в Баренцево море на крейсере «Пётр Великий» и наблюдали, как моряки вели прицельный огонь по надводным и подводным целям, также увидели «торпедирование» подводной лодкой нашего крейсера. Нашими «главными рассказчиками» происходящих действий были два капитана первого ранга, представители ВМФ, оба они здесь, каждый из них в своё время, проходили службу...

Вспоминается 28 мая 1987 года, когда произошёл международный скандал. Немецкий летчик Матиас Руст приземлился на Красной площади. Он без проблем перелетел границу, прилетел в Москву и спикировал на Большой Москворецкий мост. Пилоту-любителю было всего 18 лет!

Скандал получился огромный. Добавляло остроты в эту историю, что в СССР в этот день отмечали День пограничника! На самом деле, эта история не столь безобидна. Она имела далеко идущие последствия и ускорила распад СССР, который произошёл спустя 4 года после этого. Но, давайте, обо всём по порядку.

Матиас родился в семье инженера-электрика, и с юных лет отец приручил ребёнка к технике. В 5 лет Матиас попал на аэродром и поклялся, что станет пилотом. Желаемое сбылось, уже в 17 лет он сдаёт экзамены и получает лицензию пилота. Матиас арендовал у своего клуба легкий американский самолёт-выпуска 1955 года. Самолёт был произведён на заводе во французском Реймсе. Самый массовый самолёт в истории авиации получил такую популярность из-за своей надёжной (и в то время достаточно простой конструкции). Благодаря высокому расположению крыла из кабины был хороший обзор, что очень помогало начинающему пилоту. Его простота управления добавляла и управляемая носовая стойка шасси. Кроме этого, конструкция самолёта позволяла лететь на небольшой высоте, что позволяло ориентироваться по местности, здесь важным был хороший обзор вниз. Эко-

номичный двигатель позволял много времени находиться в воздухе. И наконец его небольшая скорость.

Нам в то время было доведено, что идея прилететь в Москву у него возникла почти сразу же. Он прямо напрашивался на эпатажный поступок. Сперва он летел на саммит в Исландию, где встречались Рейган и Горбачёв. Матиас сильно расстроился, что саммит не продвинул мирные переговоры. «Холодная война» продолжалась. Свой мотив Руст изложил тогда в интервью «Комсомольской правде»: «Я боялся, что, если Горбачёв расслабится, соперники его уберут. Поэтому хотел прилететь в Москву, подать ему руку и сказать, что на Западе очень много людей, которые думают, что он делает всё правильно».

Но полезный вывод он для себя сделал, поняв, что спокойно может пересекать границы незамеченным. Потом, вернувшись в Гамбург, понял, что ему по силам и серьёзный перелёт в столицу СССР. Когда журналист «Комсомольской правды» спустя годы спросил у Руста, зачем тот выбрал именно Красную площадь? Тот ответил искренне: «А я больше в Москве не знал ничего».

И так, утром 28 мая Матиас вышел на старт. По его воспоминаниям, у него дрожали коленки. Он с трудом преодолел свой страх и взлетел. У города Нуммела на юге Финляндии он отключил всю связь на борту и резко сменил курс и вылетел на воздушную трассу, соединяющую Москву и Хельсинки. Финны начали поисково-спасательную операцию. Увидев масляное пятно на воде, они решили, что самолёт потерпел крушение и вызвали подмогу. Полёт был непростым, было облачно. Матиас, по его словам, ориентировался, где находится чисто визуально. Он замечал крупные объекты, вроде железных дорог и Чудского озера, которые он заранее отметил себе на карте. С финских радаров самолёт исчез в 14:00, но уже в 14:10 его засекли советские средства ПВО. С этого момента самолёт вели зенитные комплексы. Но команду на уничтожение не давали. Конвенция о международной гражданской авиации, которую подписали СССР, США и ещё 50 стран, запрещала без весомых причин уничтожать легкомоторные самолёты. Максим, что можно было сделать – принудить к посадке.

Наши пограничные средства ПВО отработали правильно. Самолёт не миновал радары, как потом писали газеты.

Его засекли части ПВО и даже поднимали на перехват несколько МиГ-21 и МиГ-23. Один из истребителей обнаружил самолёт визуально. Только сопровождать было сложно – т.к. он (самолёт) летел низко и медленно по сравнению с МиГ-23. Ни части ПВО, ни лётчики истребителей не принимали никаких действий ввиду отсутствия чёткого приказа.

Сам Руст заметил истребители, но, по его словам, они облетели его несколько раз и больше не возвращались. Уязвимое место для систем ПВО – пространство между локационными зонами. В одном из них Руст и слетел с радаров. А вот дальше случился казус. В Пскове его приняли за своего и свободно пропустили. В тот момент там шли учения и в воздухе было много самолётов, в том числе и легкомоторных. Ошибку поняли, но поздно – когда самолёт подлетал к Московскому региону. Но не поняли, что самолёт – иностранный! Подумали, что это советский легкомоторный самолёт вылетел без заявки. И почему-то решили не докладывать – дескать, пусть сами разберутся

«Мы задавали вопросы. Почему самолёт заметили, но не сбили? Нам в то время объясняли. Причин здесь две. После того, как сбили южнокорейский Боинг-747, было указано не трогать гражданские самолёты. Но главная причина всё же – отсутствие приказа. Никто не хотел брать ответственность». А сбить этот самолёт всё-таки могли. Главком войск ПВО маршал авиации Колдунов был не в курсе, что в Москву летит иностранный самолёт. Главком бы принял крайние меры, если бы узнал об инциденте. Жизнь Руста, таким образом висела на волоске и его спасла случайность.

И так, в 18:30 Матиас Руст прилетел в Москву. Далее он ориентировался на гостиницу «Россия», которую заранее отметил на карте. Подлетев к Красной площади, он стал искать место для посадки, но приземлиться на самой площади оказалось невозможно.

На площади было много народу, пилот дал три круга, чтобы люди поняли, что он хочет сесть, и разошлись. Но никто расходиться не собирался.

Тогда он решил высадиться на Большом Москворецком мосту. Поймав красный светофор, он приземлился точно в момент, чтобы не задеть автомобили. И, приземлившись, подкатился прямо к Собору Василия Блаженного.

Полёт занял больше шести часов. В 12.21 пилот вылетел из Хельсинки, в 18.41 приземлился.

Советская публика встретила Матиаса тепло, у него брали автографы, которые он охотно раздавал. Какой – то 16-ти летний советский парень, как оказалось, хорошо знал английский. Он выступил переводчиком для Матиаса и публики. Силовики же были тут как тут, наблюдали за немцем и в 20:00 его задержали.

Суд состоялся спустя три месяца. Матиаса обвинили в хулиганстве и приговорили к четырём годам лишения свободы. Сидел в камере с учителем английского языка, которого посадили к нему в камеру, как спекулянта. Так что Матиас не скучал и мог общаться. Но просидел только чуть больше года и попал под амнистию. Но в Европе как стало известно, его ждало ещё более худшее наказание. Матиасу выписали крупный счёт финские власти – поисковая операция встала в копеечку. Штраф, предъявленный немцу, превысил 100 тысяч долларов. Финны же, пока Матиас летел к Москве, всё это время разыскивали пропавший самолёт. Они были уверены, что тот потерпел крушение и утонул. Однако, по словам Руста, штраф был в итоге уменьшен.

А что же произошло в СССР после этого прилёта? Михаил Горбачёв и его ближайшее окружение продолжали зачистку верхних эшелонов власти от влиятельных политических оппонентов. Безусловно, одним из таких оппонентов был авторитетный Министр обороны СССР, который мешал М. Горбачёву и его команде сделать «прорыв» в переговорах по ядерному разоружению с США. Поэтому он умело использовал этот инцидент с прилётом Руста, чтобы разобраться с политическими оппонентами. Он натравил после этого прессу на Министерство обороны в лице его Министра – Маршала СССР С. Соколова, и Главкома ПВО маршала авиации А. Колдунова. М. Горбачёв использовал прессу, чтобы обвинить их в том, что они являются ярыми против-

никами Перестройки, гласности и его политических реформ, которые в конечном итоге, привели к развалу единой страны – СССР. Ведь армия, была фактически последним оплотом прежних ценностей, и М. Горбачёв прекрасно понимал это. И таким образом, победив оппонентов, М. Горбачёв получил полную власть, для осуществления своих намеченных реформ. А в стране получив такой «карт-бланш», началась травля Вооружённых Сил СМИ. Использовалось всё – газеты, журналы и телевидение, и они начали, как говорится, есть такое слово, нехорошее слово «мочить». Складывалось в то время впечатление, что эти «писатели» или не понимают, что они делают или выполняют за очень большие деньги, чей-то заказ, другого государства. Особенно отличалась в то время – программа «Взгляд» в своих передачах, в которых рассказывалось и показывались негативы о состоянии жизни и деятельности в Вооружённых Силах. Эти передачи чернили армию, тем самым нанося огромный урон авторитету и способствовали её развалу в дальнейшем. В то время складывалось мнение, что чем больше «чернухи» об армии, тем лучше.

Надо сказать, что в то время для многих из нас стало совершенно очевидным, что эта «подлая ротация» в руководстве военным ведомством страны давно готовилась Генеральным секретарем и его командой. Так как, ещё феврале-марте 1987 г., во время обсуждения на Политбюро ЦК остро стояли вопросы о сокращении вооружений, концепции «общеевропейского дома» и изменения военной доктрины ОВД. Высшее руководство Вооружённых сил СССР, было против этого, они были явными противниками этого политического курса.

В выборе же новых кандидатов в Министерство Обороны, главным советчиком у М. Горбачёва был А. Яковлев.

Так «незаметно» пролетел этот год учёбы. Сдав в начале июля все переводные экзамены и зачёты, нам был дан отпуск на 30 суток. Многие из моих новых товарищей семьями потянулись в тёплые края, в Краснодарский край и на Северный Кавказ, в санатории и дома отдыха. Мы же с Серафимой Николаевной поехали на Украину в военный санаторий в город Трускавец на 21 день. Возвращались через город Калу-

гу, где жил отец супруги. Отец супруги, за это время очень заметно сдал, очень похудел, но ни на что не жаловался. Он нас опять окружил своими заботами: как лучше накормить, чем вкусным угостить. Пробыли мы там двое суток и сев в электричку убыли в город Москву. К сожалению, мы отца супруги в этот приезд видели живым в последний раз. Наши родители великие труженики, жившие интересами детей и внуков, они до последнего дня своей жизни интересовались их жизнью. Они уходили от разных болезней, а мы им ничем не могли помочь и, видя своё бессилие, это меня очень раздражало ...

...Вспоминается и такой случай, в парке, за Дворцом пионеров на Миусской площади. Интересная там произошла встреча с Иннокентием Михайловичем Смоктуновским. Он вывел на прогулку, наверное, свою собаку и гулял с ней. Разговорились о войне. Мне было очень интересно послушать его воспоминания. Что я тогда от него услышал: «Полководцы Жуков, Василевский, Конев, Рокоссовский, Толбухин и Малиновский, – убеждал он меня в разговоре, – действовали на фронте без подсказки Сталина. Он говорил, что мы победили бы и без Сталина. Там, где вмешивался Сталин, непонятно что творилось. Когда, я его спросил, кем он был во время войны. Он с гордостью, мне ответил, сержантом – разведчиком, служил в 3-й гвардейской армии, дошёл до Гляйвица и почему-то они повернули на юг – на Катовице».

Я слушал его и помалкивал, пока он излагал свои аргументы, потом задал ему вопрос: «Известно ли ему, что ни будь о Ялтинской конференции, проходящей в эти дни? Что Сталин из Ялты разговаривал с Коневым?» Когда он спросил у Конева: «Вы понимаете, что такое Силезия?» Что ему ответил на это Конев? А он ответил: «Понимаю, товарищ Сталин, – царство угля». – «Нельзя допустить, чтобы немцы его разрушили. Необходимо создать видимость окружения. Срочно поверните армию Рыбалко на Катовице. Но дайте возможность немцам выйти из «котла». Силезия – золото. Донбасс разрушен, нам и Польше необходим уголь».

Продолжая разговор с «народным артистом» – поинтересовался таким вопросом. «Вы почти все в театре народные

артисты, своего рода маршалы в искусстве. Зачем вам всем нужен режиссёр?» Он посмотрел на меня с удивлением и ответил: «А как же без режиссёра. Без режиссёра театр не может работать». На его слова я ответил, что вот так и Верховный Главнокомандующий был в армии и в государстве своего рода режиссёром. Выбрать направление главного удара в операции, безусловно, могли и Жуков, и Конев, и другие полководцы. А вот где взять технику, резервы, определить масштабы перегруппировки войск – это решал Сталин, только он мог принять решение, поразительное. Вот Вам пример.

В Сталинградской операции было выбрано два удара по сходящим направлениям: Клетская – Калач Советский и Сарпинские озёра – Калач Советский. На направлении главного удара необходимо было сосредоточить пять танковых корпусов. Кто поставил эти корпуса? Сталин!

Ещё один пример продолжая разговор привёл я ему: немцы перерезали железные дороги. Ни Жуков, ни Василевский не могли принять решение построить на левом берегу Волги железную дорогу. А враг уже вышел к среднему Дону. Для строительства рокады по левому берегу необходимы были рельсы. Возник вопрос – где их взять? Только Сталин мог принять решение, поразительное по своей неожиданности: вывезти рельсы с БАМа! Рельсы снимали с полотна звеньями, укладывали на платформы и везли по всему Транссибу в огнедышащее пекло. Звено за звеном ложились рельсы, где на насыпь, а где просто на опалённую степь. И в августе 1942 года рокада вступила в строй! По ней пошли наши войска в Сталинград, а к огненным позициям – пушки!

Эта война была не битва двух полководцев, а война народов. И руководить этой войной должен был глава государства.

Продолжая разговор, «народный артист», мне задал вопрос – откуда у меня такие познания? Я ему ответил – это сейчас изучается в академии Генерального Штаба. Есть там такой предмет, как история военного искусства! На это он мне ответил: «Я очень рад, что Вы молодёжь это изучаете, это история, которую нужно помнить». А репрессии Вы изучаете, там учась? Я ответил и этот вопрос тоже и как для Вас

не будет странным, но преподаёт этот предмет нам – внук Сталина... вот такой случайный разговор получился тогда в начале осени 1987 года...

Второй год был ещё более насыщен. Началась отработка вопросов фронтовой операции. Многое пришлось заново осваивать. Это и вопросы использования в операции родов войск, вопросы взаимодействия с воздушно-десантными войсками, с дальней авиацией, с силами флота. Это изучение военно-политической обстановки и состояние экономики на театре военных действий, потенциала вероятного противника. Мы слушатели сами чувствовали, как растёт и расширяется наш кругозор. Думаю, что в то время не было ни одного слушателя, который бы занимался без интереса, не взирая с какой должности и в каком звании, он поступил на учёбу в академию.

В конце октября мы получили телеграмму о смерти отца, моей любимой супруги Серафимы Николаевны. Он умер на 72-м году жизни, человек, который заменил мне отца. Командование академии дало мне пятеро суток, чтобы проводить его в последний путь. Вернувшись в Москву, я вновь погрузился в заботы и дела учебного процесса. Но ещё долгие месяцы у нас с супругой в душе сохранилась боль невосполнимой утраты.

К началу нового, 1988 года каждый слушатель получил персональное задание – самостоятельно разработать и защитить дипломную работу, тема которой была отдана приказом начальника академии.

Мне досталась задача разработать «План ввода ОМГ (оперативно маневренной группы) резерва Ставки Верховного Главнокомандующего в сражение на Юго-Западном театре военных действий». Следовало отработать не только сам план, но все документы и распоряжения по родам войск, службам, задачи соединениям и командованию ОМГ в целом, вопросы взаимодействия и большой ряд других вопросов. Словом, надо было сделать то, что разрабатывает Генеральный штаб, штаб фронта на котором будет она вводиться. Специального времени на это не отводилось, за исключением одного дня каждого месяца.

Пришлось нам всем слушателям у командования факультета и академии просить разрешение на возможность работать в стенах академии позднее 18.00.

Надо сказать, что к этому времени мы переехали в новое здание академии, которое находится и сейчас на том месте — это ближе к Кольцевой дороге.

Начальник академии был человек властный, но справедливый, он у нас пользовался большим уважением. По плану обучения комплексная фронтовая задача, была спланирована так, что она переходила в проведение стратегических учений на картах, где все слушатели выступали в роли фронтовых должностных лиц. Руководителем этого учения был начальник академии.

В ходе заслушивания по проведению стратегической операции он зачастую ломал разработанную кафедрами картину сражения, заставлял нас снова и снова пересматривать свои предложения и расчёты. Мы работали днями, и ночами. Вот так, учил нас начальник академии.

Я продолжал корпеть над дипломной работой. Тогда было принято делать всё самостоятельно. Сам разрабатывай документы, сам делай карты исходной обстановки, все планы операции ввода ОМГ, розыгрыша боевых действий и т. д. Единственное, что позволялось, так это перепечатывание на машинке всех написанных от руки документов. За каждым слушателем был прикреплен оппонент, который рассматривал разрабатываемый материал, с чем-то соглашаясь, что-то отвергая. Разрабатывая материалы дипломной задачи, каждый слушатель глубоко вникал в её суть. Иначе было нельзя. Ведь надо было не только разработать задачу, но главное — защитить её перед государственной комиссией. Некоторые слушатели пренебрегали этим. Материалы их задач, работ разрабатывали в различных академиях, в которых были знакомые слушатели или преподаватели. Они не очень хорошо и полно вникали в них и на защите потели и «парились», с грехом пополам защитив свои работы.

Время подходило к государственным экзаменам. В начале мая 1988 года в академию прибыла комиссия из Главного управления кадров (ГУК) ВС СССР. Практически беседовали

с каждым слушателем. Мне была предложена должность заместителя командующего, но в какой округ не было сказано. Я с предложенной должностью согласился, сказав при этом, что готов ехать в любой округ. На этом беседа была закончена. Мне пожелали успеха на государственных экзаменах.

Время подходило к государственным экзаменам. Они начинались в середине июня. Согласно плану экзаменов мне предстояло защищать дипломную работу в первые дни её работы. Буквально за несколько дней до начала экзаменов меня вызвали в административный отдел ЦК КПСС. Тщательно подготовившись, проработав статьи ряда газет, я направился в ЦК. Принял меня заведующим сектором административного отдела.

Он знал положение дел в войсках, у меня после встречи сложилось мнение, по всей видимости, этот человек часто бывал в войсках. И вот этот человек, на первый взгляд вполне доброжелательный и доброжелательно настроенный, повёл долгий разговор о моём пройденном мной пути, в том числе и о моей учёбе, как в училище, так и в академиях. В конце беседы и нашего разговора он мне сообщил, что ЦК, по справедливости, решило направить меня после выпуска заместителем командующего танковой армии в Белорусский военный округ. Предупредив меня о том, что возможно мне предстоит там возглавить оперативную группу по ликвидации последствий на Чернобыле (ЧАЭС). Я ответил – что буду стараться оправдать это доверие, если будет такая задача. Зная всё это, теперь и государственные экзамены, экзамены за год по изученным предметам казались уже формальностью. Это будут последние годы работы этого органа.

И так я в первые, ещё до приказа Министра Обороны СССР, знал куда я буду направлен на новую должность, которую предстояло освоить, влившись в новый армейский коллектив.

...Невольно вспомнился рассказ Командующего Дальневосточным военным округом – генерала армии И.М. Третьяка, Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда. Он нам на сборах рассказывал: – «Враг бросает на фронт всё новые силы и, не считаясь с большими для него потерями,

лезет вперёд, рвётся в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и сёла. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге, у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Северный Кавказ с его нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа...

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба и более 10 миллионов тонн металла в год. Отступить дальше – значит погубить и вместе с тем загубить нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет усиливать врага и ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо было в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступить, что у нас много территории, страна наша велика и богата, хлеба всегда будет в избытке. Подобные разговоры ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление, останемся без хлеба без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог...

...Немцы были не так сильны, как казалось паникёрам. Они напрягали последние силы. Выдерживать их удары сейчас, в ближайшие несколько месяцев – это значит обеспечить за нами победу.

Стоял вопрос – можем ли мы выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают с высокой производительностью, и наш фронт получал всё больше и больше самолётов, танков, артиллерии, миномётов и стрелкового оружия.

Чего же нам не хватает? Не хватало порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш был главный недостаток.

Мы должны были установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если хотим спасти положение и отстоять нашу Родину...

Отныне железным законом становилась дисциплина для каждого командира, красноармейца, политработника, если хотим спасти положение и отстоять нашу Родину...

Приказ наркома обороны больше известный в народе как приказ «Ни шагу назад». Был в те дни своевременен. Это в последнее время вокруг этого приказа достаточно спекуляций, Сталина обвиняют в излишней жестокости. Но разве можно представить себе жизнь, особенно когда решается судьба страны, без требования быть сильным, требования, которые ты должен предъявить прежде всего сам себе? Генерал де Голль писал в своей знаменитой книги «На острие шпаги»: «Сила – средство мысли, инструмент действия условие движения; эта акушерка необходима, чтобы добиться хотя бы одного дня прогресса. Сила – это щит мудрецов, оплот тронов. Сила – могильщики пришедшего в упадок, она даёт законы народам и определяет их судьбу. Сильные личности не всегда воплощают простое превосходство, ту поверхностную привлекательность, принятую в повседневной жизни.»

Интересно было бы сравнить настроения обитателей Кремля летом 1942 года, когда И. Сталин подписал исторический приказ, с атмосферой в ставке Гитлера в мае 1945 года, когда кое-кто из немецких генералов уже подумывал, как достойно расстаться с жизнью. Если в Кремле пораженческие настроения на корню пресекались и не было намёка на какие-либо дворцовские интриги, то в Германии в высших сферах царил раздраз. Генералы, пленившие гордые европейские столицы, писали друг на друга доносы Гитлеру.

Особенно отличился идеолог рейха Йозеф Геббельс. Уже в самом начале 1945 года он выдал весьма нелестные характеристики многим полководцам фюрера: «У Гудериана нет твёрдости в характере. Он слишком нервный. Эти свои недостатки он обнаружил, командуя войсками и на западе, и на востоке. У Гимmlера нет никаких оперативных способностей. Уж, конечно, он никакой не полководец». Не повезло и Герингу: «Во всяком случае, колебания в отношении Геринга привели нацию к тяжелейшим бедам. Я намерен послать фюреру одну главу из Карлейля, как поступил Фридрих Великий с принцем прусским Августом-Вильгельмом, ког-

да тот совершенно испортил ему циттауское дело. Фридрих устроил над своим родным братом и наследником трона расправу, которую я считаю образцовой».

Понятно, Геббельс не жалел чёрных красок для своих товарищей по партии, призывая к расправе над ними. Совсем другие нравы царили в Кремле: если кому-то и перепадало, то исключительно за дело. Сталину даже в эти критические Отчества дни нельзя было отказать в справедливости и великодушии. И считаю, эта главная причина, почему нынешние лжедемократы без чувства меры прокручивают заезженную пластинку о жестокости вождя. С точки зрения отечественной «завлабовской» демократии приказ № 227 и связанные с ним чувства патриотизма, любви к Родине – анархизмом...

И мы читатель сейчас с вами видим, чтобы отвлечь народ от его величественного прошлого, ангажированная свора историков проводит беспрецедентную акцию по очернению защитников державных интересов. Атаку на державников начали ещё, как мы все знали, во времена Н.С. Хрущёва, развенчивая деяния Сталина, его полководческий дар.

Несомненно, те, кому это было выгодно, в лице Н. Хрущёва нашли идеального «героя истории». Хочется, уважаемый читатель, напомнить, что недавно вышла в свет книга известных учёных Б.Г. Соловьёва и В.В. Суходеева – «Полководец Сталин». Они поведали нам неприглядную историю из жизни Н. Хрущёва. Но сначала напомню Вам читатель о сыне главного докладчика на XX съезде КПСС. Как известно, сын Хрущёва – Леонид активно сотрудничал в плену с фашистами. Он призывал красноармейцев сдаваться в плен, обещая райские кущи. И тогда Верховный Главнокомандующий приказал нашим разведчикам выкрасть сына Хрущёва у немцев. Вскоре Леонид Никитич предстал перед военным трибуналом, который приговорил его за измену Родине к расстрелу. Н. Хрущёв умолял И. Сталина не допустить смертной казни. На что И. Сталин ответил: «Вы просите, как отец или член ЦК? Как отец? А что я скажу другим отцам, потерявшим своих сыновей?»

Умер И. Сталин, и спустя несколько лет, будучи Первым секретарём ЦК, Хрущёв потребовал от министра обороны

страны Г. Жукова представить лётчика Леонида Хрущёва к званию Героя Советского Союза. На что Г. Жуков резко возразил, предателей не представляют к боевым наградам, тем более – к высокому званию Героя. Скомкав наградной лист Жуков бросил его в сторону Н. Хрущёва. Именно этот случай и послужил, поводом наряду с другими для снятия Г. Жукова с поста министра обороны СССР. К великому моему сожалению, этот факт, чтобы обелить в то время Н. Хрущёва, предали забвению, впрочем, как наверно и многие другие факты.

У меня уважаемый читатель, нет сомнений сейчас, что И. Сталин догадывался тогда, что: могут наступить новые времена, и его оппоненты попытаются учинить над ним расправу. Мы сейчас это видим: посол СССР в Швеции А.М. Коллонтай сохранив некоторые фрагменты беседы со И. Сталиным в ноябре 1939 года вспоминала...

«...Многие дела нашей партии и народа, – говорил И. Сталин, – будут извращены и оплёваны прежде всего за рубежом и в нашей стране тоже.

Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет мстить нам за наши успехи и достижения. Он всё ещё рассматривает Россию как варварскую страну и как сырьевой придаток. И моё имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мне припишут многого злодеяний.

Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожать наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться.

Сила СССР – в дружбе народов. Острие борьбы будет направлено прежде всего на разрыв этой дружбы, на отрыв окраин от России. Здесь, надо признаться, мы ещё не всё сделали.

С особой силой поднимет голову национализм. Он какое-то время придавит интернационализм и патриотизм, но только на некоторое время. Появятся много вождей-пигмеев предателей внутри своих наций.

В целом развитие в будущем пойдёт более сложными и даже бешеными путями, повороты будут предельно крутыми. Дело будет идти к тому, что Восток взбудоражится. Возникнут острые противоречия и с Западом.

И всё же, как бы ни развивались события, но пройдёт время, и взоры новых поколений будут обращены к деяниям и победам нашего социалистического Отечества. Новые поколения поднимут знамя своих отцов и дедов. Своё будущее они будут строить на примерах нашего прошлого».

...Но вернёмся читатель к приказу Народного комиссариата обороны за № 227. Это «пятая колонна» снабдила «поручителя русских святынь» подлейшими вымыслами из жития-бытия И. Сталина, замутив «оттепельные» воды истории грязными домыслами. И мы увидели, что через критику И. Сталина открывался путь для развенчивания подвига Советского народа в годы борьбы с фашизмом. Критикуют И. Сталина, они сегодня на самом деле учиняют расправу над славянами, отечество-любивыми мусульманами. Приказ наркома обороны за № 227 идеологи «пятой колонны» рассматривают как своеобразную высоту, которую необходимо взять, чего бы это ни стоило. Именно с этой высоты отчётливо просматривается будущее России, наша собранность, сопротивленческий дух. Сравнить с землей эту высоту, на которую так вовремя позвал нас И. Сталин, возделенная мечта врагов России. За это они всё отдадут. Вне этой высоты мы не нация, а сброд...

Из опыта прошлых выпусков мы все знали, что на защиту диплома даётся не более 30-35 минут, после чего комиссия задаёт массу вопросов, на подготовку ответов, к которым даётся еще 15-20 минут.

Поэтому к каждому защищающему диплом из своей учебной группы назначались два-три слушателя, которые присутствовали на защите диплома. Во время защиты они могли задать ряд вопросов, которые заранее обговаривались с дипломантом. Но главная задача их состояла в том, чтобы записать вопросы, заданные членами комиссии, и подготовить на них короткие ответы. После изложения материала комиссия, задав свои вопросы, удалялась на короткий перерыв, а помощники отдавали ответы на вопросы защищающему диплом.

Во второй день государственных экзаменов мне выпала честь защищать мою дипломную работу. Председателем го-

скомиссии был назначен бывший мой начальник академии Бронетанковых войск – маршал Бронетанковых войск – О.А. Лосик, Герой Советского Союза. Он и присутствовал на моей защите вместе с начальником академии и ещё целый ряд генералов от Генерального штаба и Сухопутных войск. Доложив председателю комиссии о готовности к защите и получив разрешение, я приступил к изложению материала дипломной задачи, демонстрируя его обоснование на картах и таблицах. После заданных вопросов и ответа на них комиссия удалилась на совещание. Я же маялся в коридоре дожидаясь решения. Вышел начальник академии и с ним генерал-майор из Генерального штаба. Он мне, подойдя ко мне, пожал мне руку, при этом сказав: «Не знаю, как другие, а я поставил «отлично», поздравляю». Я сказал огромное спасибо за учёбу и оценку, продолжал ждать оценки комиссии. Наконец меня пригласили в зал, где маршал Бронетанковых войск О.А. Лосик объявил мне, что защита дипломной работы комиссией оценивается на «отлично». И так первый, как говорится, кирпичик, был заложен вполне удачно. Остальные экзамены – прошли для меня, как мне казалось несколько легче. На выпуске академии вручал мне диплом Министр Оборона Советского Союза Д.Т. Язов. При вручении диплома мне были им сказаны слова: «Хватит мёрзнуть, пора перебираться на Запад».

За несколько дней до получения назначения и приказа министра обороны нам были прочитаны установочные лекции вновь назначенных Главнокомандующими различными видами Вооружённых Сил. Был получен приказ МО СССР о наших назначениях. Все были назначены в разные виды войск на вышестоящие должности, которые занимали до учёбы в академии.

До нас было в академии доведено, что на январь 1988 г. Вооружённые Силы СССР насчитывали – 4,2 миллиона человек. Основные войска: Ракетные (стратегического назначения), Сухопутные, ПВО, Военно-воздушные и Военно-морской флот. Кроме того (особо выделены были) ядерные силы. После прилёта Руста, заменив маршала Соколова на маршала Язова, убрав из Вооружённых Сил несколько десятков очень

влиятельных генералов, в том числе и командующих родов войск, М.С. Горбачёв разрешил Э.А. Шеварднадзе «превышать», как говорил в то время М.С. Горбачёв, полномочия министра иностранных дел и уступить – за спиной Министерства обороны – Соединённым Штатам в тех вопросах, которые их особенно беспокоили. Главное – не выводить из «сферы ограничения» американские тяжёлые бомбардировщики и крылатые ракеты воздушного базирования, хотя они были нацелены прежде всего на СССР.

Как мы с вами уважаемый читатель увидим далее, что вопрос по военно-морским силам НАТО в Европе (включая крылатые ракеты морского базирования) на переговорах, которые вёл Э.А. Шеварднадзе, вообще не обсуждались – этой проблемы вроде как не было.

Это было не предательство, ибо там, где предательство, есть корысть. Здесь же – просто комплекс человека с советских окраин. Кроме того, М.С. Горбачёв очень хотел, конечно, понравиться всему человечеству.

«Горби, Горби!» – кричали американцы, где бы он ни появлялся во время своих последних визитов.

«Горби» млеет от восторга от таких слов...

Когда маршал Жуков был гостем Эйзенхауэра, Соединённые Штаты его удивили, но не больше, – он не сомневался, что СССР вот-вот «догонит и перегонит Америку».

Когда же М. Горбачёв (со слов его окружения) увидел Америку, он был так потрясён, что не мог заснуть.

Мы же увидели в конце его президентства, что он, став слугой, нашёл себе хозяина!

Не имея чёткой концепции, Горбачёв шаркался из стороны в сторону, свои неудачи и провалы он списывал на «виноватых» в центре. Газеты запестрили многочисленными перлами Горбачёва: «Большая армия – большая кормушка для генералов и офицеров. Маленькая армия – маленькая кормушка. Выбирайте!» Или: «Во всём виноват Рыжков, с него и спросим».

Попадёт к нему в немилость и Павлов.

Пришёл приказ. Я, закончив академию и повысив свои теоретические знания в вопросах оперативно-стратегического

планирования, приказом Министра Обороны СССР, был назначен на должность заместителя командующего 5-ой гвардейской танковой армии в Краснознамённый Белорусский военный округ. Прощаясь со своими однокурсниками, из нас ещё никто не знал, что наступили последние годы сосуществования нашей державы – Союза Советских Социалистических Республик.

Штаб округа размещался в столице – БССР, город Минск. Штаб армии находился в городе Бобруйске. Получив все документы и попрощавшись со слушателями своей учебной группой и начальником курса, придя домой, увидел, что моя Серафима Николаевна, готова к переезду и новым испытаниям судьбы, которая будет у нас впереди. А ехали мы в район, в котором недавно произошла трагедия, о которой мы знали лишь из средств телевизионной информации (СМИ). Очень хотелось ей верить, но то, что мы увидим потом будет резко отличаться от той которую нам доводили. Я уже знал, что сам буду принимать участие в ликвидации ЧАЭС возглавляя оперативную группу, но не знал, что буду её возглавлять, дважды по три месяца. Сев в поезд Москва-Минск, с Белорусского вокзала, который мы хорошо знали, когда я начинал свою офицерскую службу командиром взвода в ГДР, с которого не раз отправлялись к месту моей службы и приезжали в отпуск на Родину. Не знали ещё, что буквально через несколько лет не будет СССР и я с семьёй окажусь на территории другого государства, как и многие мои сослуживцы. У многих из нас будет стоять вопрос, к какому государству мы относимся? Всё это будет впереди, а пока было одно желание поскорее добраться к месту своих новых вёрст жизни и начать их. С супругой сели в вагон СВ и поезд повёз нас к этим вёрстам новой судьбы, и её испытаниям.

Сидя в вагоне поезда, который уносил меня к новым испытаниям судьбы, мне вдруг вспомнилась китайская мудрость: «Не дай бог жить в эпоху перемен».

Глава VII: в Краснознамённом Белорусском военном округе.

*«Судьба военная не праздник,
Бросает вдоль и поперёк,
Случилась коль такая драма,
Наш путь к Чернобылю пролёг».*

(И.Л. Кузнецов.)

Когда я приступил к написанию этой главы, прошло уже много времени, с начала моих первых военных вёрст. Мы стали жить уже в другой стране не в той, в которой я их начинал, в общем, пройдя вёрсты жизни в Вооружённых Силах СССР и России более 45 лет. Много было за эти годы и, вспоминая их сейчас, очень хочется их описать до конца... Особенно последние годы моих военных вёрст в великой нашей державе – СССР. И далее в другой стране – России.

Вспоминая сейчас то время, когда я ехал к новому месту службы в Краснознамённый Белорусский военный округ, после окончания академии Генерального Штаба. Перемены в СССР уже были хорошо видны, происходили они все явно не в интересах населения государства. Мы хорошо видели, что Горбачёв не в состоянии был воспринимать мир в его целостности и единстве. Он выхватывал лишь отдельные фрагменты из жизни и потому постоянно (разрушал) связь времён. Все мы тогда понимали, что он так и не понял, что Закон – это символ любви ко всему живому, хотя и закончил юридический факультет. Если смотреть с моей точки, то считал и считаю, что ни в коем случае Закон не должен служить для эгоистических побуждений фарисеев, обслуживать их идеологию. Что значит Закон для личности, славяне почерпнули его по крупицам из Евангелия. «Не думайте, что я пришёл нарушить Закон, – говорит Христос, – не нарушать я пришёл – исполнять!»

Может, самая большая беда Горбачёва заключалась в том, что он не научился отличать добро от подделок под добро. Он любил красоваться в зареве перестройки и национальные пожарища, начинающиеся в республиках, воспринимал не как бедствие, а как ещё один спецэффект для освещения

своей фигуры. Поразительно, что Горбачёв, имея в доме специалиста по Великобритании, сам, будет прислушиваться к советам М. Тэтчер: какие конституционные реформы необходимо провести в СССР. Хотя студенту юридического факультета было известно: Великобритания отличается от других стран отсутствием писаной Конституции. По всей видимости, внимал Генеральный секретарь в это время и советам Буша – как ограничить влияние спецслужб на важные решения президента. Горбачёв, соглашаясь с Бушем, кивал головой, хотя надобно было знать, что «бесценные» советы он выслушивал от бывшего главы ЦРУ, матёрого разведчика...

Мы в те времена догадывались, что история падения Горбачёва началась с политического флирта с М. Тэтчер, когда Михаил Сергеевич с Раисой Максимовной отправились на «смотрины» в Лондон за год до своего звёздного часа. К тому времени, «забугорные голоса», всюду обсуждали геронтологические проблемы членов Политбюро. При этом отдельные столичные слушатели забугорного бреда совсем не замечали, что президент США Р. Рейган – ровесник К. Черненко, а Ф. Миттеран разменял восьмой десяток, когда его переизбрали президентом Франции. Не все также догадывались, что это не Л.И. Брежнев окружил себя старцами под стать себе. Что сейчас, этот букет из старцев селекционеров, по цветочку собрал именно Андропов, чтобы обеспечить себе мощный финиш в борьбе за главную должность в партийной иерархии. Так что уважаемый читатель, «проблема старцев» имела свою подоплёку.

Мы наблюдали за четой Горбачёвых и пришли к выводу, что Раиса Максимовна каким-то седьмым чувством угадала, что именно их семейству сигналият из европейских столиц. Что полный мандат доверия на избрание её благоверного на пост Генерального секретаря могут обеспечить, как это не выглядело парадоксально, М. Тэтчер, Р. Рейган и Д. Буш.

По всей видимости, надо отдать должное, на лондонских «смотринах» Раиса Максимовна весьма преуспела. Это была феерия! Несколько раз на день мы видели на экранах ТВ, что она меняла наряды. То набросит кокетливо на плечики гор-

жетку, то предстанет перед дипломатами в шитых золотом туфельках. Все жители нашей страны – СССР ждали, что чета Горбачёвых отправится на кладбище поклониться К. Марксу, а нет! Мадам Горбачёва проложила новый маршрут, неведомый жёнам других членов Политбюро. И вот уже озираются вспышками камеры вездесущих фотокорреспондентов: супруга Горбачёва примеряет бриллиантовые серёжки в ювелирном магазине на берегах Темзы! Протокольный веночек с крепом для Маркса так и не был востребован. Но почему же? Ведь ещё школьником сообразительный Миша Горбачёв нарисовал портреты Ильича, за что и получил премию на районных смотрах юных дарований.

Прошло время, и чета Горбачёвых «посигналила» сильным мира сего – мол, мы ваш намёк поняли. Оставалось спровадить Черненко в последний путь...

Флирту своего благоверного с сиятельной особой с Даунинг-стрит, рассудительная Раиса Максимовна придавала огромное значение. В свою очередь, Михаил Сергеевич постарался не заметить прискорбного обстоятельства: «железная леди» в дни фолклендского конфликта отдала приказ потопить аргентинский крейсер «Генерал Бельграно».

Словом, и «железная леди» и по всей видимости «бриллиантовая дама» из Москвы не переставали восхищаться своим кумиром. Маргарет Тэтчер настолько увлеклась «новым мышлением» Горбачева, что не придумала ничего лучше, как напечатать в стране великого Шекспира последние творения Генерального секретаря умопомрачительным тиражом: по три книжки на каждого жителя Лондона, восседающего у камина. Какой успех!

При всём при этом уважаемый читатель, я позволю себе сделать комплимент домашнему философу Горбачёву. Будущие историки, по всей видимости, наверняка уловят некоторое сходство Раисы Максимовны с Маргарет Тэтчер. Последняя, взглянув на портреты своих предшественников в знаменитом доме на Даунинг-стрит изрекла: «Не беспокойтесь! Я сдвину их всех вниз!»

И Раиса Максимовна не церемонилась: раздражающие её политические фигуры убирала!

Разглядел же Горбачёва среди минеральных источников и деревянных орлов Ставрополя Юрий Владимирович Андропов, он и привёл его чуть ли не за ручку в Кремль. Юрий Владимирович был опытным политическим тяжеловесом-борцом, по своему усмотрению создавал политическую ауру вокруг «дорогого Леонида Ильича». Это Андропов осмотрительно согнал на обочину молодых претендентов на высший партийный пост в государстве: Шелепина, Шелеста, Полянского, обвинил в барских замашках и Романова.

Андропов понимал прекрасно, что понятие «враг народа» раздражает общественность, куда более благозвучно звучит «диссидент». Нам в то время нельзя было разобрать: то ли это осуждение, то ли награда, признание заслуг перед другим государством. Вот, почему, на закате хрущёвской эпохи, когда формировался политический сленг брежневского времени, и укоренилось слово «диссидент» ...

Поразительно: больше всех пострадали и сегодня не востребованы те, кто остался в стране. Это известные русские писатели, публицисты, философы. И здесь, как мне читатель кажется, необходимо вернуться к так называемому делу «русистов», ибо из «дела писателей» будущим политикам предстоит черпать нравственные ориентиры. Поможет сей экскурс в «дело писателей» взглянуть иными глазами и на фигуру Андропова.

Сегодня диссиденты «от Андропова» почти все при регалиях, должностях, а кое-кто из них обороняет смятые перестройкой рубежи марксизма.

Пожалуй, этой позорной войне с русскими писателями не найти аналога в мировой истории. Лично мне трудно представить, чтобы государственные деятели Франции или Норвегии развернули беспощадную борьбу со своей национальной литературой, с писателями, повязанными обоюдно «самой жгучей, самой смертной связью». Неужели Юрий Владимирович не знал о «дружеском» напутствии наркома внутренних дел Ягоды М. Шолохову: «А всё-таки вы – контрик». Может, подумал я сейчас: если бы Андропов жил в эпоху Л. Толстого, Ф. Достоевского, он также бы боролся с русской литературой? Почему Андропов запретил Никите Михалкову снимать

художественный фильм «Дмитрий Донской» по сценарию известного в то время русского писателя Юрия Лощица? Впрочем, в то время бытовало и другое мнение: кто-то должен был отвечать за всесоюзную политическую наружку. В это время, по всей видимости, в Кремле стояла ненастная погода, и нет ничего удивительного, что Андропов прогуливался по Дзержинке под зонтиком идеологии. «Шербурские» были явно не в моде. И разве возвращение ещё одного расстрельщика русской литературы А. Яковлева из Канады на кремлёвский Олимп не штрих в биографии Юрия Андропова?

Очень надеюсь, читатель, что теперь тебе будет понятно, почему М. Горбачёв не воспользовался услугами русской партии и сервировал свою политическую кухню блюдами с тель-авивского стола, усадив за этот стол помощников и референтов Андропова. К тому времени политическая и финансовая столица из США переместилась в Израиль...

Окончив академию Генерального Штаба, я был назначен заместителем командующего – 5-ой Гвардейской танковой армии в Краснознамённый Белорусский военный округ, штаб которого располагался в городе Минске – столицы БССР. Штаб армии был в городе Бобруйске. Перед убытием туда, как обычно, стал интересоваться историей города, в котором предстояло начать новые свои вёрсты жизни, не догадываясь, что они будут последними в моей стране – СССР. В то время я выяснил, что название «Бобруйск» происходит от протекающей в его пределах речки Бобруйки, где некогда водились бобры.

Бобруйск (белор. Бабруйск) был в то время город областного подчинения в Белоруссии, был административным центром Бобруйского района Могилёвской области, являясь седьмым по численности населения и площади. Город Бобруйск был в то время, наиболее крупным центром областного подчинения. Он располагался на реке Березине (бассейн Днепра) в 150 км. от Минска, 110 км. от Могилёва, 414 км. от Киева, 706 км. от Москвы.

Первое письменное о Бобруйске (летописный Бобровск, Бобруеск, Борусек) относилось к 1387 году. В 1454 г. город делился на две части – Виленскую и Трокскую.

В период с XIV по XVIII вв. в Бобруйске существовал деревянный замок. Согласно инвентарю 1626 года в городе было 15 улиц и 2 переулка, рыночная площадь.

В XVI веке Бобруйск был отмечен впервые на карте, изданной в 1540 году в городе Базеле.

В 1508г. город был сожжён мятежным князем Михаилом Глинским. Бобруйск сильно пострадал во время казацко-крестьянской войны 1648-1649 годов, особенно при осаде гетмана Януша Радзивилла.

В феврале 1655 года Бобруйск был захвачен войсками наказного гетмана Ивана Золотаренко. Согласно свидетельству русского историка С.М. Соловьёва, «в городе были уничтожены почти все жители».

В 1793 г. состоялся второй раздел Польши. В результате этого раздела к России отошли Правобережная Украина, а также центральная часть Белорусии с городами Минском, Бобруйском, Борисовом, Новогрудком, Пинском, Мозырем.

В 1795 г. последовал третий раздел Речи Посполитой. После этого Бобруйск стал уездным городом вновь образованной минской губернии, и для него был в 1800 г. составлен и утверждён проектный план, по которому должно было осуществляться его дальнейшее строительство.

В начале 1810 года началось сооружение Бобруйской крепости, которая коренным образом изменила облик и судьбу города. Крепость сыграла в дальнейшем свою роль в Отечественной войне 1812 года. За её стенами отступающая 2-ая Западная русская армия под командованием П. Багратиона смогла укрыться от неприятеля, отдохнуть, пополнить запасы продовольствия. Бобруйская крепость находилась в осаде 4 месяца. Хотя защитникам города не пришлось принять активного участия в боевых действиях, но своевременно принятые меры по строительству крепости принесли огромную пользу России. В последующие годы крепость была полностью построена.

В 1823 году будущим декабристам был разработан план восстания, вошедший в историю под названием «Бобруйский». Позже в Бобруйской крепости декабристы отбывали наказание.

Однако со временем крепость утратила своё значение. В 1868 г. была перечислена во II класс, в 1886 г. – в крепость-склад, в 1897 г. упразднена. Толчком для дальнейшего экономического развития города послужило строительство в 1873 году Либаво-Роменской железной дороги. По данным переписи 1887 года в Бобруйске проживало 34336 человек, но он по-прежнему оставался окраинным торгово-купеческим городом. Здесь действовали к этому времени 22 фабрики завода с общим количеством 347 рабочих. Это были мелкие предприятия, на которых в среднем работали по 18-20 человек.

В конце 1904 года население города выросло до 35571 человека. Город благоустраивался, центральные улицы уже освещались фонарями. Из 3050 зданий 172 были уже каменные. Из отчёта на тот момент об исполнении сметы расходов Бобруйской городской управы за 1913 год было видно, что на благоустройство города отпускалось 2981 руб., на народное просвещение – 3071 руб., на здравоохранение – 2239 руб., на содержание городской полиции – 13548 руб.

После русско-японской войны в Бобруйске была построена крупнейшая по тому времени радиостанция. В начале войны 1914-1918 гг. с помощью этой радиостанции русское правительство и генеральный штаб поддерживали бесперебойную связь с соответствующими учреждениями своего союзника – Франции.

В 1917 году произошла Октябрьская революция, а уже в феврале 1918 года Бобруйск оккупировали немецкие войска, которые находились в городе до 28 ноября 1918 года.

28 августа 1919 года в Бобруйск ворвались белополяки. 10 июля 1920 года город был освобождён Красной Армией, и началось восстановление разрушенного хозяйства. Возобновили работу лесопильные заводы, маслобойный завод, две электростанции.

1 октября 1929 г. начал работать Бобруйский деревообрабатывающий комбинат (ФанДок). В 1930 году выпустила первую продукцию фабрика Ф.Э. Дзержинского («Славянка»). В 1930 г. завод по выпуску дрожжей, который был реорганизован в фабрику «Красный пищевик». К 1941 году по

темпам роста промышленности Бобруйск вышел на первое место в республике.

Накануне Великой Отечественной войны Бобруйск был довольно значительным военным объектом, но в первые дни военных действий в городе находилась лишь небольшая часть войск.

28 июня 1941 года Бобруйск захватили фашистские войска. Фашисты грабили город, убивали его жителей и создавали концлагеря для военнопленных. Всего за 3-х летний период оккупации было уничтожено 44 тысячи военнослужащих. Только в ночь с 6 на 7 ноября 1941 года ими было расстреляно более 14 тысяч узников городского еврейского гетто. В деревне Каменка близ города находится Мемориальный комплекс памяти замученных и убитых нацистами 10 тысяч жителей города. Об этих страшных днях здесь, напоминали два десятиметровых рва...

29 июня 1944 года Бобруйск был освобождён войсками 1-го Белорусского фронта под командованием К. К. Рокоссовского. Число горожан после войны составило 28352 человека (в 1939 году в городе проживало 84107 человек). Из 7650 домов сожжено и разрушено было более 3000...

Начался нелёгкий период восстановления города. С 1944 по 1954 гг. Бобруйск был областным центром Бобруйской области. В послевоенные годы велось активное строительство городских предприятий. Были построены завод резинотехнических изделий (1952 г.), завод тракторных деталей и агрегатов (1959 г.), Бобруйсксельмаш (1960 г.), кожевенный комбинат (1965 г.) и др.

В 1965 году началось строительство шинного комбината, который вскоре стал градообразующим предприятием.

3 июля 1987 года за успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, за успехи в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами и в связи с 600-летием Бобруйск был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

И вот, я ехал продолжать свои вёрсты жизни, в округ, где с 1967 года – командующим войсками этого округа по 1976 год был Иван Моисеевич Третьяк. Который был первым моим командующим в КДВО. Под его командованием, я прошёл

опыт организации боевой подготовки – полка, дивизии, умение строить объекты жизнедеятельности как в жилой зоне, так и в парках, на полигонах и танкодромах. Это была знаменитая на все Вооружённые Силы «Школа Третьяка». Частям, в которых я служил под его командованием, занимая различные должности, дважды успешно пришлось отчитываться перед Главной инспекцией Министерства Обороны.

Ему в 1982 году, одному из немногих военных, за вклад в укрепление обороноспособности страны присваивается звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и медали «Серп и молот».

За восемь лет службы под его командованием, я прошёл путь от начальника штаба танкового полка, до командира танковой дивизии. Сделанный им вывод в моей аттестации в 1985 году уже будучи в должности Главнокомандующего войсками Дальнего Востока и утверждённая Министром Обороны СССР позволили мне поступить в академию Генерального штаба, которую я закончил и теперь еду в те места, в тот округ, где он начинал командовать в должности командующего округом. Хотелось очень услышать много хороших слов о этом человеке, но, как выяснится позже, у вы старое поколение уже ушло, а пришедшее за это время новое, почему-то ничего не говорило, или не хотело говорить о нём. А ведь вскоре его богатейший боевой опыт потребовался на должности заместителя Министра обороны СССР – Главного инспектора Министерства обороны СССР.

Учась в академии, а точнее после небезызвестного прилёта «юного» немца в Москву, он назначается в 1987 году на самую, пожалуй, ответственную должность в Вооружённых Силах – заместитель Министра обороны СССР – Главнокомандующий войсками противовоздушной обороны страны.

Всё это будет вскоре забыто, после августа 1991 года, а пока он руководил – войсками противовоздушной обороны страны – СССР.

По приезду к новому месту своих вёрст жизни здесь, меня с супругой временно разместили в гостинице Военного Совета армии. Дочь продолжала учиться в институте. В день моего прибытия в г. Бобруйск оказалось, что всё руковод-

ство армии находится на сборах проводимым командующим округа. Уточнив в штабе армии место проведения, переодевшись в парадную форму, на закреплённой машине выехал в район сбора. Он проходил на армейском полигоне, в районе районного центра Осиповичи. В конце проведения сбора и проходил Военный Совет округа.

Когда ехал по трассе в район сбора, проезжая населённые пункты, деревни, деревни... мне ещё не верилось, что в Белоруссии было уничтожено более 9200 деревень, более чем в 600 из них, были убиты или сожжены почти все жители, спаслись единицы. И это всё вынеся этот народ, стал всё восстанавливать. Уже, наверное, давно не остались следы той войны, я их тогда не видел. И вот снова в апреле 1986 года нелёгкое испытание выпало для жителей этой республики... По всей видимости, сегодня, в Белоруссии, вряд ли найдётся хоть одна семья, которую бы так или иначе не коснулась Чернобыльская катастрофа.

Дорога была ещё мокрой от прошедшего утром дождя. Над островерхими елями леса, что был по обе стороны дороги, краснело, как огромный раскалённый жернов, солнце. Водитель, пока ехали до Осиповичей, делился со мной, рассказывая о городе, что в 1980-х гг. многие жители города эмигрировали в США, Канаду, Австралию и Израиль. Что в Бобруйске в то время была одна из крупнейших в стране еврейских общин. Уже проходя свои вёрсты жизни в Бобруйске, узнаю, что 23 октября 1988 года будет считаться днём восстановления еврейской общины города. Создаться еврейское благотворительное общество «Рахамим» (в переводе с иврита – «Милосердие») и будет действовать благотворительный центр социальной и гуманитарной помощи «Хэсэд». Начнёт выходить газета общины – «Гешер» («Мост»). В городе откроют для верующих две синагоги.

Так незаметно добрались до райцентра Осиповичи. Перед въездом в него возвышался обелиск погибшим воинам и жителям района в ВОВ. Обратил я внимание и на старинные, из красного кирпича лабазы, около которых стояли длинные очереди, визитные карточки эпохи Горбачёва. Остряки в то время шутили: «Это люди обсуждают новое мышление Горбачёва!»

Вдруг, на высоком берегу незнакомой мне ещё речушке, показалась церквушка. Недалеко от этого места и располагался армейский учебный центр Осиповичи, где проходило заседание Военного Совета Краснознамённого Белорусского военного округа.

Добравшись до места проведения, я с определённым волнением ожидал встречи с новыми людьми – руководством округа и армии. Новый для меня округ был тоже одним из старейших военных округов нашей страны. К моменту моего приезда он охватывал все области республики БССР. Округ имел мощную военную группировку, оснащённую современным вооружением и боевой техникой. В состав округа входили: общевойсковая армия, две танковых армии, вновь сформированный армейский корпус, воздушная армия, несколько отдельных дивизий и бригад. Были размещены и базы хранения специального оружия, как армейские, так и окружные. И возглавляли эти объединения, соединения и части высокопрофессиональные командиры и политработники. Я до сих пор испытываю чувства искренней благодарности к генералам и офицерам управления и штаба Белорусского округа, 5-ой гвардейской танковой армии, проработавшие со мной до развала нашей великой страны – СССР. Все они были прекрасно подготовленными, беззаветные трудяги своей Родине, о некоторых можно было сказать, как говорят в народе, профессионал от Бога.

Военный Совет округа уже шёл, когда я приехал. В фойе здания, где он проходил в это время, вышел генерал, я ещё не знал, что это был начальник управления кадров округа – генерал-майор Кольцов. Поздоровались с ним, я уточнил у него, когда будет перерыв? Мне он сказал не скоро. Разговорились с вышедшим генералом, когда начальник управления кадров понял, кто я такой, тут же ушёл в зал заседания. Через минуту выйдя, пригласил меня зайти в зал, где проходил Военный Совет. Я последовал за ним. Первое, что я увидел и услышал, как командующий округом – генерал-полковник Шуралёв Владимир Михайлович отчитывает какого-то генерала. Запомнились его слова: «Вам ещё рано занимать другую должность, Вы ещё с этой не справляетесь!» Увидев

меня, приказал ему сесть. Я подошёл к трибуне, где заседали все члены Военного Совета Краснознамённого Белорусского военного округа. Представившись, доложил о своём прибытии на должность – заместителя командующего 5-ой Гвардейской танковой армии. Увидел, что перед каждым членом лежат папки. Командующий округом попросил меня рассказать всем присутствующим свои вёрсты жизни от рождения до прибытия в округ. Весь зал внимательно слушал их. Закончив их, стал ждать вопросов, но их не последовало. Уточнив у меня, где сейчас моя семья. Подняв моего командарма – генерал-лейтенанта Анатолия Ушакова. Командующий округом, приказал ему срочно мне предоставить жильё, а мне убыть в штаб округа за получением командировочного удостоверения и с получением его убыть в район ликвидации аварии на ЧАЭС, возглавить там оперативную группу Сектора № 1. Так произошло моё представление всем должностным лицам округа и армии. Был объявлен перерыв все стали выходить на улицу из зала заседания. Подойдя к командующему армии и членам Военного Совета армии познакомились, подошли все командиры дивизий армии и представились мне. Уточнив у командарма все вопросы по размещению семьи. Спросил у командарма, кто, этот генерал, которого поднял командующий округом. Услышал тогда, что это зять большого партийного функционера, ныне командует сформированным на его дивизии армейским корпусом и уже назначен на должность командующего 3 общевойсковой армии в ГСВГ. Я ещё не предполагал в то время, что с этим генералом через несколько лет, мне предстоит служить. Это был генерал-майор в то время Митюхин. Попрощавшись с членами Военного Совета, убыл на своей машине в город Минск за командировочным удостоверением.

Был уже чудесный день, туман полз из леса к дороге, по которой юрко сновали «Жигули», «Волги». Я ехал в сторону города Минска. Проезжая город Минск в район размещения штаба округа, мне бросилось в глаза – чистота на улицах, как и по всей трассе в населённых пунктах от г. Бобруйска.

Прибыл в штаб округа, получил уже готовые для меня документы, поспешил к супруге в город Бобруйск. Милая

Серафима Николаевна моя боевая подруга, ещё не знала, что я, не успев приехать, должен убыть в командировку в район ликвидации аварии на ЧАЭС. Хотя она была готова к такому развитию событий, но всё же надеялась, что не так быстро.

Возвращался я из города Минска в Бобруйск после получения командировочного удостоверения в штабе округа на своей закреплённой «Волге». Когда ехали по трассе: Минск-Бобруйск, мне вспомнился рассказ в Завитинске прапорщика Николая Эльканович, который родом был из Белоруссии – он рассказывал о гибели Петра Мироновича Машерова. Говорил о том, что у них в БССР циркулировали слухи мол, причины его гибели вели в Кремль. Хотя никаких доказательств этой справедливости этой версии в то время не было. Но, как потом выяснится позже, именно Машеров разрешил опубликовать антисионистскую книгу В. Бегуна в Минске. В Москве публицисту отказали буквально все издательства, даже «Политиздат», который увлекался этой темой. А если учесть, что сам Андропов возглавил компанию по борьбе с «русистами», писателями славянофильского крыла, эта версия не лишена сейчас исторической правды, более того, сегодня она обростает новыми подробностями. Вызывает удивление и тот факт, что проводить в последний путь Машерова, поехал в Минск М. Зимянин, хотя он не был членом Политбюро, а это явное нарушение было протокола, который в то время обитателями Кремля тщательно соблюдался. Так что есть читатель нам над этим поразмыслить...

Давайте вспомним, как это произошло? А происходило это так, рассказывал прапорщик: что в то время, бронированный «ЗИЛ» его вдруг посчитали неисправным и Машерову предложили «Чайку». Ехал он по Московскому шоссе с приличной скоростью, по осевой линии, до Жодино оставалось 14 километров. Навстречу его кортежу, состоящему из трёх машин, шёл «МАЗ», водитель, заметив его, затормозил. Но за «МАЗом» шёл самосвал, он и протаранил «Чайку». Удар был настолько сильным, что Пётр Миронович Машеров, его охранник майор В.Чесноков и водитель Е. Зайцев погибли мгновенно.

При таких же почти обстоятельствах погибли в БССР – Председатель Президиума Верховного Совета Белорусской ССР и командующий армией ПВО, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант А. Беда. Что это было? Цепь нелепых случайностей или определённая закономерность? Не будем с вами читатель забывать: наверное, не спокойно было в это время в Кремле и там, наверное, шла, на мой взгляд, постоянно подковерная борьба за выживание. Так получается, что мы с вами увидели в дальнейшем: «политические селекционеры» не дремали, они всё чаще задумывались над своим будущим, понимали: Л.И. Брежнев не вечен и кадры подбирали себе под стать...

В это время, когда я ехал, спросил водителя: «Ты помнишь про поездку Машерова? И сколько после этого было аварий». Водитель мне ничего не ответил, он лишь кивнул мне головой, соглашаясь с моим вопросом.

Доехали быстро, до Бобруйска дорога была в то время здесь хорошая не то, что в КДВО – щебень в лучшем случае! Когда ехали, думалось одно, что опять все вопросы быта лягут на супругу и невольно задавал себе вопрос – когда это всё кончится? Когда будет всё, как у людей? Как ей сказать, что я снова с корабля на бал!..

Но супруга увидев меня, лишь спросила меня – когда едешь? Вот такими были наши боевые подруги, они были готовы ко всему, ведь они были офицерскими женами!

Уточнив все вопросы по квартире с командармом. Забрав свой небольшой чемодан с вещами необходимыми на всю командировку, переодевшись в полевую форму, приказал своему новому адъютанту – назначенным приказом по армии встретить мой багаж с Москвы и доставить его в полученную квартиру. Вот так я начинал свои новые вёрсты в Краснознаменном Белорусском военном округе, в должности заместителя командующего 5-ой гвардейской танковой армии. Округе, в котором проходил стажировку, учась в Ульяновском гвардейском командном танковом училище, только тогда в 7-ой танковой армии и вот мои вёрсты жизни, привели меня снова в этот округ. Но уже в совершенно другой должности, к этому времени, я уже прошёл путь от курсан-

та-стажёра, до заместителя командующего армией. Попрошавшись с Серафимой Николаевной, на своей закреплённой машине, поехал менять генерал-майор Кеньдюхова Михаила Григорьевича. Он до моего назначения на должность заместителя Командующего 5-ой Гвардейской танковой армии, был на этой должности. Генерал-майор Кеньдюхов М.Г. был назначен на должность командующего 7-ой танковой армии, поэтому с большим нетерпением ждал моего приезда, т.к. в командировке, он находился, уже более трёх месяцев вторично и давно пришёл приказ о его назначении на новую должность. Через 1,5-2 часа я был на месте. Доложил командующему округом о своём прибытии в штаб Сектора №1. Генерал-майору Кеньдюхову М.Г. приказали убыть к новому месту службы, т.е. в г. Борисов.

Я же по прибытию в штаб оперативной группы Сектора № 1 – войсковая часть 45151, стал знакомиться с обстановкой и со штатным составом группировки войск, в первую очередь стал разбираться с вопросом, что здесь произошло в Припяти. Выяснил следующее: авария произошла в результате техногенной катастрофы, что она станет памятником человеческой самонадеянности и беспечности. Выяснил, что в группировку входит пять полков химической защиты ГО Вооружённых Сил СССР из пяти округов. Два из них были задействованы в 30 км зоне, а три за её пределами. Все полки выполняли поставленные перед ними задачи.

Выяснил, что 25 апреля 1986 года, на её четвёртом энергоблоке, который был запущен в промышленную эксплуатацию в декабре 1983 года, проводились испытания турбогенератора. Планом было намечено – испытание провести на одной из систем обеспечения безопасности, а также в конце испытания, планировалось остановить реактор, замерить генераторные показатели и только после этого планировалось его остановить для проведения плановых ремонтных работ. В ходе испытаний предполагалось проверить оборудование АЭС и использовать его механическую энергию вращения останавливающихся турбогенераторов (так называемого выбега) для обеспечения работоспособности систем безопасности энергоблока. Из-за диспетчерских ограничений г. Киева,

остановка реактора несколько раз откладывалась, что вызвало определенные трудности с управлением мощностью реактора. 26 апреля во время продолжающегося испытания в 01 час 24 минуты произошел неконтролируемый рост мощности, который привел к взрывам и разрушению значительной части реакторной установки. Из-за взрыва реактора и последовавшего пожара на энергоблоке в окружающую среду было выброшено значительное количество радиоактивных веществ. Безопасно заглушить реактор не удалось.

Сразу после аварии работа станции была остановлена. Шахту взорвавшегося реактора с горящим графитом на следующий день стали засыпать с вертолётов смесью карбида бора, свинца и доломита, а после завершения активной стадии аварии будет применяться латекс, каучук и другие растворы. Всего к концу июня в шахту сбросили около 12 тысяч тонн сухих и жидких материалов.

Первыми тушить пожар прибыли пожарные, которые прибыв на вызов, о серьезности ЧП на четвертом энергоблоке, ещё не догадывались, и понятия не имели, что дым, поднимающийся над горящим реактором, чрезвычайно опасен.

Они шли на смерть, не понимая этого. Мощность излучения от обломков из активной зоны, была в это время около 1000 рентген в час при смертельной дозе в 50. Плохо пожарным стало почти сразу, но они списывали это на дым и высокую температуру, о радиации никто не думал. Но потом они стали терять сознание.

Когда в медсанчасть Припяти доставили первую группу пострадавших, у них был очень сильный «ядерный загар», отеки и ожоги, рвота, слабость. Все пожарные в скором времени погибли. Хоронить героев пришлось в запаянных гробах под бетонными плитами – настолько радиоактивны были их тела.

Сразу же, после взрыва, работники АЭС еще не понимали, что именно происходит.

Интенсивный пожар продолжался 10 суток. За это время суммарный выброс радиоактивных материалов в окружающую среду составил около 14 эксабеккерелей (10¹⁸ беккерелей) или порядка 380 млн кюри.

Вторая из самых сложных миссий, в это время, на ЧАЭС досталась летчикам. Они должны были потушить раскаленные графитовые стержни внутри реактора. Вертолеты совершили сотни полетов над активной зоной и сбросили тысячи мешков свинца, песка, глины, доломита и бора. Летчики зависали над реактором на высоте всего 200 метров. А снизу бил жар и поднимался конус радиоактивного дыма. При этом ни у вертолетов, ни у людей внутри не было должной защиты и приспособлений для сброса груза. Защищались, как могли – в салоне выстлали свинцом пол, оборачивали им сиденья. Многих летчиков рвало уже после двух-трех вылетов, мучил кашель, а во рту чувствовался вкус ржавого железа.

Летчиков, которые гасили реактор в то время, прозвали «ангелами Чернобыля». Им удалось подавить главный очаг радиационного заражения. После ликвидации пожара в реакторе уже можно было приступить к работам на земле.

Город Припять, который был возведен специально для персонала ЧАЭС, был эвакуирован 27 апреля. Всего было эвакуировано около 50 тысяч человек. Город-спутник электростанции – Припять – в то время становился городом-призраком, покинутый людьми, он на глазах превращался в своеобразную Мекку. Это я и увижу в первые часы прибытия в штаб оперативной группировки ГО МО СССР, которую возглавлял с самого начала, командующий Среднеазиатским военным округом генерал-полковник В.Н. Лобов, который блестяще справился с поставленной задачей. В состав группировки входили части МО и МВД СССР.

Когда я туда ехал, в окно машины увидел лес, но он почему-то был рыжий. По прибытию в штаб оперативной группировки за пропуском и для представления должностным лицам, узнал, что название его «Рыжий лес». Что это был массив деревьев, расположенный в двух километрах от ЧАЭС, он получил название «Рыжий лес» из-за буро-рыжего окраса деревьев, приобретённого в результате поглощения деревьями высокой дозы радиации в первые часы и первые дни после аварии. Он и будет одним из самых загадочных, и страшных мест зоны. Когда-то он был обычным сосновым, разделял атомную станцию и город Припять. По нему хо-

дили туристы, местные жители собирали грибы и ягоды. В ночь аварии этот лес первым принял на себя радиоактивный удар – его накрыло облако из разрушенного реактора. Как потом я узнаю, что ветер тогда, дул в сторону Припяти, и, если бы не этот живой заслон, город получил бы страшную дозу облучения.

В то время десятки гектаров леса, как губка вобрали в себя радиоактивную пыль: у сосен более плотная крона, чем у лиственных деревьев, и они сработали как фильтр. Там уровень радиации был просто чудовищным – 5000–10000 рад. От такого смертоносного излучения хвоя и ветки приобрели ржаво-рыжий оттенок. Так лес и получил свое прозвище. Я, по ночам, через несколько дней моего прибытия туда проезжая на машине наблюдал, что радиоактивные деревья Рыжего леса ещё продолжали светиться.

Мне рассказывали, что принятые в последующие дни меры по засыпке реактора инертными материалами привели сначала к уменьшению мощности радиоактивного выброса, но затем рост температуры внутри разрушенной шахты реактора привел к повышению количества выбрасываемых в атмосферу радиоактивных веществ. Выбросы радионуклидов существенно снизились только к концу первой декады июня.

Чернобыльская АЭС располагалась на территории Украины (в то время Украинской ССР) в 3-х км от города Припять, в 18 км от города Чернобыль, Киевской области, в 16 км от границы с Белоруссией и в 110 км от Киева, на правом берегу реки Припять.

На заседании 16 мая 1986 года правительственная комиссия, которую возглавлял председатель Совета Министров СССР Борис Евдокимович Щербина, приняла решение о долговременной консервации разрушенного энергоблока. 20 мая был издан приказ Министерства среднего машиностроения «Об организации управления строительства на Чернобыльской АЭС», в соответствии с которым начались работы по созданию сооружения «Укрытие». Возведение этого объекта с привлечением около 90 тысяч строителей (приписного состава запаса) продолжалось со второй декады июня до по-

следних дней ноября – начала декабря 1986 года, шло оно 216 дней. 20 ноября 1986 года решением государственной комиссии законсервированный четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС был принят. Его было принято решение поставить на техническое обслуживание, этим обслуживанием и будет заниматься 27 полк химической защиты входящий в группировку Сектора № 1.

Большую роль в ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы сыграла также Оперативная группа Политбюро, которую возглавил Н.И. Рыжков, и рабочая группа физиков-атомщиков во главе с заместителем директора Института ядерной энергии АН СССР академиком В.А. Легасовым, который был автором идеи создания и куратором строительства свинцово-бетонного саркофага над разрушенным реактором.

Выброшенные же из разрушенного реактора в атмосферу продукты деления ядерного топлива были разнесены воздушными потоками на значительные территории, обусловив их радиоактивное загрязнение не только вблизи АЭС в границах Украины, России и Белоруссии, но и за сотни и даже тысячи километров от места аварии. Радиоактивному загрязнению подверглись территории многих стран.

Мне пояснили, что после аварии было выделено две формы чернобыльских выпадений: топливные частицы и газоконденсатные выпадения, включающие мелкие аэрозоли. Радиоактивные аэрозоли выпадали в основном с дождями на большой территории в границах Украины, Белоруссии на которой будет территория Гомельской, Могилёвской областей, на ней и будут проводить дезактивацию сёл с самого начала 5 полков химической защиты ГО Вооружённых Сил СССР из пяти военных округов. В последующем, после завершения строительства продолжат 4 полка, а один – 27 будет заниматься обслуживанием «Укрытия». Все эти пять полков и будут входить в состав сектора №1 от штаба Белорусского военного округа, который я и буду возглавлять. Как потом выяснят, кроме этих близлежащих республик от ЧАЭС будут заражены и несколько центральных областей европейской части России. Всё это я узнаю несколько позже.

В дальнейшем пойму сам, что в долгосрочном плане основным доз образующим радионуклидом, на большей части чернобыльского следа, в том числе и в России, явился цезий-137 (период полураспада 30 лет). Общий выброс цезия-137 оценивается на уровне 85 ПБк (петабеккерель), в том числе около 19 ПБк (22%) выпало на территории России. В результате аварии радиоактивному загрязнению цезием-137 с уровнями выше 1 Ки/км² (37 кБк/м²) подверглись территории 17 стран Европы общей площадью 207,5 тысяч квадратных километров. Существенно загрязненными цезием-137 оказались территории Украины (37,63 тысяч квадратных километров), Белоруссии (43,5 тысяч квадратных километров), европейской части России (59,3 тысяч квадратных километров).

В России радиационному загрязнению цезием-137 подверглись 19 субъектов. Наиболее загрязненными областями были Брянская (11,8 тысяч квадратных километров загрязненных территорий), Калужская (4,9 тысяч квадратных километров), Тульская (11,6 тысяч квадратных километров) и Орловская (8,9 тысяч квадратных километров).

Около 60 тысяч квадратных километров территорий, загрязненных цезием-137 с уровнями выше 1 Ки/км², находились за пределами бывшего СССР. Загрязнению подверглись территории Австрии, Германии, Италии, Великобритании, Швеции, Финляндии, Норвегии и ряда других стран Западной Европы. Значительная часть территории России, Украины и Белоруссии оказалась загрязненной на уровне, превышающем 5 Ки/км² (185 кБк/м²). Сельскохозяйственные угодья площадью почти 52 тысячи квадратных километров пострадали от цезия-137 и стронция-90 с периодом полураспада в 30 и 28 лет соответственно.

Как выяснил, что взрыв реактора в энергоблоке № 4 был не первым чрезвычайным происшествием на Чернобыльской АЭС; до катастрофы произошли еще две аварии, первая произошла во время загрузки топливных стержней, один из них сорвался и разбил охлаждающую рубашку, в тот день произошла большая утечка радиации, «приборы зашкаливали».

Вторая, 9 сентября 1981 года на ЧАЭС во время пробного пуска 1-го энергоблока разрушился один из технологических

каналов реактора, была деформирована графитовая кладка активной зоны. Пострадавших не было, ликвидация последствий случившегося заняла около трех месяцев.

В зоне ответственности сектора № 1 оперативной группы ГО СССР (территория Белорусской ССР) велись научные исследования в динамике, они начались с момента аварии ЧАЭС в июле 1986 году. Исследования эти, в то время, проводились с помощью современной на то время аппаратурой (производства США). Они интенсивно продолжались и после моего прибытия. Всего было выполнено на тот момент около 200 тысяч анализов почвы, ила, воды, лесной, луговой, пойменной растительности, производимой сельскохозяйственной продукции и эти следования будут продолжаться. При мне будет обследовано на предмет накопления в организме цезия-137 около 30 тысяч человек, включая детей от одного года до 16 лет, проживающих в жестком радиационном режиме, военнослужащих, работающих на АЭС, а также воинских подразделений, дислоцированные в 50 километровой зоне и выполнявшие работы по дезактивации.

При мне, впервые, был обобщён научный материал этими учёными в результате проведённых ими исследований, который дал возможность сделать принципиально новые выводы о миграции радиоактивных веществ в природных ландшафтах в зоне аварии, загрязнении деревень, рек, водотоков Киевского водохранилища и всего Днепровского каскада радионуклидами.

В связи с этим возникнет очень важный вопрос, о целесообразности ведения сельскохозяйственного производства, трудовой и иной деятельности в зоне жесткого радиационного режима. На основании полученных данных учёными Белоруссии была разработана новая технология составления макронуклидных карт радиоактивного загрязнения объектов. Эти макро карты в дальнейшем помогали нам вести дезактивацию территорий населённых пунктов с целью ограничения или уменьшения потенциальной опасности для здоровья проживающих там людей, а также полученные данные легли в основу решений по дополнительной эвакуации населения, определению режима проживания и ведения

хозяйственной и иной деятельности на загрязнённых территориях. Меня очень удивляло, что сотрудник КГБ, курирующий Сектор № 1, запрещал оказывать этим учёным помощь, т.е. выделение личного состава и транспорта. Приходилось идти на хитрость, окольными путями оказывать им помощь. Они всегда были нам благодарны за оказанную помощь.

Ведь только из-за взрыва реактора и последовавшего пожара на энергоблоке в окружающую среду и было выброшено значительное количество радиоактивных веществ.

Выпадение же топливных частиц произошло в основном в ближней 30-километровой зоне ЧАЭС, вследствие чего радионуклиды плутония, имеющие большой период полураспада, оказались сосредоточены преимущественно в ближней зоне и не сыграли важной радиологической роли для населения за ее пределами. Основная часть выпадений со значимым вкладом изотопов стронция также была сосредоточена вблизи от ЧАЭС. Поэтому этот район и был огорожен колючей проволокой. Этот забор и устанавливали полки сектора № 1. Они следили за его исправностью, в случае повреждения, бывало и такое, они это устраняли.

В долгосрочном же плане, как выяснится позже, основным доз образующим радионуклидом на большей части территории, был появившийся после аварии, чернобыльский след, в том числе и в России, это был цезий-137 (период полураспада 30 лет). В результате аварии радиоактивному загрязнению цезием-137 с уровнями выше 1 Ки/км² (37 кБк/м²) подверглись территории 17 стран Европы общей площадью 207,5 тысяч квадратных километров.

Что узнал я сразу по прибытию, что уже после катастрофы погиб 31 человек, а первые ликвидаторов, принимавших участие в расчистке территории, получили высокие дозы радиации. Радиоактивному облучению подверглись почти 8,4 миллиона жителей населённых пунктов: Белоруссии, Украины и России, из них было переселено почти 404 тысячи человек.

Приблизительное число жертв тогда достигало свыше четырех тысяч человек. Это не только ликвидаторы катастрофы, но и те жители, кто погиб от облучения города Припяти.

Одна из страшных примет того времени это были – люди с «ядерным загаром». Те, кому не повезло, схватили большую дозу радиации, удивлялись, почему кожа вдруг стала бурого цвета, даже под одеждой. Тело уже было повреждено интенсивным излучением. Не все догадывались об опасности: в день аварии многие и вовсе загорали на крышах и на речке возле АЭС, а солнце усиливало действие радиации.

Врачи в то время, которые принимали первых облученных, именно по «ядерному загару» определяли наиболее пострадавших.

Выяснил, что авария на ЧАЭС весь обсуживающий её персонал застала врасплох. Никто из них не знал толком, как реагировать на бедствие подобного масштаба. Власти же, вначале, не только скрывали полную информацию, но и сами оказались не способны быстро и адекватно оценить обстановку. В стране ещё не существовало системы, которая отслеживала бы в реальном времени информацию о радиационном фоне на обширных территориях, хотя в армейских частях его несколько раз в день проверяли оперативные дежурные объединений, соединений и дежурные по частям. Вели его учёт, делая записи об его проверке в соответствующей документации.

Поэтому в первые дни после аварии люди, уже находящиеся в зоне поражения, еще не знали об опасности.

Только 14 мая 1986 года страна узнала об истинных масштабах катастрофы.

На станции необходимо было найти место ЧП и оценить разрушения. В реакторный зал были отправлены двое инженеров – работников станции. Они, не подозревая об опасности, подошли к месту взрыва и увидели, как из жерла разрушенного реактора бьет красный и голубой огонь. На людях не было ни респираторов, ни защитной одежды, но они бы и не помогли – излучение достигало 30 тысяч рентген в час. От него у них жгло веки, горло, перехватывало дыхание.

Через несколько минут они вернулись в зал управления, но были уже загорелые, словно месяц жарились на пляже. Оба вскоре умерли в больнице. Но их рассказу о том, что реактора больше нет, сначала руководство станции не пове-

рило. И лишь потом стало ясно им, что реактор бесполезно охлаждать – надо тушить то, что от него осталось.

Через несколько дней после взрыва выяснилось, что активная зона разрушенного реактора все еще плавится и медленно прожигает бетонную плиту. А под ней находится огромный резервуар с водой. Если бы поток расплавленного металла соприкоснулся с ней, произошел бы гигантский радиоактивный взрыв – в воздух должны были попасть десятки тонн ядерного топлива. Последствия трудно вообразить, но специалисты считали, что заражена была бы большая часть Европы, вымерли бы целые города.

Любой ценой нужно было добраться до запорных клапанов и открыть их. Вызвались три водолаза: Алексей Ананенко, Валерий Беспалов и Борис Баранов. Они знали, что это, скорее всего, будет стоить им жизни, но все равно отправились к реактору – по колено в радиоактивной воде – и осушили бассейн. Все, о чем они попросили перед тем, как уйти на смерть, – это позаботиться о семьях после их гибели.

Но героям удалось выжить! Они захватили с собой шесть дозиметров и постоянно сверяли показания – так они сумели обойти самые опасные участки, никто не получил смертельной дозы.

У многих прибывших ликвидаторов кожа приобретала нездоровый загар, это были первые признаки лучевой болезни, вначале о которой никто из ликвидаторов и первых осматривающих их медиков не догадывался.

Уточнив вначале все интересующие меня вопросы в штабе Сектора № 1 оперативной группы, принял решение начать знакомиться с частями входящие в группировку. Вначале, хотелось познакомиться, в первую очередь с частями выполняющие задачу именно в 30 км зоне. Уже заканчивалось вторичное обнесение её границ, забором, из колючей проволоки. Было выделено и огораживалось место для техники, которая была задействована в ликвидации последствий этой трагедии для нашей страны СССР, и которая оставалось там, на месте, т.к. она была очень заражена, и её нельзя было уже эксплуатировать.

Сев в свою «Волгу» сектора № 1, водителем которой был «приписник» 40-летний мужик родом с Урала. Мне сразу

бросилось в глаза, что днище кузова машины было покрыто свинцовыми пластинами. Поинтересовался у водителя – для чего? Услышал ответ – ведь мы с вами будем ездить и находиться в зоне заражения. Я ничего ему не сказал на его слова. Поинтересовался в начале: знает ли он дорогу к местам работы полков и их расположениям. Взяв в штабе свою рабочую карту, сев в машину, приказал водителю – едем в район работы 27 полка. Как выясниться, он уже не раз был там. Заехали в 30 км зону, сразу бросилось в глаза населённые когда-то посёлки. Они были уже пустые, покинутые людьми и их дома, гостиницы и школы были пусты, брошенными людьми второпях, в некоторых подворьях наблюдалась какая-то живность, кое где были и брошенные автомашины. Мой дозиметр «фонил» и показывал уровень радиации. Подъехали к объекту «Укрытие». Здесь и проводила работу основная часть личного состава 27 полка. Когда взорвался четвертый энергоблок, куски ядерного топлива и графита из реактора разбросало по округе. Часть её упала на крышу машинного зала, на третий энергоблок. У этих обломков был запредельный уровень радиации. В некоторых местах можно было работать не более 40 секунд – иначе смерть. Техника не выдерживала такого излучения и выходила из строя. А люди этого полка, сменяя друг друга, лопатами счищали с крыши этого энергоблока графит.

Когда, я подъехал к месту работы личного состава полка, то увидел, что с ним находился командир полка, меня это обрадовало. Оставшаяся часть привлекаемого личного состава полка, была задействована в 30 км зоне по выгоранию парка для заражённой техники. Познакомившись с командиром полка, выяснил у него план работы на день, он был практически выполнен, поставил задачу возвращаться в место дислокации. Возвращаясь с личным составом, я ещё не знал, что там меня ждёт с прибывающим личным составом из 30 км зоны, сюрприз, который напомнит курсантские годы в гвардейском Ульяновском командном танковом училище (ГУКТУ) – 1965-1968 годы.

С личным составом 27 полка, работающем, на объекте «Укрытие», я прибыл в посёлок городского типа Хойники

(Белорусская ССР), там уже меня ждала группа офицеров моей оперативной группы, получившая ранее задачу о прибытии в этот полк. Совсем рядом в нескольких километрах в деревне Новосёлки и располагался 27 полк химической защиты Среднеазиатского военного округа.

Руководство полка: командир подполковник Петров В.М., заместитель командира по политической части подполковник Бодрягин В.Г. и начальник штаба подполковник Сергиенко А.Н. практически с первых (а точнее с 15 мая 1986 года) дней, они находились в расположении и успешно выполняли свои обязанности по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Этот полк химической защиты (военная часть 20040) с 15 мая 1986 года по октябрь 1989 год и выполнял работы в полосе ответственности – непосредственно в зоне отчуждения и на самой атомной электростанции.

Стал знакомиться с его расположением, которое, как оказалось, было хорошо благоустроено, а именно: обустройство личного состава, столовая, клуб, места проживания офицерского состава, парк специальной техники и баня для всего личного состава были добротны и комфортны для жизни и деятельности людей. Меня это очень радовало.

Выяснил, что с местной администрацией поселка Хойники командованием полка, были налажены очень доброжелательные и деловые взаимоотношения.

Совместные мероприятия с активом поселка, местным населением и поселковой средней школой, уже стали для них доброй традицией.

По прибытию к месту расположения (15.05.1986 г.) личный состав полка сразу стал проводить дезактивацию сел: Дроньки, Погонное, Верхняя и Выгребная слобода и др...

Большой объем усилий личного состава 27 полка, был приложен непосредственно в городах Припять и Чернобыль...

Нельзя не отметить, что усилиями воинов-казахстанцев была очищена большая часть крыши третьего энергоблока АЭС...

Всего за время пребывания полка в Чернобыле было очищено 944 населенных пункта, из них только в 560 трижды,

а в некоторых четырёхжды и более раз проводились дезактивационные мероприятия. Полком проводилась по плану и радиационная разведка местности на предмет её заражения.

Офицеры, прапорщики и рядовой состав (на тот период, когда я прибыл, укомплектованность его была – 85% сержантов и солдат были призваны из запаса, остальные 15% срочной службы) сумели с честью выдержать суровые испытания и достойно выполнить свой служебный долг.

Полк по результатам своей работы, был награжден Вымпелом МО СССР за мужество и воинскую доблесть, многие военнослужащие по праву были награждены орденами и медалями Советского правительства...

Министр Обороны СССР Маршал Советского Союза Язов Дмитрий Тимофеевич сказал: «Армия закрыла своей грудью Чернобыль». И это был на самом деле факт, в прямом и переносном смысле...

Ознакомившись с планом работы командира полка на перспективу и решив ряд назревших вопросов жизни и деятельности личного состава, я отправился на встречу с рядовым и сержантским составом прибывающих в полк, после работ в 30-ти километровой зоны. В парке специальной техники к моему изумлению меня ожидал очень приятная неожиданность.

Среди прибывающих, я встретил подполковника, лицо, которого показалось мне очень знакомым, это был он Игорь Кузнецов, с которым мы учились в училище в одной роте, более 20 лет назад.

Мы сразу узнали друг друга. Подполковник Кузнецова И. Л., в тот период являлся начальником политического отдела специальных частей Семипалатинского гарнизона Средне-Азиатского военного округа и работал в полку по плану политотдела, так как 27 полк химической защиты организационно входил в состав частей политотдела.

Обнялись. Неожиданная встреча оказалась впечатляющей. Нам было, что вспомнить и о чем поговорить. До нашей встречи подполковник Кузнецов Игорь Леонидович, имел за плечами большой опыт службы в Советской армии. Офицерскую службу он начал в Дальневосточном военном округе

на острове Сахалин, затем служба в Московском военном округе, Белорусском, Группе Советских войск в Германии и Среднеазиатском военном округе в г. Семипалатинск.

Он мне расскажет, когда произошла авария и поступил приказ об отправке полка в зону ликвидации, вначале, весь личный состав полка был построен и ему было доведено, что произошла авария на Чернобыльской АЭС, что ветер идет на города и населённые пункты Белоруссии и Украины, а там – старики и дети, им необходима помощь. И предложили тем, кто не желает участвовать в спасательной операции, выйти из строя. Для офицеров полка это был запрещенный приём. Конечно, никто не вышел. Это мне и рассказал подполковник Кузнецов И.Л., который вместе с полком прибыл в район аварии на ЧАЭС с первыми эшелонами в 1986 году.

За двое суток работы в полку у меня укрепилось мнение, что часть подготовлена хорошо, настрой людей положительный и задачи, стоящие перед полком, выполнялись успешно и будут выполнены в дальнейшем. Прощались с Игорем, мы ещё не могли даже подумать, что наша страна, которой мы честно отдавали свой долг, и верили нашим руководителям – рассыплется в скором времени, как коробок спичек...

Мне, нужно было возвращаться в штаб оперативной группы с офицерами оперативной группы Сектора, и ехать уже с начальниками служб Сектора, в другие полки выполняющие задачи в районах ответственности Сектора, продолжать организовывать разведку местности и на основании её данных, планировать работы по дезактивации в населённых пунктах Могилёвской области и др. районах ответственности Сектора.

Сам же Могилёв, радиация «накрыла» не так сильно, как многие соседние территории. Ликвидаторы с этого города, которые были в штате полка Белорусского военного округа, входящий в штат Сектора № 1. При встрече с личным составом полка узнал, что 12 июля 1986 года, этот день запомнили многие могилевчане навсегда. Повестки из военкоматов им вручали прямо на работе. Некоторые домой заскакивали, только чтобы взять самое необходимое и попрощаться с семьёй. Через несколько часов они все были переодеты в военную форму и вошли в состав роты санитарной обработки

полка. Рота практически сразу приступила к дезактивации зданий и снятию грунта вокруг домов в деревне Деряжана Костюковичского района Могилёвской области. Примерно через месяц рота была переброшена в другую точку Могилёвщины – в Малиновку, Чериковского района, затем – в Веприн. Все эти населённые пункты, к моему прибытию, числились отселёнными. Я приказал провести разведку местности этих населённых пунктов. Она показала, что их необходимо захоронить, что и было сделано личным составом полка. В процессе ликвидации последствий чернобыльской катастрофы на территории Могилёвской области были эвакуированы жители 141 населённого пункта; 88 населённых пунктов было захоронено. За послеаварийный период в «чистые» районы Белоруссии переселено более 21,5 тысяч человек, что привело к сокращению численности населения области примерно на семь процентов. Так, население Быховского района сократилось с 1986 года на 25 процентов, Краснопольского – на 37, Славгородского – на 30, Чериковского – на 17. Тогда, в 1986-м, местных жителей с загрязнённых территорий не вывозили. Какую они получили дозу радиации до переселения – было неизвестно. Но ведь все ликвидаторы тогда работали без какой-либо специальной защиты. Было обмундирование и респираторы. Костюмы химзащиты были, но разве они могли спасти от радиации?! Всем были выданы личные дозиметры, только они не годились для измерения общего радиационного фона. Всю информацию тогда власти тщательно скрывали, особенно от гражданских. Не обходилось и без профилактической беседы с сотрудником прокуратуры: тот напоминал всем ликвидаторам об уголовной ответственности «за распространение ложных слухов».

Все они понимали, что это опасно. Но тогда, в 1986 г. и далее никакой паники не было, как и не было мысли у ликвидаторов «откосить» от призыва на ликвидацию, как в Белоруссии, так и в других республиках. Все понимали, что кому-то нужно делать эту работу – и они её делали, люди нашей страны – СССР, разных национальностей нашей многонациональной страны. Ведь у них у всех дома оставались семьи, у некоторых маленькие дети и престарелые родители.

Свой быт некоторые полки ликвидаторов налаживали, как могли. Чаше всего ночевали прямо на улице, в палатках. Некоторым везло, и они размещались в зданиях старых школ. Домой я их отпускал редко, всего один раз за три месяца их пребывания в зоне и то порой не было и этого.

В первые годы после Чернобыльской катастрофы для ликвидаторов существовали определённые льготы. Я тоже воспользуюсь ими, и взяв без процентный кредит в Сбербанке, куплю себе автомобиль ВАЗ, марки – 2108. Это будет первый у меня автомобиль в жизни, который будет мне служить более двадцать лет.

Но пройдёт небольшое время, страна будет другой и законодательство поменяется, и ликвидаторы в одночасье потеряли свой статус, а в новом удостоверении появилась универсальная формулировка «пострадавший от катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий». Есть и другие удостоверения у отдельных ликвидаторов – «получившего(ей) или перенёсшего(ей) лучевую болезнь и другие заболевания, связанные с радиационным воздействием вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС; ставшего(ей) инвалидом.

Все льготы были отменены. Все ликвидаторы поняли по этим последним событиям, насколько всё в этом мире непредсказуемо, поэтому нужно жить, пока живётся, ни на кого не обижаясь. Твои обиды сейчас не кому не нужны.

Конечно, проблем у ликвидаторов со здоровьем хватает, и они с ними стараются справиться, как тогда, в те дни и месяцы ликвидации аварии. А ведь всему виной Чернобыльской аварии – эта пагубная практика – выполнить и перевыполнить, сдать досрочно ради того, чтобы выслужиться перед вышестоящим руководством. Неужели это было важнее человеческой жизни?! А ещё замалчивание, в первые дни после аварии. Ещё погнали людей на Первомайскую демонстрацию. Если бы не западные радиостанции, которые подняли шум, я лично не знаю, сколько бы народ ещё держали в неведении. Хотя в современных условиях, с учётом всех мер безопасности, повторение чернобыльского сценария маловероятно, но лично я считаю, что уроки истории нужно вспоминать как можно чаще – чтобы беда снова не постучалась в дверь.

Полки, входящие в штат Сектора тогда, были из разных военных округов: Сибирского, Приволжско– Уральского, Московского, Белорусского.

Работая в них и составляя планы их работы на текущие месяцы, я убедился в одном – люди нашей страны СССР, победившие фашизм и восстановившие после той ужасной войны народное хозяйство, способны решить и эту важную задачу по ликвидации этой аварии на ЧАЭС, ведь все ликвидаторы были детьми отцов, победивших в этой ужасной войне, которая унесла более 27 миллионов человеческих жизней. Поэтому, стоящие перед ними задачи, для них, воспитанных памятью о подвигах их отцов, нашей партией КПСС, были тоже выполнимы. А ведь каждый полк, был многонациональный, в некоторых насчитывались десятки национальностей, как и в 27 полку...

С личным составом же 27 полка и другими полками Сектора, я встретился и во второй раз в мае 1989 года, когда буду снова возглавлять эту оперативную группу Сектора № 1, правда не будет полка с Московского Военного округа, а будет с Ленинградского. Командование полков и личный состав поменяется, но будет тот же настрой, как и тогда, когда я с ними, возглавляя этот Сектор № 1 встретился в первый раз, и встретил там друга курсантской юности – Игоря Леонидовича Кузнецова.

Только в этот раз «Рыжий лес» решено было уничтожить – он был слишком опасен. Ведь мертвые сухие деревья могли вспыхнуть в любой момент – и радиация снова оказалась бы в воздухе. Деревья спилили и захоронили в грунте. Эту задачу выполняли полки химической защиты Сектора №1 во второй раз моего прибытия туда, в мае 1989 года. Позже на этом месте высадили новые сосны, как выясню позже, прижились не все – уровень радиации здесь, все ещё, оставался слишком высок.

Находиться на этой территории в то время, было запрещено – опасно для жизни, но полки выполнили и эту стоящую перед ними задачу, как и другие.

В Чернобыль с начала аварии на ЧАЭС, везли много техники – она очень быстро набирала радиацию и выходила из

строю. Работать на такой технике было нельзя. Брошенные машины собирали в специальных отстойниках. Некоторые образцы «светились» на запредельном уровне – например, немецкий радиоуправляемый кран, которым собирали с реактора «фильтры-промокашки». И те самые вертолеты, что зависали над аварийным реактором, поглощая смертельные дозы радиации. А также облученные автобусы, грузовики, пожарные машины, машины скорой помощи, БТРы, экскаваторы – их оставили ржаветь на огороженной территории в дальнейшем, получившей название – «кладбище мертвой техники».

Мне в то время было неизвестно, что собирались с ней сделать позже, но, как выяснилось, до машин после развала страны СССР, добрались мародеры. Они растащили сначала двигатели, а затем фурнитуру и корпуса. Запчасти продавали потом на авторынках. Многое ушло на металлолом. Эти свалки поражали своими размерами, но со временем почти вся «фонящая» техника «испарилась» – смертоносное излучение никого не остановило.

По всей территории станции грунт глубиной с метр был снят ликвидаторами полков, город Припять мыли постоянно, практически непрерывно.

Каковы же читатель были причины катастрофы на мой взгляд?

В то время официально были признаны две версии причины, которые привели к трагедии, однако, кроме этого, разрабатывались и другие. В то время, для расследования чрезвычайной ситуации, была создана специальная комиссия, которая, проведя расследование, обвинила в аварии руководство электростанции и сотрудников, проводивших в ту роковую ночь испытания. Однако, по мнению другой созданной комиссии она признала, что на трагическое развитие ситуации влияли и другие нарушения. А последней ошибкой стало доведение реактора до не регламентного состояния. Особенно подчёркивалось, что экспериментаторы не пожелали остановиться, даже когда в состоянии реактора стали очевидны перемены, а технические защиты уже были полностью отключены.

Повлияла на развитие ситуации, уже после взрыва, и попытка скрыть информацию, предпринятая руководителями ЧАЭС. В 1991 г. как я знаю, собиралась и ещё одна комиссия, которая пришла к выводу, что к катастрофе, в том числе привели некоторые особенности конструкции самого реактора. Правильно было сказать, по-моему, читатель, что катастрофа произошла из-за сочетания всех этих негативных факторов, однако единой версии до сих пор не озвучено.

...А ведь Чернобыль, – там всё было отрывочно и нелепо! Главный инженер Дятлов, я даже фамилию, кстати, запомнил, был связан то ли с ГРУ, то ли с Комитетом государственной безопасности (КГБ), хотя нам в то время было всё равно, или как говорится, какая к черту разница? Кто ему – не знаю, так и не докопались в то время, отдаёт приказ: снять дополнительную энергию. Логика в то время была такая – если завтра война, заводы, разумеется, будут эвакуированы. А как быть с реактором? Он что, противнику достанется? Вместе с электричеством? Взорвать его невозможно. Вывод, что, будем врагов снабжать советской электроэнергией?

Упёрлись все в этот вопрос. Тогда специалисты считали: реактор можно заглушить, но в запасе должно быть сорок секунд, не меньше, чтобы запустился дизель-генератор. Рубашка реактора будет охлаждаться, и – процесс пошёл. Где их найти, эти секунды? Вот Дятлов... по рекомендации должностных лиц (не установленных) упражнялся. Почему-то по ночам. А пока маневрировали – упустили запас стержней. Ну и полыхнуло! С этого момента у народа пропало доверие к М. С. Горбачёву. Потом через несколько лет выяснилось, что саркофаг был не нужен. А ведь там погибали люди, солдаты. Много солдат. Когда я об этом узнал, для меня было не понятно, зачем его строили? У наших вождей были такие тайны в то время, с которыми они не могли расставаться. А солдаты первых полков, которые прибыли туда по тревоге из Белорусского и Киевского округов, были срочной службы, они были в большинстве молодые ребята, практически дети, они строем ходили, песни пели, и в гимнастёрках, с лопатами – по два, по три часа были возле реактора... Тогда, у меня сложилось мнение, что они солдат не жалели. Руково-

дители страны не нагнетали обстановку, а ведь уровень был: 50 миллионов кюри. Зачем им нужно было в этой обстановке нагнетать? И выступили, они, как мы знаем, не сразу. Потому, что там было от 8 до 9 миллиардов кюри. Так, в то время докладывал член государственной комиссии Легасов правительству. Всё топливо вдребезги, пустой реактор. Ну может, 3 – 4 %, Велихов, поскребыш, хитрил и дёргался. А Легасов сразу заявил: это мировая катастрофа. Взрыв получился термоядерным. Он дошёл до стратосферы. И кто там был вначале – все погибли. А саркофаг – строили, чтобы успокоить. Даже нельзя себе представить, если бы было заявлено о 8-9 миллиардах? Да против нас поднялись бы все страны. И мы схлопотали, из-за М. С. Горбачёва, конец человечества... Он боялся такой славы! Когда специалисты из «Курчатника», в реакторе, просверлили крошечную дырочку. А реактор оказался почти пуст. И тогда решили, чтобы скрыть это, нужно строить саркофаг. И стали строить, а солдаты получали свои кюри на его строительстве. Да, очень многих уже нет, а многие ещё немного будут мучиться. И закончится на этом, после их ухода, эпопея Чернобыля. О ней будет забыто, если уже сейчас забыли. Нет уже тех, которые смогли бы рассказать правду об этой трагедии 26 апреля 1986 года.

После аварии на ЧАЭС, сегодня, прошло уже более 35 лет. Сразу же после катастрофы погиб 31 человек, а 600 тысяч ликвидаторов, принимавших участие в тушении пожаров и расчистке, получили высокие дозы радиации. Радиоактивному облучению подверглись почти 8,4 миллиона жителей Белоруссии, Украины и России, из них было переселено почти 404 тысячи человек. Множество людей, пострадавших от радиации, погибло сразу же, а многие тяжело болели и умерли в мучениях позже. Трагическая судьба преследовала и ликвидаторов, а оставшихся сегодня в живых мучают неизлечимые заболевания. Рождённые у них дети после их возвращения, тоже многие болеют разными заболеваниями. Многие из них, как и их отцы стали инвалидами.

Считаю, что давно пора дать реальную оценку случившейся трагедии. Информация о мнимом благополучии в зоне аварии в то время в высшей степени была вредна, ибо

вводила нас в заблуждение. Сегодня мы обязаны откровенно сказать о том, что влекли за собой принимаемые в то время ничтожные по своей эффективности меры. Получалось так, что мы оставили в то время человека один на один с радиацией в зоне жёсткого радиационного режима.

После череды ужасных событий был построен «Саркофаг» – объект под названием «Укрытие». Из 7000 тонн металлоконструкций и 400 000 м³ бетона будет построено сооружение, вошедшее в список самых влиятельных проектов за 50 лет, которое избавит мир от страшных последствий катастрофы настолько, насколько это представлялось возможным.

Саркофаг над 4-м энергоблоком стоит по сей день, в 2019 году он был обновлен, строители возвели новую арку-укрытие, которая служит новой защитой.

Наследие СССР было велико и значительно. Советскими людьми было достигнуто многое – система образования, медицина, космос, технологии и уровень жизни страны. Наконец благодаря СССР многие страны – Африки, Китай, Индия и др. получили независимость от колониализма. Но в 1980-е годы страна была в упадке из-за ошибок власти и сложной мировой обстановки. Да ещё пришёл «гарант» в лице М. Горбачёва со своим лозунгом в то время некому не понятным словом – «перестройка».

А ведь в то время «самосёлам», престарелым жителям деревень, расположенных в зоне отчуждения, которые вернулись потом сюда, вопреки, запрету властей было в то время уже всё равно, где умирать. Так, как они, были просто брошены властями.

Чернобыльская АЭС будет полностью выведена из эксплуатации лишь в 2065 году. В декабре 2003 года Генеральная ассамблея ООН поддержала решение Совета глав государств СНГ о провозглашении 26 апреля Международным днем памяти жертв радиационных аварий и катастроф.

А зона отчуждения вокруг станции, т.е. 30-ти километровая зона, будет непригодна для жизни людей еще 20 тысяч лет.

Через три месяца я закончу эту свою первую командировку. Свои выводы доложу в письменном виде – командующему округом.

В мае 1989 года я снова окажусь там. Но в стране сложится уже другая внутривластная обстановка. Главным архитектором её будет оставаться – М. Горбачёв.

А ведь Чернобыльская катастрофа, нанесла серьёзный урон экономике страны, ставшая настоящим шоком для руководства и всего населения страны. В результате этой невиданной ранее техногенной катастрофы произошло очень опасное радиационное загрязнение выше написанной территории.

Непосредственно ликвидация обошлась в 24 млрд рублей, нанесла серьёзный удар по всему экономическому потенциалу страны. Но ещё важнее было то, что эта катастрофа оказала крайне негативное влияние на общественно-политическую ситуацию в стране. Поскольку первоначальная, достаточно скудная и явно ложная информация о ней, которую М.С. Горбачёв озвучил только 14 мая 1986 года, впервые поставили под сомнение авторитет высшей власти, утратившей прежний ореол «сакральной святости» и непогрешимости.

Между тем, сам М.С. Горбачёв использовал эту аварию для новых кадровых чисток и вскоре отправил в отставку более десятка союзных министерств. В том числе, легендарного главу Министерства среднего машиностроения СССР Ефима Павловича Славского, который возглавлял всю атомную промышленность страны почти тридцать лет, и президента Академии Наук СССР академика Александра Петровича Александрова, который был одним из авторов взорвавшегося реактора РБМК...

...По прибытию из района ликвидации в первый раз, приступил к знакомству с частями и соединениями армии. Они размещались в пяти гарнизонах Могилёвской и Минской областях. Гарнизоны все были благоустроены. Техника размещалась в кирпичных хранилищах. Офицерский состав жил в ДОСах или офицерских общежитиях. Практически единицы, жили на съёмных квартирах временно. Все соединения и части армии приводились в полную боевую готовность в течении пяти суток. Учебная база соединений позволяла практически во всех гарнизонах, проводить учение с боевой стрельбой, от роты до батальона. Программа боевой подго-

товки: подразделений частей выполнялась в летние и зимние периоды обучения полностью. Все подразделения частей практически были готовы к любой проверке, которая и была проведена Главной Инспекцией Министерства Обороны СССР. Это была вторая проверка за мои вёрсты жизни. Она была осенью 1988 года. Я занимался подготовкой соединения в Слуцком гарнизоне. Все соединения отчитались успешно. Лично у меня остались очень хорошие впечатления от этой инспекции и успехов соединений и частей армии, которые были подвергнуты проверке. По результатам этой инспекции мой труд в подготовку соединений армии к проверке, будет оценён – Министром Обороны СССР – ценными подарками – карабином СКС и часами. Они хранятся ещё у меня до сих пор, как память о той державе, которую разрушили наши руководители, такие, как Михаил Горбачёв.

Офицерский состав был хорошо подготовлен, так как периодически проводились учения разного уровня: ротные, батальонные, полковые, дивизионные, как правило, с боевой или без боевой стрельбы штатным снарядами. Кроме этого, проводились КШУ (командно-штабные учения). Армией с соединениями, а штаба Округа с армиями. В общем, можно сказать, что шла интенсивная боевая подготовка и личный состав был занят практически постоянно. Это и позволило без лишней суеты подготовить соединения к инспекции МО СССР.

Так закончился этот год в новой должности, приближался новый 1989 год.

В январе месяце 1989 года, я был вызван в штаб Сухопутных войск. Там получил задачу в начале февраля убыть во все Среднеазиатские Республики СССР и возглавить подбор личного состава для всех видов ВС МО СССР. Со мной убывали их представители. У нас была задача, в течение двух месяцев, отобрать призывников и отправить их эшелонами в округ и флоты ВС СССР. С этой задачей мы справились. В ходе отбора призывников вспоминается, одна бывшая республика бывшего СССР – это Таджикская ССР. Прибыв в республику, члены комиссии, попросили меня съездить к мосту, где прошли части выводимые с Афганистана. Все мы

были на этом месте и слышали там, что всё, что было показано на картинке ТВ, несколько отличается от действительности. Нас это расстроило. Было несколько противно за то, что показано. Мне члены комиссии задавали вопросы: почему и здесь очковтирательство? До каких пор весь наш народ, будут держать за несмышлёнышей, лохов? Что я им мог сказать на эти вопросы?!

...В это время, невольно вспомнился и процесс урегулирования в Афганистане и вывод советских войск. Ведь наиболее острой внешнеполитической проблемой Москвы на Азиатском континенте оставалась её активная вовлеченность во внутри афганский, военно-политический конфликт, в который она ввязалась в декабре 1979 года, что сразу вызвало резкую ответную реакцию со стороны всех ведущих участников международного процесса, в том числе Вашингтона, Брюсселя и Пекина. Кроме того, афганская война, была крайне непопулярна и в нашем советском обществе, и против её продолжения активно выступали многие наши советские военачальники, в том числе высшее руководство Генерального штаба – в лице его главы маршала С.Ф. Ахромеева и его первого заместителя генерала армии В.И. Варенникова, считавшие эту военную кампанию совершенно бесперспективной. Хотя, учась в академии Генерального Штаба, изучая действия наших войск, знали, что 40-я общевойсковая армия, которую в начале 1985 года возглавил генерал-лейтенант И.Н. Родионов, вполне справлялись с возложенными на них непростыми боевыми задачами. В частности, в 1985-1986 годах частями и соединениями мотострелковых и воздушно-десантных войск удалось провести ряд успешных боевых операций в провинциях Кабул, Парван, Лагман, Каписа, Фарах и Кунар и нанести ощутимый удар по формированиям афганских моджахедов.

Тем не менее, новое советское руководство стало активно искать пути выхода из афганского тупика, пытаясь расширить социально-политическую базу просоветского режима в Кабуле. Уже в мае 1986 года под жёстким давлением Москвы Бабрак Камаль, который больше опирался на поддержку афганских таджиков, узбеков и других этнических

меньшинств, уступил свой пост лидера НДПА главе Службы безопасности Мохаммаду Наджибулле, представлявшему интересы этнического большинства – пуштунов и афганских спецслужб. А затем, в октябре 1986 года, он был избран и новым президентом ДРА и автоматически стал председателем Революционного Совета ДРА.

Тогда же по прямому указанию Москвы М. Наджибулла резко умерил политический радикализм прежнего афганского руководства и пошёл на примирение с влиятельным афганским духовенством, постоянно обвинявшим просоветский кабульский режим в предательстве интересов ислама. Вскоре новое афганское руководство, опять же по прямому указанию «московских друзей», ввело в стране ограниченную многопартийность, провозгласило свободу печати и прекратило проведение «социалистических реформ», которые активно насаждались прежним кабульским режимом. Затем в декабре 1986 года состоялся чрезвычайный XXI Пленум ЦК НДПА, который провозгласил курс на «политику национального примирения» и скорейшего прекращения братоубийственной Гражданской войны. А уже в январе 1987 года М. Наджибулла объявил об одностороннем прекращении боевых действий против всех отрядов вооружённой оппозиции и предложил лидерам афганских моджахедов – Б. Раббани, Г. Хекматияру, А.Ш. Масуду и другим – начать переговоры об урегулировании обстановки на всей территории страны. Однако оппозиция отвергла это предложение и заявила, что вступит в диалог с правительством ДРА только после вывода из страны всех советских войск.

Тем временем, советские войска резко активизировали боевые действия на территории Афганистана. Сначала, в феврале-марте 1987 года, под руководством генерала армии В.И. Варенникова войска 40-й армии, которую уже возглавил генерал-лейтенант В.П. Дубынин, провели удачные войсковые операции – «Шквал» в провинции Кандагар, «Удар – 2» в провинции Кундуз, «Гроза» в провинции Газни и «Круг» в провинциях Кабул и Логар. А затем, в мае-сентябре 1987 года, под руководством нового командующего 40-й армии генерал-лейтенанта Б.В. Громова был проведён ещё ряд

успешных операций – «Весна» в провинции Кабул, «Залп» в провинциях Логар, Пактия и Кабул, «Юг-87» в провинции Кандагар и знаменитая «Магистраль» в районе города Хост.

Между тем, сама Москва, в секретном порядке, начала консультации по афганской проблематике с Вашингтоном и Исламабадом, в ходе которых стали постепенно вырисовываться рамки урегулирования внешних аспектов афганской проблемы. Затем в марте 1988 года при содействии Миссии «Добрых услуг» ООН в Женеве были организованы переговоры между представителями Афганистана и Пакистана, который, помимо собственных интересов, представлял и интересы части афганской оппозиции. Однако официально афганская оппозиция в самих переговорах не участвовала, что в дальнейшем, дало ей повод не признавать договорённости, выработанные без её участия.

В апреле 1988 года, в Женеве, были подписаны пять отдельных, но взаимосвязанных соглашений по афганскому вопросу. Первые два важнейших документа были подписаны министрами иностранных дел Афганистана и Пакистана. Смысл этих соглашений сводился в основном к тому, что Пакистан обязался прекратить вмешательство в афганские дела, а афганское правительство дало своё согласие на легальное возвращение из Пакистана в Афганистан всех укрывающихся там оппозиционных полевых командиров со всеми их сторонниками и членами семей. Двумя другими документами, в этом комплексе договорённостей, стали два советско-американских соглашения. В соответствии с подписанными документами Москва согласилась вывести с афганской территории все свои войска, а Вашингтон принял на себя обязательства воздерживаться от вмешательства в дела Афганистана после вывода оттуда советского воинского контингента. Последний, пятый документ, представлял собой четырёхсторонний «Меморандум взаимопонимания», в котором прямо говорилось о том, что все пять подписанных документов представляют собой единый комплекс соглашений и подлежат обязательному исполнению всеми сторонами.

Согласно достигнутым договорённостям, с 15 мая 1988 года Советский Союз должен был начать вывод своих войск

и завершить его в течение девяти месяцев. Организация и выполнение этой очень непростой задачи была возложена на командующего 40-й армии генерал-лейтенанта Б.В. Громова, который в срок и с минимальными потерями выполнил эту боевую задачу, и к 15 февраля 1989 года вывод всех советских войск был полностью завершён, за исключением ряда специальных войск КГБ СССР и ГРУ Генштаба.

После вывода советских войск положение правительства М. Наджибуллы оставалось крайне нестабильным, поскольку афганская оппозиция, почему-то не допущенная к переговорам в Женеве, не признала Женевских договорённостей и стала готовиться к походу на Кабул. Кроме того, Исламабад и Вашингтон вопреки самому смыслу Женевских соглашений резко увеличили помощь афганским моджахедам и стали провоцировать на территории Афганистана новый виток многолетней гражданской войны.

Всё это вспомнилось мне тогда на этом месте, вывода наших войск...

Мы же выполнили в срок поставленную задачу. По прибытию в округ меня ждала новая командировка в район ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Снова командировка!

По прибытию в штаб Сектора № 1. занялся теми же вопросами, что и в первый раз. Меня поражал один вопрос, на который я, в то время, не получил ответа. Почему заражённое облако шло именно так, что из него выброс зараженных частиц был именно на маленькие населённые пункты, с небольшим населением и домами? В них, отдельных, проведя разведку и выполнив весь объём требуемых мероприятий, порой снеся их все, выселив людей, через некоторое время, послав разведку снова обнаруживался прежний уровень, который не позволял там находиться всему живому. Уровень радиации превышал допустимую норму, хотя там, заменялся грунт, на глубину до 1 метра и более. Тогда сложилось у меня мнение, что так, Бог оберегает жителей Белоруссии от этой опасности. Да, можно выселить маленькие населённые пункты, это было не так накладно и вполне выполнимо, чем город Могилёв с численностью более 250 тыс. человек. Тогда это считал я так. Правильно или нет, но у меня тогда было именно такое мнение.

Был удалён полностью «Рыжий лес» и посажены новые деревья.

А сколько люди в лице ликвидаторов, получили доз радиации, при этой дезактивации никого не волновало. Сколько после этой дезактивации ликвидаторы получили болезней? Живы ли они? И помнит ли кто об этом подвиге? Мне кажется, что после развала страны СССР никто не вспоминал! А ведь они работали в 30 километровой зоне и получили от тех последствий свои нынешние болезни.

Отбыв три месяца, вернулся в Бобруйск. Дочь перешла на последний курс института.

По прибытию из района ликвидации ЧАЭС приступил к исполнению своих служебных обязанностей. На календаре был конец октября 1989 года. Но меня ждала новая командировка!

...Ракетная бригада ТР армии сдав старую технику, уже почти полгода переучивалась на новый комплекс и должна была получить его. Изучение комплекса и теоретическое обучение заканчивалось, для его ввода в строй, должно было завершиться проведением учения на новом комплексе на государственном полигоне в Волгоградской и Астраханской областях. Командарм руководителем этого учения вместо себя назначил меня. Обговорив с ним замысел учения, я пригласил к себе начальника Рви А армии, обговорив с ним все вопросы и набросав на бумаге план предстоящих учений потребовал от его штаба, изложить его на карте района проведения учения. Через несколько дней план проведения учения был разработан. Утвердив его, у командарма, с группой офицеров штаба Рви А убыл в район нахождения техники и личного состава бригады ТР. На полигоне, получив допуск на проведение учения, вместе с прибывшими со мной офицерами, стали готовиться с бригадой ТР к их экзамену и ввода её в строй.

Бригада, проведя три пуска ракетами и получив отличную оценку, была введена в строй. Лично убедился, что личный состав готов к практической работе в любой обстановки, а за результат пусков, можно было быть спокойным. Поражала точность пусков по назначенным целям, да нам можно было

гордиться за такую технику и обученность личного состава. Не скрою, я его действительно проверил в сложной учебно-боевой обстановке, порой в невыносимых для человека условиях. Офицеры штаба РВиА армии и представителей штаба Сухопутных войск, были поражены моими знаниями, как грамотно ставилась задача, как ненавязчиво навязывалась последовательно учебно-боевая обстановка. По прибытию в Бобруйск, молва об этом учении разошлась по всем частям армии...

Доложив командарму результаты учений и пусков и что бригада введена в строй РВи А Сухопутных войск получив допуск, о чём было доложено Главкому Сухопутных войск – генералу армии Павловскому...

В скором времени начиналась, осень проверка частей комиссией армии. Части представленные на проверку все отчитались вполне удовлетворительно. Военный Совет армии утвердил результаты проверки.

Так незаметно в этих буднях и подошёл декабрь месяц 1989 года. Он был особенный в нашей стране – СССР. Почему?

Я лично считаю, что прошедшая в этом месяце закрытая встреча, которая и определила судьбу СССР. Это содержание переговоров лидеров двух держав М.С. Горбачева и Дж. Буша на Мальте 2–3 декабря 1989 г. ведь оно до сих пор окутано завесой тайны.

Ведь этому способствовали: как высказывания самих участников данной встречи, так и отсутствие документов, которые были опубликованы только в 2010 г., и то в урезанном виде. Например, А. Н. Яковлев, как всегда без каких-либо аргументов, заявлял, что никакого сговора там не было. А что же тогда было? Как мы увидим в дальнейшем, ведь именно эта встреча была для страны СССР, с большими последствиями!

Председатель КГБ СССР В.А. Крючков в свою очередь в то время с удивлением отмечал:

«Когда по своим каналам, через разведку, контрразведку мы получали материалы о состоявшихся переговорах Горбачева в Рейкьявике, на Мальте и других местах, мы поражались тематике и содержанию этих бесед. Уже тогда откро-

венно говорили о продаже ГДР. О смене политического строя в нашей стране. О коренной перестройке взаимоотношений между западными странами и СССР»

Содержание беседы: 22 сентября 1989 г. американский президент подписал секретный документ «Анализ национальной безопасности – 31», состоящий из 31 страницы. Особо подчеркивалось, что «перестройка в наших (американских) интересах». Новый подход Горбачева «дает нам в руки рычаги воздействия, которыми 8 лет назад мы не обладали». В текст документа был включен список желательных преобразований в Советском Союзе, среди которых был и такой как «отмена монополии коммунистической партии и ликвидация полицейского государства».

Маршал С.Ф.Ахромеев, участник мальтийской встречи писал:

...«было принято решение переговоры провести на нашем теплоходе «Максим Горький», который стоял у стенки пристани... Всего на Мальте состоялись две больших (по 4–5 часов) беседы и две более коротких – один на один»...

Самым существенным на Мальте, – отмечал посол США в СССР Дж. Мэтлок – «...было достижение неформального понимания в том, что касалось Восточной Европы, Германии и прибалтийских государств... Горбачев уверил президента, что сила никогда не будет применена в Восточной Европе, что он осознает необходимость вывода советских войск и что он позволит восточно-европейцам свободно избирать себе политико-экономический строй...»

По утверждению участника мальтийской встречи помощника Горбачева по международным вопросам А.С. Черняева, ... «именно здесь в принципе был решен вопрос об объединении Германии» ... Между тем, как отмечал А.Ф. Добрынин, отправляясь на Мальту, генеральный секретарь имел директиву Политбюро: «объединение Германии станет возможно только тогда, «когда оба блока – НАТО и Варшавский договор – будут распущены или объединены по взаимному согласию».

Вопреки решению Политбюро Михаил Горбачев фактически единолично принимает решение о сдаче Германии, стран Варшавского блока и даже стран Прибалтики.

На мальтийской встрече генеральный секретарь КПСС заверил американского президента в том, что СССР не будет вмешиваться в события, происходящие в странах Центральной и Восточной Европы. Дж. Буш (а по сути дела, весь Запад), получив такие заверения и гарантии, открыто и тайно стали поощрять оппозиционные и антисоветские силы в разрушении социалистических режимов в этих странах. Военное вмешательство, разумеется, исключалось, но СССР обладал другими мерами воздействия: политическими, экономическими, дипломатическими и т.д., но эти рычаги не были приведены в действие.

Холодная война закончилась, по сути, в 1989 году, после этой встречи.

Сепаратистские силы в Литве, Латвии, Эстонии, получив поддержку США после мальтийской встречи, значительно усилили свою деятельность по выходу из состава Советского Союза. В немалой степени именно поэтому Андрей Андреевич Громыко оценил мальтийские переговоры как «советский Мюнхен».

Вот читатель итоги данной встречи:

- объединение Германии и вывод советских войск из Европы;
- переход к радикальным «перестроечным реформам», по итогу развал экономики;
- разрушение социалистического лагеря (Варшавского блока);
- отсоединение стран Прибалтики;

Межнациональные отношения стали ухудшаться, мы сами это видели и понимали. Догадывались, что центр, в лице Генерального секретаря, об этом знает. Задавали себе вопрос – неужели надеется на то, что «республики сами разберутся», но генсек и пальцем не пошевелил, чтобы прекратить кровопролитие.

Национальные конфликты начинали не рабочие и не крестьяне. Разжигали страсти интеллигенция, руководители на то время республик. И ни в коем случае нельзя приписывать содеянное горсткой экстремистов – всему народу той, или иной республики.

Весь беспокойный вспоминается 1989 год. А в новогодние дни 1990 года толпы людей в Азербайджане сокрушали пограничные заграждения вдоль государственной границы. Причина? Противостояние властных республиканских элит и НФА, карабахский кризис. Набрал кульминационную силу и процесс вытеснения армян из республики. И уже 13 января в Баку выехали секретари ЦК КПСС и член президентского совета Е. М. Примаков.

Страсти в Баку накалялись не по дням, а по часам, на многочисленных митингах, которые показывали с экрана телевизора, руководителей республик призывали уйти в отставку. В эти судьбоносные для Азербайджана дни нам казалось, что наш генеральный секретарь не думает, как решить этот вопрос. А надо было решать с Карабахом, счёт казалось уже пошёл на минуты и секунды. Горбачёв же не высказывался с голубого экрана, молчал. Хотя у него была власть, которую он хотел, но власть эта не проявлялась...

Тема геноцида, армяно-турецких отношений накладывалась на всю историю Армении и, естественно, на Турцию, и Азербайджан. При этом воспитывалась ненависть не к тем, «кто виноват», а ко всем азербайджанцам, что вызывало ответную неприязнь.

В это время активно действовала проармянское лобби, и мы увидим, что после того, как Сильву Капутикян приняли в Москве М.Горбачёв и А. Яковлев, она выступит в Ереване по телевидению: «Беседа, она намекнёт на слова Горбачёва, услышанные ей в ходе этой встречи, который предложит вместо слова «Нагорный Карабах» слово «Арцах». Получается, что Горбачёв в своём свойственном стиле подыграл «знаменосцам и борцам за Великую Армению», что придало силы армянским националистам «идти на любые жертвы во имя Арцаха!». М.Горбачёв в свойственном ему как обычно стиле подыгрывал «знаменосца и борцам за Великую Армению, что придавало силы армянским националистам «идти на любые жертвы во имя Арцаха!».

Что же читатель получилось в итоге?

«Великая независимая Армения» и напротив «Великий независимый Азербайджан».

И никто из руководства страны не отважился выступить против этих бредовых идей «чистоты нации». А в итоге к чему это привело? К кровавым разборкам. Этому процессу, на мой взгляд, уважаемый читатель дали «зелёную улицу» М. Горбачёв и А. Яковлев своей перестройкой «без руля и ветрил».

Межнациональные отношения в результате бездействия руководства страны ухудшились, центр об этом знал, но, надеясь, что «республики сами разберутся»; генеральный секретарь же и пальцем не пошевелил, чтобы прекратить кровопролитие.

Уже было отмечено несколько случаев нападения боевиков и на склады пограничников, подразделений ПВО, в то время складывалось мнение, что эта публика (боевики) становилась организованной.

Учитывая всё это, в Баку, было введено чрезвычайное положение, но положение в других местах – в Карабахе, Гяндже – было далеко беспокойное. В Степанакерте дома уже были разрушены, голодные люди ютились в подвалах, город был опустошён, таким образом получается – достигалась «чистота нации».

Удивительно, что под грохот канонады незатухающих межнациональных конфликтов в это время будут рваться к власти бывшие члены Военного совета ЗакВО – в Азербайджане Г.А. Алиев, в Грузии – Э.А. Шеварнадзе.

В это время было очень странно слышать с экрана, что многие коллективы Азербайджана обращались не в центр, который приказал ввести чрезвычайное положение в Баку, а непосредственно к военнослужащим, полагая, что от их поведения зависит судьба народа в Азербайджане, Армении. И как я сам лично, буквально в скором времени столкнусь в Молдавии.

Обращались и националисты из НФА, они ловко использовали Совет воинов-интернационалистов Азербайджана, Академию наук Азербайджанской ССР, их обращение было таким:

«Солдаты, мы обращаемся к Вам от имени азербайджанского народа, народа-труженика, интернационалиста. Народ,

который перенёс все тяготы и лишения, у которого отняли духовные ценности и его историю, проснулся!

Вы можете потопить наше движение в крови, как это было сделано в Венгрии и Чехословакии, но мы уверены, Вы непослушная серая масса сталинского и брежневского периода.

Наша борьба священна, мы не хотим крови беспорядков. Хаос и кровь на руку нашим врагам. Остановитесь! Одумайтесь! Мы единый народ!»

А вот читатель, обращение в то время к русскому солдату: «Русский солдат! Одумайся! Подумай над тем, зачем ты здесь? Каждый твой шаг может вызвать ненависть не только к тебе, но и к твоему народу. Ты обманут, ты защищаешь не жизни армян, которых здесь уже нет, ты призван утопить в крови волю народа к свободе.

Сегодня ты – оккупант! Сделай так, чтобы завтра снова назвали человеком!»

Введённые войска в народ не стреляли, а вот «народные защитники» в колонны войск постреливали. Били солдат, связывали проволокой и полуживых тащили на кладбище, привязывали к крестам русских могил. Всё это, я тоже лично увижу, спустя небольшое время, но это уже другая глава моих вёрст жизни.

Тогдашняя позиция М. Горбачёва, позволившая ему без лишних проблем в 1990 г. повторно объединить обе Германии.

– Но почему они так не любили СССР?

По-моему, дело в том, что, когда начинаешь разбираться, кто выступал против советской власти, то выясняется, что кто-то из их предков был раскулачен, арестован, ущемлен при жизни Сталина. У Яковлева были раскулачены кто-то там, в семье, родственники. У Горбачева – дед был раскулачен. У Эдуарда Шеварднадзе – тоже. И видимо, на этой почве они сходились.

А в заключение, что от действий Горбачёва получил народ страны, в которой он вырос, благодаря КПСС, достиг высокой должности Генерального секретаря? Итог его деятельности на этом посту – распад СССР.

Возникает вопрос – что это глупость или измена? Тебе решать читатель...

В 1990 году разгорается война в Персидском заливе. Одним из самых важных её этапов стала операция «Буря в пустыне», предполагавшая освобождение кувейтских земель от захватившей их армии Ирака США считали, что реализовать задуманное будет достаточно просто, тем более, сам план предполагал поэтапный разгром иракских войск. Чем она закончится, в то время предположить было трудно. Но закончится она полным уничтожением такой страны, как Ирак. Решающим этапом «Бури в пустыне» стало использование авиации. . .

В июне 1990 года, дочь окончит институт, получит первое звание и будет призвана в Вооружённые Силы СССР. Её основные вёрсты службы закончатся уже в новом государстве. Но они-то для неё все будут не простые. . .

А мы с супругой в то время радовались, что она у нас пошла по стопам отца и продолжила начавшую с отца военную династию.

В 1990 году проходила аттестация офицерского состава. Решением высшей аттестационной комиссии, я, был аттестован на должность Командующего армией. Приближался Новогодний праздник – 1991 года. Как окажется он будет последним в единой стране – СССР. Народ ещё об этом не догадывался.

Мы знали, что в любом государстве народ представляет собой главную ценность. Народу принадлежит право выбирать, какой иметь общественный строй.

17 марта 1991 года прошёл референдум в стране. Народ проголосовал за Союз Советских Социалистических Республик. Состоявшийся позже новоогаревский договор, обсуждая его почти весь офицерский состав 5-ой гвардейской танковой армии, пришёл к выводу, что он был антиконституционный. Считали, что Президент оскорбил свой народ, пытается заменить название СССР на СНГ. И не понятно было нам, для чего собирались подписывать договор по формуле «9+1»? Неужели Горбачёв запомнил, что в союзе 15 республик, почему другие республики не приняли в расчёт? Референдум тогда проходил во всех республиках.

Ведь с развалом государства должна была ликвидироваться вся система обороны. Система предупреждения ракетного нападения мы знали, что она строилась исходя из целостности государства. И какой может быть разговор при развале СССР о боевой готовности всех республик? Большинство станций предупреждения о ракетном нападении были размещены вне территории РСФСР, в других республиках. Ведь это был важный вопрос!

Тогда он пытались обманывать народ разговорами о едином командовании. Наши горе-политики, в лице – Горбачёва, Ельцина, заискивая перед американцами, разрушат систему предупреждения ракетного нападения, то, что годами создавал весь народ СССР.

«За нами – подвиг наших отцов и дедов, – кликушествовал Горбачёв, – миллионы людей труда: рабочих, крестьян и интеллигентов, которые 70 лет назад взяли на себя прямую ответственность за судьбу нашей страны».

Так медленно, под заявлениями новоиспечённых политиков, подходил к своему конечному рубежу СССР, от которого не было возврата.

В июне 1991 года я был вызван на беседу к начальнику Главного управления кадров ВС СССР генералу армии Ермакову В.Ф. по вопросу назначения на должность Командующего 6-ой армией в Киевский военный округ.

После беседы в ГУКе (Главное управление кадров Министерства обороны), я был представлен в военный отдел ЦК КПСС, где мне после беседы, было сказано убыть к месту службы и ждать назначения на должность. Ещё не зная, что для этого органа наступили последние дни.

Прибыв в г. Бобруйск и доложив командующему армии, результаты поездки. Продолжал выполнять свои служебные обязанности. Прошло около двух месяцев ожидания. Приказа никакого не было. Но зато произошли события, в результате которых рухнула страна, в которой я начал свои очередные жизненные вёрсты. Об этих событиях будет много написано правды и вымыслов в те дни. Я же постараюсь восстановить в памяти, те последние дни, что ещё помниться.

...Утром 19 августа 1991 года пришла Директива, подписанная Министром обороны и начальником Генерального штаба, в ней говорилось: «В связи с обострившейся внутриполитической обстановкой в стране приказываю:

Объединения, соединения, части и учреждения всех видов Вооружённых Сил СССР на территории СССР привести в повышенную боевую готовность. Руководящий состав округов, флотов, армий, флотилий, корпусов, эскадр, соединений и учреждений из отпусков отозвать. Усилить охрану позиций РВСН, арсеналов, баз и складов хранения ядерных и обычных боеприпасов, вооружения и боевой техники, парков, аэродромов, позиций военных городков, штабов и важных военных и административных объектов.

Ограничить командировки, выезды автотранспорта и полёты авиации. Особое внимание обратить на соблюдение уставного порядка и воинской дисциплины. Организовать действенный контроль за личным составом, не допустить дезертирства военнослужащих. Принять все необходимые меры по розыску военнослужащих, самовольно оставивших части и учреждения.

Руководящему составу объединений, соединений, частей и учреждений, военно-политическим органам постоянно вести разъяснительную работу среди военнослужащих, служащих Советской Армии и ВМФ и местного населения о необходимости консолидации всех здоровых сил общества по сохранению Союза.

Принять все меры по уборке урожая, заготовке всех видов материально-технических средств и всесторонней подготовке к зиме.

В штабах соединений и выше установить круглосуточное дежурство руководящего состава. Постоянно отслеживать обстановку в районах ответственности и принимать безотлагательные меры по наведению должного порядка. Организовать взаимодействие со здоровыми силами местных органов власти, органов КГБ СССР и МВД СССР.

Обо всех случаях изменения общественного порядка и противоправных действий немедленно докладывать по командной линии штабов и линии оперативных дежурных».

Члены Военного Совета армии, получив эту Директиву, пришли к выводу – что-то не хорошее начинается в нашей стране.

Мы разъехались по военным гарнизонам соединений армии. В них все офицеры были в большом напряжении о неясности обстановки. Нам задавали вопросы, куда идём? Что ждать впереди? Лично я сказал в гарнизоне Марина Горка офицерам: «Что скоро будет много крови! Возможно, нас попытаются поделить!» Именно неясность обстановки самое страшное для военного человека. Но не каких указаний со штаба округа не поступало. С экрана телевизоров почти на всех каналах шла трансляция «Лебединого озера». В самой республике обстановка была очень стабильна и спокойна. Так прошли сутки.

Личный состав соединений и частей армии занимался выполнением плана боевой подготовки.

Нас несколько разочаровал один вопрос в эти дни, а именно – почему начался ввод танков и их продолжали вводиться в ночь с 20 на 21 августа в Москву, ввели там комендантский час, назначили коменданта города?

В скором времени, мы получим ответ на этот вопрос.

– Чрезвычайное положение вводилось в то время, согласно Заявлению Советского правительства, а затем подтверждено указом Ио президента Г.И. Янаева, где говорилось:

«В связи с обострением обстановки в г. Москве – столице СССР, вызванной невыполнением постановления ГКЧП № 1 от 19 августа 1991 года, попытками организовать митинги, уличные шествия и манифестации, фактами подстрекательства к беспорядку, в интересах защиты и безопасности граждан в соответствии со статьёй 127 части 3 Конституции СССР постановляю:

1. Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в городе Москве.

2. Комендантом города Москвы назначить командующего войсками МВО генерал-полковника Н.В. Калинина, который наделяется правами издавать обязательные для исполнения приказы, регламентирующие вопросы поддержания режима чрезвычайного положения».

Кроме того, в заявлении ГКЧП говорилось о необходимости с 4.00 часов взять под охрану важнейшие государственные учреждения и объекты. Что же касается комендантского часа, то он был объявлен, но не будет введён.

Закон о чрезвычайном положении принимал Верховный Совет СССР...

В эти дни были в офицерской среде 5-ой армии и такие слова – неужели будет забыта кровь наших отцов, старших братьев и сестёр на фронтах Великой Отечественной, чтобы в Москве началась гражданская война ради таких деятелей, как: яковлевы, бурбулисы, в последствии, чубайсы, кохи?

Именно с этим вопросом столкнусь я сам лично, буквально через несколько месяцев, но только будут другие лица. Но об этом в следующем очерке уважаемый читатель. А пока о том, что происходило на территории Белорусской ССР в эти дни.

Уже 21 августа 1991 года к нам пришло решение Коллегии Министерства обороны СССР в ней говорилось: «Коллегия Министерства обороны СССР 21.8.91 г. в 8.00 рассмотрела ситуацию, сложившуюся в результате осуществления мер чрезвычайного положения, введённого в отдельных местностях СССР 19 августа с.г. решением Государственного комитета по чрезвычайному положению СССР.

Для реализации мер, предусмотренных Конституцией СССР и Законом СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», привлечены отдельные подразделения и части Советской Армии. Перед ними поставлены задачи по обеспечению стабильности обстановки, предотвращению возможных провокаций экстремистских сил, охране важнейших государственных учреждений, коммуникаций. Воины этих подразделений и частей с достоинством и честью выполняют свой конституционный долг, добросовестно решают поставленные перед ними задачи. Они, как весь личный состав армии и флота, отчётливо осознают, что их участие в реализации мер чрезвычайного положения направлено на претворение в жизнь воли советских людей, выраженной в итогах всенародного референдума, на сохранение и упрочение единой для всех народов страны многонациональной Ро-

дины – Союза СССР. Время, прошедшее с момента введения чрезвычайного положения, показало, что личный состав в основном выполнил задачи, поставленные перед ним руководством страны.

Коллегия Министерства обороны СССР заявляет, что Советские Вооружённые Силы были, есть и будут частью народа, верным защитником его коренных жизненных интересов. Они твёрдо поддерживают политику перестройки, обновления советского общества, сохранения и упрочения международного мира и всеобщей безопасности и всегда готовы обеспечить достаточную и надёжную оборону нашей страны.

Оно было подписано – Моисеев, Кочетов.

21.8. 91 г.»

Мы поняли, что члены Коллегии были едины в том, что личный состав и технику из г.Москвы выводить необходимо. Правда, по всей видимости, ещё никто из членов Военной коллегии не думал, что рухнет единый Союз и нам угрожает сепаратизм. На обломках великой страны появятся 15 государств без единой армии, с обездоленными и обнищавшими народами.

22 августа нам уже было известно, что Горбачёв по телефону разговаривал с начальником Генерального штаба генералом армии М.А. Моисеевым и приказал ему возглавить министерство обороны СССР. Но по всей видимости нашлись более «преданные», они-то подставили Моисеева и других советских генералов, лелея надежду занять сей ключевой пост.

Первым отрапортовал о своей преданности демократам генерал-полковник Шапошников. Он поспешил заявить, что сегодня 23 августа, на заседании Военного совета ВВС будет обсуждаться вопрос о его, Шапошникова, выходе из рядов КПСС. Как потом вспоминал Шапошников, ему позвонил Моисеев и предупредил:

– Евгений Иванович, я в приёмной Горбачёва. Он просит вас прибыть к нему.

– По какому вопросу?

– Не знаю, – ответил Моисеев и спросил. – А это правда?

– Что, правда?

– А то, что ты из партии вышел?

– Правда!

– Ну ладно, подъезжай...

Уважаемый читатель, кто же вырастил генерала? Кому он обязан своей блистательной карьерой? Если бы Шапошникова спросили об этом в начале 1991 года, Евгений Иванович без колебаний бы ответил: «Партии!» И уточнил бы: «Родной партии!» Одним словом, Шапошников повторил уже не смертельный трюк театра Марка Захарова.

Но это было только «славное начало». Позже Шапошников сдаст козырную карту, о которой мечтали в германском рейхе. В минуты величайших стратегических размышлений, озарений в борениях с коммунистами, бывшими своими товарищами, Шапошников выдаст перл – дескать, ради торжества демократии не грех было бы, сбросить и бомбы на Кремль. Вот такие у нас встречались в то время генерал-полковники, начальники родов войск и видов Вооружённых Сил СССР.

Буквально через три года в интервью программе «Новый взгляд» Шапошников подробно опишет и свой визит в Кремль. «Я не угадал причину вызова к Президенту СССР. Оказывается, в Кремль меня пригласили, чтобы назначить Министром обороны Советского Союза. Произошло это в присутствии всей новоогаревской команды – Горбачёва, Ельцина, Назарбаева, Кравчука и других. Когда Михаил Сергеевич объявил о своём решении, я немного посопrotивлялся. Очень уж неожиданно всё случилось, да и авиацию бросать не хотелось. Горбачёв, правда, тут же возразил: «У тебя и ВВС останутся, и все другие войска добавятся. Мы сейчас у товарищей спросим, есть ли возражения против твоего назначения?»

Борис Николаевич Ельцин, которого я впервые в жизни так близко видел, сказал: «Какие возражения могут быть? Мы же всё решили!»

Бесценную мысль Ельцина подхватил Михаил Сергеевич, он распорядился: «Принесите указ».

Пока руководитель аппарата Президента Г. Ревенко, – продолжает Шапошников, – ходил за документом, я решил,

что нужно до конца прояснить ситуацию. «Михаил Сергеевич, вы не всё обо мне знаете. Я только что вышел из КПСС. Немая сцена. Все молчат, переглядываются и смотрят на Президента СССР, ожидая его реакции. Спустя мгновение Горбачёв ответил: «Вышли – значит вышли. Это не самая большая беда», – и подписал указ. После этого пригласил Моисеева. При этом Михаил Сергеевич предупредил Михаила Алексеевича, чтобы тот не делал никаких глупостей, очевидно, имея в виду самоубийство.

Моисеев же, не разобравшись, ляпнул: «Заверяю вас, товарищ Генеральный секретарь, что таких глупостей, как Шапошников, делать не буду и из партии никогда не выйду».

Начальником Генерального штаба будет назначен генерал армии В.Н. Лобов, первым заместителем министра обороны уже ставшим – генерал – полковником П.С. Грачёв.

Скоро узнаем, что Горбачёв даровал квартиру Министра Обороны СССР – Маршала Советского Союза Дмитрия Тимофеевича Язова, на улице Косыгина – Шапошникову со словами: «Язовскую жену куда-нибудь переселим, ты моим соседом будешь», молвил Михаил Сергеевич.

Мы прекрасно понимали, что этот несправедливый суд творил Горбачёв. Он юрист и должен был хорошо знать, что, пока обвиняемый находится под следствием, жильё за ним сохраняется в течении всего времени, как за временно отсутствующим гражданином.

Когда нам это стало известно, то мы члены Военного совета армии конечно стали догадываться в то время, что в эти дни на самой вершине власти царит что-то невообразимое. Самозванные «кадровики» подбирали команду. Бывшие денщики советских вождей сбрасывали с вершины власти менее расторопных, более совестливых. Почувствовали себя под сенью какого-нибудь вождя-демократа, они называли Россию не иначе, как «империей зла». В те памятные дни 1991 года вспоминается, что многие карабкались на танк у стен Белого дома и слезали с брони уже при орденах, чиновниками самой высочайшей пробы. В дальнейшем они, без зазрения совести изгнали с дач вдов полководцев, видных военачальников, конструкторов-оружейников, захватив их

собственность под самыми разными предложениями. К сожалению, великий передел нравственности царит и поныне. Но ведь ещё Лукреций предупреждал: «На страшное злодейство нас обрекает безнравственность!»

Также, в те памятные дни, вспоминается утро, когда в новостях по ТВ, объявили о том, что застрелился Министр МВД СССР Борис Карлович Пуго. Несколько позже объявят – что ушёл из жизни и Маршал Советского Союза Сергей Фёдорович Ахромеев. Для нас это было всё загадочно, задавали себе вопросы – почему? И не получая на них ответы.

Вспоминается также, что среди столпов демократии в те дни, всё чаще стали встречаться типажи, которые заставляли задуматься: да неужто категория нравственности канула в прошлое? Вспомните хотя бы глашатая столичной демократии Николая Сванидзе, который на российском ТВ поучал нас, как следует понимать права человека. «В СССР я был дворником, – сообщил о себе бесценные сведения служака демократии, – но, когда в августе 1991 года Россия вернулась в лоно цивилизации, мои друзья воспрянули духом!»

И очень бы хотелось спросить сейчас бывшего дворника: «Да неужели кремлёвские вожди мешали М. Ромму снимать фильм «Девять дней одного года», Г. Товстоногову работать над «Холстомером», С. Бондарчуку создавать мировые шедевры, Е. Евтушенко А. Вознесенскому сочинять хрестоматийные глянца: «Казанский университет», «Лонжюмо», и разве Г. Вишневская, проработавшая буфетчицей, свой певческий дар угробила в офицерской гарнизонной столовой?»

Вернёмся же читатель к Николаю Сванидзе. Стоило ему заполучить свой идеологический «надел» на русском ТВ, как ярый борец с цензурой и притеснениями без зазрения совести закрыл неудобные ему телевизионные передачи. Более тридцати программ «прихлопнул» певец демократических свобод! Да, как мы помним, М. Суслов и за всю свою жизнь столько не закрыл. Но если Суслов расправлялся с чужаками, то Сванидзе беспощадно бил по своим. Если мне не верите, то спросите Светлану Сорокину, со всем своим демо-

кратическим «скарбом» от глашатая свободы она перешла на другой телевизионный канал.

И так мы увидели итог, что наш давний знакомый с ТВ Сванидзе, железной метлой идеологии начал выметает всех инакомыслящих и прежде всего – русских...

Вспоминается А. Бовин, придворный льстец. Как он удивился, что на пресс-конференции среди членов ГКЧП сидел крестьянин Василий Стародубцев. Литературный обработчик статей и выступлений генсеков чуть ли плакал от досады. Судьбу отныне вершили простые русские мужики. Это Бовин обкормил весь народ бездарным лозунгом: «Экономика должна быть экономной». В свое время, за свою пылкую любовь к Генеральному секретарю, он потребовал немного немало – место посла в Люксембурге. Брежнев тогда оторопел от подобного проявления чувств преданности к марксовской идее. И сказал: «Такой большой Бовин – и на маленький Люксембург?» – и тогда Брежнев умело отказал льстецу.

Мы видели, что успешно набирает политический вес и бывший преподаватель, окроплявший марксизмом уральское студенчество, Геннадий Бурбулис, оказавшим в дальнейшем одним из редакторов позорного Беловежского документа.

В те времена заливалось радостным щенячьим визгом и «Радио России: «Наступил поворот во внешней политике. Наконец-то закончилась «холодная война». Полководцами мира отныне называли Горбачёва, Яковлева и Шеварднадзе. Промелькнёт и фамилия генерал-майора Лебедь, которому мы члены Военного Совета 5-ой гвардейской танковой армии не придадим внимание, а зря!

Мне в те дни запомнился траурный митинг, когда хоронили Кричевского и его компанию. Конечно, было жалко ребят, они были пешками в политической игре сильных мира сего. Чаще всех на митинге слышался голос Елены Боннэр. Также на этом митинге, посвящённом первым жертвам демократии, который транслировали по ТВ, выступление Горбачёва о событиях 19-21 августа в это время невольно думал: «Ну вот, ещё один зарождается миф. Когда же мы освободим Историю от завалов лжи?» Была догадка, что идёт соревнование, кто больше грязи выльет на «путчи-

стов». Все ораторы того митинга спешили пролезть в самые высшие эшелоны власти.

...Вспоминается 7 декабря 1991 года. Я находился в военном гарнизоне – Марьино Горка, где располагалось одно из танковых соединений нашей танковой армии. В гарнизон прибывал последний эшелон выводимой мотострелковой дивизии из Чехословакии. Командир был генерал-майор Неверов – наш дальневосточник, отправленный в Афганистан с должности командира полка и получивший там – звание Героя Советского Союза, командуя полком. В этом гарнизоне и дислоцировалась отдельная бригада спецназа ГРУ. Которая утром по тревоге была поднята и её отряды покидали гарнизон. Поинтересовался у комбрига – куда уходят? Получил ответ – встречать и сопровождать Б.Н. Ельцина. Через трое суток бригада вернулась, и комбриг мне рассказал: «Что Б.Н. Ельцин прибыл в Минск с целой свитой, официально с целью заключить – Договор «О дружбе и сотрудничестве между РСФСР и БССР». После подписания 7 декабря договора российская делегация во главе с Ельциным должна была вернуться в Москву. Но по какой-то причине она не вернулась, и бригада вынуждена была остаться до её уезда. Всё, что было дальше, было похоже на сговор должностных лиц республик. Делегация в столицу не вернулась, поскольку после официальной церемонии состоялся неофициальный банкет, на котором Б.Н. Ельцин и его свита, как говорят русские, хорошо «расслабилась». Комбриг, продолжая разговор, сказал, что их насторожило, что с Б. Ельциным прилетел государственный секретарь Бурбулис, вице-премьер Е.Т. Гайдар, министр иностранных дел А.В. Козырев и советник президента по правовым вопросам С. М. Шахрай. Ещё более странным было то, что из Киева в Минск с такой же делегацией прилетел только что избранный президент Украины Л.М. Кравчук.

После прилёта этой украинской делегации в столицу БССР Ельцин, Кравчук и их делегации, радушный хозяин – председатель Верховного Совета БССР С.С. Шушкевич решили провести совместную встречу не в Минске, а под Брестом в Беловежской пуще, в посёлке Вискули. Прибыв в посёлок,

вся троица, тут же села пообедать и там так надрались, что уже не могло быть и речи о каких-то переговорах. Но зато на пьяную голову они сформировали концепцию трёхстороннего соглашения и поручили своим «экспертам» и «аналитикам» из своих делегаций «поработать» над этими идеями и утром представить готовый документ. Мы доложили об этом в Москву. Последовало распоряжение – продолжать всё записывать на диктофон их весь разговор. Уже поздним вечером ведя запись их разговоров, мы услышали – хорошо поддатые Бурбулис, Гайдар, Козырев и Шахрай вместе с белорусскими «товарищами» – вице-премьером М.В. Мясниковичем и министром иностранных дел П.К. Кравченко пошли париться в баньку и попутно «работать» над «эпохальным» договором о сотрудничестве трёх славянских республик.

Утром 8 декабря текст «Банного соглашения», состоящий из Преамбулы и 14 статей, был представлен на обсуждение уже опохмелившимся главам государств – Ельцину, Кравчуку, Шушкевичу, которые, обсуждая эту представленную писанину, сдабривали каждую согласованную статью громкими выкриками восторга и рюмочкой «хорошего коньяка». Практически бригада об этих действиях докладывала в Москву каждые три минуты. Команд, на наши сообщения, нам никаких не поступало, говорил мне комбриг. В результате этого к 14 часам дня, когда договор был полностью согласован и подписан, лидеры братских республик едва стояли на ногах. Даже после и этого доклада, продолжал комбриг, нам так и никаких команд не последовало, а ведь мы были готовы их всех «повязать» и привести в Москву, говорил с горечью комбриг». Так на глазах бригады готовился развал великой державы – СССР, этими в то время главами республик и их подпитыми членами делегаций. Да это было начало!

Как видите «Банное соглашение» носило чисто антиконституционный переворот. Подписав его, эти лица, тут же позвонили Министру обороны, ещё в то время – СССР маршалу авиации Е.И. Шапошникову, сказав ему о подписании соглашения. И тогда же, ему, сообщил Б.Н. Ельцин, что главы государств трёх республик договорились о создании Объ-

единённых вооружённых сил Содружества Независимых Государств и о его назначении их главнокомандующим. Лично моё мнение, что Е.И. Шапошников уже знал об этом. Ведь комбриг докладывал обо всех действиях и разговорах этой «пьяной компании». Затем последовал звонок американскому президенту Дж. Бушу и лишь потом состоялся «тяжёлый разговор» с М.С. Горбачёвым. Причём сразу после разговора с ним, опасаясь своего возможного ареста, все они прекрасно понимали, что они подельники по преступному деянию, которое всеми республиками Уголовными кодексами квалифицировались как измена Родины, они срочно покинули Вискули. Но, как мы с вами знаем, их не арестуют и не посадят, как членов ГКЧП. Они в скором времени начнут наживать, на том, чего достигла страна – СССР за свои годы сосуществования. Но об этом в других очерках и рассказах. А пока, что было дальше...

Впоследствии, я, много интересовался этими событиями. Сам я, как писал выше, во время этих событий не был в г. Москва. Все эти события мы видели лишь по телевизору и анализировали их на основании полученных данных с экрана и приходящих распоряжений и директив вышестоящих инстанций. Очень многое нам было не понятно. Получить правдивых ответов, на поставленные нам вопросы, было не у кого.

В скором времени страны СССР не стало. Многие офицеры 5-ой гвардейской танковой армии задавали себе в то время вопросы – что дальше? Как будем жить? Задавал себе подобные вопросы и я. Я же, сам лично получу ответы на многие вопросы по августу 1991 года через много лет спустя у непосредственного участника тех событий Командующего края Величественного и Сурового – КДВО, которые я с его разрешения запишу на диктофон, лично меня он очень хорошо знал. Который, не раз будет встречаться со мной, проводя итоговую контрольную проверку за периоды обучения текущего года, когда буду командовать 2 гвардейским танковым полком и командовать учебной танковой дивизией. Как вспоминал Дмитрий Тимофеевич Язов спустя несколько лет, и рассказывая мне в палате госпиталя Мандрыки – находя-

щимся в г. Москва расположенном в районе Сокольников: «что главным свидетелем тех событий проходил Горбачёв, его считали тогда «потерпевшим» и надеялись, что он справиться с этой ролью. Играть, как мы уже с вами знаем, ему пришлось много за свою жизнь. На первый вопрос следователя Леонида Георгиевича Прошкина, какова была обстановка в стране в начале августа, Горбачёв ответил: «Ситуацию, которая складывалась в стране к моменту моего ухода в отпуск, я могу охарактеризовать как беспокойную, тревожную. Она проявилась накануне, на сессии Верховного Совета, когда вокруг развернулась дискуссия о полномочиях кабинета министров... Причём, возвращаясь к прошлым событиям с позиции сегодняшнего дня, видишь там половину действующих лиц: Янаев от имени президента участвовал, Павлов излагал какие-то требования, Крючков, Язов, Пуго докладывали о ситуации. Но сейчас мы связываем это вроде бы как логическое развитие событий, как какие-то звенья всего этого процесса.

...Словом, противоборство сил нарастало. Чем дальше мы продвигались по пути перестройки, тем сильнее задевали реформы все секторы жизни – партию, армию, госбезопасность и МВД, не говоря уже про экономику. Горбачёв видел свою задачу в том, чтобы удержать процесс, как он говорил, в рамках конституционных, демократических, несмотря на противостояние. На Пленуме партии, в апреле, уже явно была видна заготовленная массированная атака на президента, когда 32 секретаря из 72 российских подписали заявления с известными требованиями об его отставке. Консервативные силы консолидировались. Горбачёв прямо об этом сказал, чтобы предупредить эти атаки, чтобы двигать партию к реформированию с учётом всех процессов, которые уже проходили в стране. Было видно, что противоборство сохранилось. На все атаки в последние месяцы у него появилось больше уверенности, в том, сто мы через трудную фазу будем проходить уверенно, успешно, заявлял он.

Что же касается выступлений В.С. Павлова, В.А. Крючкова, Б.К. Пуго, и многих 17 июня 1991 года на заседании Верховного Совета СССР, то следует отметить: все их выступления санкционировал лично Горбачёв. Не было так крамо-

лы. Один Гавриил Попов усмотрел в наших выступлениях заговор, побежал «стучать» послу США Д. Мэтлоку, дескать, в Кремле зреет переворот. О каких моральных устоях Попова можно говорить, если на подиуме горбачёвских реформ он демонстрировал политический гардероб Буша.

О чём же говорил В.С. Павлов на заседании Верховного совета СССР? Он доложил о проделанной работе правительства, об экономическом положении и о мерах, которые следует предпринять, если парламент даст кабинету министров СССР соответствующие полномочия.

Валентин Сергеевич Павлов потребовал:

1) Представить кабинету министров СССР право законодательной инициативы;

2) Наделить кабинет министров СССР правом принимать решения нормативного характера по реализации принятых программ экономической стабилизации и экономической реформы до принятия по этим конкретным вопросам Верховным Советом СССР соответствующих законов с докладом о таких решениях Президенту и Верховному Совету СССР не позднее чем в 10-дневный срок с момента их принятия;

3) Восстановить единство банковской системы;

4) Разрешить правительству создать централизованную, независимую, единую налоговую службу по всей стране;

5) Представить Правительству СССР право на базе централизации и укрепления соответствующих служб и подразделений КГБ СССР, МВД СССР, Прокуратуры СССР, Минобороны СССР и некоторых других органов создать единую общесоюзную службу борьбы с организованной преступностью.

О чём же докладывал Министр Обороны СССР депутатам Верховного Совета СССР?

1) Сокращение ракет средней и меньшей дальности закончено. Рассматриваются вопросы по сокращению стратегических наступательных вооружений на 50 % и предстоит уничтожить около 6 тысяч ядерных боеприпасов и около 800 ракет-носителей. При этом потребуется для утилизации около 5 млрд. рублей.

2) Из Венгрии вывод войск закончен. Из Чехословакии осталось отправить 5 эшелонов. Из Германии в этом году предстоит вывести ещё четыре дивизии.

Далее он подробно остановился на проблеме размещения личного состава выводимых из групп войск частей.

Немецкая сторона выделила 7,8 млрд. марок на строительство военных городков. Мы провели торги с иностранными фирмами на строительство жилья. Выиграла финская фирма, она строит дешевле немцев.

3) Много идёт разговоров и о вывозе с территории Германии ядерных боеприпасов. Но ядерные боеприпасы имеются и у американцев, англичан, французов.

4) После решения президента сократить на 500 тысяч личный состав армии мы уволили 100 тысяч офицеров. Из них 50 тысяч с правом на пенсию, 35 тысяч по собственному желанию – по рапортам. Но это не означает, что в армии нет излишка должностей, наоборот, у нас недокомплект офицерского состава 8% – в основном младших командиров. Необходимо найти должности тем, кому осталось дослужить 2-3 месяца до ухода на пенсию.

5) Сложная ситуация сложилась с призывом граждан на действительную военную службу. В настоящее время образовался некомплект личного состава – более 350 тысяч человек. Союзные республики приняли законы, в соответствии с которыми практически призвать на службу невозможно. В ряде республик план призыва выполнен всего-навсего на 6%, например, в Прибалтике, Армении, Грузии.

Если и дальше подобными темпами будем вести призыв, то к концу этого года укомплектованность Вооружённых Сил составит всего 70%. В пограничных войсках некомплект уже достиг 20%.

Далее, несколько подумав, Маршал Советского Союза Д.Т. Язов продолжая свои воспоминания прошедших событий, мне рассказывал:

О каких же дополнительных полномочиях говорил председатель КГБ В.А. Крючков, выступая на этой сессии:

«В период, когда исполнительные органы власти должны действовать особенно энергично, не допуская возникнове-

ния всеобщего хаоса и анархии, их работу пытаются блокировать, мешают поддерживать конституционный порядок и стабильность в стране. Проявление терпимости, гибкости, стремление решать возникающие проблемы политическими средствами понятны и оправданны. Однако есть пределы, за которыми просто необходимо и власть употреблять. Нужны настойчивость и решительность в главном – в защите Конституции СССР, кстати, никем не отменённой, в выполнении воли народа, ясно выраженной на Всесоюзном референдуме о сохранении Союза ССР, в обеспечении прав и законных интересов граждан.

Во всём мире идут процессы интеграции, потому что это – веление времени, другого выхода нет. У нас же идёт активный процесс дезинтеграции. Конечно, причина нынешнего бедственного положения имеет, прежде всего, внутренний характер. Но нельзя не сказать и о том, что в этом направлении активно действуют определённые внешние силы. Хотел бы в этой связи сделать небольшое отступление и привлечь ваше внимание к документу, направленному в 1977 году высшему руководству нашей страны внешней разведкой Комитета государственной безопасности. Сейчас можно осветить этот документ, потому что источник уже не относится к «особой важности». Датирован он 24 января 1977 года, адресован ЦК КПСС, называется «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан»

Далее В.А. Крючков познакомил с документом, подписанным Ю.В. Андроповым, в котором говорилось: «...Американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, продвигать их в сферу управления политикой, экономикой и наукой. ЦРУ разработало программу индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающие приобретение навыков шпионской деятельности. Кроме того, одним из важнейших аспектов подготовки такой агентуры является преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести по-

иск лиц способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа в народном хозяйстве и искривление руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра. По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определённых трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе».

В.А. Крючков продолжал:

В одном из американских документов под названием «Требование к разведке в 90-е годы» говорится: «В предстоящем десятилетии тайные операции американских разведывательных органов против СССР будут важным инструментом внешнеполитической деятельности правящих кругов Соединённых Штатов Америки».

Доклад премьера, как и выступления министров, остались без последствий. Уже тогда, в июне, Горбачёв, Ельцин, Попов и другие деятели «Демократической России» действовали сообща, продолжал Маршал Советского Союза.

На второй день, узнав о так называемом «заговоре», Горбачёв на Верховном Совете произнёс пламенную речь, правда, поставленные нами вопросы повисли в воздухе. И это было понятно: политическая столица СССР г. Москва, переместилась в Вашингтон.

Горбачёв о прилёте группы товарищей так сказал Черняеву: «Явилась вот эта публика – сволочи! Особенно этот мой Болдин. От него я никак не ожидал».

Безусловно, Горбачёв в этом вопросе был прав. В Форос приехали не члены Нобелевского комитета. И справедливости ради отмечу: среди «публики» был и генерал В. И. Варенников.

Валентин Иванович Варенников так воссоздавал картину встречи с Горбачёвым в Форосе: «... Беседа с нашей стороны проходила корректно. Михаил Сергеевич же допускал непарламентские выражения. Для меня это было странным.

Но затем я всё это отнёс на счёт того, что беседующие люди были близки друг к другу, хорошо усвоили традиции и поэтому общались так, как это было заведено.

...Мною первоначально было принято решение – отсидеться и отмолчаться, тем более никто никаких конкретных задач по этой встрече не ставил. Но беседа сложилась так, что я вынужден был подать реплику, а затем предоставить президенту широкую информацию о высказываниях офицерского состава. Офицеры, в частности, спрашивали, почему проект Союзного договора не отражает результаты референдума, а также требования Съезда народных депутатов СССР о сохранении Союза? Почему сепаратистским, экстремистским силам позволено действовать так, как они считают нужным? Почему военнослужащие во всём ущемлены? Почему у нас не выполняется Конституция СССР, хотя президент на ней присягал перед всем советским народом?

На мои поставленные вопросы Горбачёву ничего не оставалось, как сказать: «Я всё это уже слышал...» – вот то, что мне рассказал Маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов в госпитальной палате – госпиталя Мандрыки.

Я сам лично считаю, что, безусловно, уважаемый читатель, генерал армии В. И. Варенников мог задавать Горбачёву такие вопросы. Он имел на это право! Ведь он не струсил, когда рванул реактор, а помчался в Чернобыль получать свою дозу радиации, как и многие другие офицеры, не отсиживался, как Горбачёв, в Кремле. Поэтому, чтобы отучить «лучшего немца года» хамить русским генералам, он и задал Горбачёву эти вопросы. Я приведу, уважаемый читатель, отрывок из книги «Крушение пьедестала» В. И. Болдина: «Горбачёв свалил все чернобыльские заботы со своих плеч долой. Он обязан был побывать в трудные дни на месте аварии. Но факт остаётся фактом: не спешил Горбачёв в Чернобыль, как не возникло у него желание посетить и другие горячие точки страны, где ждали помощи от лидера государства. Не пожелал он приехать в Тбилиси, Карабах, Сумгаит, на места межэтнических волнений в Узбекистане и Казахстане». Мне кажется, слова Болдина говорят о том, каким был этот Горбачёв?!

И так уважаемый читатель, то, что империализм не смог сделать во время прямой агрессии против СССР и «холодной войны», он сделал с помощью агента М.Горбачёв и кучки ему же подобных прихвостней, стоящих в то время у руля государства и партии. Но даже Запад, кажется, не ожидал такого успеха. Более 70 % населения оказались за чертой бедности. Люди уходили из жизни, будучи доведёнными до полного отчаяния социальными условиями, бытом. В 1991 году в России будет совершено 39 тысяч самоубийств, из них 8 тысяч женщинами.

Да, уважаемый читатель! Демократия победила, но среди победителей не оказалось, как странно Горбачёва. Почему? Предлагаю сделать вывод тебе самому читатель!

Могли ли мы знать, тогда, в январе 1991 года, что наступили последние месяцы нашего служения стране, которую мы считали своей Родиной? Мы, те, которые были готовы за неё отдать, если потребуется, свои жизни...

Август девяносто первого года катком проедет по нам и миллионам граждан СССР, заставит всех задуматься, что же произошло в эти дни ГКЧП: великое благо или великое преступление?

Всю свою жизнь мы боролись за идеалы, которые к началу девяностых оказались высмеянными, оплётанными, растоптанными, оболганными, но, почему???

Как догадывается читатель, на эти вопросы мы ещё не скоро получим ответы. Путь к правде истории задымлен заветами секретности и лжи...

М.С. Горбачёв никак не отреагировал на сговор в Беловежской пуще. Он даже формально не подписал ни одного документа, наверное, зная, что никакой его указ уже никто исполнять не будет. Горбачёв потерял власть, и мы это видели. А это означало, что страну СССР мы теряем. И это мы вскоре увидим.

24 декабря 1991 года, как мы узнаем, три главных могильщика великой страны – М.С. Горбачёв А.Н. Яковлев и Б.Н. Ельцин – встретились за «рюмкой чая» в Кремле, где речь пошла: об «отступных» уходящему президенту разрушенной ими страны – великой державы СССР. М. Горбачёву же

ничего не оставалось, как начать клянчить для себя у Б. Ельцина льготы.

Естественно, список претензий М.С. Горбачёва, изложен будет на нескольких листах бумаги. Он практически весь состоял из материальных требований: пенсии в размере президентского оклада, президентской квартиры, дачи, машины для себя и жены, государственной охраны, но главное там будет – создание собственного фонда. Под этот фонд он запросил целый комплекс зданий бывшей Высшей партийной школы при ЦК КПСС, состоящий из десятка помпезных сооружений, где были конференц-залы, гостиницы, рестораны и др. сооружения.

А уже 25 декабря 1991 года М.С. Горбачёв выступил последний раз, пока ещё по советскому телевидению, с заявлением о прекращении своей деятельности на посту Президента СССР. И сразу после этого, с Первого корпуса Кремля, где находился рабочий кабинет президента страны, был спущен с флагштока Государственный флаг великой страны и державы Союза Советских Социалистических Республик и поднят флаг Российской Федерации.

...Вспоминается ещё один день того времени, это 10 декабря 1991 года, в этот день в Москве собрали военных, чтобы, наверное, нарисовать нам радужные перспективы. Впервые после 1985 года на это совещание прибыл М. Горбачёв. Он хотел Вашингтону показать, что сохраняет за собой пост Верховного Главнокомандующего. В своём выступлении М. Горбачёв обрисовал сложившуюся ситуацию в стране, говорил о необходимости проведения коренных преобразований, в том числе и в Вооружённых Силах. Он отметил в своём выступлении, что реализация реформ идёт неровно, кое-кто, спекулируя на переживаемых трудностях, пытается навязать нам сепаратизм.

Президент напомнил генералам и офицерам, что новоогаревский процесс даёт хороший шанс для выхода из кризиса. Разглагольствовал Горбачёв на этом совещании около пятидесяти минут, а послушать, что думают по поводу антиконституционных Беловежских соглашений командующие войсками округов, флотов, генералы и офицеры Генерального

штаба, так же прибывших из войск – у М. Горбачёва не нашлось времени.

На этом совещании выступил и президент России Б.Н. Ельцин, он разъяснил генералам и офицерам причины трёхстороннего соглашения, о необходимости именно таким образом приступить к созданию Содружества Независимых Государств. Б. Ельцин в своём выступлении утверждал, что трёхстороннее соглашение позволит сохранить экономические, политические, культурные и другие связи, которые сложились между нашими народами. Мол, живительная формула Содружества позволит заключить договор об оборонном союзе, о коллективной безопасности, основанной на едином командовании Вооружёнными Силами, централизованном управлении ядерными и стратегическими средствами. При этом, отметил Б.Н. Ельцин, некоторые оборонные функции мы собираемся делегировать руководителям суверенных государств, их министерствам обороны и воинским формированиям.

Следующее высказывание Б. Ельцина показало: вопрос о Вооружённых Силах глубоко не проработан. «Россия не намерена создавать свою армию, своё министерство обороны, если её к этому не вынудят». Президент подтвердил своё решение через российский бюджет обеспечить денежное содержание офицерскому составу. Нарисовал он и радужную картину строительства жилья для военных, призвав к стабильности и спокойствию.

Б.Н. Ельцин выступал около часа и ещё 30 минут отвечал на вопросы офицеров и генералов. Все симпатии были на его стороне. Под занавес Б. Ельцин нокаутировал М. Горбачёва, дескать, во время встречи Михаил Сергеевич с президентом США в Мадриде все расходы советской делегации оплатили американцы. Дескать, вот! Он уже ходит по миру. Клянчит...

Все мы знали, Б. Ельцин давно заигрывал с военными, обычно к себе на совещание он приглашал командующих войсками. Ещё раньше, в самом начале 1991 года его советник Ю.В. Скоков навещался в Министерство обороны с предложениями создать структуры из армейских частей и подразделений для охраны железных дорог и грузов. Это по

всей видимости был зондаж, как отнесётся Министерство обороны к суверенизации России.

Но М. Горбачёв, как обычно, на эти ходки в Министерство обороны не обратил внимание. Может быть, М. Горбачёв уловил новые веяния из Вашингтона и собирался уйти в оппозицию, нам это было не понятно в то время, да и сейчас, по прошествии стольких лет. Наверное, иного пути остаться в номенклатуре у него не было.

Положительно, по всей видимости, оценили в Белом Доме и заявления лидеров трёх республик, принятое в Беловежской Пуще. Распад великого государства – была давнишняя мечта вашингтонской администрации. Американцы поэтому и дали понять М. Горбачёву, что, если он будет «любой ценой» добиваться сохранения Союза, это может для него плачевно закончиться.

Как мы все увидим, что уже с 27 декабря 1991 года рано утром хозяином кабинета в Кремле стал Б.Н. Ельцин.

Ещё учась в академии Генерального Штаба, мы слушатели не раз обсуждая внутреннюю политику в стране, задавали себе при обсуждении вопросы: неужели руководству министерства обороны, президенту, не было не известно, что эмиссары западных разведок, которые очень часто выходили на прямые контакты с руководителями «демократических» неформальных объединений. А через два года, как мы увидим эти сотрудники разведывательных органов Запада уже будут официально состоять на службе в высших эшелонах власти прибалтийских республик в качестве советников и прочих «деловых людей».

В это время западные политологи называли М. Горбачёва Бисмарком. Бисмарк, как мы знаем, остался в истории как «железный канцлер». Важнейшей своей задачей он считал консолидацию нации, без которой бессмысленно задумываться над проведением каких-либо экономических реформ.

«Перестройка», «новое мышление», «плюрализм», «вседозволенность и национализм» использовались Западом с одной лишь целью: убрать с мировой арены СССР. У них это получилось... Наступали новые времена!

Прошло время, страна, в которой проводилось собеседование со мной на должность Командующего армией в Киев-

ский военный округ, уже прекратила своё сосуществование. Как и у многих в нашей стране надежды рухнули, и я тоже перестал ждать, и надеяться, и готов был ко всему.

Но в начале января 1992-го мне позвонили из Главного управления кадров Министерства обороны, преобразованного на тот момент из СССР уже в СНГ, и задали вопрос:

-«Где Вы готовы продолжать службу? Командующим 4-ой Армией в Закавказье (дислоцирующейся в Азербайджане), или в 14-ую армию в Одесский военный округ?»

Ответ был закономерным: «Куда прикажут, туда и пойду».

Уважаемый читатель, таковы были мои вёрсты жизни от рядового до Командующего армией. Они были разные, но они были связаны с многонациональным народом моей страны Союза Советских Социалистических Республик, все мы были представителями этого народа, который мы клялись защищать: мужественно и умело, готовые за него отдать самое дорогое – свою жизнь!

Я же еду, продолжать свои вёрсты жизни, на основании полученного приказа, уже в должности Командующего 14-ой Армии, но, к великому сожалению, в другое ставшем недавно государство. Еду пока один, впервые без моей любимой Серафимы Николаевны, она оставалась с нашей дочерью, которая пока ещё служила в одной из частей 5 гвардейской танковой армии, входившей уже в состав других Вооружённых Сил, другой вышедшей из состава СССР страны.

В армии России, в скором времени будет уже другая присяга и другие требования по ней. Я же, принимал присягу в СССР один раз в жизни и буду ей верен до конца. А какие они будут эти новые вёрсты в новой стране? И с чем я столкнусь в них? Я постараюсь их изложить Вам читатель, в следующих главах или очерках, как получится!

PS. Несколько невысказанных мыслей. Итак, читатель – 8 декабря 1991 года руководители трёх союзных республик (РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР) подписали некие соглашения. В этих соглашениях первым делом был сделан акцент на прекращение сосуществования СССР как «субъекта международного права и геополитической реальности», а вторым делом было объявлено о создании

Содружества Независимых Государств (СНГ). И всё завертелось...

Многие потом назовут даже фамилия и имена предателей. Среди первых, кто приходит на ум, это Миша Пятнистый (М.Горбачев) и Бенья (Б.Ельцина). Я думаю, сложно было тогда оценить их, как организаторов кульминационных действий по развалу державы – СССР, они считаю являлись техническими исполнителями заготовленного для страны сценария. Для меня сегодня остаётся загадкой, почему один из них до сих пор находится под опекой и охраной государства. Всё это наводит на странные мысли о том, что запущенный процесс до сих пор не завершён, и нам уготовлены, возможно, еще, куда большие потрясения (не говоря уже о нравственных страданиях). Хотя, сейчас нам пытаются внушить о том, что сегодня страна противостоит Западу (на котором всё прогнило), а мы всех переигрываем. Мне кажется, что это смешно, но, наверное, для колоссальной массы людей это оказалось съедобной едой. Ровным счётом и то, на что повелись граждане страны в период заката СССР.

Что касается самих Беловежских Соглашений, то понятно, что они были подписаны в нарушение всего, чего только можно было. Несмотря на то, что в целом народ был против ликвидации СССР, в его истории была поставлена точка. На обломках Союза создали СНГ, к которому вначале присоединилось большинство бывших союзных республик. Союзные республики получили независимость, были открыты границы, и кровавая рука рынка начала агрессивно завладевать новыми потребителями.

Сейчас часто можно услышать о том, что страна поднялась с колен, она демонстрирует мощную экономику, а на Западе вот-вот всё рухнет. И многие действительно в это верят. Только реалии существенно отличаются от повестки федеральных каналов, а под пеленой отвлекающих манёвров продолжается выкачивание ресурсов страны.

И этот процесс, по-моему, будет продолжаться либо до полного истощения страны, либо до кардинальных перемен, когда у власти будут люди, болеющие за свою Родину, а не актёры сериала, режиссёры которого прописали довольно жёсткий для нас сценарий.

На всём протяжении истории нашего государства, редко когда главы государства обращались к народу страны и выполняли его пожелания. Начиная с князей, царей и так далее, до наших дней. Они принимали все решения лично, не спрашивая мнение народа, а хочет ли он этого? Не мешало бы это делать и в наши времена моих жизненных вёрст. Но этого не поняли или не хотели понять руководители нашей страны – СССР. Они боролись между собой за главный пост в стране, порой интригами и прочим, используя своё влияние и власть.

А чтобы скрыть от народа эту битву между собой, они проводили партийные собрания, партийные конференции, партийные съезды, Пленумы ЦК.

Да, в стране принимались планы пятилеток, принимая эти планы, народ стремился их выполнить и перевыполнить. Потому, что народ, ощущал успех, и жизнь становилась, в стране для каждого человека, с каждым годом лучше.

Но пришёл Миша меченый (М.Горбачев), возглавил государство, и полилась невинная кровь народа рекой. С его приходом наступили новые времена. Весь вопрос тогда у народа был, куда заведут эти перемены? И просуществовавшая 69 лет стана – великая держава СССР, рухнула! Таков итог этих перемен!

А ведь изначально, она была безграмотной страной, которая достигла немалого успеха, и ей было, чем гордиться. Она победила безграмотность, фашизм. Восстановила разрушенное хозяйство, восстановила, а кое-где построила заново города и сёла. Первая достигла космоса и т.д. Она освободила все страны от колониализма и дала свободу и независимость многим государствам. Так почему всё рухнуло в один миг? Где народ не досмотрел? Подумай читатель?! Может быть, ты и найдёшь ответ?!

Заканчивая последнюю главу этой книги, хотелось бы высказать благодарность своим бывшим курсантам училища (ГУКТУ) моей юности, сослуживцам однополчанам, с которыми мне посчастливилось пройти мои вёрсты жизни на всём их протяжении. Они помогли вспомнить и пройти их мне заново. Я называл их фамилии в конце каждой главы. Большое спасибо им за это.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
От автора.....	5
Глава I: Отдать солдатский долг Родине.....	14
Глава II: Сбывшаяся мечта. Освоение азов военной науки.....	61
Глава III: Начало службы офицером.....	141
Глава IV: Продолжение освоения военной науки в академии Бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Малиновского Р.Я.	193
Глава V: в Крае Величественном Суровом – КДВО	221
Глава VI: Слушатель Академия Генерального Штаба имени К. Ворошилова.....	379
Глава VII: в Краснознамённом Белорусском военном округе.....	405

Ю.М. Неткачев

«Судьба»

Подписано в печать 18.07.2023 г. Формат 69×90/16.

Усл. печ. л. 23,1. Тираж – 500.

Отпечатано в типографии «Одиссей»:

353907, Краснодарский край, г. Новороссийск, ул. Козлова, 47.

Тел.: 8 918 419-06-80.

